

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

Том 48, № 3

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ 2021. Том 48, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, заведующий кафедрой всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Оноприенко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлагич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и классических языков Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Харьков, Украина)

И.М. Пушкарёва, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

Х.Р. Туманс, доктор истории, ассоциированный профессор кафедры археологии и истории Латвийского национального университета (Рига, Латвия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: oponrienko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 25,2. Дата выхода 30.09.2021. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 501 Писаревский Н.П.**
Миф и география: география и история в античном мифе
- 521 Баранов Д.А.**
Рельефные изображения «столбовых могильников» архаической Ликии: проблема стилистического анализа и семантической интерпретации
- 536 Дементьева В.В.**
Дискуссия о датировке квестуры Л. Лициния Лукулла и надпись из Мопсуестии: проблема обозначения должностного статуса
- 546 Габарашвили Г.Д.**
Култ Антиноя в период правления Адриана
- 554 Ермолин А.Л.**
Еще раз о валах на Керченском п-ове и их датировках (к статье А.А. Супренкова «Предварительные результаты разведок на валах восточного Крыма в 2019 г.»)
- 579 Болгов Н.Н., Елисеева А.Ю.**
Сагаласс – «Первый город Писидии»: к истории регионального центра римской Малой Азии
- 597 Денисова И.В.**
В какой афинской школе обучались Св. Григорий Богослов и Св. Василий Великий?
- 614 Мыц В.Л.**
Правитель княжества Феодоро Исаак (1465–1475 гг.): штрихи к историческому портрету
- 627 Третьякова М.В.**
Марципаны Алонсо Санчеса Коэльо: к вопросу о десертах средиземноморской кухни XVI в.
- 634 Родович Ю.В.**
Германия – США: путь к «сбалансированному партнерству» (1945–2020 гг.)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 643 Папков А.И.**
Боевые действия на Белгородской черте во второй половине XVII века
- 653 Лупанова Е.М.**
Гужевая транспортировка судостроительной древесины в эпоху парусного флота в России
- 661 Аксянов А.С.**
Кустарные промыслы как звено развития капитализма в деревне середины XIX – начала XX века: на материалах Семеновского и Макарьевского уездов Нижегородской губернии
- 670 Логина Д.В.**
Профессиональный облик извозчиков в России в XIX – начале XX в.
- 681 Шимукович С.Ф.**
Белорусская газета «Наша Нива» об основании университета в западных губерниях в начале XX века
- 694 Трофимов Р.В.**
Создание и концептуальные основы журнала «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.)
- 706 Стрельников М.А.**
Обобщенные банки данных (на примере ОБД «Память народа») как исторический источник о деятельности особых отделов НКВД в период Сталинградской битвы

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 714 Кошкин А.П., Нечаев Д.Н.**
Императив промышленного развития Российской Федерации: фактор индустриальных парков в государственной политике реиндустриализации и новой индустриализации в областях ЦФО
- 724 Чугунова А.А.**
Политическая субъектность туристических блогеров и онлайн-сообществ

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2021. Volume 48, No. 3

Until 2020, the magazine was published with the name «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (PIHL). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelGU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief of the Series

O.N. Poluhin, rector, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Onoprienko, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

E.A. Molev, doctor of historical sciences, professor (Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian National University, Riga, Latvia)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 25,2. Date of publishing: 30.09.2021. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 501 Pisarevskiy N.P.**
Myth and geography: geography and history in Ancient myth
- 521 Baranov D.A.**
Relief images of the archaic Lycian «pillar tombs»: the problem of stylistic analysis and semantic interpretation
- 536 Dementyeva V.V.**
The controversy over the date of L. Licinius Lucullus' quaestorship and the inscription from Mopsuestia: the terminology for describing public offices
- 546 Gabarashvili G.D.**
The cult of Antinous during the reign of Hadrian
- 554 Iermolin A.L.**
Concerning the ramparts on the Kerch peninsula and their dating (comments to the article by A.A. Suprenkov «Preliminary results of exploration on the ramparts of the eastern Crimea in 2019»)
- 579 Bolgov N.N., Eliseeva A.Yu.**
Sagalassos – «The first city of Pisidia»: to the history of the regional center of Roman Asia minor
- 597 Denisova I.V.**
In what school in Athens did Gregory the Theologian and St. Basil the Great study?
- 614 Mytz V.L.**
Ruler of Theodoro principality Isaac (1465–1475): few details to complete the historical picture
- 627 Tretyakova M.V.**
Alonso Sanchez Coelho's marzipans: on the question of desserts of the Mediterranean cuisine of the sixteenth century
- 634 Rodovich Yu.V.**
Germany – USA: the path to a «balanced partnership» (1945–2020)

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 643 Papkov A.I.**
Hostility on the Belgorod fortification line in the second half of the 17th century
- 653 Lupanova Ye.M.**
Horse-drawn transportation of the ship-building wood during the period of sailing navy in Russia
- 661 Aksyanov A.S.**
Artisan production as a component of development of capitalism in rural areas in mid-19th – early-20th century, according to records of Semenov uyezd (district) and Makary uyezd (district) of Nizhny Novgorod gubernia (province)
- 670 Loginova D.V.**
Professional appearance of cabbies in Russia in the nineteenth – the beginning of twentieth century
- 681 Shymukovich S.F.**
Belarusian newspaper «Nasha Niva» about the foundation of the university in the Western provinces at the beginning of the 20th century
- 694 Trofimov R.V.**
Creation and conceptual foundations of the magazine «The Ukrainian life» (1912–1917)
- 706 Strelnikov M.A.**
United open access data bank (by the way of example of united open access data bank «Memory of the People») as a historical source on the activities of the Special Departments of the NKVD during the Battle of Stalingrad

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 714 Koshkin A.P., Nechaev D.N.**
The imperative of industrial development of the Russian Federation: the factor of industrial parks in the state policy of reindustrialization and new industrialization in the regions of the Central Federal District
- 724 Chugunova A.A.**
The political subjectivity of travel bloggers and online communities

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94 (398.9); 94(38)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-501-520

Миф и география: география и история в античном мифе

Писаревский Н.П.

Воронежский государственный университет,
394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Аннотация. Проблема соотношения мифа с географией вообще и исторической географией в частности принадлежит к числу самых актуальных проблем науки, особенно в последнее время. Наполнена ли отображённая в мифах история действительными или мнимыми реалиями, насколько подвержены деформации, отложившиеся в мифах пространственно-временные представления и насколько реальны маршруты странствий, отображающих этот процесс, греческих богов и героев (Диониса, Геракла, Кадма, Ио, аргонавтов и др.). Переосмысление важнейших методологических и конкретно-научных подходов к изучению мифа с учётом социальной психологии и социологии знания, результатов исследования мировоззренческих концептов отдельных этносов вообще и древних греков в частности, места и значения географических представлений в мифопоэтическом сознании не оставляют сомнений в правомерности распространения и наложения отложившихся в мифах свидетельств о контактах греческих богов и героев с негреческими племенами на процесс формирования в общественном сознании древних греков представлений о собственной идентичности. Отображённые в закодированном виде, они передавали изложение прошлой истории через носящие характер архетипа полузабытые конкретные историко-географические реалии. Они сохранялись и поддерживались, наполнялись новыми реалиями по мере расширения кругозора населения полисов, оставаясь составной частью и располагаясь либо в центре, либо на периферии содержания соответствующих религиозных обрядов и ритуалов.

Ключевые слова: Миф, эпос, Дельфы, этноцентризм, мифопоэтическое сознание, ландшафт, верификация, аисторичность, бессознательное, архетип.

Для цитирования: Писаревский Н.П. 2021. Миф и география: география и история в античном мифе. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 501–520. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-501-520.

Myth and geography: geography and history in Ancient myth

Nikolay P. Pisarevskiy

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., 394006, Voronezh, Russia,
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Abstract. The problem of the correlation of myth with geography in General, historical geography in particular, is one of the most pressing problems of science, especially in recent times. Whether the history depicted in myths is filled with real or imaginary realities, how much the spatial-temporal representations deposited in myths are subject to deformation and how real are the itineraries of the Greek gods and heroes (Dionysus, Hercules, Cadmus, IO, Argonauts, etc.) reflecting this process. Rethinking major

methodological, and concrete scientific approaches to the study of myth based on social psychology and the sociology of knowledge, the results of the study of the philosophical concepts of individual ethnic groups in General, and the ancient Greeks in particular, and geographical representations in the mythopoetic consciousness leave no doubt of the legality of the distribution and overlay deposited in the myths of the evidence about the contacts of Greek gods and heroes with a non-Greek tribes on the process of formation in public consciousness of the ancient Greeks ideas about their own identity. Displayed in coded form, they conveyed the narrative of past history through archetypal half-forgotten concrete historical and geographical realities. They were preserved and maintained, filled with new realities as the horizons of the population of the Polis expanded, remaining an integral part and being located either in the center or on the periphery of the maintenance of the relevant religious rites and rituals.

Keywords. Myth, epos, Delphi, ethnocentrism, mythological consciousness, the landscape, verification, historicity, unconscious, archetype.

For citation: Pisarevskiy N.P. 2021. Myth and geography: geography and history in Ancient myth. Via in tempore. History and political science, 48 (3): 501–520 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-501-520.

Введение

Исследования данных, отложившихся в мифах древних греков, в том числе и о путешествиях, совершённых их богами, героями и мифологическими персонажами, имеет давнюю историю и к настоящему времени представлено диаметрально противоположными трактовками [Buxton, 1994].

Предметом особого внимания со стороны учёных поначалу выступал сам миф как понятие, феномен и продукт истории. Были подвергнуты тщательному исследованию его происхождение, генетика, семантика и семиотика, а затем, с использованием междисциплинарного подхода и применения сетевых и ландшафтных подходов, оно распространилось на исследование достоверности закодированной в мифах исторической информации. На этом направлении поиска основной акцент был сделан на определении степени субъективной и объективной достоверности интерпретационных построений учёных, подвергавших трактовке мифы греков и других народов с точки зрения выявления в них исторических реалий [Элиаде, 1994, с. 262; Элиаде, 1994а; Элиаде, 1998; Heehs, 1994, p. 1–19]. В его развитие было положено исследование аспектов, имеющих отношение к сравнительно-исторической мифологии: выявлению сходств в тематике повествований, мифологической картине мира, персонажах и установлению истоков их происхождения, степени родства и близости [Witzel, 2012]. Указанный интерес проявился и в изучении индоевропейского наследия, ближневосточных влияний, хеттских и индийских параллелей в мифологии древних греков вообще и в их отдельных мифах в частности [Finkelberg, 2005].

Наконец, в самое последнее время в центре внимания специалистов была поставлена проблема соотношения мифа с географией вообще, исторической географией в частности, основной акцент в изучении которой сфокусирован на степени наполнения мифологических историй действительными или мнимыми реалиями, в особенности в той информации, которая присутствует в них относительно маршрутов передвижения их важнейших персонажей (Диониса, Геракла, Кадма, аргонавтов и др.) [Древнейшие государства, 2005; Claval, 2001, p.138–151; Gottesman, 2013; Patterson, 2013; Berk, 2016, p. 67–73; Smith, 2019].

Результаты и их обсуждение

С самого начала наука столкнулась с разноаспектностью и множеством уровней в изучении данной проблемы, локус которой охватывал как общие и специальные вопросы самых разных научных дисциплин [Pretzler, 2007; Sanchez Hernandez, 2016, p. 955–977]. Социальная психология и социология знания, отображение в общественном и индивиду-

альном сознании объективной действительности на разных этапах исторического развития разнотипных обществ, роль мифологии и религии в складывании основных мировоззренческих концептов представителей конкретных этносов – далеко не полный перечень затронутых специалистами вопросов в рамках междисциплинарного подхода в изучении данной проблемы.

В указанном контексте нарастало количество исследований, предметом которых выступала конкретная проблематика. Они ставили и решали задачи вскрытия структуры мифопоэтического сознания и особенностей присущего ему мышления [Лебедева, 2016, с. 216–222]. Существенное внимание отводилось анализу механизмов фиксации мифом исторических реалий и степени их действительной или мнимой достоверности [Cole, 2004, p. 454]. Были поставлены и разрешены вопросы происхождения и генезиса мифологии в контексте закономерностей диалектики соотношения воображения, предметно-чувственного и ассоциативного (философского) восприятия окружающей действительности и истории на этапе историко-культурного и языкового генезиса социума [Vuxton, 2004, p. 15–17]. Не были оставлены без внимания и вопросы формирования культурной и языковой идентичности древних этносов, включая воздействие оседлости и подвижности ХКТ её носителей, в особенности на этапе миграции из очага происхождения на новую родину [Кулланда, 2014, с. 553–556]. Наконец, с использованием компьютерных технологий логистики и обработки огромного количества разнотипных фактов был достигнут определяющий единые истоки прогресс в осмыслении причин одинаковости мифологических персонажей, сюжетов и ситуаций у народов Старого и Нового Света [Thuillard et al., 2018, p. 420–421].

Одним словом, были исследованы и особенно в последнее время переосмыслены важнейшие, системного порядка, методологические и конкретно-научные проблемы мифа и мифологии древних народов. В их числе были затронуты и вопросы мифологической географии и статуса географии в мифе [Шестеркина, 2011]. Однако ответа на вопрос о действительности или мнимости, переотложенности и деформации первоначальной «истинной» информации мифов на последующем этапе развития, степени исторической достоверности, в частности, проистекающей из мифов о странствиях – подвигах богов и героев, в специальной литературе предложено не было ¹.

Сказанным, собственно, и определяется необходимость хотя бы частичного переосмысления этой последней (но по своей степени одной из важнейших) проблемы в целом хотя бы на одном примере – странствиях Аргосской жрицы Ио, возлюбленной Зевса, в контексте излагаемых в античной традиции версий.

Такая постановка задачи вполне соответствует состоянию опыта, накопленного наукой к настоящему времени. Современная историографическая ситуация создала условия для появления нового исследовательского поля, связанного с изучением природы и социально-политической сущности идеологии древних обществ, основу которых составляли мифология и религия, рассматриваемые учёными в качестве несущей конструкции исторической культуры общества [Немировский, 1986]. Его комплексное исследование

¹ Ситуация достаточно прозрачно просматривается в оценках крупнейших представителей современной историографии античности и лингвистики. Р. Бедросян обращает внимание на то, что среди специалистов нет единого мнения относительно смысла, значения или цели мифов. Являются ли они эквивалентом мечтаний или фантазий индивида в обществе? Или они – художественные произведения героического эпоса, предназначенные для чтения и наслаждения? Насколько мифы надёжны для исторической и/или экономической информации? Этот и множество других неразрешимых вопросов варьируются от мифа к мифу, включая сюда и тот, который просматривается за поэмами Гесиода – о невозможности определить происхождение конкретных мифов (см.: [Bedrosian, 2015]). А Ю.В. Андреев обращал внимание на широко распространённое в науке заблуждение, состоящее в том, что от географической точности один только шаг до точности исторической. См.: [Андреев, 1990, с. 155]. Особые отношения определены и исследователями древней географии. См.: [Митин, 2005, с. 24–25; Митин, 2006, с. 64–62; Loraux, 1993; Claval, 2001, p. 138–151; Montello, 2003, p. 316–331].

как целостного феномена (и исторической традиции) опирается в настоящее время на новый подход, в основу которого положен синтез социокультурной и интеллектуальной истории через анализ явлений интеллектуальной сферы в широком контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни древних обществ, включающих отображённое в мифологии мифопоэтическое и обыденное сознание [Вейнберг, 1986; Шифман, 1987; Строгоцкий, 2006б, с. 351–362; Суриков, 2011; Суриков, 2012].

Именно в таком ракурсе рассматриваются как ментальные стереотипы и исторические мифы, так и разновременные процессы трансформации обыденного исторического сознания в контексте выявления механизмов формирования, преобразования и передачи обращенной в будущее исторической памяти поколений, представляющих собой противоречивое единство привычных восприятий, представлений, суждений и мнений относительно событий и явлений отдалённого исторического прошлого, а также способов осмысления и объяснения из области прошлой истории того или иного древнего этноса [Wyatt, 2010; Morford, Lenardon, Sham, 2011; Shalaeva, 2015].

Поэтому с самого начала, как нам представляется, необходимо обратиться к определению того, что представляют собой, с одной стороны, миф как носитель общественной памяти вообще и исторической памяти в частности, а с другой – каким определением с этой точки зрения необходимо наделить понятие «мифология».

Как уже отмечалось выше, существующие определения данного предмета не принимали во внимание саму этимологию греческого слова «миф», равно как и связанного с ним понятия, и, кроме того, не задерживали внимания на уровнях эволюции памяти вообще (кратковременная-долговременная) и связанных как с её состоянием на конкретном этапе развития и присущих ему формах отражения окружающей действительности вообще исторических реалий, так и их трансформации в пространстве и во времени с учётом подвижности и оседлости социумов её носителей в частности².

В специальной литературе к настоящему времени даны диаметрально противоположные определения сущности понятия миф. С точки зрения М. Элиаде, он был определённого рода реальной историей предков-прародителей во время оно, которая приобрела сакральную форму и являлась моделью её понимания, постигаемой через ритуал приобщения к ней посредством совершения религиозных обрядов [Элиаде, 1994, с. 11–16; Элиаде, 1998]. А вот по мнению К. Кереньи, миф представлял собой давнюю историю, «некогда пережитую предками и дошедшую до потомков», в которой «прошлое является одним из его аспектов» [Кереньи, 2000, с. 271]. При этом учёный обращал внимание на особенное качество историзма мифа. «Подлинный миф, – писал он, – неразрывно связан с культом. Его... прошлое имеет смысл настоящего. Лишь это двоякое единство... позволяет мифу исполнять своё подлинное предназначение». И особенно подчёркивал: «Культовая – его актуальная форма, воссоздание архетипического события, произошедшего в прошлом» [Кереньи, 2000, с. 271]. Что касается советской и российской историографии античности, то А.Ф. Лосев высказывался о мифе как о «действительном вымысле», но вымысле, который имел своей основой исторический тип мировоззрения [Лосев 1996, с. 13–14]. С учётом этого, как полагал учёный, миф – не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность. «Это, – говорил он, – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола» [Лосев, 2001]. В этом смысле миф содержит в себе строжайшую и определенной структуры и есть логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вооб-

² К этому можно добавить и познавательные возможности исследований в области виртуальной реальности в интерпретации результатов, извлекаемых из компьютерных технологий, которые обращают внимание на проблемы жизни мифа, его соотношения как нарратива с мышлением и повествованием в литературном нарративе с точки зрения точности передачи информации об историко-социальной действительности, а также соотношения проецируемой картины мира в мифе с реалиями исторического развития древнегреческого общества. См.: [Максименко и др., 2005, с. 6; Доманина, Хазина, 2017, с. 206].

ще...» [Лосев, 2001]. Конечная оценка А.Ф. Лосевым диалектики мифа была лаконичной: «миф есть в словах данная чудесная личностная история» [Лосев, 2001].

Высказывались по данному вопросу и известные отечественные лингвисты XX в. В.В. Иванов и В.Н. Топоров. Оба они, проявляя осторожность в формулировке определения мифа, полагали возможным идентифицировать его в контексте понимания мифа как носителя специфической информации [Топоров, 1995; Иванов, 2009]. В.Н. Топоров, например, писал о том, что основной проблемой её вскрытия является разделение «мифологического, символического, архетипического как высшего класса универсальных модусов бытия в знаке [Топоров, 1995, с. 4]. Отношение художественно-литературных текстов к этим модусам он рассматривал как двойственное. С одной стороны, они выступают в «пассивной» функции источников, по которым можно судить о присутствии в них этих модусов. С другой – те же самые тексты, по его мнению, способны выступать и в «активной» функции. В этом случае они сами формируют и «разыгрывают» мифологическое и символическое, открывая архетипическому путь из тёмных глубин подсознания к свету сознания. В.Н. Топоров был убеждён, что та же самая закономерность определяет и ситуацию с пространством: оно выполняет функцию рамки, внутри которой эти модусы существуют («обнаруживаются», по выражению учёного), и одновременно оно – источник этих модусов, потому что оно старше их; более того, источник, поскольку в нём, как в родимом лоне, складывались «первомодусы». В нём же они приобретали свои первые особенности. Более того, с приобретением самодостаточности после своего отрыва эти модусы продолжают сохранять с пространством свои связи, поскольку пространство задает условия реализации и актуализации этих начал [Топоров, 1995, с. 4]. Ещё более тщательно природу и сущность мифа охарактеризовал крупный отечественный историк античности А.И. Немировский. «Миф, – писал он, – одна из форм истории» [Немировский, 2000, с. 389]. По мысли учёного, имеющей прямое отношение к теме данного исследования, миф как донаучное объяснение истории соответствовал времени, когда возможность человека понять природу и историю были ограничены. «С его помощью, – подчёркивал учёный, – мы поймём, что миф сориентирован не только по странам света, а теснейшим образом привязан к местности, острову, городу, и без этой привязки он теряет почву...» [Немировский, 2000, с. 6].

Эта мысль, высказанная выдающимся отечественным историком античности, предопределила современное состояние разработки проблемы в отечественной и зарубежной историографии античности.

Не менее показательна и историография исследований в данной области. Её изучение показывает, что существующие определения, которые присутствуют в трудах учёных, занимавшихся поиском определения мифа, включают в себя несколько оппозиций: правда – ложь, действительность – иллюзия, священное – профаническое (мирское), реальное – фантастическое, историческое – неисторическое, символ – знак, архетип – стереотип, логическое – дологическое, интеллектуальное – эмоциональное, традиционное – модернизаторское [Kirk, 1970, p. 13–15; Honko, 1970, S. 38; Honko, 1972, p. 7–19; Thompson, 1977, p. 7, 10; Strenski, 1987, p. 1; Doty, 2000, p. 66; Chandler, 2002, p. 271–272].

Наиболее общие определения мифа обращают внимание на его описательный характер, информирующий, что миф есть сакральная история, а именно священный рассказ о событиях первобытного прошлого (т. е. начальных времён) [Элиаде, 1994, с. 16]. Более того, декларируется, что миф – не есть правда с точки зрения его современного понимания, но в контексте вторичной значимости его «неправда» фактически выступает в качестве правды совершенно в другом смысле [Разинов, 2011, с. 61; Detienne, Vernant, 1978, p. 93; Nachman, 2002; Baldursson, 2015; Clark, 2017]. Считается, что миф не отличается существенным образом от других литературных жанров, а его этиологическую природу определяют его основные и сущностные характеристики. Поэтому время и события, которые имеют в нём место, задействованные в нём персонажи (сверхъестественные существа, или выступающие в их облике боги или герои) вполне могут совмещаться с человеческим и кос-

мическим измерением мифологических событий и их результатов. По этой причине, как полагал в своё время Дж. С. Кирк, миф не может иметь одно измерение. В различных культурах, обществах и полушариях мира мифы, по его мнению, существенным образом различаются в своей морфологии и социальных функциях [Kirk, 1977, p. 8–9].

В результате в специальной литературе к настоящему времени сложилось представление, что однозначного определения мифа нет и не может быть. В этнологии, фольклористике и теории литературы дефиниция мифа выражается словом «миф» или понятием «рассказ» [Woodard, 2007, p. 1–10]. Второе значение понятия «миф» связывается учёными с архаическим мировоззрением [Шестёркина, 2019; Assmann, 2008, p. 49–72]. Третье определение исходит из понимания важности ритуальной стороны мифа, что проявляется в мифологии, выраженной в ритуалах, фигуративном и символическом искусстве, в способах и формах организации пространства [Finley, 1965, p. 281–302]. С этой точки зрения (и в этом смысле) мифология, по мнению сторонников данного взгляда, есть путь воображения о мире, который является основным и действительным в традиционных и раннеисторических культурах вплоть до времени Позднего Средневековья [Eliade, 1963, p. 108]. Наконец, по существу миф может быть назван как универсальная форма *consciousness*. С точки зрения данной перспективы, мифологическое мышление, как полагал Р. Барт (теоретик литературы, философ и семиолог), господствует и доминирует не только у носителей доисторических культур, но и в человеческой культуре настоящего времени. Он представлен в механизмах ассоциации предметов и явлений истории и культуры с общественно значимыми понятиями и символами, отображающими коллективную уверенность в правдоподобии событийного ряда мифологических сюжетов в контексте деятельности человека, которая копирует их наподобие «фотографии» [Friedman, 1992, p. 198–210; Heehs, 1994, p. 1–19; Kalame, 2003; Myth and history..., 2009, p. 1–19; Rønning, 2009, p. 143].

Была затронута в историографии и тема соотношения мифа с религией. По мнению весьма значительной части специалистов, не вызывающая сомнений связь мифа с ритуалом не должна подвергаться абсолютизации. В. Приенн-Дефорж полагает, что «миф» и «религия» не являются концепциями родными для греческого языка и не могут использоваться в качестве рамочных конструкций мышления [Pirenne-Delforge, 2009, p. 38–39, 43–47]. Однако представление этих категорий как «идеальных типов» отнюдь не требует обязательного понимания мифа, с одной стороны, в значениях, свойственных понятиям *logoi* или *mythoi* в древнегреческом языке, а с другой – необходимо иметь в виду, что «религия» в своём определении располагает иными по сравнению с мифом значениями: *tà hierá* (священные вещи), *tà theîa* (то, что принадлежит богам), *tà nómina* (то, что приписано и имеет отношение к традиции) [Graf, 1993, p. 37]. Относительно соотношения правды и вымысла исследователь придерживался оценки, согласно которой «мифические» нарративы образуют группу повествований, в которых правда и вымысел могут иметь место до тех пор, пока правдивость изложения будет находиться в стороне от его целесообразности [Graf, 1993, p. 43].

Проводились исследования и в области сравнительно-исторического изучения как гносеологии разнотипных греческих мифов с точки зрения их хронологической эволюции, так и с точки зрения анализа отдельных мифологических историй, зафиксированных античными авторами для различных регионов Греции. На этом направлении Дж. Оливер вывел, в частности, примечательное наблюдение о неравнозначности и различной степени достоверности информации мифов, приводимых в труде Павсания. По его мнению, мифы Аттики в указанном отношении обладают большей достоверностью, чем из других областей [Воронцов, 2012, с. 91–95].

Все перечисленные определения верны, но верны только отчасти: они представляют трактовки мифа как развивающегося в пространстве и во времени, изменяющего свои формы, ориентацию и акценты, господствующие в архетипическом представлении окружающей действительности в статичном его положении.

Миф – это рассказ, но рассказ особенный. Во-первых, он связан с первобытными – на стадии перехода от первобытности к цивилизации – представлениями и соответствует всей совокупности присущих ему свойств, качеств, способности и ограниченности возможностей в объяснении окружающей действительности на основе трудовой деятельности человека, общества и накопленного ими социального опыта. Во-вторых, миф повествует о прошлом, выражая господствующую и устоявшуюся в общественном сознании трактовку того или иного явления природы или общественного события на уровне, соответствующем данному этапу и форме мышления, способам обобщения знаний о прошлом на фоне и основе действительного настоящего.

Представляя собой продукт устного народного творчества, миф подвержен воздействию множества факторов как со стороны законов мышления и тенденций, определяющих состояние общественного сознания в указанное время, так и испытывает на себе их воздействие, инициирующее трансформацию своего содержания, в том числе и наслаивающихся на него мотивов, связанных с воображением рассказчика мифа и воспринимающей его повествование аудитории.

С учётом перечисленных качеств и свойств, миф в обществе древних греков – это рассказ о прошлом на основе их мировоззренческого архетипа. В нём соединились действительное и сказочное, объективная реальность и её осмысление, включая домысливания, сопровождаемые ограниченностью, обусловленной историческими условиями данного конкретного периода, познавательных средств и возможностей, свойственных как обществу, так и индивидуальному сознанию.

Констатация данного определения позволяет обнаружить, что именно такое понимание мифа, во всяком случае, было свойственно эпохе греческой классики. В эпоху расцвета Афинской демократии в языке древних греков миф, как свидетельствуют этимологические словари, трактовался в нескольких, родственных и дополняющих друг друга, а следовательно, расширяющих и наше его понимание определениях.

С этой точки зрения, имея в виду проблему историчности информации, отложившейся в мифах греков, необходимо исходить из констатации несомненных и присущих мифу древних греков вообще мифам о социальной и этногенетической их истории в частности, черт, носивших подобие кристаллизованной и устоявшейся в общественном сознании исторической информации как концепта. В пользу этого бесспорно свидетельствуют содержащиеся в них исторические измерения, конкретные имена эпонимов, героев, социальной и политической практики, названий учреждений, наконец, конкретные факты, указывающие на соседей древних греков на разных этапах их древнейшей истории и взаимоотношения с ними, наконец, конкретные факты. Из этого можно сделать вывод, что самые ранние рассуждения греков о своем прошлом как раз и были выражены в их мифологических и генеалогических историях.

С учётом данного обстоятельства можно определиться и с трактовкой сущности взаимоотношений мифа с историей и степенью как отражённости её в мифе, так и её достоверности. Миф – это не просто рассказ или легенда, созданные из размытых временем воспоминаний прошлого. И конечно же миф – это не прикладная сказка в трактовке В. Буркерта или традиционная сказочная история по Ф. Бреммеру. Миф – продукт коллективного знания, усвоенного в общественном сознании и выраженного в субъективных оценках традиционного повествования о событиях прошлого, – повествования с акцентами, господствующими по этому вопросу в представлениях данного конкретного социума. Это располагающая подлинной исторической основой, специфическая и развивающаяся система мировоззрения, структуру которого образует трудовой и социальный опыт общества и человека в конкретных исторических условиях своего становления и развития, связанное с ним знание и основанные на них формы и способы объяснения прошлого. Именно в этом смысле историческая информация в мифе носит действительный, хотя и двойственный характер, зёрна достоверности которой в процессе исторического развития об-

щества – его носителя – перекрываются наслоениями последующих господствующих идеологий.

Вместе с тем следует иметь в виду, что она сама создавалась в совершенно конкретном историческом контексте, во-первых, и отражала разнообразные контакты между народами эпохи древности на различных уровнях, во-вторых. При этом не следует сбрасывать со счетов и ещё как минимум два обстоятельства. Первое из них связано с законами трансформации бессознательного в сознательное. Со времени Гомера и Гераклита Эфесского античная наука открыла закономерность, согласно которой коллективный потенциал бессознательного определяется как открытостью индивидуальной психики к социализации, так и лингвистической переводимостью бессознательных энергий в сознательный дискурс. В этом смысле коллективное географическое бессознательное во времени и пространстве может трансформироваться под воздействием идей, зрения и самого типа пространственного восприятия. Оно также открыто (и может видоизменяться) в оценках действительности или вымышленности, историчности или аисторичности, реальности и мнимости географических объектов, воспринимаемых как непосредственным, так и опосредованным образом. Структурированность бессознательного, наличие в нём нескольких информационных уровней, граница между сознательным и бессознательным, которая всегда допускает их взаимопроникновение, – всё это выступает в форме, отражающей различные аспекты коллективного опыта и знаний в кодируемой мышлением информации [Лукаки, 2018, с. 476–484; Loukaki, 2016, p. 9, 27, 44].

Это последнее деформировало, если не искажало историческое ядро мифов, оставляя без существенных изменений их ориентацию и содержание. Поэтому в ответе на вопрос: «Искажает ли миф историческую действительность?» следует исходить из учёта диалектики составляющих его единый комплекс объективного и субъективного аспектов. Как справедливо заметил один из зарубежных исследователей проблемы, мы не узнаем много о мифических ссылок на прошлое, если будем судить о них по критериям, подходящим для оценки рациональных суждений о мире [Egan, 2007, p. 62]. Вместе с тем мифы вообще, отображающие географию в частности, не являются попытками предоставить лингвистическую копию прошлого, хотя, с другой стороны, как теперь становится понятным, они действительно воплощают в известном смысле некоторую информацию о прошлом и её понимание пользователями этого прошлого [Egan, 2007, p. 64]. Формой и продуктом такого понимания выступает архетип, историзм которого диаметрально противоположен самому принципу историзма в его современной трактовке. Историзм архетипического носит ритуальный характер: он воссоздаёт представление о чём-либо в образах и сюжетах, действиях первоначальной, «исконной» истории, повторение которой в настоящем способствует консолидации коллектива и сохранения общественной памяти через участие и приобщение к нему членов того или другого социума – участника данного ритуала или обряда. Так, например, К. Эган считает, что такому пониманию способствуют данные из списков побеждённых противников египетских фараонов разных периодов истории. Идентичные друг другу по языку и содержащие имена поверженных царей далёкого прошлого в напоминающих эпические формулы гомеровских поэм надписях, являются не столько историей, сколько подтверждением соответствия первоначального положения дел во времена оно с нынешним, по причине чего оно будет существовать вечно. Иными словами, как полагает учёный, основной импульс состоит в отрицании истории, а не в её письменной фиксации [Egan, 2007, p. 67].

Но даже в таком своём выражении миф сохраняет в пригодной для использования форме хотя и трансмутированную, но необходимую и конкретную память о реальных событиях. Последнее находит подтверждение в этнографии: Р. Малиновским сформулирован закон, согласно которому непосредственная история, полуисторические легенды и несмешанный миф перетекают друг в друга, образуют непрерывную последовательность и

выполняют в действительности одну и ту же социологическую функцию сохранения памяти и объяснения одновременно [Malinowski, 1954, p. 126].

К этому следует добавить функцию мифа в его устном и письменном изложении с учётом стоящих перед рассказчиком или автором эпических поэм задач. Речь идет не о сознательных искажениях, а о системе психологического восприятия людьми того, что они наблюдают. Реальность преломляется их сознанием и господствующими ментальными стереотипами, искажённый, односторонний или расплывчатый образ которой запечатлевается в памяти как истинный рассказ о происшествии. И все же с учётом знания исследователем ситуативного контекста, особенностей коллективной психологии и механизма переработки первичной информации в сознании свидетеля это не может быть непреодолимым препятствием ни для вскрытия в конкретном мифе исторической действительности, ни для привлечения этой информации для интерпретационных построений историка [van Wijngaarden, 20121, p. 1–6].

С учётом данного обстоятельства миф, выступая отображением основополагающих событий прошлого, адаптировался в своей содержательной части к запросам своей аудитории слушателей. И в этом смысле как инструмент сочетал в себе акценты на коллективном опыте (например, участие ахейских племён в Троянской войне) с интересом к деятельности отдельных персонажей, повествование о которой (и которых) соответствовало как законам жанра, так и творческому потенциалу поэта-рассказчика [Calame, 2009, p. 5–9].

Изложенное понимание мифа представляется возможным распространить и на рассмотрение отложившихся в нём историко-географических реалий. А это возможно осуществить с учётом отношения к греческому мифу в устном изложении догомеровских аэдов, в эпической поэзии, литературе и древнегреческой историографии, а также принимая во внимание позицию, занимаемую по отношению к мифу обществом Древней Греции. Особенно важно учитывать состояние представлений о физической географии и ландшафте различных областей древнегреческой ойкумены в их историческом развитии, этапы которого отображены как в записях основных мифологических циклов, так и в трактовке реалий, связанных с их географическими контекстами в античной традиции эпохи классики и эллинистического периода истории.

Включённость географии в контекст мифа носит характер амальгамы, хаотичность которой тем не менее демонстрирует трёхчастность его конструкции (сакральный, антропологический и образный) [Cole, 2004, p. 4], понимание структуры которой должно использоваться в качестве инструмента понимания в мифе историко-географической информации [Claval, 2001, p. 37–38]. При этом дешифровка отложившихся на всех уровнях смыслов становится эффективной в контексте законов мышления с анализом самых различных аспектов: системного, технического, психологического, познавательного, пространственно-временного и этнокультурного [Талапина, 2014, с. 88–93].

К настоящему времени степень их исследованности в науке неодинакова. Тем не менее имеющиеся публикации позволяют составить перечень информативности мифа с точки зрения географии. В суммарном плане результаты наблюдений можно представить следующим образом.

I. С точки зрения психологии. Основные результаты:

1. Образ географического пункта в ландшафте памяти носит технический характер.
2. По своему происхождению и степени фиксации образ конкретной территории относится к мнемоническому и вербальному типу.
3. Эпическая географическая традиция – один из видов проявления и конкретный уровень памяти вообще.
4. Эпический ландшафт визуализирует конкретный наблюдаемый ландшафт [Замятнин, 2010, с. 26–50].

II. С точки зрения фиксации пространственно-временных характеристик эпической поэзией.

1. Эпический миф связан с ландшафтом.
2. В эпосе ландшафт представлен историко-географическими реалиями с эпическими чертами.
3. Эпическая поэзия представляет собой вид археологической (с географическими вкраплениями) летописи.

III. С точки зрения номинации и способов верификации.

1. Рождение антропоморфного ландшафта в результате рождения образа географически освоенной территории.
2. Рождение антропоморфного ландшафта как представления о нём как центре деятельности людей [Митин, 2019].

IV. С культурной точки зрения.

1. Бинарность обитаемого центра и дикой периферии.
2. Бинарность эллинов и варваров (или разновидность восприятия «мы» – «они»).
3. Географическое пространство как база и индикатор различных типов идентичности (племенной, полисный, региональный и этнический).
4. С точки зрения истории культуры география носит символический характер, главный смысл которого выражен в определении географической местности как «площадке» деятельности людей [Митин, 2014, с. 147–149].

V. С этнокультурной точки зрения.

1. География этноса как один из показателей этничности.
2. Этничность географии культуры и даже просто этничность – изоморфная и непостоянная, развивающаяся система. Её уровни склонны к смешению и переплетению, метисизации.
3. Этнокультурное самоопределение этноса всегда (в том числе и в мифе) многослойно [Монаков, 2008, с. 72–91].

Основной результат осмысления структуры мифа приводит к пониманию его весьма солидной и конкретной информативности относительно отложившихся в нём данных. Однако, как справедливо отмечается в специальной литературе, при исследовании данного аспекта историко-географической информации в мифе следует учитывать современное состояние знаний по вопросам этногенеза древних греков, во-первых, и относительно их происхождения в контексте языка, антропологии и материальной культуры, во-вторых. Данная необходимость продиктована как потребностями исследования, так и результатами изучения этнокультурного окружения, внутренних и внешних связей «исконных эллинов», и, самое главное, тем, что определяло представления их самих относительно своей этнической идентичности [Обидина, 2016, с. 30–33; Айтов, 2019].

По этому последнему вопросу определённая информация содержится в античной традиции, которая даёт представление относительно трактовки древними греками своей самобытности. Самым чётким образом её характеристики, которые фактически выступают концептуальным определением понятия «этнос» вообще, изложены в труде Геродота (один язык, общие предки, единые боги, общность обычаев и одинаковость повседневной жизни) (Herod., V, 93). Другой своей отличительной чертой они определяли полис как общину/государство/город и «усвоение сути дела речами». Помимо полиса, «греческая самобытность» включала ещё несколько различных и конкурирующих между собой уровней идентичности регионального, коллективного и племенного порядка [Андреев, 1998, с. 54–100].

Это последнее включало географию в контекст формирования представлений о культурных, экономических, социальных, политических и географических отличиях, «инаковости» древних греков по сравнению со своими соседями [Синицын, 2015, с. 188–191]. Наиболее значимой из них является общепринятая в науке концепция этноцентризма

древних греков, противопоставлявших населённый ими культурно-иерархический центр с варварской периферией населённой ойкумены.

Близкий к ней подход в настоящее время применяют к изучению системных связей древних народов центра и периферии сторонники современной концепции «сетевой иерархии» связей в границах Средиземноморского ландшафта в эпоху древности [Malkin, 2011, p. 207; Morillo, 2013, p. 4, 62–65, 187; Network Analysis in Archaeology, 2013; Sheffi et al., 2013, p. XX–XXII; Knapett, 2016, p. 29–50]. Согласно их трактовкам, греки, населяющие средиземноморские побережья, считали, что занимают центральную зону населённой ойкумены, и эта центристская, этноцентрическая, граничащая с эгоизмом позиция выступала определяющим маркером их превосходства над другими народами [Cline, 2012, p. 26, 59–70]. Что касается варварских племён, населявших отдаленные регионы и континентальные области, то они считались ближней и дальней омываемой Океаном периферией. Она, как полагали составители мифов, либо пришла в упадок после того, как её земли были оставлены греческими богами или героями, либо пережила расцвет в связи с их странствиями и подвигами [Буданова, 2012, с. 10–46; Vlassolopoulos, 2013; Communities and Networks, 2015; Charlotte, 2016, p. 1–20; D’Ercole, 2017, p. 1–13].

Однако такая картина, надо думать, характеризовала общественное сознание Древней Греции в период после Великой греческой колонизации. Судя по данным первичных источников, в мировоззрении древних эллинов предшествующего периода географическая информация, имеющая отношение к вопросу об идентичности греков, носила иной характер. Её принципиальное отличие выражалось в том интересе, который проявлялся к пространственно-временным (территориальным и мифо-временным) реалиям прошлого.

Такое качество представлений, как показывают современные исследования, является вполне закономерным. Дело в том, что пространство является одним из самых фундаментальных, обсуждаемых и неоднозначных понятий географии. Это не просто понятие, а целая относительная ландшафтная концепция, которая приобретает смысл не только в связи с землёй или ландшафтом, но и в сочетании с относящимися к ним другими понятиями. Но и это ещё не всё. Пространство – культурный конструкт, который не является ни нейтральным, ни однородным или статичным. В качестве такового его определение не всегда претендует на точность. Культурная география, например, часто придает пространству символический смысл, подчеркивая его взаимодействие с социокультурными идеями и принципами.

Это означает, что, несмотря на представляемый в мифе конкретный географический ландшафт, он не может приобрести значимую форму конкретного факта до тех пор, пока ему не будет предоставлено место и идентичность в социальных и познавательных сферах человеческого опыта [Bakke, 2010, p. 21–42].

Такой подход особенно соответствует присутствию аналогичных трактовок пространства в построении древнегреческих этнокультурных идентичностей, поскольку расселение греческих племён охватывало самые различные естественно-географические зоны. Они, как отмечалось выше, отображали чувства общности и принадлежности, возникшие у групп греков в результате их общих этнических предков, культурных особенностей, общественного опыта, моральных ценностей и убеждений³. Иными словами, эти этнокультурные идентичности были самосознательными, субъективными трактовками своей собственной принадлежности.

Констатация данного факта должна принимать во внимание и другой аспект. Дело в том, что этничность не является естественным, постоянным биологическим или социальным состоянием. Все аспекты этнической идентичности являются podatlivymi к изменению, и определенное их сочетание, например, язык, происхождение и религия, при-

³ Современная наука исходит из того, что концепция панэллинизма соперничала с множествами региональных и полисных идентичностей, многие из которых возникли ещё в Микенской Греции.

водит в конечном итоге к тому, что и как идентифицирует сама конкретная группа, социум или этнос.

Собственно, такое качество было присуще и мышлению древних греков. Древнегреческое этнокультурное самоопределение было многослойным, ориентированным на ряд сосуществующих и конкурирующих идентичностей. Греки отождествляли себя одновременно с мириадами групп внутри общества, включая свою семью, род занятий, культ, класс, пол, полис, регион, племя и более широкую идентифицируемую культурную общность, известную античной традиции в качестве «панэллинов». В период, предшествующий складыванию такого представления, географический кругозор отражал этапы самоидентификации греками самих себя.

А это означает, что в эпоху «Дельфоцентрической» картины мира продолжали формироваться представления как о наиболее экспансивных географических пространствах, так и о расселении на них отдельных древнегреческих племён, мифические предки-эпонимы которых «охватывали» их своим вниманием. Из этого следует, что знания относительно своей ойкумены формировались у древних греков в процессе формирования их этнокультурной идентичности.

Вместе с тем знания такого порядка, как мы отмечали выше, не являлись статичными. В Античной Греции восприятие меридиональных и широтных связей, с одной стороны, вписывалось в ограниченность географического кругозора и представлений относительно населённой различными народами ойкумены, а с другой – оно оставалось весьма изменчивым и всегда основывалось на различных версиях как относительно геногенеза с точки зрения антропологии, так и локализации своей былой прародины, с территории которой греки пришли в места своего исторического проживания.

В связи с этим этноцентрическая дифференциация греков от варваров не имела, как показывают данные греческих мифов и античной традиции, антагонистического характера, поскольку они хорошо представляли свои взаимоотношения и даже родство с фракийцами, пео́нами-фригийцами, распространяли свой интерес на Колхиду и земли, которые впоследствии получают название «Скифии». Более того, они были убеждены в том, что в Греции они были пришельцами и поселенцами. Именно это, как показывает тождество семантики греч. *barbaroi* и санскритского *varvara*, и легло в основу их представлений как о своих соседях, так и о землях, на которых те проживали. Этот тезис позволяет понять ту специфическую культурную оболочку, в которой складывались и развивались географические представления древних греков. Их характерная особенность подчеркнута Скиннером: греческая этнография существовала с архаического периода, и она вовлекала различные негреческие народы в процесс формирования греческой этнокультурной идентичности [Лебедева, 2016, с. 217–218]. Подтверждение можно обнаружить в поэмах Гомера: в «Илиаде» и «Одиссее» границы между греческим и негреческим народами чрезвычайно размыты. Эпосы изображают греков как часть Восточно-Средиземноморского койне, во многом схожего по культуре с их военными противниками троянцами.

Выводы

Приводимые аргументы не оставляют сомнений в правомерности распространения отложившихся в мифах свидетельств о контактах греческих богов и героев с негреческими вне зависимости от того, близкими (родственными) или далёкими (и не родственными) племенами «круга земель» они выступали, на интерпретацию данных о походах Диониса и Геракла, странствиях Ио на Боспор Киммерийский, в Скифию и на Кавказ, разумеется, с приведением в согласование данных археологии, лингвистики и античной традиции [Зорин, 2005, с. 7–9, 48; Яйленко, 2013; Яйленко, 2016, с. 252–256].

В этом смысле необходимо отметить, что, как и большинство направлений гуманитарной географии, география мифа и древние географические представления имеют дело не с реальностью наблюдаемых объектов, отображённых в мифопоэтическом сознании различных народов эпохи древности вообще и древних греков в частности, а с реальностью и конкретикой обобщённых, транспонированных и устоявшихся о них представлений.

Список литературы

1. Айтов С.Ш. 2013. Цивилизационные и историко-антропологические аспекты «Греческого чуда». Антропологические измерения философских исследований. № 4: 25–32.
2. Андреев Ю.В. 1990. Поэзия мифа и проза истории. Л., Лениздат, 223.
3. Андреев Ю.В. 1998. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., Алетейя, 432.
4. Буданова В.П. 2012. Варвары и варварство в истории цивилизаций. Цивилизации и варварство. № 1: 10–46.
5. Вейнберг И.П. 1986. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., Наука, 208.
6. Воронцов В.А. 2012. Археология мифа и слова. Вестник КазГУКИ. № 1: 91–95.
7. Доманина С.А., Хазина С.В. 2017. История и миф, или Миф в истории: из опыта преподавания авторского курса «Сравнительная мифология». Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. № 2: 206–209.
8. Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. 2005. Отв. ред. тома Т.Н. Джаксон. М., Наука, 434.
9. Замятин Д. 2010. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук. Социологическое обозрение. Т. 9. № 3: 26–50.
10. Зорин И.В. 2005. Феноменология путешествий: в 8 частях. Часть II. М., Советский спорт, 224.
11. Иванов Вяч. Вс. 1987. Антропологические мифы. Мифы народов мира. Т. 1. М., Советская энциклопедия, 87–88.
12. Иванов Вяч. Вс. 2009. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том 5: Мифология и фольклор. М., Знак, 376.
13. Кереньи К. 2000. Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. М., Рефл-бук, 288.
14. Кулланда С.В. 2014. Переднеазиатский арийский. К проблеме генеалогической классификации. Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского). Материалы конференции, проходившей 23–25 июня 2014 г. Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 553–556.
15. Лебедева Ю.И. 2016. Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея». Ярославский педагогический вестник. № 4: 216–222.
16. Лосев А.Ф. 1996. Мифология греков и римлян. Античная мифология в её историческом развитии. М., Мысль, 975.
17. Лосев А.Ф. 1990. Диалектика мифа. М., Правда, 589.
18. Лукаки А. 2018. Культурное и физическое пространство как условие художественного видения: Эгейский мир в творчестве греческих художников Маласа, Гикаса и Тетсиса. Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 8. Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой, А.В. Захаровой. СПб., 476–484.
19. Максименко О.Ю. и др. 2005. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры. Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М., Наука, 256.
20. Митин И.И. 2006. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места. Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 3. Отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М., 64–82.
21. Митин И. 2005. Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности. *Communitas*. No2: 24–25.
22. Митин И.И. 2019. Мифогеография: новые механизмы интерпретации пространства (<https://refdb.ru/look/2793104.html>). 23. 08. 2019.

23. Митин И.И. 2014. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии. Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты. Под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. Ростов-н/Д., 147–156.
24. Монаков А.С. 2008. Этнос и этническая идентичность. Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. № 1: 72–91.
25. Немировский А.И. 1986. Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, ВГУ, 352.
26. Немировский А.И. 2000. Мифы древности. Научно-художественная энциклопедия. Эллада. (Серия «Античное наследие»). М., Лабиринт, 412.
27. Обидина Ю.С. 2016. Древнегреческие мифы как исторический источник. Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». № 4 (8): 30–33.
28. Разинов Ю.А. 2011. Спор Правды и Кривды. Вестник ВГУ. Сер. Философия. № 2: 60–73.
29. Синецын А.А. 2015. Греки и монстры. Об античной мифологии как занимательной этногеографии. Боспорские исследования. Вып. 31. Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь, 188–191.
30. Строецкий В.М. 2006. Проблемы становления истории как науки в античности. Античный мир и археология. Вып. 12: 351–362.
31. Суриков И.Е. 2011. Очерки об историописании в классической Греции. М., Языки славянских культур, 504.
32. Суриков И.Е. 2012. Полис, логос, космос: Мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., РФСОН, 304.
33. Талапина М.Б. 2014. Научное и наивное знание как части единой картины мира. Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура: сб. статей. Екатеринбург, 88–93.
34. Топоров В.Н. 1995. Миф, Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., Прогресс-Культура, 1845.
35. Шестеркина Н.В. 2011. Миф как когнитивная парадигма. Вопросы когнитивной лингвистики. 2: 40–49.
36. Шифман И.Ш. 1987. Ветхий завет и его мир: (Ветхий завет как памятник литературной и общественной мысли древней Передней Азии). М., Политиздат, 240.
37. Элиаде М. 1994. Священное и мирское. М., МГУ, 144.
38. Элиаде М. 1994. Аспекты мифа. Пер. В. Большакова. М., ППП, 240.
39. Элиаде М. 1998. Миф о вечном возвращении. Пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. СПб., Алетейя, 250.
40. Яйленко В.П. 2013. Скифский Ахилл в Северном Причерноморье VIII–V вв. до н. э. и его индоарийские истоки. Древности Боспора. Вып. 17: 374–404.
41. Яйленко В.П. 2016. Амазонки Страбона на Северном Кавказе. Кавказ и степь на рубеже поздней бронзы и раннего железа: материалы Между-нар. науч. конф., посвящ. памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва, 25–27 апреля 2016 г.). Отв. ред. А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда. М.: 252–256.
42. Assmann A. 2008. Transformations Between History and Memory. In: Social Research: An International Quarterly. Vol. 75 (1): 49–72.
43. Bakke J. 2010. The Tears of Odysseus. Memory and Visual Culture in Ancient Greece. In: Arv. Nordic Yearbook of Folklore. Vol. 66: 21–42.
44. Baldursson H. 2015. The Interrogation of Proteus. An Exploration of the Relationship of Signs and Cultural Memory. Iceland Academy of Art, 40.
45. Bedrosian R. 2011. Eastern Asia Minor and the Caucasus in Ancient Mythologies. Internet Archive, 300.
46. Brzeziński Ks. D. 2015. The notion of Myth in history, ethnology and phenomenology. In: Kwartalnik Widzialu Teologicznego UMK. T. 32. № 4: 13–26.
47. Buxton R. 1994. Imaginary Greece, the Contexts of Mythology. Cambridge, UP, XVI+250.
48. Calame Cl. 2009. Poetic and Performative Memory in Ancient Greece: Heroic Reference and Ritual Gestures in Time and Space. Washington, 275 (Hellenic Studies Series 18).
49. Calame Cl. 2009. Greek Mythology: Poetics, Pragmatics and Fiction. Cambridge, UP, XI+275.
50. Charlotte L. 2016. Les barbares. In: Les Barbares. Ed. B. Dumézil. Paris, UP: 1–20.

51. Clark K. 2017. Walking through History unlocking the Mythical Past. In: *Myths on the Map. The Storied Landscapes of Ancient Greece*. Ed. by Greta Hawes. Oxford, UP: 14–31.
52. Claval P. 2001. The geographical study of myths. In: *Norsk Geografisk Tidsskrift*. Vol. 55 (3): 138–151.
53. Cline D.H. 2012. Six Degrees of Alexander: Social Network Analysis as a Tool for Ancient History. In: *AHB*. Vol. 26: 59–70.
54. Cole S.G. 2004. *Landscapes, Gender, and Ritual space. The Ancient Greek Experience*. Berkeley, UCP, 312.
55. *Communities and Networks in the Ancient Greek World*. 2015. Ed. by Clair Taylor, Kostas Vlasopoulos. Oxford, UP, 316.
56. Detienne M., Vernant, J.-P. 1978. *Cunning Intelligence in Greek Culture and Society*. Sussex, Chicago, Harvester Press, 337.
57. D'Ercole M.C. 2017. Archaeology and Economic History: between affinities and discord. In: *Archéologie et sciences sociales*. T. 9: 1–13.
58. Doty W.G. 2000. *Mythography. The Study of Myths and Rituals*. London, UAP, 600.
59. Egan K. 2007. From myth to history and back again. In: *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 2 (1): 62–67.
60. Eliade M. 1963. *Myth and Reality*. New York, Harper and Row, 212.
61. Finkelberg M. 2005. *Greeks and Pre-Greeks: Aegean Prehistory and Greek Heroic Tradition*. Cambridge, UP, 203.
62. Finley M. 1965. Myth, Memory, and History. In: *History and Theory*. Vol. 4. Iss. 3: 281–302.
63. Friedman J. 1992. Myth, History, and Political Identity. In: *Cultural Anthropology*. Vol. 7. No. 2: 194–210.
64. Graf F. 1987. *Griechische Mythologie. Eine Einführung*. Berlin, Albatros, 200.
65. Graf F. 1993. *Greek Mythology. An Introduction*. London, JHUP, 264.
66. Heehs P. 1994. Myth, History, and Theory. In: *History and Theory*. Vol. 33, No. 1: 1–19.
67. Honko L. 1972. The Problem of Defining Myth. In: *The Myth of the State*. Ed by H. Biezais. Stockholm: 7–19 (*Scripta Instituti Donneriani Aboensis*, vol. 6).
68. Honko L. 1970. Der Mythos in der Religionswissenschaft. In: *Temenos*. Vol. 6: 36–67.
69. Kalame Cl. 2003. *Myth and History in Ancient Greece The Symbolic Creation of a Colony*. Princeton, UP, 192.
70. Kirk G.S. 1970. *Myth, Its Meaning and Functions in Ancient and Other Cultures*. Oxford, UP, X+299.
71. Knapett C. 2016. Globalization, connectivities and networks. In: *The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization*. Ed. by Tamar Hodos, Alexander Geurds, Paul Lane, Ian Lilley, Martin Pitts, Gideon Shelach, Miriam Stark, Miguel John Versluys. London: 29–50.
72. Loraux N. 1993. *The Children of Athena. Athenian ideas about citizenship and division between the sexes*. Princeton, New Jersey, 296.
73. Loukaki A. 2016. *The Geographical Unconscious*. London, Routledge, 432.
74. Malkin I. 2011. *A small Greek world. Networks in the ancient Mediterranean*. Oxford, UP, V+207.
75. Malinowski B. 1954. *Myth in primitive psychology*. London, RT, 126.
76. Montello, D.R., et al. 2003. Testing the first law of cognitive geography on point-display spatializations. In: *Spatial Information Theory. Foundations of Geographic Information Science*. Ed. by Montello Daniel R. et al. Berlin; Heidelberg: 316–331.
77. Morford M.P.O., Lenardon R.J., Sham M. 2011. *Classical Mythology*. Oxford; New York, 880.
78. Morillo St. 2013. *Frameworks of World History. Volume Two: Since 1400*. New York; Oxford: 4–197.
79. *Myth and history, history in myth*. 2009. *Proceedings of the Third International Conference of the Society for Netherlandic History (New York: June 5–6, 2006)*. Ed. by Laura Cruz, Willem Frijhoff. Leiden; Boston, Brill's Studies intellectual history. Vol. 182, 268.
80. Nachman B.-Y. 2002. *Sacrificing Truth: Archaeology and The Myth of Masada*. Amherst, NY, Humanity Books, 253.
81. *Network Analysis in Archaeology: New Approaches to Regional Interaction*. 2013. Ed. by Carl Knapett. Oxford, UP, XX+350.

82. Pirenne-Delforge V. 2009. Under Which Conditions Did the Greeks «Believe» in Their Myths? The Religious Criteria of Adherence. In: *Antike Mythen. Medien, Transformationen, Konstruktionen. Festschriften für Fritz Graf*. Ed. Chr. Walde, U. Dill. Berlin: 38–54.
83. Rønning A.H. 2009. Some Reflections on Myth, History and Memory as Determinants of Narrative. In: *Coolabah*. Vol. 3: 143–151.
84. Shalaeva A.V. 2015. The Scientific study of Myth: Romantic account of symbolism and mythology basic research. Program working papers series: Humanities WP BRP 100/HUM/2015 (Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 100/HUM/2015. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2594796> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2594796>).
85. Sheffi J., Korotayev A., Grinin L. 2013. Introduction. Globalization as a link between the Past and Future. In: *Globalization: Yesterday, Today, and Tomorrow*. Ed. by Jim Sheffield. Victoria, University of Wellington. Ave, XX–XXII.
86. Strenski I. 1987. Four Theories of Myth in Twentieth-Century History: Cassirer, Eliade, Lévi-Strauss and Malinowski. Iowa, UIP, 234.
87. Thompson S. 1977. *The Folktale*. Berkeley, UCP, 536.
88. Thuillard M., Le Quellec J.-L., d'Huy J., Yuri Berezkin Yu. 2018. A large-scale study of world myths. *TRAMES*. Vol. 22 (72/67). Iss. 4: 420–421.
89. van Wijngaarden G.J. 2011. Immaterial landscapes: Homeric geography and the Ionian Islands in Greece. *Quaternary International*. Vol. 30: 1–6.
90. Vlassopoulos K. 2013. *Greeks and Barbarians*. Cambridge, UP, XXII+392.
91. Witzel M.J.E. 2012. *The Origins of the World's Mythologies*. Oxford, UP, XX+665.
92. Woodard R.D. 2007. Muthoi in Continuity and Variation. In: *The Cambridge Companion to Greek Mythology*. Ed. by Roger D. Woodard. Cambridge, UP, 1–10.
93. Wyatt N. 2010. *The Archaeology of Myth*. London; Oackwill, 192.

References

1. Aitov S.Sh. 2013. *Civilizatsionnye i istoriko-antropologicheskie aspekty «Grecheskogo chuda»* [Civilizational and historical-anthropological aspects of the «Greek miracle»]. *Antropologicheskie izmereniya filosofskih issledovaniy* [Anthropological dimensions of philosophical research]. № 4: 25–32.
2. Andreev Yu.V. 1990. *Poeziya mifa i proza istorii* [Poetry of myth and prose of history]. L., Lenizdat, 223.
3. Andreev Yu.V. 1998. *Cena svobody i garmonii. Neskolko shtrihov k portretu grecheskoi ncivilizatsii* [The price of freedom and harmony. A few touches to the portrait of Greek civilization]. SPb., Aleteya, 432.
4. Budanova V.P. 2012. *Varvary i varvarstvo v istorii civilizatsiy* [Barbarians and barbarism in the history of civilizations]. In: *Civilizatsii i varvartstvo* [Civilizations and barbarism]. № 1: 10–46.
5. Veinberg I.P. 1986. *Chelovek v kul'ture drevnego Blizhnego Vostoka* [Man in the culture of the ancient Near East]. M., Nauka, 208.
6. Vorontzov V.A. 2012. *Arheologiya mifa i slova* [Archeology of myth and word]. In: *Vestnik KazGUKI* [KazGUKI Bulletin]. № 1: 91–95.
7. Domanina S.A., Hazina S.V. 2017. *Istoriya i mif, ili Mif v istorii: iz opyta prepodavaniya avtorskogo kursa «Sravnitel'naya mifologiya»* [History and myth, or myth in history: from the experience of teaching the author's course «Comparative mythology»]. In: *Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo* [Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского]. № 2: 206–209.
8. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2003 god: Mnimue realnosti v antichnyh i srednevekovykh tekstakh* [The most ancient states of Eastern Europe. 2003: Imaginary realities in ancient and medieval texts]. 2005. *Otv. red. toma T.N. Dzhakson*. M., Nauka, 434.
9. Zamyatnin D. 2010. *Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeystvie sovremennykh gumanitarnykh nauk* [Humanities Geography: Space, Imagination and Interaction of Contemporary Humanities]. In: *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. T. 9. № 3: 26–50.
10. Zorin I.V. 2005. *Fenomenologiya puteshestviy* [Phenomenology of travel]: v 8 chastyakh. Chast II. M., Sovetskii sport, 224.

11. Ivanov Vyach. Vs. 1987. Antropogonicheskie mify [Anthropogonic myths]. In: Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. T. 1. M., Sovetskaya entsiklopediya, 87–88.
12. Ivanov Vyach. Vs. 2009. Izbrannye Trudy po semiotike i istorii kultury [Selected Works on Semiotics and Cultural History]. Tom 5: Mifologia i folklore [Mythology and folklore]. M., Znak, 376.
13. Kerenyi K. 2000. Elevsin. Arhetipichnyi obraz matery i dochery [Eleusis. Archetypal image of mother and daughter]. M., Refl-buk, 288.
14. Kullanda S.V. 2014. Peredneaziatskiy ariyskiy. K problem genealogicheskoi klassifikatsii [Near Asian Aryan. On the problem of genealogical classification]. In: Indoevropiyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XVIII (chteniya pamyati prof. Yosifa Moissevicha Tronskogo) [Indo-European Linguistics and Classical Philology – XVIII (readings in memory of Prof. Joseph Moiseevich Tronsky)]. Materialy konferentsii, prohodivshey 23–25 iyunya 2014 g. Otv. red. N.N. Kazanskiy. SPb., 553–556.
15. Lebedeva Yu. I. 2016. Predstavleniya drevnih grekov o porostranstve i vremeni po poemam «Iliada» i «Odiseiya» [The ideas of the ancient Greeks about space and time based on the poems «Iliad» and «Odyssey»]. In: Yaroslavskiy Pedagogicheskii Vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. № 4: 216–222.
16. Losev A.F. 1996. Mifologia grekov i rimlyan. Antichnaya mifologiya v eyo istoricheskom razvitiy [The mythology of the Greeks and Romans. Ancient mythology in its historical development]. M., Mysl', 975.
17. Losev A.F. 1990. Dialektika mifa [Dialectic of myth]. M., Pravda, 589.
18. Lukaki A. 2018. Kulturnoe i fizicheskoe prostranstvo kak uslovie hudozhestvennogo videniya: Aegeiskiy mir v tvorchestve grecheskih hudozhnikov Maleasa, Gikasa i Tetsisa [Cultural and physical space as a condition for artistic vision: the Aegean world in the works of the Greek artists Maleas, Gikas and Tetsis]. In: Aktualnyye problem teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statey [Actual problems of theory and history of art: collection of scientific articles]. Vyp. 8. Pod red. S.V. Maltzevoi, E.Yu. Stanyukovich-Denisovoy, A.V. Zaharovoy. SPb., 476–484.
19. Maksimenko O.Yu. 2005. Mif, mechta, realnost: postneklassicheskie izmereniya prostranstva kultury [Myth, dream, reality: post-non-classical dimensions of cultural space]. Pod red. I.V. Melik-Gaikazyan. M., 2005.
20. Mitin I.I. 2006. Mifogeografiya kak podhod k izucheniyu mnozhesvennykh realnosti mesta [Mythogeography as an Approach to the Study of the Multiple Realities of a Place]. In: Gumanitarnaya geografiya i nauchno i kulturno-prosvetitel'skiy almanah [Humanitarian Geography: Scientific and Cultural and Educational Almanac]. M., 64–82.
21. Mitin I. 2005. Mifogeografiya: prostranstvennyyye mify i mnozhestvennyyye realnosti [Mythogeography: spatial myths and multiple realities]. In: Communitas. No 2: 24–25.
22. Mitin I.I. 2019. Mifogeografiya: novyye mekhanizmy interpretatsii prostranstva [Mythogeography: new mechanisms for interpreting space] (<https://refdb.ru/look/2793104.html>). 23.08.2019.
23. Mitin I.I. 2014. Mesto kak palimpsest: mifogeograficheskiy podhod v kulturnoy geografii [Place as a palimpsest: a myth and geographic approach in cultural geography]. In: Fenomen kul'tury v rossijskoy obshchestvennoy geografii: jekspertnye mneniya, analitika, koncepty [The phenomenon of culture in Russian social geography: expert opinions, analytics, concepts]. Pod red. A.G. Druzhinina i V.N. Streleckogo. Rostov na Donu, 147–156.
24. Monachov A.S. 2008. Etnos i etnicheskaya identichnost [Ethnicity and ethnic identity]. In: Vestnik MGU [Moscow State University Bulletin]. Ser. 7. Filosofiya. № 1: 72–91.
25. Nemirovskiy A.I. 1986. Klio: U istokov istoricheskoi mysli [Clio: At the Origins of Historical Thought]. Voronezh, VGU, 352.
26. Nemirovskiy A.I. 2000. Mify drevnosti. Ellada. Nauchno-hudozhestvennaya entsiklopediya (Seriya «Antichnoe nasledie») [Ancient myths. Scientific and artistic encyclopedia. Hellas. (Series «Ancient Heritage»)]. M., Labirint, 412.
27. Obidina Yu. S. 2016. Drevnegrecheskie mify kak istoricheskiy istochnik [Ancient Greek myths as a historical source]. In: Vestnik Mariyskogo gosuydarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki» [Bulletin of the Mari State University. Series «Historical Sciences. Legal Sciences»]. № 4 (8): 30–33.
28. Razinov Yu. A. 2011. Spor Pravdy i Krivdy [The dispute between Truth and Krivda]. In: Vestnik VGU. Ser. Filosofiya [VSU Bulletin. Ser. Philosophy]. 2011. № 2: 60–73.

29. Sinicyan A.A. 2015. Greki i Monstry. Ob antichnoi mifologii kak zanimatelnoi etnogeografii [Greeks and monsters. On ancient mythology as an entertaining ethnogeography]. In: Bosporskie issledovaniya [Bosporan Research]. Vyp. 31. Otv. red. V.N. Zinko. Kerch, 188–191.
30. Strogeckiy V.M. 2006. Problemy stanovleniya istorii kak nauki v antichnosti [Problems of the formation of history as a science in antiquity]. In: Antichnyy mir i archeologiya [Ancient world and archeology]. Vyp. 12: 351–362.
31. Surikov I.E. 2011. Ocherki ob istoriopoisanii v klassicheskoi Grecii [Essays on Historical Writing in Classical Greece]. M., Yazyki slavyanskikh kultur, 504.
32. Surikov I.E. 2012. Polis, logos, kosmos: Mir glazami ellina. Kategorii drevnegrecheskoi kulturi [Polis, logos, space: The world through the eyes of a Hellene. Categories of Ancient Greek Culture]. M., RFSON, 304.
33. Talapina M.B. 2014. Nauchnoe i naivnoe znanie kak chasti edinoi kartiny mira [Scientific and naive knowledge as part of a single picture of the world]. In: Sovremennyye kommunikacii: Yazyk, chelovek, obshestvo, kultura: sb. Statey [Modern communications: Language. Human. Society. Culture: articles]. Ekaterinburg, 88–93.
34. Toporov V.N. 1995. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe [Myth, Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Selected]. M., Progress-Kultura, 1845.
35. Shesterkina N.V. 2011. Mif kak kognitivnaya paradigma [Myth as a cognitive paradigm]. In: Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Cognitive linguistics issues]. 2: 40–49.
36. Shifman I.Sh. 1987. Vetchiy Zavet i ego mir (Vetchiy zavet kak pamyatnik literaturnoy i obshestvennoy mysli drevney Peredney Asii) [The Old Testament and its World: (The Old Testament as a monument to the literary and social thought of ancient Asia Minor)]. M., Politizdat, 240.
37. Eliade M. 1994. Svyashennoye imirskoe [Sacred and secular]. M., MGU, 144.
38. Eliade M. 1994. Aspekty mifa [Aspects of the myth]. Per. V. Bolshakova. M., PPP, 240.
39. Eliade M. 1998. Mif o vechnom vozvrashenii [The myth of the eternal return]. Per. S fr. E. Morozovoy, E. Murashkincevoy. SPb., Aleteya, 250.
40. Yaylenko V.P. 2013. Skifskiy Ahill v Severnom Prichernomor'ye VIII–V vv. do n. e. i ego indoariyskie istoki [Scythian Achilles in the Northern Black Sea region of the VIII–V centuries B. C. and its Indo-Aryan origins]. In: Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]. Vyp. 17: 374–404.
41. Yaylenko V.P. Amazonki Strabona na Severnom Kavkaze [Amazons of Strabo in the North Caucasus]. In: Kavkaz I step na rubezhe pozdney bronzy I rannego zheleznogo veka: Materialy mezhd. Nauch. Konf., posvyash. Pamyati Marii Nikolaevny Pogrebovoi (Moskva, 25–27 aprelya 2016 g.) [Caucasus and the steppe at the turn of the Late Bronze and Early Iron: materials of the Mezhdunar. scientific. conf., dedicated. in memory of Maria Nikolaevna Pogrebova (Moscow, April 25–27, 2016).]. Otv. red. A.S. Balachvancev, S.V. Kullanda. M.: 252–256.
42. Assmann A. 2008. Transformations Between History and Memory. In: Social Research: An International Quarterly. Vol. 75 (1): 49–72.
43. Bakke J. 2010. The Tears of Odysseus. Memory and Visual Culture in Ancient Greece. In: Arv. Nordic Yearbook of Folklore. Vol. 66: 21–42.
44. Baldursson H. 2015. The Interrogation of Proteus. An Exploration of the Relationship of Signs and Cultural Memory. Iceland Academy of Art, 40.
45. Bedrosian R. 2011. Eastern Asia Minor and the Caucasus in Ancient Mythologies. Internet Archive, 300.
46. Brzeziński Ks. D. 2015. The notion of Myth in history, ethnology and phenomenology. In: Kwartalnik Widzialu Teologicznego UMK. T. 32. № 4: 13–26.
47. Buxton R. 1994. Imaginary Greece, the Contexts of Mythology. Cambridge, UP, XVI+250.
48. Calame Cl. 2009. Poetic and Performative Memory in Ancient Greece: Heroic Reference and Ritual Gestures in Time and Space. Washington, 275 (Hellenic Studies Series 18).
49. Calame Cl. 2009. Greek Mythology: Poetics, Pragmatics and Fiction. Cambridge, UP, XI+275.
50. Charlotte L. 2016. Les barbares. In: Les Barbares. Ed. B. Dumézil. Paris, UP: 1–20.
51. Clark K. 2017. Walking through History unlocking the Mythical Past. In: Myths on the Map. The Storied Landscapes of Ancient Greece. Ed. by Greta Hawes. Oxford, UP: 14–31.

52. Claval P. 2001. The geographical study of myths. In: *Norsk Geografisk Tidsskrift*. Vol. 55 (3): 138–151.
53. Cline D.H. 2012. Six Degrees of Alexander: Social Network Analysis as a Tool for Ancient History. In: *AHB*. Vol. 26: 59–70.
54. Cole S.G. 2004. Landscapes, Gender, and Ritual space. *The Ancient Greek Experience*. Berkeley, UCP, 312.
55. *Communities and Networks in the Ancient Greek World*. 2015. Ed. by Clair Taylor, Kostas Vlasopoulos. Oxford, UP, 316.
56. Detienne M., Vernant, J.-P. 1978. *Cunning Intelligence in Greek Culture and Society*. Sussex, Chicago, Harvester Press, 337.
57. D'Ercole M.C. 2017. Archaeology and Economic History: between affinities and discord. In: *Archéologie et sciences sociales*. T. 9: 1–13.
58. Doty W.G. 2000. *Mythography. The Study of Myths and Rituals*. London, UAP, 600.
59. Egan K. 2007. From myth to history and back again. In: *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 2 (1): 62–67.
60. Eliade M. 1963. *Myth and Reality*. New York, Harper and Row, 212.
61. Finkelberg M. 2005. *Greeks and Pre-Greeks: Aegean Prehistory and Greek Heroic Tradition*. Cambridge, UP, 203.
62. Finley M. 1965. Myth, Memory, and History. In: *History and Theory*. Vol. 4. Iss. 3: 281–302.
63. Friedman J. 1992. Myth, History, and Political Identity. In: *Cultural Anthropology*. Vol. 7. No. 2: 194–210.
64. Graf F. 1987. *Griechische Mythologie. Eine Einführung*. Berlin, Albatros, 200.
65. Graf F. 1993. *Greek Mythology. An Introduction*. London, JHUP, 264.
66. Heehs P. 1994. Myth, History, and Theory. In: *History and Theory*. Vol. 33, No. 1: 1–19.
67. Honko L. 1972. The Problem of Defining Myth. In: *The Myth of the State*. Ed by H. Biezais. Stockholm: 7–19 (*Scripta Instituti Donneriani Aboensis*, vol. 6).
68. Honko L. 1970. Der Mythos in der Religionswissenschaft. In: *Temenos*. Vol. 6: 36–67.
69. Kalame Cl. 2003. *Myth and History in Ancient Greece The Symbolic Creation of a Colony*. Princeton, UP, 192.
70. Kirk G.S. 1970. *Myth, Its Meaning and Functions in Ancient and Other Cultures*. Oxford, UP, X+299.
71. Knapett C. 2016. Globalization, connectivities and networks. In: *The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization*. Ed. by Tamar Hodos, Alexander Geurds, Paul Lane, Ian Lilley, Martin Pitts, Gideon Shelach, Miriam Stark, Miguel John Versluys. London: 29–50.
72. Loraux N. 1993. *The Children of Athena. Athenian ideas about citizenship and division between the sexes*. Princeton, New Jersey, 296.
73. Loukaki A. 2016. *The Geographical Unconscious*. London, Routledge, 432.
74. Malkin I. 2011. *A small Greek world. Networks in the ancient Mediterranean*. Oxford, UP, V+207.
75. Malinowski B. 1954. *Myth in primitive psychology*. London, RT, 126.
76. Montello, D.R., et al. 2003. Testing the first law of cognitive geography on point-display spatializations. In: *Spatial Information Theory. Foundations of Geographic Information Science*. Ed. by Montello Daniel R. et al. Berlin; Heidelberg: 316–331.
77. Morford M.P.O., Lenardon R.J., Sham M. 2011. *Classical Mythology*. Oxford; New York, 880.
78. Morillo St. 2013. *Frameworks of World History. Volume Two: Since 1400*. New York; Oxford: 4–197.
79. *Myth and history, history in myth*. 2009. Proceedings of the Third International Conference of the Society for Netherlandic History (New York: June 5–6, 2006). Ed. by Laura Cruz, Willem Frijhoff. Leiden; Boston, Brill's Studies intellectual history. Vol. 182, 268.
80. Nachman B.-Y. 2002. *Sacrificing Truth: Archaeology and The Myth of Masada*. Amherst, NY, Humanity Books, 253.
81. *Network Analysis in Archaeology: New Approaches to Regional Interaction*. 2013. Ed. by Carl Knapett. Oxford, UP, XX+350.

82. Pirenne-Delforge V. 2009. Under Which Conditions Did the Greeks «Believe» in Their Myths? The Religious Criteria of Adherence. In: *Antike Mythen. Medien, Transformationen, Konstruktionen. Festschriften für Fritz Graf*. Ed. Chr. Walde, U. Dill. Berlin: 38–54.
83. Rønning A.H. 2009. Some Reflections on Myth, History and Memory as Determinants of Narrative. In: *Coolabah*. Vol. 3: 143–151.
84. Shalaeva A.V. 2015. The Scientific study of Myth: Romantic account of symbolism and mythology basic research. Program working papers series: Humanities WP BRP 100/HUM/2015 (Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 100/HUM/2015. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2594796> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2594796>).
85. Sheffi J., Korotayev A., Grinin L. 2013. Introduction. Globalization as a link between the Past and Future. In: *Globalization: Yesterday, Today, and Tomorrow*. Ed. by Jim Sheffield. Victoria, University of Wellington. Ave, XX–XXII.
86. Strenski I. 1987. Four Theories of Myth in Twentieth-Century History: Cassirer, Eliade, Lévi-Strauss and Malinowski. Iowa, UIP, 234.
87. Thompson S. 1977. *The Folktale*. Berkeley, UCP, 536.
88. Thuillard M., Le Quellec J.-L., d'Huy J., Yuri Berezkin Yu. 2018. A large-scale study of world myths. *TRAMES*. Vol. 22 (72/67). Iss. 4: 420–421.
89. van Wijngaarden G.J. 2011. Immaterial landscapes: Homeric geography and the Ionian Islands in Greece. *Quaternary International*. Vol. 30: 1–6.
90. Vlassolopoulos K. 2013. *Greeks and Barbarians*. Cambridge, UP, XXII+392.
91. Witzel M.J.E. 2012. *The Origins of the World's Mythologies*. Oxford, UP, XX+665.
92. Woodard R.D. 2007. Muthoi in Continuity and Variation. In: *The Cambridge Companion to Greek Mythology*. Ed. by Roger D. Woodard. Cambridge, UP, 1–10.
93. Wyatt N. 2010. *The Archaeology of Myth*. London; Oackwill, 192.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Писаревский Николай Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

Nikolay P. Pisarevskiy, doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology and History of the Ancient World, Voronezh State University, Voronezh, Russia

УДК 94(392)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-521-535

Рельефные изображения «столбовых могильников» архаической Ликии: проблема стилистического анализа и семантической интерпретации

Баранов Д.А.

Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж),
Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54а
E-mail: baranovdmitry2@gmail.com

Аннотация. Анализируется содержание рельефных изображений наиболее раннего типа монументальных гробниц, принадлежавшего ликийским царям архаического и классического времени. Дается некоторый историографический обзор разнообразных точек зрения, касающихся политической и стилистической интерпретации их иконографической программы. Рассматриваются возможные исторические и политические мотивы демонстрации отдельных элементов убранства погребальных камер столбовых могильников. Делается вывод о синкретической природе рельефных изображений, сочетавших местные, восточные и греческие художественные черты.

Ключевые слова: Ахемениды, династы, Ликия, рельефы, столбовые могильники.

Для цитирования: Баранов Д.А. 2021. Рельефные изображения «столбовых могильников» архаической Ликии: проблема стилистического анализа и семантической интерпретации. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 521–535. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-521-535.

Relief images of the archaic Lycian «pillar tombs»: the problem of stylistic analysis and semantic interpretation

Dmitry A. Baranov

Airforce Academy named after prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin (Voronezh),
54a Staryh Bol'shevikov St., Voronezh, 394064, Russia
E-mail: baranovdmitry2@gmail.com

Abstract. The article examines the earliest burial monuments of the archaic Lycian kings. Particular attention is paid to the transition from kurgan to pillar burials, which took place immediately after the conquest of Lycia by the Persian army in the middle of the VI century BC. The Lycian kings tried to display the main landmarks of political biography, visualizing them through funeral reliefs. The main motives should be considered the scenes of the hunt, the palace audience, military victory and public celebration. The plot of «theriomachy» was required by the rulers of Lycia for a hint of a political connection with the Persian crown and their own legitimation as the first pro-Achaemenidean king. During the study of the historiography, was established a direct relationship between the genesis of a dynastic form of political power and the appearance of the first type of monumental burial grounds. Comparative analysis of Lycian funerary reliefs demonstrates syncretism of Anatolian, Greek and Persian visual elements.

Keywords: Achaemenids, dynasts, funerary reliefs, Lycia, pillar tombs.

For citation: Baranov D.A. 2021. Relief images of the archaic Lycian «pillar tombs»: the problem of stylistic analysis and semantic interpretation. *Via in tempore. History and political science*, 48 (3): 521–535 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-521-535.

*Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться.
Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареющи мы и бессмертны,
Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться.
(«Илиада». XII, 315–325, пер. Н.И. Гнедича)*

Введение

В середине VI в. до н. э. происходит стремительный захват юго-западной части Малой Азии персами. Войско под предводительством Гарпага вторгается в Ликию (ок. 545 г. до н. э.), разгромив незначительные контингенты ликийских воинов (Hdt., I, 176, 1: ἐπεξίόντες καὶ μαχόμενοι ὀλίγοι πρὸς πολλοὺς ἀρετᾶς ἀπεδείκνυντο), персы успешно осаждают Ксанф и включают страну в состав приморской области империи Ахеменидов (Hdt., I, 177.1; III, 90) [Jacobs, 1994, p. 136–138; Keen, 1998, p. 39; Seyer, 2019, p. 217]. Учитывая то обстоятельство, что мы ничего не знаем о политических лидерах ликийцев, правомерно будет выдвинуть предположение об установлении власти зависимой от Персии династии, представленной членами местной аристократии, правившей крупнейшими городами региона на протяжении полутора столетий [Zimmermann, 1992, S. 10–27; Behrwald, 2000, S. 10–22; Gyga, 2001, S. 68–92]. Так называемое «династическое время» заканчивается в правление Перикла Лимирского, принявшего участие в «Великом восстании сатрапов» [Bryce, 1986, p. 111–114; Kolb, Kurke, 1992, S. 15; Keen, 1998, p. 154–170].

Результаты и их обсуждение

Представления Гомера о царях и аристократах Ликии (II, VI, 172–173: ἀναξ Λυκίης; XII, 318–320: ἡμέτεροι βασιλῆες; XVI, 495: πρῶτα μὲν ὄτρυνον Λυκίῳν ἡγήτορας ἄνδρας; 496: Σαρπηδόνοσ ἀμφιάχεσθαι), описание яростного сражения за Ксанф (Hdt., I, 176, 1–2) и ремарки «отца истории», касающиеся длительной независимости страны от соседней Лидии (Hdt., I, 28), указывают на наличие автохтонных политических институтов власти в доперсидское время [Bryce, 1986, p. 101; Jacobs, 1987, S. 27–29; Zimmermann, 1992, S. 21; Keen, 1998, p. 76–82]. Фактически практика оставлять завоеванные регионы под контролем местных властителей полностью соответствует персидским обычаям. Ахемениды оставляли под прямым административным управлением стратегически важные регионы (Египет, Вавилония), перенимая титулатуру местных правителей, не устанавливая режим личной власти [Tuplin, 1987, p. 111; Dandamaev, 1989, p. 55]. Представители истеблишмента менее значимых и периферийных регионов назначались царями-клиентами. Ксенофонт сообщает о подобной практике (Xen. Cyr., VII. 4. 1–3; VIII. 6. 8) применительно к Кипру и Киликии [Briant, 1996, p. 75–76]. Аристотель упоминает, что управлявшие частями империи «стратеги, сатрапы и цари – все рабы великого царя» (Arist., De mundo., 398a: διειλήφεσαν κατὰ ἔθνη στρατηγοὶ καὶ σατράπαι καὶ βασιλεῖς, δοῦλοι τοῦ μεγάλου βασιλέως).

Гипотеза о том, что Ксанф уже управлялся местным правящим домом, существовавшим здесь задолго до персидского завоевания, подтверждается археологическими данными. Раскопки французских археологов в Ксанфе выявили три значительных строения на акрополе города, распознанных в качестве «резиденции правителя» [Metzger, 1963, p. 16–19]. Недавние публикации итогов работы многолетней турецкой археологической миссии на холме Тепечик в Патаре демонстрируют укрепленное общественное здание, напоминающее административный центр и располагающее всеми признаками классического дворца (наличие «тронного зала» или «зала собраний», хранилища запасов, системы покоев). Ранние слои дворца «патарских владык» восходят к начальному этапу архаики и демонстрируют наличие керамики данного периода [Işın, 2010]. Новые данные археологии

приоткрывают дверь в мир раннединастической Ликии, прямо указывая на наличие длительных традиций луво-ликийской политико-административной практики.

Ещё одним важнейшим маркером, определяющим социально-политический и культурный облик властной элиты Ликии архаического времени, был факт одновременного с персидским завоеванием появления «столбовых могильников» местных правителей и представителей их ближайшего окружения [Deltour-Levie, 1982; Marksteiner 2002, S. 219–225; Hoff, 2017, S. 506]. К этому времени перестают появляться курганные погребения (тумулусы), встречающиеся крайне часто вплоть до рубежа VII–VI вв. до н. э. [Hülden, 2011]. «Столбовая гробница» представляла собой прямоугольную каменную стелу, верхняя часть которой содержала вырезанную полость для сосуда с прахом погребённого. Столб размещался на ровном массивном основании или ступенчатом цоколе. В некоторых случаях внешняя сторона могильной камеры украшалась рельефными изображениями, демонстрировавшими деяния умершего. Столбовые могильники, снабженные рельефами и надписями («Стела надписей»⁴), представляют особый интерес, поскольку позволяют дать некоторую интерпретацию содержания нюансов семантики политических и семейно-бытовых особенностей жизни династов середины VI–IV вв. до н. э.

Уже у Гомера присутствует некоторый дуализм погребального обряда ликийских правителей. Описывая погребение Сарпедона, поэт дважды упоминает «могилу и памятный столп» (II, XVI, 457; 675: τὸμβῶ τε στήλην), что может подразумевать курганный могильник и установку стелы. Квинт Смирнский отмечает, что на могиле ликийского героя Главка был установлен большой камень (Quintus Smyrn., Posthomerica, IV, 1–12). С исчезновением тумулусных могильников (начиная с середины VI в. до н. э.) в Ликии получает широкое распространение обряд трупосожжения правителей и установки погребальных столбов-стел [Demargne, 1958; Kjeldsen, Zahle, 1976, p. 44; Zahle, 1980, p. 38; Deltour-Levie, 1982, p. 205; Zimmermann, 1992, S. 17–19; Buschmann, 1993, S. 432; Kolb, 1996, S. 69]. Раннее происхождение столбовых погребений предопределило отсутствие надписей и конкретного термина для их обозначения. Ликийские надписи классического времени различают погребения-стелы⁵ и более поздние саркофаги, первоначально ассоциировавшиеся с термином «tezi» («саркофаг Эрббины» (?))⁶, но этим же термином назывались и скальные гробницы⁷ [Keen, 1998, p. 9; Seyer, 2019b, p. 256]. Наиболее встречаемым термином «χουρα» («tomb, (Fels)grab») обозначено подавляющее большинство скальных захоронений на востоке страны (преимущественно в Лимире). Он встречается в погребальных надписях вплоть до Тельмесса на западе, хотя и не использовался для обозначения каких-либо отдельно стоящих захоронений [Melchert, 2004, p. 86; Neumann, 2007, S. 140; Seyer, 2019b, p. 256–257]. В подавляющем большинстве случаев (21 из 28 упоминаний) термином «prīnawa» (не встречается в Лимире) обозначались скальные гробницы «домового типа» («mausoleum, (grave)house») [Melchert, 2004, p. 51; Neumann, 2007, S. 283; Seyer, 2019b, p. 258]. Термин «ñtata», который применялся к разнообразному типу гробниц, имеет отчётливую греческую параллель в билингвистической надписи из Кармилесса⁸, что указывает на общее обозначение им «места захоронения» [Melchert, 2004, p. 45; Neumann, 2007, S. 247; Seyer, 2019b, p. 265]. Помимо уже упомянутого заимствования из греческого⁹, имеется и термин «arawazija» (от хетто-лувийской основы «aru – высокий (памятник)») ¹⁰, которым могли называться столбовые захоронения [Neumann, 2007, S. 19].

⁴ Tituli Asiae Minoris I, 44a–d.

⁵ Там же, I, 44a, 1: stta][[ā: me]nad[ē.

⁶ Там же, I 44a, 25: erbinahe: tezi.

⁷ Там же, I, 88: ñtīpa tezi.

⁸ Там же, I, 6, 4: μνῆμα.

⁹ Там же, I, 44a, 25; b 21: στήλην.

¹⁰ Там же, I, 44a, 25: arawazijede kupr[leh.

Изначально захоронения в столбовых могильниках представляли собой исключительную собственность правящего класса, но с течением времени они были адаптированы для более широкой группы представителей аристократической элиты Ликии [Seyer, 2019, p. 220]. Таковыми были позднейшие столбовые могильники в Лимире и Хойране, демонстрирующие перенесение визуального акцента рельефов на лицевой фасад, что объяснимо резким ростом влияния греческих художественных форм в конце IV в. до н. э. [Deltour-Levie, 1982, p. 41–49; Marksteiner, 2002, S. 225]. Кроме того, эти памятники маркируют верхнюю хронологическую границу существования столбовых могильников, намекая на их распространённость в среде ликийской аристократии много позднее завершения династического периода (VI – второй четверти IV вв. до н. э.) [Seyer, 2003, S. 220–223].

Архитектурные предшественники столбовых могильников неизвестны. Исходя из отрывка «Илиады», описывающего захоронение Сарпедона, можно предположить сочетание курганных тумулусов и столбовых захоронений (царских стел) уже в VII в. до н. э. Логично предположить, что рассматриваемый тип гробниц, судя по всему, был уникален и ограничен исключительно культурным ландшафтом Ликии [Rodenwaldt, 1933, S. 1029; Deltour-Levie, 1982, p. 200; Işık, 2001, S. 123–126; Işkan, 2005, S. 127–128]. Очевидно и то, что наибольшего распространения этот тип царского захоронения достигает в период, последовавший сразу после персидского завоевания страны [Marksteiner, 2002, S. 232–233]. Нижняя хронологическая граница датировки наиболее древней группы «столбовых могильников» крайне условна и варьируется между второй половиной VII – серединой VI вв. до н. э.

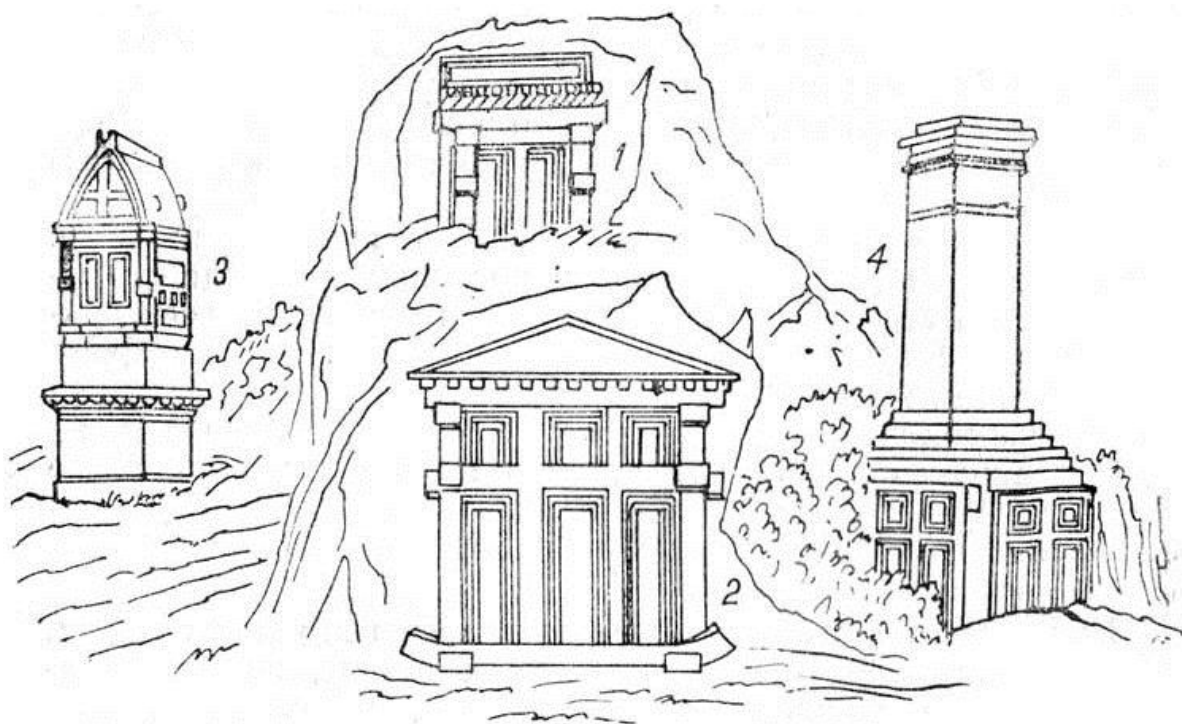

Рис. 1. Типы ликийских погребений: 1 – скальная гробница; 2 – «храмовая» гробница; 3 – саркофаг (кенотаф); 4 – столбовой могильник
Fig. 1. Types of Lycian tombs: 1 – rock-cut tomb; 2 – «temple» tomb; 3 – sarcophagus (cenotaph); 4 – pillar tomb

В целом шесть «столбовых могильников» (преимущественно в западной и центральной части страны) считаются самыми ранними представителями этого типа гробниц. В эту группу входят: «Львиная могила» и «Рельеф борцов» из Ксанфа с некоторыми дополнительными элементами рельефов несохранившихся могильников (Стамбульский ар-

хеологический музей инв. № 1450, 2301), могильники из Трисы и Гюрсес, «столбовой могильник 1» из Исинды и «столбовой могильник 2» из Тюсе, а также «столбовой могильник 3» из Асаралты (Хаджиоглан) [Akurgal, 1941, S. 93–94; Demargne, 1958, p. 33–35; Deltour-Levie, 1982, p. 113; Rudolph, 2003, S. 54–55; Cavalier, 2006, p. 335–343; Draycott, 2007, p. 107–114; Rannou, 2009; Hoff, 2017, S. 45–56]. Крайне дискуссионными остаются все попытки обосновать точную хронологию появления этих гробниц. Сказывается малочисленность рельефных изображений, сличаемых с образцами из анатолийского, ближневосточного и греческого культурных ареалов [Marksteiner, 2002, S. 236–237; Hoff, 2017, S. 38–45]. Отметим, что уточнение датировки погребальных памятников эпохи архаики позволило бы установить время и источники возникновения местной династической системы, определив степень персидского политического влияния [Marksteiner, 2005, S. 212–213; Seyer, 2019, p. 222–223].

Иконографическая программа «столбовых могильников» в большинстве случаев демонстрирует некоторое единообразие и системность [Marksteiner, 2002, S. 146]. Поэтому неудивительно, что множество погребальных рельефов, таких как изображения воинов и охотников, сцены битв и аудиенций, а также сцены из палестры указывают на аристократические достоинства заказчика гробницы. Хотя большинство мотивов широко распространено в погребальном искусстве Анатолии, тем не менее нетрудно заметить, что некоторые рельефы несут отчетливый след региональной художественной специфики. Среди таковых следует выделить мотив воинского триумфа («взятие щита» или «триумф щита»), в котором торжествующий победитель (возможно, сам правитель) поднимает над головой щит поверженного противника (или нескольких врагов) [Marksteiner, 2002, S. 253–256]. Подобный мотив изображён на столбе из Исинды (рис. 2) и «Львиной могиле» в Ксанфе (рис. 3), не имея аналогов в архаический и классический период за пределами Ликии, но был распространён в местной погребальной иконографии вплоть до рубежа V–IV вв. до н. э., украшая «Саркофаг танцоров» [Zahle, 1979, S. 328; Bruns-Özgan, 1987, S. 285–286] и «Столб надписей» из Ксанфа (единственный могильник с идентифицированным заказчиком в лице династов Горгиса или Керей) [Akurgal, 1941, S. 64; Demargne, 1958, p. 79–105; Zahle, 1979, S. 326; Bruns-Özgan, 1987, S. 290]. Иконографический мотив захвата щита у поверженного противника редко встречается за пределами Ликии [Bruns-Özgan, 1987, s. 232–235; Marksteiner, 2002, S. 253–254].

Триумфальный воин со вскинутым щитом и вовсе кажется уникальным для данного региона. Представляется, что скальная гробница в Глосе раскрывает подробности значения данного сюжета, изображая различные этапы сражения с захватом щита из рук поверженного противника и триумфальным поднятием его над головой, символизируя окончательную победу в противоборстве [Benda-Weber, 2005; Seyer, 2019, p. 226]. На то, что династы пытались визуализировать реальное историческое событие, недвусмысленно указывает текст «Столба надписей» (пространная хроника правления Горгиса/Кериги или Керей). Рельеф демонстрирует нам владельца могильника, вырывающего из рук поверженного врага щит, а за ним представлены шесть щитов других воинов, ставших трофеями победителя. Текст греческой эпиграммы на северной грани столба содержит ссылку на победу над семью аркадийскими гоплитами, одержанную династом в течение одного дня¹¹. Таким образом, этим рельефом своего погребения владелец указывает на эпизод одного из самых важных военных предприятий времени его правления. Речь может идти о походе ликийцев в составе войска сатрапа Тиссаферна против карийского мятежника Аморга¹², сражении с аркадийскими наёмниками (Thuc., III, 34, 2–3; VII, 28, 3–4) и подписании третьего соглашения с ла-

¹¹ Supplementum Epigraphicum Graecum XLII, 1245, 10: ἐπὶ δὲ ὀπίτας κτεῖνεν ἐν ἡμέραι Ἀρκάδας ἄνδρας.

¹² Tituli Asiae Minoris I, 44a, 55: Humrkkä.

кедемонянами, упомянутых ликийской надписью и Фукидидом¹³ [Demargne, 1958, p. 88; Asheri, 1983, p. 85–105; Bryce, 1986, p. 97–98; Jacobs, 1987, S. 59–60; Zhuber-Okrog, 1990, S. 225–226; Gyga, Tietz, 2005].

Специфически ликийским следует считать и сюжет с противостоянием двух борцов на столбовых могильниках из Ксанфа и Исинды (рис. 2). Изображения борьбы и бокса имеют давнюю традицию в ближневосточном и египетском искусстве, а также известны в греческом искусстве со времени геометрического периода [Marksteiner, 2002, S. 264–266; Hoff, 2017, S. 209–214]. Династ «Столба надписей», перечисляя свои деяния и заслуги, также превозносит собственное превосходство над молодёжью своего времени в навыках борьбы¹⁴ [Bryce, 1986, p. 97]. Весьма вероятно, что графические изображения на архаических «столбовых могильниках» и содержание стихотворной эпиграммы на «Столбе надписей» следует понимать как вербализацию и визуализацию достоинств погребённого или иллюстрацию похоронных игр, имеющую очень давнюю традицию [Akurgal, 1941, S. 96; Demargne, 1958, p. 52; Rannou, 2009, p. 470].

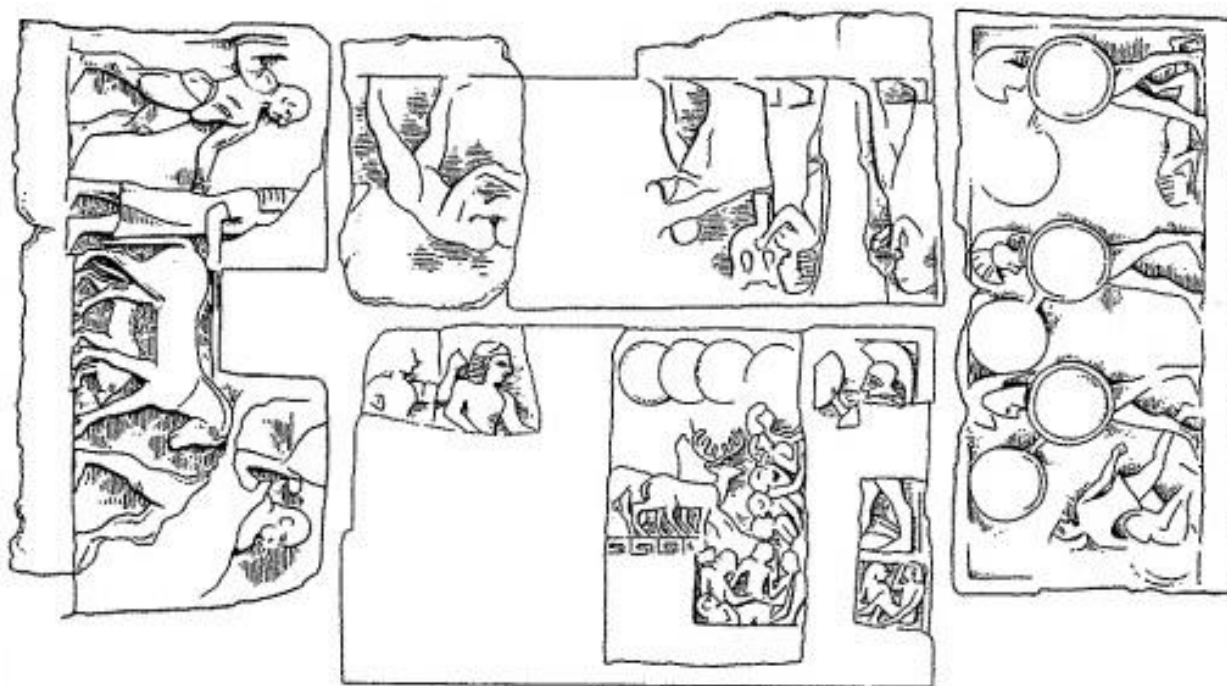

Рис. 2. Рельефные изображения столбового могильника Исинды
Fig. 2. Relief images of Isinda's pillar tomb

По мнению Кэтрин Дрейкотт, анализируемые сцены, напротив, должны в гораздо большей степени отражать богатство и могущество владельца гробницы, нежели его физические качества. Исходя из ее интерпретации, династ старался показать себя действительным или потенциальным спонсором крупномасштабных агонистических торжеств [Draycott, 2007, p. 116–117]. Поскольку сюжет с одновременным появлением музыкантов и спортсменов не имеет аналогов в репертуаре греческих репрезентаций, его можно рассматривать как чисто ликийский элемент [Seyer, 2019, p. 229].

Изобразительная программа архаических гробниц столбового типа, за исключением нескольких региональных особенностей, относительно единообразна и преимущественно включает рельефы, иллюстрирующие прижизненные аристократические достоинства владельца гробницы. Тем не менее «Львиная могила» в Ксанфе, по крайней мере, ча-

¹³ Thuc., VIII, 58; Tituli Asiae Minoris I, 44b, 1–16.

¹⁴ Там же, 1245, 5–6: ἀριστεύσας τὰ ἅπαντα [χε]ρσὶ πάλην Λυκίων τῶν τότε ἐν ἡλικίαι.

стично отличается от других, поскольку графическая программа её рельефов в гораздо большей степени пронизана синкретизмом ликийских, восточных и греческих элементов (рис. 3).

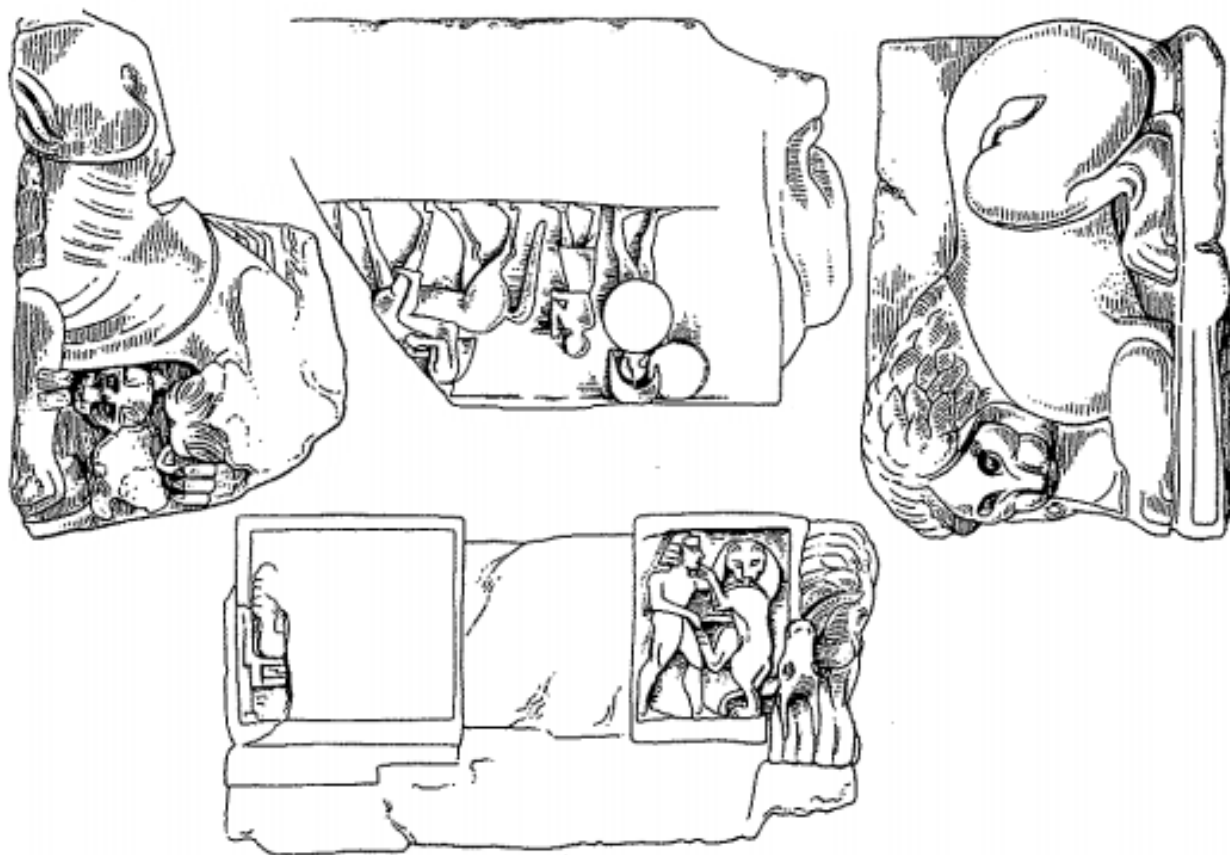

Рис. 3. Рельефные изображения «Львиной могилы»

Fig. 3. Relief images of the «Lion Tomb»

Могильник был обнаружен первой экспедицией Чарльза Феллоуза в 1838 г., а затем вновь открыт французской археологической миссией, но первоначальное место его установки осталось неизвестным. Стилистические особенности рельефных изображений позволили исследователям считать его самым ранним могильником столбового типа, что имеет решающее значение для определения происхождения и содержания рельефных изображений всей группы «столбовых могильников» архаического и классического времени [Fellows, 1852, p. 168; Akurgal, 1941, S. 1–51; Demargne, 1958, p. 29–33; Deltour-Levie, 1982, p. 157–159; Jacobs, 1987, S. 29; Marksteiner, 2002, S. 220–233; des Courtils, 2003, p. 105; İşkan, 2005, S. 127; Kolb, 2008, S. 57; Rannou, 2009, p. 473; Seyer, 2019, p. 223–230].

С северной стороны сохранилась только левая часть изображения, разделенного на два графических поля. Здесь изображен воин в коринфском шлеме, триумфально поднимающий щит поверженного противника. Позади него изображен движущийся вправо всадник, преследуемый меньшей мужской фигурой. Образ не сохранившегося правого регистра был гипотетически реконструирован Экремом Акургалом как сцена единоборства [Akurgal, 1941, S. 32]. Если интерпретировать и торжествующую фигуру, и всадника как владельца гробницы, а меньшую фигуру – в качестве сопровождающего, то в нашем распоряжении имеются сцены «триумфа в битве» и «победного возвращения домой», которые лишь косвенно связаны по содержанию [Marksteiner, 2002, S. 237].

На южной стороне погребальной камеры полностью сохранился лишь правый регистр, демонстрирующий сцену сражения обнаженного мужчины со львом и часть фигуры

на троне в левом регистре (возможно, владельца могильника). На восточной стороне изображен лев, терзающий газель или быка, голова которого проступает и на южной стороне монумента. Западная часть ансамбля рельефов демонстрирует львицу с потомством [Smith, 1892, p. 47]. Сюжеты терзания и единоборства со львом крайне существенны; занимая половину рельефной композиции погребения, они демонстрируют симметричный параллелизм и движутся с севера на юг [Hölscher, 1972, S. 14–23; Seyer, 2019, p. 231]. Зеркальное и сонаправленное отображение художественного мотива не представляется уникальным для архаической Ликии, встречаясь, например, на обеих сторонах героона Перикла Лимирского, а также в ряде рельефных композиций ликийских саркофагов классического периода [Borchhardt, 1976, S. 76–80]. Герхард Роденвальд убедительно доказал, что удвоение художественной композиции и наличие параллелизма в характере изображения выполняет репрезентативно-декоративную функцию, а вовсе не является результатом недостатка воображения художника [Rodenwaldt, 1933, S. 1051]. Лежащие львы сопровождают статую династа, установленную на более позднем «Столбе надписей» [Gygaх, Tietz, 2005, p. 90–92]. Художественный параллелизм часто встречается в оформлении дворцов Персеполя и на изображениях политических успехов Салманасара III, украшающих пьедестал его трона [Moortgat, 1967, S. 141–143]. Юрген Борхардт определял совокупное повторение одних и тех же рельефов в качестве стилистической уловки придворного искусства, представляющей интеграцией ассирийской художественной традиции в мидо-персидское дворцовое убранство [Borchhardt, 1976, S. 78].

Сюжеты «ταυροφόρος λέων» получили широкое распространение не только в образцах восточного искусства [Hölscher, 1972], но также глубоко укоренились в литературе (Hom., II., XV, 630–636: λέων ὀλοόφρων; XVII, 541–542: λέων κατὰ ταῦρον ἔδοδεώς; XVIII, 579–584) и архаической скульптуре Афин и остальной Греции вплоть до походов Дария и Ксеркса. Уже Гомер, описывая сцену гибели ликийского царя Сарпедона, сравнивает его с «пламенным быком, гибнущим под зубами могучего зверя» (II., XVI, 487). Поразительно, что этот мотив полностью исчезает после 490 г. до н. э. из репертуара аттической скульптуры. В связи с этим Г. Марко выдвинул справедливое предположение о нежелательной ассоциации данного сюжета с восточной монархией, что табуировало его вплоть до начала IV в. до н. э. [Markoe, 1989, p. 109]. Надпись памятника Кратеру в Дельфах аллегорически указывает на Дария III, сравнивает его с хищным львом, подчёркивая важность победы при Гавгамелах [Seyer, 2007, S. 143–164].

Смысловая нагрузка топоса сцен «терзаний львом быка» и степень их распространённости (на печатях, монетах и памятниках погребального искусства) в западных провинциях империи Ахеменидов убедительно свидетельствуют в пользу понимания этого сюжета в качестве символа царской власти (и особенно в пределах Анатолийского региона) [Porada, Dyson, Wilkinsin, 1962, S. 156; Cassin, 1981; Seyer, 2007, S. 35–42; Hoff, 2017, S. 273–277]. Лев, а также борьба между львом и быком использовались в качестве царской эмблемы в искусстве лидийских правителей [Hanfmann, 1983, p. 95]. Примечательно, что этот мотив был принят в ранней чеканке Креза и на некоторых лидийских печатях [Dusinberre, 2010, p. 185; Kroll, 2010, p. 148]. Исключительное значение, вкладывавшееся в данную визуальную тему для саморепрезентации правящего дома Ахеменидов, можно вывести из того факта, что этот художественный мотив украшал фасады лестниц всех важных административных зданий и дворцов Персеполя [Seyer, 2019, S. 236]. Это обстоятельство подтолкнуло Г. Марко к трактовке сюжета в качестве «династического маркера» или «имперского герба», в то время как Маргарет Рут сочла его «знаком царского достоинства и символом власти» [Root, 1979, p. 236; Markoe, 1989, p. 104]. Рассуждая о смысловой нагрузке сцены противостояния обнажённого воина и льва (на южной стороне «Львиной могилы»), Мартин Сейер небезосновательно усматривает в нем символ тесной связи правителя Ксанфа с персидскими монархами, что может указывать на происхождение его династии, установившей свою власть над западом страны сразу после персидского наше-

ствия [Seyer, 2019, p. 234]. Следуя концепции «господствующего этно-класса» («dominant ethno-class»), сформулированной Маргарет Миллер, правомерно предположить, что ликийская элита старалась маркировать свою лояльность и особое положение в имперской социально-политической структуре через подражание художественной стилистике памятников имперской «династической пропаганды» центральных провинций [Miller, 2011, p. 120].

Сцена териомахии на южной стороне памятника появляется в Ксанфе на несколько десятилетий раньше персепольских вариаций рельефов, демонстрирующих единоборство со львом Дария и Ксеркса (рис. 4) [Fellows, 1852, p. 449; Akurgal, 1941, S. 107; Seyer, 2007, S. 45]. Это навело Г. Роденвальда на мысли о более раннем источнике данного сюжета, несмотря на его явные стилистические сходства со столичными аналогами [Rodenwaldt, 1933, S. 1028–1030]. Э. Акургал считал, что греческая изобразительная традиция оказала существенное влияние на ликийский вариант изображения. Им были замечены два обстоятельства, не характерные для стилистики восточных аналогов. Следуя традиции Г. Роденвальда, Э. Акургал видел корень стилистических различий в том факте, что у греческих художников не было опыта в воспроизведении восточных мотивов, а это вынуждало их делать адаптацию в греческой манере [Akurgal, 1941, S. 19–22]. Во-первых, когти левой лапы льва соприкасаются с подбородком его противника. Э. Акургал считал этот жест характерным для сцен кентавромахии в греческом искусстве, истолковывая его как мольбу о милосердии [Akurgal, 1941, S. 23–24]. Во-вторых, голова льва была изображена спереди, что крайне нехарактерно для восточных вариаций сцен териомахии и должно было подчеркивать апотропеическое значение животного [Akurgal, 1941, S. 43–51].

Мартин Сейер не принял точку зрения Э. Акургала, сочтя ее излишне эллиоцентричной, несмотря на некоторую поддержку в научной литературе [Hölscher, 1972, S. 16; Marksteiner, 2002, S. 249]. Ученый справедливо замечает, что расположение лап хищников на персидских и ликийских памятниках демонстрирует лишь несущественные отклонения. Фасадное расположение ликийского варианта сцены териомахии совпадает с местами расположения персидских вариаций, обрамлявших дверные проёмы и парадные ворота административных зданий и царских дворцов [Seyer, 2019, p. 237–239]. Сама фигура льва-завоевателя также стилистически повторяет восточные прототипы, представляя собой локальную модификацию модели доахеменидского периода [Rodenwaldt, 1933, S. 1029]. Исследователь небезосновательно полагает, что отсутствие сюжетов териомахии в иконографии рельефов более поздних столбовых могильников, равно как и трактовка «Львиной могилы» в качестве самого раннего образца подобных гробниц, намекают на то обстоятельство, что перед нами захоронение первого династа Ксанфа, получившего права на наместничество от персов. Сюжет териомахии требовался для намека на политическую связь с персидской короной и собственной легитимации в качестве первого ставленника Ахеменидов [Seyer, 2019, p. 233–235].

Следует заметить, что М. Сейер так и не сумел убедительно обосновать причину изображения львиной морды анфас. Обходит он вниманием и фигуру убийцы льва, не считая нужным пояснить изображение его нагим, что характерно для греческих, а вовсе не восточных художественных приёмов. Ш. Озюдогру склонен объяснять «мнимую наготу» героя «Львиной могилы» отсутствием несохранившейся до наших дней краски, которой были расписаны древние рельефы, что в данном случае маловероятно [Özüdoğru, 2013, S. 75]. Рассуждая о сценах терзания на восточной и западной стороне могильника, М. Сейер не уделяет должного внимания сходным сюжетам на плохо сохранившихся рельефах «столбового могильника 2» из Тюсе и аналогичного памятника из Трисы, где по меньшей мере три панели демонстрируют идентичные сцены с лежащим и бросающимся львом или львицей [Marksteiner, 2002, S. 223; Seyer, 2019, p. 233].

Рис. 4. Южный рельеф «Львиной могилы» (слева) и дворцовый рельеф Персеполя (справа)
Fig. 4. Southern relief of the «Lion's Tomb» (left) and the Persepolis palace relief (right)

Рельефы, различным образом изображающие львиные фигуры, получили повсеместное распространение в Восточном Средиземноморье с середины VIII в. до н. э. Резкое расширение популяции этих животных и повсеместная охота на них в данный период известны нам по изображениям многочисленных оттисков печатей ассирийских правителей и рельефам Куянджикского дворца царя Ашшурбанапала, а также некоторым из его хвалебных надписей [Farkas, 1974, p. 55]. Примечательно, что терзающий быка лев изображён на росписи ликийского курганного могильника из Элмалы (Карабурун) [Mellink, 1998, p. 37–38]. Сюжет интегрирован в сцену охоты и датирован М. Дж. Меллинком третьей четвертью VI в. до н. э. [Mellink, 1998, p. 55]. Известны и архаические рельефы с изображением льва из Ксанфа [des Courtils, 1995]. Последнее обстоятельство может указывать на вероятность доперсидского появления «львиных сюжетов» в Ликии.

Изобразительная программа ликийских «столбовых могильников» архаического времени представляла собой символическое выражение *res gestae* владельца погребения, апеллирующее к художественному комплексу восточных прототипов в их синкретической связи с греческими и местными изобразительными формами [Akurgal, 1941, S. 43; Hölscher 1972, S. 18; Marksteiner, 2002, S. 288]. К. Дрейкотт справедливо выделила четыре группы сцен, в равной степени характерных для большинства образцов рассматриваемых рельефных изображений: «богатство двора» («private wealth»), «доблесть правителя» («ruler representations»), «общественная помпа» («public expenditure / public pompe») и «львиные мотивы» («lions / felines») [Draycott, 2010, p. 215–218]. Первая группа обозначена в качестве демонстрации богатства династа, способного устраивать пышные агонистические фестивали с выступлением музыкантов, танцоров и атлетов. Повторимся, что дан-

ный сюжет мог быть и визуализацией личного участия правителя в атлетических соревнованиях. Вторая группа сюжетов нацелена на прославление доблести правителя на войне и охоте, что соответствует характерному выделению личных качеств династов Геггиса и Эрббинны в посвячительных надписях рубежа V–IV вв. до н. э.

В стихотворении, посвящённом богине Лето, Симмах Пелланский отмечает, что династ Эрббина выделялся не только своей мудростью, но и отличался доблестью, владением луком и навыками верховой езды¹⁵ [Herrenschmidt, 1985, p. 126]. Страбон, следуя традиции Онесикрита, упоминает сходную надпись на погребении Дария: «Я был другом моим друзьям; я был самым искусным наездником, стрелком из лука и лучшим охотником; я мог совершить все!» (Strab., XV, 3, 8; FGrHist 134, F 35) [Schürr, 2010, S. 160]. Образцом для подобного перечня благочестий ликийских царей могла послужить надпись Дария из Накш-и-Рустам, где царь похваляется навыками владения луком, копьем и мастерством верховой езды (DNb., 32–45) [Herrenschmidt, 1985, p. 134].

Отдельные сцены рельефов погребальных камер подчинены особой сюжетной тектонике, заданной прямой взаимосвязью и единой пространственной направленностью рельефов, объединенных целостной нитью повествования. Лучше всего эта особенность демонстрируется рельефами могильника из Исинды (см. рис. 2). Сюжет триумфальных воинов из армии правителя Исинды, вскидывающих щиты поверженных ими врагов, является зеркальным отображением сюжета с изображением погонщиков и слуг, сопровождающих династа на охоте. Эти сцены динамичны и следуют в одном направлении, сходясь в центральном рельефе, демонстрирующем превосходные воинские и охотничьи заслуги самого правителя [Marksteiner, 2002, S. 288–289]. Фигуры восьми поверженных им воинов и убитых оленей сброшены к ногам династа, завершая героическое повествование. В этом контексте рельеф, запечатлевший борцов и музыкантов, играет роль безмолвного музыкального сопровождения, задающего темп и приводящего в круговое циклическое движение всю композицию. Эта «музыка боя» представляется «написанной в камне визуальной поэмой», погребальным торжеством и воспоминанием о прижизненных делах правителя. Поздние династы имели возможность использовать свои погребения в качестве стел с текстовым повествованием. Владелец «Стелы надписей» похваляется прекрасными делами¹⁶, перечисленными в ликийской части надписи рефреном через характерный термин *hãtahe* («*hertlich*» в переводе Д. Шюрра) [Schürr, 2010, S. 174]. Отсутствие письменности в период поздней архаики вынуждало династов визуализировать свои заслуги, выстраивая круговой сюжет рельефов могильника подобно повествованию греческой вазописы, «окружавшей» сосуд с прахом «главного героя».

Применительно к «Львиной могиле» лишь Г. Марко отметил возможную сюжетную связь сцены терзания на восточной стороне монумента со сценой батального триумфа южного рельефа. Заметим, что воин, вскидывающий щит в победном жесте (южный рельеф), представляется нам зеркальным отображением героя, одерживающего победу над львом (северный рельеф). Нам видится, что сцена териомахии несёт на себе глубокий отпечаток греческого художественного влияния [Marksteiner, 2002, S. 264], оставаясь типично ближневосточным сюжетом, репрезентирующим правителя в облике мифического героя, подобного Гильгамешу или Гераклу, что вполне сочетается с отождествлениями в поздних надписях¹⁷. Таким образом, весь сохранившийся южный регистр, восточный рельеф со сценой терзания и герой-победитель северной стороны включены в единый сюжет, демонстрирующий круговую динамику повествования с севера на юг, где он сходит-

¹⁵ Supplementum Epigraphicum Graecum XXXIX, 1414, 14–15: πάντα ἐμ πᾶσι πρέπων ὄσατερ σοφοὶ ἄνδρες ἰ[σασιν], τοξοσύνη τε ἀρετῆι τε ἴπλων τε διώγματα εἰδ[ώς].

¹⁶ Supplementum Epigraphicum Graecum XLII, 1245, 12: καλλίστοις δ' ἔργοις.

¹⁷ Tituli Asiae Minoris I 44 a, 50: āka: herikle.

ся в единой точке фасадной части погребения с едва сохранившимся изображением фигуры на троне [Demargne, 1958, p. 31; Marksteiner, 2002, S. 266–269].

Некоторые исследователи трактовали фигуру на троне в качестве изображения божества или сцены поклонения мертвым, связывая этот рельеф с изображениями более позднего «Монумена Гарпий» [Akurgal, 1941, S. 30–31]. На наш взгляд более справедливым было бы понимание данного изображения в качестве сцены дворцовой аудиенции, символизирующей высокий административный статус погребённого, или сцену династической преемственности власти, логически связанную с изображением «львиного семейства» на восточном рельефе и несохранившимся правым регистром южной стороны погребальной камеры [Gabelmann, 1984, S. 37–38; Jacobs, 1987, S. 46; Marksteiner, 2002, S. 266–269]. Такое понимание расположения рельефов (циклическое изображение дворцовой жизни и военных заслуг) точно повторяло бы художественную задумку могильника из Исинды.

Выводы

«Столбовые могильники» представляли собой индивидуальные захоронения правителей, но устанавливались на самое видное место или в священное пространство темени на агоре города¹⁸, помещая погребённого в божественное окружение и подчёркивая его вклад в копилку политических благодеяний всего правящего семейства [Deltour-Levie, 1982, p. 194–195; Draycott, 2007, p. 105]. Автор «Стелы надписей» похвалится тем, что его могильник был самым пышным, кропотливо перечисляя погребения предков вблизи него¹⁹ [Schürr, 2010, S. 172]. Эта же надпись указывает на сакральное значение столбовых могильников, выполнявших функцию священных «трофейонов»²⁰, возводимых в благодарность за божественную поддержку военных и иных деяний «павшего воина» [Borchhardt, 2015, S. 17–18]. Очевидно, что такими трофеями являлись щиты поверженных противников, изображавшиеся на рельефах и приносившиеся в жертву богам.

Со временем военно-политические акценты рельефных изображений уступают место художественному выражению коллективного концепта «правлящего семейства» и мотивам «дворцовой аудиенции» (что видно на примере «Монумена Гарпий»), символизирующих усиление роли политической преемственности власти, окончательное оформление династической формы правления и рост греческого культурного влияния.

Конкуренция между династическими центрами архаического времени (Ксанф на западе; Фелл, Триса, Тюсе и Исинда в центральной части страны) приводила к расширению власти и могущества отдельных династических семейств, что отразилось в увеличении размеров и пышности столбовых могильников, на смену которым пришли царские герооны объединителей страны («super-rulers» по Т. Залю) – Эрбины («Монумент Нерид») и Перикла Лимирского [Zahle, 1983, S. 107–111; Keen, 1998, p. 36; Аукаç, 2016, p. 26]. Их рельефные украшения воплощали логическое продолжение развития многих художественных приёмов, характерных для столбовых могильников (циклическое движение и зеркальное отображение сюжетов погребального рельефа), ставших первым типом монументальных захоронений и подлинным шедевром искусства ликийской архаики [Marksteiner, 2002, S. 233].

References

1. Akurgal E. 1941. Griechische Reliefs des VI. Jahrhunderts aus Lykien. Berlin, Archäologisches Institut des Deutschen Reiches, 112.

¹⁸ Supplementum Epigraphicum Graecum XLII, 1245, 3: [δ]ώδεκα θεοῖς ἀγορᾶς ἐν καθαρῶι τεμένει.

¹⁹ Tituli Asiae Minoris I 44 a 24–.

²⁰ Supplementum Epigraphicum Graecum Там же, XLII, 1245, 11: Ζητὶ δὲ π(λ)εστα τροπαῖα β(ρ)ότων ἔ(σ)τ[η]σεν ἀπάν(τ)ων.

2. Asheri D. 1983. Fra ellenismo e iranismo. Studi sulla società e cultura di Xanthos nella età achemenide. Bologna, Patron, 191.
3. Aykaç P. 2016. Patron's final manifestations: funerary architecture in Lycia. *Mekânlar/Zamanlar/İnsanlar: Hamilik ve Mimarlık Tarihi*. Ankara, ODTÜ Basım İşliği: 25–41.
4. Behrwald R. 2000. *Der Lykische Bund. Untersuchungen zu Geschichte und Verfassung*. Bonn, Habelt, 269.
5. Benda-Weber I. 2005. Lykier und Karer: zwei autochthone Ethnien Kleinasiens zwischen Orient und Okzident. Bonn, Habelt, 436.
6. Borchhardt J. 1976. Die Bauskulptur des Heroons von Limyra. Das Grabmal des lykischen Königs Perikles. Berlin, Art Stock Books Limited, 143.
7. Borchhardt J. 2015. «Die Gräben klagen, die Kanäle antworten ...». Siedlungsstrukturen in Lykien. In: Turm und Tor. Siedlungsstrukturen in Lykien und benachbarten Kulturlandschaften. Akten des Gedenkkolloquiums für Thomas Marksteiner in Wien (Wien, November 2012). Wien, Österreichisches Archäologisches Institut: 9–80.
8. Briant P. 1996. *Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre*. Paris, Fayard, 1247.
9. Bruns-Özgan C. 1987. Lykische Grabreliefs des 5. und 4. Jhs. v. Chr. Tübingen, E. Wasmuth, 299.
10. Bryce T.R. 1986. *The Lycians I. The Lycians in literary and epigraphic sources*. Copenhagen, Museum Tusulanum Press, 273.
11. Buschmann K. 1993. Hızırlık bei Fethiye: das altlykische Telebehi. *Araştırma Sonuçları Toplantısı*, 10: 429–437.
12. Cassin E. 1981. Le roi et le lion. *Revue de l'Histoire des Religions*, 198 (4): 355–401.
13. Cavalier L. 2006. Observations sur l'architecture de Xanthos à l'époque archaïque. *Revue des études anciennes*, 108 (1): 327–354.
14. des Courtils J. 1995. Un nouveau bas-relief archaïque de Xanthos. *Revue archéologique*, 337–364.
15. des Courtils J. 2003. *Guide de Xanthos et du Létôon*. Istanbul, Ege Yayınları, 174.
16. Dandamaev M.A. 1989. *A political history of the Achaemenid Empire*. Leiden, New York & Köln, E.J. Brill, 373.
17. Deltour-Lévie C. 1982. Les piliers funéraires de Lycie. *Louvain-la-Neuve, Publications d'histoire de l'art et d'archéologie de l'Université catholique de Louvain*. Vol. 33, 212.
18. Demargne P. 1958. *Fouilles de Xanthos I. Les piliers funéraires*, Paris, C. Klincksieck, 132.
19. Draycott C.M. 2007. Dynastic definitions: differentiating status claims in the Archaic pillar tomb reliefs in Lycia. *Anatolian Iron Ages 6. The proceedings of the Sixth Anatolian Iron Ages colloquium (Eskişehir, 16–19 August 2004)*. Leuven, Dudley, MA: Peeters: 103–134.
20. Dusinger E.R.M. 2010. Lydo-Persian seals from Sardis. *The Lydians and their world*. Istanbul, Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Kültür Varlıkları ve Müzeler Genel Müdürlüğü: 177–190.
21. Farkas A. 1974. *Achaemenid sculpture*. Istanbul, Peeters Publishers, 192.
22. Fellows C. 1852. *Travels and researches in Asia Minor, more particularly in the province of Lycia*. London, Murray, 510.
23. Gabelmann H. 1984. *Antike Audienz- und Tribunalszenen*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 232.
24. Gyax M.D. 2001. *Untersuchungen zu den lykischen Gemeinwesen in klassischer und hellenistischer Zeit*. Bonn, Habelt, 257.
25. Gyax M.D., Tietz W. 2005. «He Who of All Mankind Set up the Most Numerous Trophies to Zeus»: The Inscribed Pillar of Xanthos Reconsidered. *Anatolian studies*, 55: 89–98.
26. Hanfmann G.M.A. 1983. *Sardis from Prehistoric to Roman times. Results of the Archaeological Exploration of Sardis, 1958–1975*. Cambridge, Mass. & London: Harvard University Press, 512.
27. Herrenschildt C. 1985. Une lecture iranisante du poème de Symmachos dédié à Arbinas, dynaste de Xanthos. *Revue des Études Anciennes*, 87 (1): 125–135.
28. Hoff C. 2017. *Identität und Politik. Kollektive kulturelle und politische Identität der Lykier bis zur Mitte des 4. Jahrhunderts v. Chr.* Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 658.

29. Hölscher F. 1972. Die Bedeutung archaischer Tierkampfbilder. Würzburg, Konrad Tritsch Verlag, 147.
30. Hülden O. 2011. Considerations on the tumuli of Lycia in the pre-Classical period. *Anatolia Antiqua*, 19: 495–514.
31. Işık F. 2001. Zur Entstehung der Pfeilergräber in Lykien. *Anatolia in daylight. Essays in honour of Cevdet Bayburtluoğlu*. Istanbul, Homer Kitabevi ve Yayıncılık Ltd.: 123–131.
32. Işın G. 2010. The building complex on the Tepecik acropolis at Patara. *Anatolian studies*, 60: 93–104.
33. İşkan H. 2005. Das Pfeilergrab von Arsada. In: Grabtypen und Totenkult im südwestlichen Kleinasien. Internationales Kolloquium in Antalya (Antalya, 4–8 Oktober 1999). Istanbul, Akdeniz Üniversitesi: 125–130.
34. Jacobs B. 1987. Griechische und persische Elemente in der Grabkunst Lykiens zur Zeit der Achämenidenherrschaft. *Jonsered, P. Åström*, 94.
35. Jacobs B. 1994. Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III. Wiesbaden, L. Reichert, 320.
36. Keen A.G. 1998. *Dynastic Lycia: A Political of History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers: C. 545–362 B. C.* Leiden, Brill, 268.
37. Kjeldsen K., Zahle J. 1976. A dynastic tomb in central Lycia. New evidence for the study of Lycian architecture and history in the Classical period. *Acta Archaeologica*, 47: 29–46.
38. Kolb F., Kupke B. 1992. *Geschichte Lykiens im Altertum*. Mainz, P. von Zabern, 80.
39. Kolb F. 1996. Überlegungen zur politischen Geographie Zentrallykiens in klassischer Zeit. *Fremde Zeiten. Festschrift für Jürgen Borchhardt zum sechzigsten Geburtstag am 25. Februar 1996 dargebracht von Kollegen, Schülern und Freunden*, vol. 1. Wien, Phoibos-Vlg: 65–78.
40. Kolb F. 2008. *Burg – Polis – Bischofssitz. Geschichte der Siedlungskammer von Kyaneiai in der Südwesttürkei*. Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 482.
41. Kroll J.H. 2010. The coins of Sardis. The Lydians and their world. Istanbul, YKY: 143–156.
42. Markoe G.E. 1989. The «lion attack» in Archaic Greek art: heroic triumph. *Classical Antiquity*, 8 (1): 86–115.
43. Marksteiner T. 2002. *Trysa – Eine zentrallykische Niederlassung im Wandel der Zeit. Siedlungs-, architektur- und kunstgeschichtliche Studien zur Kulturlandschaft Lykien*. Wien, Phoibos Verlag, 292.
44. Marksteiner T. 2005. Überlegungen zu den lykischen Pfeilergräbern der archaischen Periode. In: Grabtypen und Totenkult im südwestlichen Kleinasien. Internationales Kolloquium in Antalya (Antalya, 4–8. Oktober 1999). Antalya, Akdeniz Üniversitesi: 211–220.
45. Melchert C.H. 2004. *A Dictionary of the Lycian Language*. Ann Arbor, Beech Stave Press, 134.
46. Mellink M.J. 1998. *Kızılbél. An Archaic painted tomb chamber in northern Lycia*. Philadelphia, University Museum, University of Pennsylvania for Bryn Mawr College, 94.
47. Metzger H. 1963. *Fouilles de Xanthos II. L'acropole lycienne*, Paris, Klincksieck, 110.
48. Miller M. 2011. «Manners Makyth Man»: Diacritical Drinking in Achaemenid Anatolia. *Cultural Identity in the ancient Mediterranean*. Los Angeles, Getty Research Institute: 97–134.
49. Moortgat A. 1967. *Die Kunst des Alten Mesopotamien. Die klassische Kunst Vorderasiens*. Köln, DuMont Reiseverlag, 252.
50. Neumann G. 2007. *Glossar des Lykischen*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 453.
51. Özüdoğru Ş. 2013. Arkaik Dönem'den bir Likya Dynast Mezarı üzerindeki aslan öldürme sahnesi anlamı ve kökeni üzerine değerlendirmeler. *Anadolu*, 39: 69–86.
52. Porada E., Dyson R., Wilkinson C. 1962. *Alt Iran. Die Kunst in vorislamischer Zeit*. Baden-Baden, Holle Verlag um, 286.
53. Rannou F. 2009. Image et société en Lycie au VIe siècle avant J.-C.: le pilier d'Isinda et son programme iconographique. *Revue des études anciennes*, 111 (2): 453–474.
54. Rodenwaldt G. 1933. Griechische Reliefs in Lykien. *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse*, 27: 1028–1055.
55. Root M.C. 1979. The king and kingship in Achaemenid art. *Essays on the creation of an iconography of empire*. Leiden, Peeters Publishers, 357.

56. Rudolph C. 2003. Das «Harpyien-Monument» von Xanthos. Seine Bedeutung innerhalb der spätarchaischen Plastik. Oxford, BAR Publishing, 142.
57. Schürr D. 2010. Zum Agora-Pfeiler in Xanthos II: Selbstlob auf Perserart und Ordnung des Raumes. *Kadmos*, 48 (1–2): 157–176.
58. Seyer M. 2003. Ein Pfeilergrab mit Totenmahl-Darstellung aus Limyra. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologische Instituts*, 1 (72): 207–226.
59. Seyer M. 2007. Der Herrscher als Jäger. Untersuchungen zur königlichen Jagd im persischen und makedonischen Reich des 6–4. Jahrhunderts v. Chr. Sowie unter den Diadochen Alexanders des Großen. Wien, Phoibos Verlag, 202.
60. Seyer M. 2019. Pillar Tombs and the Achaemenid Rule in Lycia. *Boreas*, 37: 217–247.
61. Seyer M. 2019b. Some Terms for Funerary Monuments of Lycia in the Classical Period 1: Sarcophagi. *Luwic dialects and Anatolian: Inheritance and diffusion*, 12: 251–265.
62. Smith A.H. 1892. A catalogue of sculpture in the Department of Greek and Roman antiquities, British Museum I. London, Printed by order of the Trustees, 420.
63. Tuplin C.J. 1987. The administration of the Achaemenid Empire. Coinage and administration in the Athenian and Persian empires. *The Ninth Oxford Symposium on Coinage and Money History*. Oxford, BAR Publishing: 109–166.
64. Zahle J. 1979. Lykische Felsgräber mit Reliefs aus dem 4. Jahrhundert v. Chr. Neue und alte Funde. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts Berlin*, 94: 245–346.
65. Zahle J. 1980. Lycian tombs and Lycian cities. In: *Actes du colloque sur la Lycie antique*. Paris, Libr. d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve: 37–49.
66. Zahle J. 1983. Arkæologiske studiere i lykiske klippgrave og ders reliefer fra c. 550–300 f.Kr. Sociale og religiøse aspekter. Copenhagen, Museum Tusulanum, 180.
67. Zhuber-Okrog K. 1990. Zeugnisse lykischer Dynasten. Götter, Heroen, Herrscher in Lykien. *Katalog zur Ausstellung auf der Schloss Schallaburg*. Wien, A. Schroll: 225–227.
68. Zimmermann M. 1992. Untersuchungen zur historischen Landeskunde Zentrallykiens. Bonn, Habelt, 282.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баранов Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Baranov, candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Air Force Academy named after prof. N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin, Voronezh, Russia

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-536-545

Дискуссия о датировке квестуры Л. Лициния Лукулла и надпись из Мопсуестии: проблема обозначения должностного статуса

Дементьева В.В.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
15003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14
vv.dementieva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историографическому анализу дискуссионной проблемы датировки занятия Л. Лицинием Лукуллом магистратуры квестора (и, соответственно, промагистратуры проквестора, последовавшей после нее). Дискуссия по этому вопросу, которая была начата в 70-е гг. XIX в., не может, на взгляд автора, считаться законченной, поскольку обнаружение в 80-е гг. XX в. надписи на греческом языке из Мопсуестии²¹ требует внесения корректив в представления историков о полномочиях Лукулла в 80-е гг. I в. до н. э. В той части инскрипции, которая понимается как официальное письмо Лукулла властям и жителям Мопсуестии, он называет свой должностной статус ταμίαις καὶ ἀντιστράτηγος, что соответствует латинскому его обозначению как quaestor pro praetore. Временем составления письма Лукулла публикаторы надписи называют 86 г. до н. э., что входит в противоречие с имеющимися в научной литературе датировками квестуры Лукулла – 88 или 87 гг. до н. э., в связи с чем возникают вопросы об обозначении в эпиграфике должностного статуса квесторов и проквесторов, особенно при получении ими полномочий pro praetore. Автор статьи суммирует высказанные в историографии точки зрения, фиксируя значительный разброс мнений. Делается вывод о том, что для понимания конкретной ситуации Л. Лициния Лукулла и уточнения года занятия им магистратуры квестора, необходимо проанализировать имеющуюся информацию обо всех известных случаях функционирования квесторов/проквесторов pro praetore, – это даст возможность рассмотреть статус Лукулла в контексте римской практики предоставления низшим магистратам и промагистратам преторских полномочий.

Ключевые слова: Quaestor, proquaestor/pro quaestore, quaestor pro praetore, ταμίαις, ταμίαις καὶ ἀντιστράτηγος, Л. Лициний Лукулл, Мопсуестия, дискуссия, датировка.

Для цитирования: Дементьева В.В. 2021. Дискуссия о датировке квестуры Л. Лициния Лукулла и надпись из Мопсуестии: проблема обозначения должностного статуса. Via in tempore. История. Политология, 48 (3): 536–545. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-536-545.

The controversy over the date of q. Licinius Lucullus' quaestorship and the inscription from Mopsuestia: the terminology for describing public offices

Vera V. Dementyeva

P.G. Demidov Yaroslavl State University,
14 Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, Russia
vv.dementieva@mail.ru

Abstract. This paper charts the scholarly debates about the date of L. Licinius Lucullus' quaestorship (and, therefore, his proquaestorship). The issue has been under discussion since the 1870s and is still far

²¹ Supplementum Epigraphicum Graecum XLIV. 1227.

from being resolved given the discovery in the 1980s of a Greek inscription from Mopsuestia²² which compels us to reconsider Lucullus's official position in the 80s B. C. In the section which has been recognized by modern researchers as Lucullus' official letter to the authorities and the people of Mopsuestia, Lucullus gives his title as ταμίης καὶ ἀντιστράτηγος, which corresponds to the Latin title *quaestor pro praetore*. The first editors of the inscription date the letter of Lucullus to 86 B. C, which contradicts the earlier scholarly suggestions to place Lucullus' quaestorship in 88 or 87 B. C. In this connection, it is important to ask about the specificity of the epigraphical terminology for quaestors and proquaestors, especially in the cases where these officials were given power *pro praetore*. This paper reviews the wide variety of incompatible modern views on these issues and argues that the key to clarifying the specific situation of L. Licinius Lucullus and the date of his quaestorship is to study the evidence on all known cases of the activities of quaestors/proquaestors *pro praetore*. This will make it possible to examine Lucullus's position within the general context of the Roman practice of granting praetorian powers to the lower magistrates and promagistrates.

Keywords: Quaestor, proquaestor/pro quaestore, quaestor pro praetore, ταμίης, ταμίης καὶ ἀντιστράτηγος, L. Licinius Lucullus, Mopsuestia, discussion, dating.

For citation: Dementyeva V.V. 2021. The controversy over the date of q. Licinius Lucullus' quaestorship and the inscription from Mopsuestia: the terminology for describing public offices. *Via in tempore. History and political science*, 48 (3): 536–545 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-536-545.

Введение

Дискуссионное обсуждение датировки квестуры Лукулла в историографии длится уже полтора века, но на данный момент не может, на наш взгляд, считаться завершенным, поскольку находка в 80-е гг. XX в. надписи из Мопсуестии²³, поставила новые вопросы, теснейшим образом связанные с этой дискуссией. Это обуславливает необходимость внимательно проанализировать дискуссию, сопоставляя аргументацию исследователями их позиций и акцентируя попытки разрешить противоречия, возникшие после обнаружения названной надписи, а также выделить и суммировать точки зрения по поводу должностного статуса Лукулла и терминологии его обозначения.

Результаты и их обсуждение

Проследим развитие дискуссии, отмечая ее узловые моменты. Первым задумался над отнесением квестуры Лукулла к определенному году Теодор Моммзен (заметим, что о его приоритете в постановке данного вопроса обычно забывают; никто из тех, кто в XX и XXI вв. занимался этим сюжетом, о его приоритете не вспомнил). Т. Моммзен, видимо, сразу оценив ситуацию с сообщениями источников²⁴, колебался в своей датировке квестуры Луция Лукулла между 88 и 87 г. до н. э., комментируя латинскую надпись с о. Делос с упоминанием проквестуры Лукулла [Corpus, 1873, p. 1303]. Этой позиции Т. Моммзена придерживался и Эрнст Ломматч [Corpus, 1918, p. 530], заново воспроизводя текст надписи и публикуя ее фотографию.

Затем возобладало мнение, что квестуру Луция Лукулла следует отнести к 88 г. до н. э. Так поступали Уильям Митчелл Рамсей, когда он изучал надпись из Синнады²⁵

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ В нарративной традиции противоречие заложено, например, в словах псевдо-Аврелия Виктора о том, что Лукулл «...будучи квестором, устроил роскошные зрелища народу. Затем через Мурену он передал консулу Сулле флот Митридата...» (Aurel. Vict. Vir. III. 74. 1–2. Пер. В.В. Соколова). Следовательно, получается, что во время консулата Суллы он был квестором, а консулат Суллы относится в 88 г. до н. э., но события, в которых Лукулл разбил флот Митридата, исследователи относят к 87 г. до н. э.

²⁵ Inscriptiones Graecae ad Res Romanas Pertinentes 4. 701; Monumenta Asiae Minoris Antiqua IV. 52.

[Ramsay, 1883, p. 298], и Мишель Арманд Клерк, анализировавший надпись из Фиатире²⁶ [Clerc, 1886, p. 399], а также Германн Дессау при воспроизведении надписи с о. Делос [Inscriptiones, 1892, p. 19, 194]. С этим же годом связывали квестуру Лукулла Фридрих Зобек в диссертации о квесторах республиканского времени [Sobeck, 1909, S. 29] и Феликс Дюррбах [Choix, 1923, p. 243–244], датировавший квестуру Лукулла 88 г. до н. э. на том основании, что одна надпись²⁷ называет его квестором (относится к фессалийской территории Греции, из Гипаты), а другая надпись, с о. Родос²⁸, – проквестором²⁹.

Однако уже в начале 20-х гг. XX в. Ханс Помтов определял годом квестуры Л. Лициния Лукулла 87 г. до н. э. [Pomtow, 1921, S. 163–164]. Он анализировал греческую надпись из Дельф, в которой весьма вероятным, судя по сохранившейся части слова, является упоминание квесторской должности, но от имени ее носителя остались только пять букв генетивного окончания, позволяющие считать, что речь идет о сыне Луция, тогда как семейное имя отсутствует. Она была опубликована сначала Х. Помтовым в журнале «Клио», а через два года в первом томе Supplementum Epigraphicum Graecum³⁰. В историографии реконструкцию Х. Помтова практически не восприняли [см., например: Ameling, 1989, S. 99. Anm. 10; Sayar, Siewert, Taeuber, 1994, S. 118. Anm. 13], хотя она, по нашему мнению, заслуживает внимания [см.: Дементьева, 2015, с. 119–125].

К концу 20-х гг. XX в. с выходом XIII тома энциклопедии Георга Виссова, содержащего статью Маттиаса Гельцера о Л. Лицинии Лукулле, где он отнес квестуру Лукулла к 87 г. до н. э. [Gelzer, 1926, S. 377], мнение о том, что ее следует датировать именно так, стало более распространенным. Этой даты, 87 г. до н. э., придерживались автор биографического труда о Лукулле Жюль ван Оотехем [Ooteghem, van, 1959, p. 19] и поначалу Томас Роберт Броутон [Broughton, 1986b, p. 47], фундированный справочник которого вышел первым изданием ранее книги Ж. ван Оотехема, в начале 50-х гг.

К середине 60-х гг. в дискуссии начался новый этап. Эрнст Бэдиан вернулся к датировке квестуры Лукулла 88 г. до н. э. [Badian, 1964, p. 220]. Он аргументировал такую позицию тем, что, по сообщению Аппиана³¹, Суллу в его первом походе на Рим из военных командиров поддержал только один квестор, не названный по имени римским историком, которым, на взгляд Э. Бэдиана, мог быть именно Л. Лициний Лукулл, всегда остававшийся ему верным. Датировка Э. Бэдиана была поддержана Артуром Кивни [Keaveney, 1992, p. 17–18] и заставила Т.Р. Броутона изменить в третьем томе его справочного издания свое первоначальное мнение [Broughton, 1986a, p. 121]. Такая датировка получила, очевидно, в силу авторитета Э. Бэдиана и Т.Р. Броутона широкое распространение в работах о Сулле и сопредельным темам, изданных до середины 90-х гг. XX в. [см.: Schütz, 1994, S. 54. Anm. 10].

Но возврат к более ранней датировке вызвал категорическое несогласие Гюнтера Шютца [Schütz, 1994, S. 54–58], посвятившего свою диссертацию раннему периоду карьеры Л. Лициния Лукулла. Г. Шютц обосновывал датировку 87 годом тем, что надпись из Балканской Греции, из Гипаты³², содержит название должности Л. Лукулла как ταμίης (квестор), в противоположность пяти (он так считал) надписям из малоазийских и островных центров (Эфеса, Синнады, Фиатире, Родоса и Делоса), в которых Лукулл назван уже проквестором (ἀντιταμίης, pro q.).

²⁶ Corpus Inscriptionum Latinarum I. P. 1305; IGR. IV. 1191; Tituli Asiae Minoris V. 2. 918.

²⁷ Sylloge Inscriptionum Graecarum³ № 743.

²⁸ Sylloge Inscriptionum Graecarum³ № 745.

²⁹ О надписях из Гипаты, Синнады, Фиатире и с Родоса см.: [Дементьева, 2013а, с. 14–19] О надписи с о. Родос см. также: [Дементьева, 2019, с. 53–67].

³⁰ Supplementum Epigraphicum Graecum I. 153.

³¹ App. В.С. I. 57: «Командиры войска, за исключением лишь одного квестора, не соглашаясь вести войско против своей родины, убежали в Рим» (пер. под ред. С.А. Жебелева и О.О. Крюгера).

³² Inscriptiones Graecae IX.2. 38= Sylloge Inscriptionum Graecarum³ № 743.

Г. Шютц подробно объяснил, что Л. Лукулл не мог ранее 87 г. до н. э. вступить на греческую землю в качестве магистрата, и только один год из многих лет, проведенных им на Востоке, собственно 87 г. до н. э., и находился в Греции. Г. Шютц отверг точку зрения Бернхарда Возника, высказанную в его диссертации [Wosnik, 1963, S. 51]³³, о том, что для датировки не имеет значения место находки. Отрицание Б. Возником отнесения квестуры Л. Лукулла к 87 г. до н. э. строилось на том, что, во-первых, надпись из Гипаты исходила не от римлян, а от греков, а, во-вторых, пророгация в I веке до н. э. не была необходимой [Wosnik, 1963, S. 50–51]. Оппонируя этому выводу, Г. Шютц подчеркивал, что вообще все известные надписи о почитании Лукулла исходили не от римлян (в лучшем случае почести ему воздавали италики), и не понятно, почему именно община энианов должна была в надписи из Гипаты использовать неверную терминологию [Schütz, 1994, S. 58]; к тому же речь идет не о всем I веке до н. э., а только о двух его десятилетиях, а именно о том времени, о котором сам Б. Возник писал, что пророгированная магистратура обычно отмечалась в ее названии.

Казалось, что вопрос о датировке квестуры (и, соответственно, начала проквестуры) Л. Лициния Лукулла после исследования Г. Шютца однозначно решен. Но в том же году, когда была защищена диссертация Г. Шютца, в 1994 г. была опубликована найденная в конце 80-х гг. XX в. надпись из Мопсуестии (Восточная Киликия) в статье антиковедов из Вены Ханса Тойбера, Петера Зиверта и стамбульского их коллеги Мустафы Хамди Заяра, посвященной анализу ее содержания и историческому фону ее составления [Sayar, Siewert, Taeuber, 1994, S. 113–130]. Затем надпись публиковалась Кентом Ригсби [Rigsby, 1996, p. 465–471] и в *Supplementum Epigraphicum Graecum* [Supplementum, p. 436–438].

Надпись из Мопсуестии³⁴ сохранилась на мраморном блоке, 60 см в высоту, 38 см в ширину и 16 см толщиной; был ли камень частью стены или храма, либо отдельной стелой, – не ясно. Отсутствуют начало и конец текста, начало строк 5–27 сохранилось, остальных – нет, окончания всех строк утрачены³⁵.

После публикации киликийской надписи дискуссия пошла на новый круг, т. к. все опять запуталось, ибо в этой надписи должностное положение Л. Лукулла обозначено как *ταμίης καὶ ἀντιστρά[της]*, т. е. *quaestor pro praetore*. При этом Лукулл сам называет свой должностной статус, ошибиться он в этом случае не мог, неверное обозначение следует исключить. Это эпистолярный текст, но письмо тем не менее официальное. Поэтому текст по своему содержанию – не нарративный, а документальный. Термином *στρατάρχης* греки могли обозначать статус любого военачальника, но чаще всего – претора [см. об этом: Дементьева, 2019, с. 59]. Соответственно, *ἀντιστράτης* – тот, кто вместо претора, заменяющий его, в данном случае – квестор.

Надпись из Мопсуестии была продатирована 86 г. до н. э. сначала Х. Тойбером [Sayar, Siewert, Taeuber, 1994, S. 119–120], а затем К. Ригсби [Rigsby, 1996, p. 466] и в *Supplementum Epigraphicum Graecum* [Supplementum, 1997, p. 436]. Получалось, следовательно, что и в 87 г., и 86 г. до н. э. – квестура Л. Лукулла, но два года подряд находиться в статусе данного магистрата он, очевидным образом, не мог. Ситуация становилась тем более неясной, поскольку Х. Тойбер не предложил датировать квестуру Лукулла 86 г. до н. э., а поддержал датировку квестуры Лукулла 87 г. [Sayar, Siewert, Taeuber, 1994, S. 118], солидаризировавшись в возврате к ней с Г. Шютцем.

В публикациях реконструкция текста инскрипции выглядит так (см. рис. 1):

³³ К этой диссертации непосредственно мы не обращались, приведенная отсылка содержится в работе Г. Шютца.

³⁴ *Supplementum Epigraphicum Graecum* XLIV. 1227.

³⁵ Подробнее характеристику данного эпиграфического памятника см.: [Sayar, Siewert, Taeuber, S. 113–116].

[-----]
 [- ca. 7 -] ασαντ[----- ca. 24 -----]
 [- ca. 6 -] σεως τῆς .[----- ca. 22 -----]
 [...] τῆς Ἰσιδος ἄσυλ[ίαν ----- ca. 16 -----]
 4 [...] ἱερὸν, ἦν ὑπὸ τῶν βασιλ[έων --- ca. 9 --- διὰ
 [τ]ὴν εὐσεβειαν τὴν πρὸς τῆ[ν θεὰν καὶ κατὰ τὴν]
 πα[ρ]άκλησιν τὴν Λευκόλλου [---- ca. 13 ----]
 8 συνεχώρησα ἄσυλον εἶναι τὸ [ἱερὸν τὸ]
 τῆς Ἰσιδος·
 vacat
 Λεύκολλος ταμίας καὶ ἀντιστρά[τηγος τοῖς]
 Μουσαετῶν ἄρχουσι, βουλῆι, δῆμωι [χαίρειν· τὸ]
 12 ἱερὸν τῆς Ἰσιδος καὶ τοῦ Σαράπιδ[ος σεμνότα]-
 τον καὶ ἔνδοξον ὑπάρχον ἐν πάσῃ τ[ε πόλει]
 καὶ χώραι δοξαζόμενον καὶ παρ' ὑμε[ῖν τει]-
 μῆς τῆ[ς] μεγίστης κατηξιωμένον κ[έκρικα]
 16 καὶ αὐτὸς καθ' ἃ καὶ οἱ π[ρ]ὸ ἡμῶν αὐ[τοκρά]-
 τορες ἐπέκ[ρι]ναν ἄσυλον εἶναι· Διόδοτον [δὲ Διοδό ?]-
 του τοῦ Ἀθηνίου τὸν ἱερέα τοῦ Σα[ράπιδος]
 καὶ τῆς Ἰσ[ιδ]ο[ς] καθεὶληφῶς ἄνδρα χρήσι[μον θρησ ?]-
 20 κωδέστα[τα] Εἰ[.] διαφέροντα τοῖς τε θεο[ῖς λυσιτε]-
 λέστατ[α πα]ρεδρεύοντα καὶ τὰς θεραπε[ῖας ποιού]-
 μενον εὐσεβεστάτας καὶ ἱεροπρεπέ[στατα τὰ τῶν]
 θεῶν τεῖμια ἐπαύξοντα καὶ τὸν τόπ[ον]-
 24 αι ἐπιμελεία κοσμοῦντα ἀποδεξάμε[νος τιμᾶν ? αὐ]-
 τὸν βούλομαι, ἐπεὶ περ καὶ αὐτνοὶ τε[ίμιόν]
 τι πεποιήκατε πολλῶι μᾶλλον κα[τάξιον]
 χάριν τειμῆς καὶ καταλόγῃς τῶι δῆ[μωι ἐν]
 28 ταῖς διαπράσεσι τῶν ὄνων ποιοῦντ[ες πα]-
 ράιρεσιν κεφαλῆς αὐτοῦ τε καὶ γυνα[ῖκος καὶ]
 [υἱ]ῶν τριῶν καὶ τῆς ὑπαρχο[ύ]σης αὐ[τῶι οὐσίας]
 [.....]IT[...]ΟΥΡΙΟ[----- ca. 19 ----- ?]
 [----- ?]

Рис. 1. Реконструкция надписи из Мопсуестии
 Fig. 1. Reconstruction of an inscription from Mopsuestia

Х. Тойбер подчеркивал при этом, что аргументом в пользу такой даты служат не столько приведенные Г. Шютцем сопоставления титулатуры Лукулла по данным эпиграфики, сколько соображения следующего плана: такое достойное похвалы обстоятельство – то, что Лукулл, будучи квестором, остался в качестве единственного преданного Сулле полководца (на которое ссылался Э. Бэдиан в обосновании своей позиции) – не могло бы быть не упомянуто Плутархом в биографии Суллы: такой пример лояльности и доверия не мог быть обойден молчанием. Вместе с тем, как отмечено, Х. Тойбер не стал датировать письмо от имени Лукулла в Мопсуестию 87 г. до н. э. Он писал, что в таком случае следовало бы предположить, что посольство жителей Мопсуестии посетило Лукулла в Греции, так как в середине зимы 87/86 г. он предпринял морское путешествие. Но, с другой стороны, невероятно, – подчеркивал Х. Тойбер, – что Лукулл составил это письмо в то время, когда его вышестоящий начальник, Сулла, находился в Греции, так как в этом случае обращались бы к нему как к носителю

империя. Мыслимый период времени составления сжимается, на взгляд австрийского исследователя, до отрезка максимум от двух до трех месяцев, во время которых Лукулл был в Греции с авангардом Суллы, а тот сам с основным войском еще не прибыл туда. Из-за весьма небезопасных морских коммуникаций очень сомнительно, указывал Х. Тойбер, чтобы сообщение о прибытии Лукулла в Грецию так быстро удалось доставить в Киликию, и жители Мопсуеетии тотчас направили к нему делегацию; флот Митридата и пираты, несомненно, воспрепятствовали бы такому контакту.

Поэтому, отказавшись считать 87 г. до н. э. временем составления письма, найденного в качестве эпиграфического памятника, Х. Тойбер предложил следующее объяснение. Хорошо известен факт, что Лукулл во время своего нахождения в Греции за счет храмовых сокровищ, награбленных Суллой из Олимпии, Дельф и Эпидавра, чеканил монету. Он выполнял, следовательно, – определяет Х. Тойбер, – функции «полевого (военного) квестора». Но такой квестор, – продолжает он рассуждения дальше, – который обычным образом находился в должности в течение похода, был, кроме того, представителем командующего в случае отсутствия последнего и мог выполнять особые задачи с наделением империем. В качестве примера таких действий Х. Тойбер привел миссию Пизона в Испании в 64 г. до н. э. (Sall. Cat. 19) и экспедицию Катона на Кипр в 58 г. до н. э. (Vell. II. 45). Поэтому, на взгляд Х. Тойбера, предоставление Лукуллу статуса *quaestor pro praetore* следует связать с его собиранием флота (в конце 87 г. Лукулл был послан Суллой в Египет и Ливию, чтобы попросить суда у дружественных правителей – Plut. Luc. II), а его письмо с большой вероятностью датировать 86 г. до н. э. – временем, когда он был в пути в Восточном Средиземноморье, собирая флот и вступая в контакт с слевкидскими городами. Итак, Х. Тойбер отнес квестуру Л. Лициния Лукулла к 87 г. до н. э., а надпись с фиксацией его должностного положения как *ταμίης καὶ ἀντιστράτηγος* тем не менее к 86 г. до н. э.

Против датировки квестуры Л. Лукулла 88 годом до н. э., которую стремился подкрепить Э. Бэдиан, выступил также Питер Тонеманн из университета Оксфорда, через 10 лет после диссертации Г. Шютца опубликовавший свою небольшую статью [Thonemann, 2004, p. 80–82], но не сославшийся на диссертацию предшественника (видимо, не использовавший ее), однако также исходивший из того, что на основе надписи из Гипаты квестура Л. Лукулла должна быть отнесена к 87 г. до н. э. Но если ко времени написания Г. Шютцем его исследования еще не была введена в научный обиход надпись из Мопсуеетии в Восточной Киликии, датируемая в статье Х. Тойбером, как отмечено выше, 86 г. до н. э., где должностное положение Л. Лукулла обозначено как квестора *pro praetore*, то П. Тонеманн уже знал об этом факте, вступающем в противоречие с датировкой квестуры Л. Лукулла 87 годом. В итоге П. Тонеманн не согласился с Х. Тойбером в датировке надписи из Мопсуеетии 86 г. до н. э., полагая, что она относится также к году именно квестуры Л. Лукулла, т. е. к 87 г. до н. э. Логика его рассуждений сводилась к тому, что в эпиграфических памятниках терминология, как правило, точна, она не может быть искажена небрежной записью – эпиграфическая практика сильно отличалась от практики написания литературных текстов. Если, подчеркивал П. Тонеманн, Цицерон (Cic. Pro Arch. 11) мог использовать обозначения *quaestor/pro quaestore* небрежно, то это не означает, что и в эпиграфическом источнике такая небрежность возможна, тем более в письме к киликийскому городу Лукулл сам называет свой титул. Для аргументации своей позиции П. Тонеманн привел ряд примеров: если эпиграфический материал, две надписи из Пергамма (IGR IV. 400, 401), приводят для Луция Антония, брата триумвира, название должности *ταμίης καὶ ἀντιστράτηγος*, то у Иосифа Флавия (Jos. Flav. A.J. 14. 235) она дана как *ἀντιταμίης καὶ ἀντιστράτηγος*, что отражает ситуацию оставления Л. Антония в провинции в 49 г. до н. э. после квестуры 50 г. до н. э. В целом П. Тонеманн призвал учитывать принцип строгой терминологической точности в эпиграфических текстах.

В 2006 г. Бернд Крайлер снова вернулся к вопросу о датировке квестуры Л. Лукулла [Kreiler, 2006, S. 73–82]. Он поддержал точку зрения о том, что квестура Л. Лукулла отно-

сится к 87 г. до н. э. [Kreiler, 2006, S. 79], но не давал отсылок на работы своих предшественников (в частности, ни на диссертацию Г. Шютца, ни на статью П. Тонеманна) в аргументации этой датировки, указав только надпись из Гипаты основанием для таковой. Вместе с тем он сделал вывод: «Можно постулировать, что проквестор, который в сулланское время получал пропреторский империй в одной из провинций греческого Востока, в надписях фигурирует как ταμίας καὶ ἀντιστράτηγος» [Kreiler, 2006, S. 81]. Таким образом, Б. Крайлер, проигнорировав наблюдения П. Тонеманна (судя по всему, к работе последнего, за два года перед тем опубликованной, он не обращался), утверждал прямо противоположное ему. Б. Крайлер оспаривал к тому же вывод Х. Тойбера о датировке надписи из Мопсуестии 86 г. до н. э., показывая несостоятельность примера, приведенного Х. Тойбером, о Кальпурнии Пизоне в качестве военного квестора в Испании, усматривая существенное различие: Пизон получил пропреторские полномочия по управлению провинцией от сената (Sall. Cat. 19. 2), в то время как плавание Лукулла не было военным предприятием, а представляло собой посольскую миссию. Б. Крайлер в итоге заключил, что Л. Лукулл был в Азии в статусе *proquaestor pro praetore* в 81/80 г. до н. э.

Мануэль Трёстер, подробно проанализировавший биографию Л. Лукулла в жизнеописаниях Плутарха, касаясь вопроса о датировке его квестуры [Tröster, 2008. p. 79–80], отметил, что, действительно, один релевантный текст с упоминанием таковой, происходящий из материковой Греции, который может с уверенностью быть отнесен к 87 г., и пять более поздних надписей из Эгеиды и Малой Азии, в которых статус Лукулла обозначен как проквесторской, находятся в соответствии с интерпретацией, данной Г. Шютцем и П. Тонеманном. М. Трёстер обратил внимание на то, что терминологическая передача должности Лукулла в надписи из Мопсуестии, предположительно датированной 86 г. до н. э., не соответствует занятию квестуры Л. Лукуллом в 87 г., но заметил, что точность в названии римской магистратуры в текстах не всегда является сама собой разумеющейся [Tröster, 2008. p. 80]. Выводы Б. Крайлера М. Трёстер не обсуждал и не указывал его работу, вышедшую двумя годами ранее, в числе имеющих отношение к этому вопросу.

Авторы первой и единственной монографии по римской магистратуре квесторов, опубликованной в 2019 г., Франсиско Пина Поло и Алехандро Диас Фернадес придерживаются датировки квестуры Л. Лициния Лукулла 87 годом, относя его проквестуру к 86–80 гг. до н. э. [Pina Polo, Díaz Fernández, 2019, p. 152–153; 275, 340]. Специальный раздел в данной книге посвящен просопографии, в котором, разумеется, есть и информация о Лукулле, в частности приводятся наименования его должности из ряда надписей, но среди этого перечисления нет обозначения его статуса, отраженного в надписи из Мопсуестии [Pina Polo, Díaz Fernández, 2019, p. 275], как нет в библиографическом списке названных нами выше работ М.Х. Заяра, П. Зиверта и Х. Тойбера, а также Б. Крайлера и М. Трёстера. Тем самым, к сожалению, новые вопросы, которые ставит перед исследователями надпись из Мопсуестии, не находят в монографии Ф. Пина Поло и А. Диаса Фернадеса отклика, как, собственно, и не обсуждается в ней статус *quaestor pro praetore* как таковой.

Выводы

В целом, как видим, в историографии вопроса сложилась такая картина. Квестура Луция Лициния Лукулла датируется 87 г. до н. э. (в дискуссиях о датировке долгое время конкурировавшая дата – 88 г. до н. э. – уже фактически безнадежно «проиграла»). Однако надпись из Мопсуестии, продатированная всеми издателями 86 г. до н. э., заставила исследователей искать объяснение тому факту, что в ней Лукулл назван квестором с пропреторскими полномочиями – ταμίας καὶ ἀντιστρά [τηγος]. Высказаны были следующие точки зрения (суммируем их в хронологической последовательности публикации в научной литературе):

1. «Военные квесторы» могли оставаться таковыми за пределами административного года, если поход не закончился, при этом они не назывались проквесторами, поэтому в

случае получения полномочий *pro praetore* имели обозначение *quaestor pro praetore* /*ταμίης καὶ ἀντιστράτηγος*; Л. Лициний Лукулл имел такой статус в 86 г. до н. э.

2. *Proquaestor pro praetore* мог ошибочно называться в надписях (как и в нарративных текстах) квестором; признание возможности такой ошибки позволяет датировать надпись из Мопсуестии 86 г. до н. э.

3. Ошибку написания «квестор» вместо «проквестора» в эпиграфических памятниках следует исключить и считать ошибочной датировку киликийской надписи 86 г. до н. э., признав тем самым, что именно в 87 г. до н. э. Л. Лукулл, будучи квестором, исполнял пропреторские обязанности.

4. Никакой ошибки в обозначении должности нет; это не ошибка, а практика сулланского времени – обозначение проквесторов с пропреторскими полномочиями в греческих надписях как *ταμίης καὶ ἀντιστράτηγος*, при этом надпись из Мопсуестии должна датироваться 81/80 г. до н. э., что не мешает относить квестуру Л. Лукулла к 87 г. до н. э.

Такой разброс мнений, явная спорность последнего по времени из них, а также то, что позиции исследователей формулировались далеко не всегда в диалоге, хотя бы и заочном, а высказывались параллельно, невзирая на уже опубликованные контрдоводы, означает необходимость нового обращения к данному вопросу. При этом мы полагаем, что надо проанализировать имеющуюся информацию обо всех известных случаях функционирования квесторов и проквесторов *pro praetore*, чтобы конкретную ситуацию Л. Лициния Лукулла понять в контексте римской практики предоставления низшим магистратам и промагистратам преторских полномочий; только после этого можно делать выводы и о датировке квестуры, а соответственно, начала проквестуры этого римского политического и военного деятеля.

Список литературы

1. Дементьева В.В. 2013а. Греческие надписи о квестуре и проквестуре Л. Лициния Лукулла. Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 4: 14–19.
2. Дементьева В.В. 2013б. Делосская латинская надпись о проквестуре Лукулла: Луций или Марк? Проблемы истории филологии и культуры. 4: 54–62.
3. Дементьева В.В. 2015. Надпись из Дельф (*Supplementum Epigraphicum Graecum* I. 153): квестор – Луций Лициний Лукулл? Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. IV. Сборник научных трудов к 50-летию профессора Н.Н. Болгова. Е.В. Литовченко, С.Н. Прокопенко, Е.А. Семичева (ред. кол.). Белгород, «Эпицентр», 119–125.
4. Дементьева В.В. 2019. Родосская надпись (*Sylloge Inscriptionum Graecarum*³, № 745): что связывало грека Поликла с римскими должностными лицами? *Lumen intellectus*. Памяти Ии Леонидовны Маяк. Сборник статей Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ. Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль, Филигрань, 53–67.
5. Ameling W. 1989. *Licinius Lucullus in Chios*. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 77: 98–100.
6. Badian E. 1964. *Studies in Greek and Roman History*. Oxford, VIII + 290.
7. Broughton T.R.S. 1986a. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. III. Atlanta, Georgia, IX + 294.
8. Broughton T.R.S. 1986b. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. Atlanta, Georgia, IX+647.
9. Clerc M.A. *Inscriptions de Thyatire et des environs*. *Bulletin de correspondance hellénique*. 1886. Vol. 10: 398–423.
10. Choix d'inscriptions de Délos. 1923. Fasc. II. Avec traduction et commentaire par F. Dürrbach. *Textes historiques*. Paris, 294.
11. *Corpus Inscriptionum Latinarum*. 1918. Vol. I². Pars II. Fasc. I. *Inscriptiones Latinae antiquissimae*. Cura E. Lommatzsch. Berolini, 852.
12. *Corpus Inscriptionum Latinarum*. 1873. Vol. III. Pars I. *Inscriptiones Asiae, provinciarum Europae Graecarum, Illyrici Latinae*. Ed. Th. Mommsen. Berolini, 586.

13. Gelzer M. 1926. L. Licinius Lucullus. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / A. Pauly, G. Wissowa (Hrsg.). Vol. XIII: 376–414.
14. Inscriptiones Latinae Selectae. 1892. Vol. 1. Ed. H. Dessau. Berlin, 580.
15. Keaveney A. 1992. Lucullus. A Life. London and New York, 296.
16. Kreiler B.M. Der Prokonsul Lentulus, der Imperator Murena und der Proquästor Lucullus. Tyche. Beiträge zur alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 2006. Bd. 21: 73–82.
17. Ooteghem, van J. 1959. Lucius Licinius Lucullus. Brussels, 236.
18. Pina Polo F., Díaz Fernández A. 2019. The Quaestorship in the Roman Republic. Berlin/Boston: Klio Beihefte, De Gruyter, 376.
19. Pomtow H. 1921. Delfische Neurfunde. Klio. Bd. 17: 163–164.
20. Ramsay W.M. 1883. Unedited Inscriptions of Asia Minor. Bulletin de correspondance hellénique. Vol. 7: 297–328.
21. Rigsby K.J. 1996. Asyilia. Territorial Inviolability in The Hellenic World. Berkeley, 835.
22. Sayar M.H., Siewert P., Taeuber H. 1994. Asylie-Erklärungen des Sulla und des Lucullus für das Isis- und Sarapisheiligtum von Mopsuestia (Ostkilikien). Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. Bd. 9: 113–130.
23. Schütz G. 1994. L. Licinius Lucullus. Studien zu den frühen Jahren eines Nobilis (117–75 v. Chr.). Regensburg, 149 + XVI.
24. Soback F. 1909. Die Quästoren der Römischen Republik. Trebnitz, 95.
25. Supplementum Epigraphicum Graecum. 1994. Vol. XLIV. Amsterdam. 1997, XXXVIII +705.
26. Thonemann P.J. 2004. The Date of Lucullus' Quaestorship. Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 149: 80–82.
27. Tröster M. 2008. Themes, Character and Politics in Plutarch's Life of Lucullus. The Construction of a Roman Aristocrat. Stuttgart, 206.
28. Wosnik B. 1963. Untersuchungen zur Geschichte Sullas. Würzburg, 125.

References

1. Dementyeva V.V. 2013a. Grecheskie nadpisi o kvesture i prokvesture L. Licinija Lukulla [The Greek inscriptions about Quaestorship and Proquaestorship of Lucius Licinius Lucullus]. Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Serija Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Yaroslavl State University. P.G. Demidov. Series the Humanities]. 4: 14–19.
2. Dementyeva V.V. 2013b. Deloskaja latinskaja nadpis' o prokvesture Lukulla: Lucij ili Mark? [Delossian Latin Inscription Concerning Lucullus Proquesture: Lucius or Marcus?]. Problemy istorii filologii i kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]. 4: 54–62.
3. Dementyeva V.V. 2015. Nadpis' iz Del'f (Supplementum Epigraphicum Graecum I. 153): kvestor – Lucij Licinij Lukull? [The Inscription from Delphi (Supplementum Epigraphicum Graecum I. 153): Quaestor – Lucius Licinius Lucullus?] IRESIONA. Antichnyj mir i ego nasledie. Vyp. IV. Sbornik nauchnyh trudov k 50-letiju professora N.N. Bolgova [Iresiona. The ancient world and its heritage. Issue IV. Collection of scientific papers dedicated to the 50th anniversary of Professor N.N. Bolgov]. Eds. E.V. Litovchenko, S.N. Prokopenko, E.A. Semicheva (red. kol.). Belgorod, Epicentr, 119–125.
4. Dementyeva V.V. Rodoskaja nadpis' (Sylloge Inscriptionum Graecarum³, № 745): chto svjazyvalo greka Polikla s rimskimi dolzhnostnymi licami? [The Rhodes Inscription (Sylloge Inscriptionum Graecarum³, № 745): what connected the Greek Polykles with Roman Officials?] Lumen intellectus. Pamjati li Leonidovny Majak. Sbornik statej Nauchno-obrazovatel'nogo centra antikovedenija JarGU [Lumen intellectus. In memory of Iya Leonidovna Mayak. Collection of articles of the Scientific and Educational Center for Antiquity of YarSU]. Ed. V.V. Dementyeva. Jaroslavl': Filigran', 53–67.
5. Ameling W. 1989. Licinius Lucullus in Chios. Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 77: 98–100.
6. Badian E. 1964. Studies in Greek and Roman History. Oxford, VIII + 290.
7. Broughton T.R.S. 1986a. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. III. Atlanta, Georgia, IX + 294.
8. Broughton T.R.S. 1986b. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. Atlanta, Georgia, IX+647.

9. Clerc M.A. Inscriptions de Thyatire et des environs. Bulletin de correspondance hellénique. 1886. Vol. 10: 398–423.
10. Choix d'inscriptions de Délos. 1923. Fasc. II. Avec traduction et commentaire par F. Dürrbach. Textes historiques. Paris, 294.
11. Corpus Inscriptionum Latinarum. 1918. Vol. I². Pars II. Fasc. I. Inscriptiones Latinae antiquissimae. Cura E. Lommatzsch. Berolini, 852.
12. Corpus Inscriptionum Latinarum. 1873. Vol. III. Pars I. Inscriptiones Asiae, provinciarum Europae Graecarum, Illyrici Latinae. Ed. Th. Mommsen. Berolini, 586.
13. Gelzer M. 1926. L. Licinius Lucullus. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / A. Pauly, G. Wissowa (Hrsg.). Vol. XIII: 376–414.
14. Inscriptiones Latinae Selectae. 1892. Vol. 1. Ed. H. Dessau. Berlin, 580.
15. Keaveney A. 1992. Lucullus. A Life. London and New York, 296.
16. Kreiler B.M. Der Prokonsul Lentulus, der Imperator Murena und der Proquästor Lucullus. Tyche. Beiträge zur alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 2006. Bd. 21: 73–82.
17. Ooteghem, van J. 1959. Lucius Licinius Lucullus. Brussels, 236.
18. Pina Polo F., Díaz Fernández A. 2019. The Quaestorship in the Roman Republic. Berlin/Boston: Klio Beihefte, De Gruyter, 376.
19. Pomtow H. 1921. Delfische Neurfunde. Klio. Bd. 17: 163–164.
20. Ramsay W.M. 1883. Unedited Inscriptions of Asia Minor. Bulletin de correspondance hellénique. Vol. 7: 297–328.
21. Rigsby K.J. 1996. Asyilia. Territorial Inviolability in The Hellinic World. Berkeley, 835.
22. Sayar M.H., Siewert P., Taeuber H. 1994. Asylie-Erklärungen des Sulla und des Lucullus für das Isis- und Sarapisheiligtum von Mopsuhestia (Ostkilikien). Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. Bd. 9: 113–130.
23. Schütz G. 1994. L. Licinius Lucullus. Studien zu den frühen Jahren eines Nobilis (117–75 v. Chr.). Regensburg, 149 + XVI.
24. Sobeck F. 1909. Die Quästoren der Römischen Republik. Trebnitz, 95.
25. Supplementum Epigraphicum Graecum. 1994. Vol. XLIV. Amsterdam. 1997, XXXVIII +705.
26. Thonemann P.J. 2004. The Date of Lucullus' Quaestorship. Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 149: 80–82.
27. Tröster M. 2008. Themes, Character and Politics in Plutarch's Life of Lucullus. The Construction of a Roman Aristocrat. Stuttgart, 206.
28. Wosnik B. 1963. Untersuchungen zur Geschichte Sullas. Würzburg, 125.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дементьева Вера Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera V. Demytyeva, doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History of the Yaroslavl State University P.G. Demidova, Yaroslavl, Russia

УДК 94(3)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-546-553

Культ Антиноя в период правления Адриана

Габарашвили Г.Д.

Южный федеральный университет,
Россия, 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33
E-mail: george.g.sfu@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты жизни Антиноя – фаворита императора Адриана (117–138) – и дальнейшее формирование его религиозного культа после его смерти. Проводится анализ комплекса письменных и вещественных источников, на основании которых возможна реконструкция биографии Антиноя. Утверждается, что культ Антиноя был уникальным явлением своего времени, так как впервые обожествлен был не император или члены его семьи, а возлюбленный из свиты принцепса. Также исследование поднимает вопросы влияния египетской и греческой мифологии на конструирование образа объекта культа. Ставится вопрос, в какой степени культ был необходим обществу, как на его возникновение реагировали различные группы населения Римской империи. Устанавливаются причины религиозного замысла Адриана, проблема смерти Антиноя, последствия политики императора в этой области и судьба культа после правления Адриана.

Ключевые слова: Антиной, Адриан, культ, религия, Рим.

Для цитирования: Габарашвили Г.Д. 2021. Культ Антиноя в период правления Адриана. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 546–553. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-546-553.

The cult of Antinous during the reign of Hadrian

Georgiy D. Gabarashvili

Southern Federal University,
33 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344082, Russian Federation
E-mail: george.g.sfu@yandex.ru

Abstract. The article deals with aspects of the life of Antinous, the favorite of the Emperor Hadrian, and the further formation of a religious cult after his death. The author analyzes, indirectly through foreign literature, the complex of written and material sources, on the basis of which it is possible to reconstruct the biography of Antinous. It is argued that the cult of Antinous was a unique phenomenon of its time, since for the first time it was not the emperor or members of his family who were deified, but a lover from the retinue of the princeps. Also, the study raises questions about the influence of Egyptian and Greek mythology on the construction of the image of the object of worship. The question is raised to what extent the cult was necessary for society, how different groups of the population of the Roman Empire reacted to its emergence. The reasons for the religious design of Hadrian, the problem of the death of Antinous, the consequences of the emperor's policy in this area and the fate of the cult after the reign of Hadrian are established.

Keywords: Antinous, Hadrian, cult, religion, Rome.

For citation: Gabarashvili G.D. 2021. The cult of Antinous during the reign of Hadrian. *Via in tempore. History and political science*, 48 (3): 546–553 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-546-553.

Введение

На сегодняшний день в исторической науке остается открытым вопрос о личности фаворита императора Адриана Антиноя. Мы практически ничего не знаем о том, насколько

ко публичным было их общение и занимал ли Антиной какую-либо официальную должность. Ученые также расходятся во мнениях относительно того, одобрял ли Адриан публично романтическую любовь между мужчинами, которая занимала важное место в классической эллинской культуре, возрождением которой занимался император [Kulikowski, 2016, p. 45]. Многие из известных интерпретаций отношений Адриана и Антиной являются предположениями, основанными хотя и на логических заключениях, но практически не подтвержденных достоверными фактами.

Результаты и их обсуждение

Мы можем с уверенностью сказать, что во время своего путешествия по восточным провинциям осенью 123 или весной 124 г. [Birley, 2000, p. 161] император Адриан посетил Вифинию, где повстречал юношу из Клавдиополя – Антиной, который вскоре стал одним из самых известных молодых людей своего времени и фаворитом императора [Kulikowski, 2016, p. 35].

Необходимо отметить, что Адриан всю жизнь стремился к греческим идеалам [Циркин, 2018, с. 311–312; Князький, 2020]. К ним в представлении римлян относились и любовные отношения между взрослым мужчиной и мальчиком. При этом мужчина по отношению к юноше брал на себя роль наставника во всех сферах его жизни. Сближению между Адрианом и Антиноем могло способствовать и то, что император был недоволен своим браком с Сабиной [Bengtson, 1995, S. 299].

О жизни Антиной нам известно немного, предположительная дата его рождения находится между 110 и 115 гг. [Bucke, 2005, S. 4]. Эверитт приводит мнение, что во время гибели в октябре 130 г. Антиной было 19 лет [Everitt, 2009, p. 42]. Из многочисленных сохранившихся (скульптурных) портретов Антиной большинство являются идеализированными и изображают юношу в возрасте около двадцати лет [Birley, 2000, p. 158]. Учитывая то, что у нас есть информация о возрасте Антиной в 130 году, то на момент встречи с Адрианом в 123/124 г. ему должно было быть от 12 до 13 лет.

Возможно, Адриан познакомился с Антиноем в ходе своей охоты, которая являлась одним из любимых увлечений императора. Во всяком случае, по одному из рельефов – тондо, некогда украшавшему памятник Адриана в Риме, а сейчас являющемуся частью арки Константина, можно заключить, что Антиной сопровождал Адриана на охоте, которая также оставила свои следы в литературных источниках [Birley, 2000, p. 240].

Не исключено, что Адриан не сразу избрал Антиной своим фаворитом, а отправил его на обучение в Италию, в педагогий, расположенный на одном из холмов Рима – Целии [Royston, 1984, p. 63]. Предположительно, это могло быть связано с тем, что Антиной был простым деревенским юношей, и для того чтобы стать частью свиты императора, ему необходимо было пройти основы аристократического образования.

Далее Антиной упоминается в связи с событиями сентября 128 г., а именно с открытием Элевсинских мистерий [Royston, 1984, p. 101–106]. Адриан уже ранее принимал участие в мистериях в 126 г., но в этот раз рядом с ним был Антиной. Возможно, он был горд и счастлив показать Антиной рядом с собой, видя себя традиционным эллинским любовником прекрасного юноши [Birley, 2000, p. 127]. По всей вероятности, Антиной участвовал в мистериях впервые [Royston, 1984, p. 101–106].

В рамках большого путешествия по восточным провинциям империи, проходившего с 128 по 134 гг., вероятно, в сентябре 130 г., Адриан и Антиной отправились в Ливию, откуда пришли известия о Марусианском льве, создающем проблемы для местного населения. Они охотились на льва, и, хотя события остаются неясными, очевидно, что во время их противостояния с ним Антиной спас жизнь Адриану, прежде чем сам зверь был убит императором [Royston, 1984, p. 118–121]. Эта легенда отображена в поэме Панкрата, где в основе сюжета лежала история об охоте на львов. Уже после грядущей гибели фаво-

рита императора Панкрат показал Адриану розовый лотос как великое чудо, утверждая, что этот цветок следует назвать Антиноем, ибо он возник из земли, когда та впитала в себя кровь побежденного льва [Birley, 2000, p. 252]. Кроме того, перед своей смертью в 138 г. Адриан видел тревожные сны о том, что лев одолевает его, – видимо, даже тогда его мысли были все еще связаны с Антиноем [Birley, 2000, p. 294].

Затем Адриан вместе со своей свитой, в числе которой был Антиной, осенью 130 г. посетил Египет [Calandra, 2019, p. 242]. В состав свиты входили чиновники, префект, армейские и морские командующие, а также литературные и научные деятели. Они собрались в Гелиополе, чтобы отплыть вверх по течению реки Нил в составе флотилии [Royston, 1984, pp. 121, 126]. Во время своего путешествия вверх по Нилу они остановились в Большом Гермополе, главном святилище бога Тота [Royston, 1984, p. 126].

Вскоре после этого, в октябре 130 г., происходит трагическое событие – при невыясненном стечении обстоятельств Антиной тонет в Ниле (Dio, LXIX 11.2–4) [Boer, 1955, p. 134]. Причины этого происшествя до сих пор остаются нераскрытыми. Случилось это в тот самый день, когда египтяне поминали гибель Осириса, утонувшего, подобно Антиною, в Ниле.

Была ли это случайность, ритуальная жертва или самоубийство, мы никогда не узнаем ввиду того, что источники не дают достаточной информации. Но следует сказать, что мистические настроения в те времена были очень сильны, особенно в Египте. В частности, существовали магические папирусы, где был прописан ритуал, который влек за собой человеческие жертвоприношения для того, чтобы спасти другого человека или сохранить государство [Everitt, 2009, p. 42].

Известно, что со 127 по 129 гг. император был поражен болезнью, которую врачи не смогли объяснить [Royston, 1984, p. 100–106]. Якобы Антиной спросил жрецов, можно ли ценой своей жизни продлить жизнь возлюбленного, и ему ответили, что это можно осуществить. В Римской империи II в. вера в то, что смерть одного может оздоровить другого, была широко распространена. При том, что Адриан был болен на протяжении нескольких лет, Антиной мог пожертвовать собой в надежде, что император выздоровеет [Vittozzi, 2018, p. 281]. Но есть также сведения, что Адриан не приветствовал человеческих жертвоприношений и усилил законы против них [Royston, 1984, p. 130–141].

Кроме того, довольно аргументирована версия о том, что Антиной испытывал нечто вроде желания смерти. То, что он продолжал быть любовником императора после достижения совершеннолетия, вполне могло казаться ему постыдным и унижительным [Birley, 2000, p. 249; Everitt, 2009, p. 280]. Также есть точка зрения, что это могла быть придворная интрига, которую, вероятно, замыслила Сабина, жена Адриана, возможно, недовольная подобными отношениями своего мужа; по крайней мере, есть свидетельства, что она не особо печалилась о смерти Антиноя [Backe, 2005, S. 4].

Спустя всего несколько дней после смерти Антиноя, 30 октября, близ места трагедии и вокруг храма-усыпальницы был основан новый город Антинополь (Paus. VIII, 9, 7). Там предположительно и был захоронен Антиной [Németh, 2012, p. 152]. Планы строительства города разрабатывались самим Адрианом [Weber, 1907, S. 249]. Антинополь в Египте был задуман как классический полис, а не римская колония, снабженный всей культурной, политической, социальной и религиозной инфраструктурой [Woolf, 2018, p. 54]. Жители города получили исключительные привилегии и благосклонность императора [Zahrnt, 1997, S. 133].

В качестве примера для устройства нового города Адриан выбрал Навкратис, а не Птолемаиду или Александрию. Большой город был бы неподходящим образцом, ибо римские завоеватели лишили его важнейшей черты полиса – собрания (булэ) [Birley, 2000, p. 253]. В марте или апреле 131 г. в Антинополе впервые были проведены новые игры, получившие название «Великая Антиноя» (Megala Antinoeia) [Birley, 2000, p. 253].

Впоследствии Адриан заявил, что видел звезду, которая якобы является Антиноем. Император охотно прислушивался к выдумкам своих приближенных, утверждавших, что эта звезда в самом деле образовалась из души Антиноя [Birley, 2000, p. 247]. В дальнейшем римские астрономы назовут созвездие в честь Антиноя.

Важным обстоятельством возникновения культа Антиноя было то, что существовал древнеегипетский обычай, согласно которому люди, утонувшие в Ниле, получали божественные почести [Boer, 1955, p. 141; Birley, 2000, p. 248]. В первую очередь это было связано с мифом об Осирисе, который погиб на Ниле. Трудно не признать тот факт, что смерть Антиноя произошла если не в самую годовщину утопления Осириса, то по крайней мере очень близко к ней. Юноша стал отождествляться с этим богом, что в итоге проявилось во внешних атрибутах его культовых статуй. Интересно, что в Египте этого времени появляется гибридное божество – Осирантин, который должен был отвечать на молитвы и исцелять больных.

Культе Антиноя из Египта [Качан, 2019] усилиями императора распространился главным образом в восточной части Римской империи [Weber, 1907, S. 255]. В Греции существовала традиция принимать обожествление смертных, и культ Антиноя добавился ко многим другим, его статуи воспроизводились во всех частях империи; весь римский мир, таким образом, разделял личное горе императора [Kulikowski, 2016, p 35].

Следует отметить, что Адриан был весьма любознателен в религиозных вопросах [Boer, 1955, p. 135]. Он экспериментировал со всевозможными культурами, таинствами и мистериями. Учитывая это, император испытывал особое отношение к новому культу Антиноя. Прекрасные изображения юноши украшали храмы восточной части Римской империи, а в Афинах эфебы соревновались в сложении стихов и панегириков в честь своего обожествленного товарища на только что учрежденных Антинойских играх. Смерть фаворита дала Адриану возможность превзойти траур Ахилла по Патроклу и Александра по Гефестиону.

Во многих городах империи уже вскоре после смерти Антиноя начали возводить храмы и создавать жреческие должности для умершего фаворита императора. В Греции свидетельства культа возникли рано и хорошо засвидетельствованы. В Элевсине, где Антиной участвовал в Мистериях в 128 г., были объявлены в его честь в 131–132 г. ежегодные агоны эфебов [Calandra, 2019, p. 252].

Распространение культа Антиноя, несомненно, происходило быстро. Во всяком случае, надпись из Гераклеи Понтийской на Черноморском побережье, по-видимому, указывает на переименование до конца 130 г. римской ассоциации актеров в «Священное Адриано-Антинойское собрание». Греческие города по своей инициативе активно создавали культ нового божества. Антиной, как и следовало ожидать, получал особое поклонение в своем родном городе в Вифинии и в Аркадской Мантинее, главном городе этой провинции. О празднествах и религиозных установлениях различного рода свидетельствуют, прежде всего, грекоязычные части империи. В Неаполе, например, фратрия (братство) Eunostidae была переименована, и к ней был добавлено название Antinoitae [Birley, 2000, p. 253].

Следует сказать, что, хотя обожествленный Антиной и отождествлялся, как было сказано выше, с Осирисом, в эллинском мире он был слит с различными греческими богами, особенно Гермесом, Дионисом и Паном.

Жители Эфеса, возможно, также внесли свою лепту в проявление энтузиазма в отношении культа нового бога Антиноя. Во всяком случае, несколько лет спустя была установлена скульптура, которая, по-видимому, отождествляла Антиноя с Андроклом, легендарным основателем Эфеса. Герой изображен в акте убийства дикого кабана. Возможно, Адриан и Антиной вместе охотились на кабана в окрестностях Эфеса двумя годами ранее [Birley, 2000, p. 262]

Факты свидетельствуют о том, что культ Антиноя был также по-настоящему популярен среди различных социальных слоев империи, и археологические находки указывают на то, что Антиною поклонялись как в общественных, так и в частных местах. В Египте, Афинах, Македонии и Италии детей называли в честь божества [Royston, 1984, p. 192].

По меньшей мере 28 храмов были построены для поклонения Антиною по всей империи, хотя большинство из них были довольно скромными по устройству [Royston, 1984, p. 184–185]. К примеру, в районе серебряных рудников Дардании, на западе Мёзии, недалеко от границы с Далмацией, рудокопы воздвигли храм «герою Антиною», по видимому, по приказу Адриана. Он был освящен в 136 или 137 г. и вполне мог быть основан в то время, когда Адриан пребывал в этой местности весной 134 г. [Birley, 2000, p. 280].

Неподалеку от Рима, в Ланувии в Лации, планировалось учреждение нового культа Антиноя и покровительницы охоты Дианы. Когда он был основан в 136 г., Антиной был изображен на рельефе как Сильван, бог дикой природы и охотников. Адепты этой общины получали гарантии от коллегии о надлежащем погребении [Birley, 2000, p. 285]. Важно отметить, что самоубийцы были лишены этой привилегии; скорее всего, на это повлияла официальная позиция Адриана, который отрицал, что Антиной мог покончить с собой, придерживаясь позиции, что это было случайное, но священное стечение обстоятельств.

В Тибуре, на вилле Адриана, была закреплена память об Антиное и его связь с Египтом. Комплекс стали украшать статуи Осирантина, Осириса-Аписа, Исиды и Гора. Длинный бассейн «канопус» с серапеумом на одном конце, вероятно, уже построенный до того, как Адриан был в Египте, теперь был реконструирован и получил новое значение. В то время как серапеум, в котором доминировали две колоссальные статуи Осирантинов, символизировал Египет, как утверждалось, «канопус» теперь означал все Средиземноморье [Birley, 2000, p. 285].

Адриан в 136 г. начал тяжело болеть, он был подвержен носовым кровотечениям и до этого, а в это время его состояние заметно ухудшилось. Поведение императора в Египте говорит о том, что он уже тогда беспокоился о своем здоровье и, возможно, был готов позволить Антиною принести себя в жертву. Текст на обелиске Антиноя в Риме содержит молитву к Ра-Хорахте, чтобы Адриан «мог жить вечно, как Ра, со свежим и обновленным возрастом», что намекает на то, что сразу после гибели своего возлюбленного Адриан думал, что его здоровье восстановилось. Скорее всего, император до конца своих дней верил в то, что гибель его возлюбленного имела сакральное и магическое значение.

Через некоторое время после возвращения императора из большого восточного путешествия в Рим на монетах был отчеканен весьма своеобразный портрет. На них Адриан изображен чисто выбритым юношей, без усов и бороды, только с длинными бакенбардами. Этому изображению соответствует портрет-бюст, найденный в Тибуре. Адриан олицетворен в том же возрасте, что и Антиной в момент своей смерти, примерно в двадцать лет, в три раза моложе, чем был на самом деле. Э. Бирли задается вопросом: может быть, он пытается убедить весь мир – и самого себя, что он переродился или помолодел? [Birley, 2000, p. 289].

Хронологически пик поклонения Антиною пришелся на восемь лет между его и Адриана смертью в 138 г., после чего культ испытывает упадок. Мы не знаем, что думали современники императора о его уже почти навязчивом почитании своего фаворита. Но, похоже, почитание было отчасти подлинным. В восточной части империи Антиной считался героем из-за якобы перенесенной жертвенной смерти.

С другой стороны, такое особое внимание к своему фавориту встретило возмущение со стороны части общества, особенно потому, что, когда умерла сестра императора Паулина, он не сразу оказал ей какие-либо почести, в сравнении с Антиноем (Dio, VIII.11. 4). Кроме того, напряженность возникла в некоторых провинциях империи. Официальное поощрение греков в Иудее в поклонении культу Антиноя могло только усу-

губить ситуацию, но статуя обожествленного юноши была поставлена в центре Кесарии [Birley, 2000, p. 259]. В дальнейшем подобная проэллинская политика приведет к крупнейшему восстанию евреев в период правления Адриана.

Ранние христиане также критически воспринимали отношения Адриана с его возлюбленным. Ни предполагаемая жертвенная смерть, ни таинственные обстоятельства смерти не принимались ими во внимание, в центре их восприятия была «греховность» императора [Royston, 1984, p. 192–193].

Несмотря на то, что культ Антиноя был объектом откровенной враждебности со стороны апологетов христианства, последователи которых разрушали артефакты и храмы, построенные в честь юноши, около сотни статуй Антиноя сохранилось до сегодняшних дней [Skinner, 2013, p. 334].

Выводы

Созданный Адрианом культ бога Антиноя, несмотря на весь энтузиазм, с которым греки относились к нему, казался римлянам необычным, ведь это был первый подобный прецедент, когда обожествлен был не сам император или члены его семьи, а возлюбленный. Кроме того, в римском обществе не было принятой традиции о любовных отношениях между взрослым мужчиной и юношей. В частности, известно, что для подобного вида отношений в латинском языке существовало понятие «*Mos Graecorum*» – «греческий обычай» [Williams, 1999, p. 72].

Эллинистические идеи Адриана овладели императором настолько, что, как указывает Э. Бирли, ослепили его, уведя от реальности, что проявилось в Иудейском восстании [Birley, 2000, p. 302]. Адриан с детства проявлял особый интерес к греческой классической культуре, ее обычаям и традициям. Это проявилось не только в поддержке полисного строя и попытке образования панэллинского союза, но и в самом образе жизни императора, его связи с Антиноем, как восхождению к идеалам древнегреческой любви.

Египет воспринимался римлянами как древняя страна с мистическими традициями, и гибель Антиноя в Ниле воспринималась как сверхъестественное стечение обстоятельств. Хотя нам неизвестны действительные обстоятельства смерти фаворита императора, но сам Адриан, обладая большой тягой к мистицизму и суевериям, увидел в гибели Антиноя божественное провидение. Это усугублялось его болезненным положением, смертью близких родственников и товарищей. В таком состоянии человек склонен искать проявление чудес и придавать особое значение вполне естественным событиям, как, например, появление звезды, которая отождествляется с душой умершего человека.

Культ Антиноя оказал большое влияние на культуру своего времени. Говоря о преемственности памяти о фаворите Адриана, следует сказать, что монеты с изображением Антиноя все еще чеканились во время правления Каракаллы. Также юноша был упомянут в стихотворении в честь восшествия на престол Диоклетиана [Vout, 2007, p. 89]. Поклонение Антиною стало одним из самых устойчивых культов обожествленного человека и закрепилось на долгие времена после смерти самого юноши [Лебедев, 2018].

Список литературы

1. Качан С.А. 2019. О некоторых особенностях почитания Антиноя в Римском Египте. Проблемы истории, филологии, культуры. 3 (65): 131–149.
2. Князький И.Е. 2020. Адриан. М., Молодая гвардия, 338.
3. Лебедев П.Н. 2018. Культ Антиноя в греко-римской и раннехристианской литературе. Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 10–2 (43): 182–193.
4. Циркин Ю.Б. 2018. Политическая история Римской империи. Т. 1. СПб., РГПУ, 464.
5. Backe A. 2005. Antinoos. Geliebter und Gott. Staatliche Museen zu Berlin, Stiftung Preußischer Kulturbesitz, Berlin, 47.

6. Bengtson H. 1995. *Römische Geschichte. Republik und Kaiserzeit bis 284 n. Chr.* München, Verlag, 570.
7. Birley A.R. 2000. *Hadrian. The Restless Emperor.* London, Routledge, 399.
8. Boer W. D. 1955. *Religion and Literature in Hadrian's Policy.* Mnemosyne. Fourth Series, Vol. 8, Fasc. 2: 123–144.
9. Calandra E. 2019. *La nascita dell'immaginario culturale di Antinoo.* ARYS Antigüedad Religiones y Sociedades: 239–265.
10. Everitt A. 2009. *Hadrian and the Triumph of Rome.* New York, Ed., 458.
11. Kulikowski M. 2016. *Imperial Triumph. The Roman World from Hadrian to Constantine.* London, Routledge, 328.
12. Németh G. 2012. *The Corpse Daemon Antinoos.* Archiv für Religionsgeschichte, 145–153.
13. Royston L. 1984. *Beloved and God: The Story of Hadrian and Antinous.* George Weidenfeld & Nicolson, 298.
14. Skinner M. 2013. *Sexuality in Greek and Roman Culture.* Ancient Cultures (2nd ed.). Wiley-Blackwell, 464.
15. Vittozzi G.C. 2018. *Emperor Hadrian and Egypt. Remarks on the mythical and religious perspectives.* Italian Archaeological Centre, Cairo: 267–288.
16. Vout C. 2007. *Power and Eroticism in Imperial Rome.* Cambridge, University Press, 285.
17. Weber W. 1907. *Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Hadrianus.* Leipzig, B. G. Teubner, 288.
18. Williams C.A. 1999. *Roman homosexuality: Ideologies of Masculinity in Classical Antiquity.* Oxford, University Press, 420.
19. Woolf G. 2018. *Fragments of an emperor's religious policy: The case of Hadrian.* Institute of Classical Studies, University of London: 47–61.
20. Zahrt M. 1997. *Hadrian in: Manfred Clauss: Die römischen Kaiser. 55 historische Portraits von Caesar bis Iustinian.* München, C. H. Beck, 501.

References

1. Kachan S.A. 2019. *O nekotoryh osobennostjach pochitanija Antinoja v Rimskom Egipte [On some features of the veneration of Antinous in Roman Egypt]. Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture]. 3 (65): 131–149.*
2. Knjaz'kij I.E. 2020. *Adrian [Hadrian]. M., Molodaja gvardija, 338.*
3. Lebedev P.N. 2018. *Kul't Antinoja v greko-rimskoj i rannekhristianskoj literature [The Cult of Antinous in Greco-Roman and Early Christian Literature]. Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija [RGGU Bulletin. Series: Literary criticism. Linguistics. Culturology]. 10–2 (43): 182–193.*
4. Tsirkin Ju.B. 2018. *Politicheskaja istorija Rimskoj imperii [Political history of the Roman Empire]. T. 1. SPb., RGPU, 464.*
5. Backe A. 2005. *Antinoos. Geliebter und Gott.* Staatliche Museen zu Berlin, Stiftung Preußischer Kulturbesitz, Berlin, 47.
6. Bengtson H. 1995. *Römische Geschichte. Republik und Kaiserzeit bis 284 n. Chr.* München, Verlag, 570.
7. Birley A.R. 2000. *Hadrian. The Restless Emperor.* London, Routledge, 399.
8. Boer W. D. 1955. *Religion and Literature in Hadrian's Policy.* Mnemosyne. Fourth Series, Vol. 8, Fasc. 2: 123–144.
9. Calandra E. 2019. *La nascita dell'immaginario culturale di Antinoo.* ARYS Antigüedad Religiones y Sociedades: 239–265.
10. Everitt A. 2009. *Hadrian and the Triumph of Rome.* New York, Ed., 458.
11. Kulikowski M. 2016. *Imperial Triumph. The Roman World from Hadrian to Constantine.* London, Routledge, 328.
12. Németh G. 2012. *The Corpse Daemon Antinoos.* Archiv für Religionsgeschichte, 145–153.
13. Royston L. 1984. *Beloved and God: The Story of Hadrian and Antinous.* George Weidenfeld & Nicolson, 298.
14. Skinner M. 2013. *Sexuality in Greek and Roman Culture.* Ancient Cultures (2nd ed.). Wiley-Blackwell, 464.

15. Vittozzi G.C. 2018. Emperor Hadrian and Egypt. Remarks on the mythical and religious perspectives. Italian Archaeological Centre, Cairo: 267–288.
16. Vout C. 2007. Power and Eroticism in Imperial Rome. Cambridge, University Press, 285.
17. Weber W. 1907. Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Hadrianus. Leipzig, B. G. Teubner, 288.
18. Williams C.A. 1999. Roman homosexuality: Ideologies of Masculinity in Classical Antiquity. Oxford, University Press, 420.
19. Woolf G. 2018. Fragments of an emperor's religious policy: The case of Hadrian. Institute of Classical Studies, University of London: 47–61.
20. Zahrnt M. 1997. Hadrian in: Manfred Clauss: Die römischen Kaiser. 55 historische Portraits von Caesar bis Justinian. München, C. H. Beck, 501.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Габарашвили Георгий Давидович, аспирант кафедры археологии и истории древнего мира Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

Georgiy D. Gabarashvili, post-graduate student of the Department of Archeology and History of the Ancient World, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

УДК 94(3)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-554-578

Еще раз о валах на Керченском п-ове и их датировках (к статье А.А. Супренкова «Предварительные результаты разведок на валах восточного Крыма в 2019 г.»)

Ермолин А.Л.

Институт Археологии им. Цинмана, Университет Хайфы, Израиль,
Гора Кармел, Хайфа, 31905, Израиль
E-mail: doryerm@gmail.com

Аннотация. В статье ставится вопрос о датировке древней архитектуры и оборонительных валов Тиритакского, Безкровного и Узунларского. На основании археологических изысканий и раскопок, проведенных Керченской археологической экспедицией в 2000-е гг., предложен план и линия оборонительных сооружений. Кроме того, на основании археологических данных можно сделать вывод, что, помимо этой оборонительной военной архитектуры, существовала еще неизвестная ранее линия обороны – Восточная линия обороны. В течение 2016–2019 гг. были заново исследованы все оборонительные сооружения – рвы и валы – на Керченском п-ове под руководством А.А. Супренкова. В статье приводится критика многих выводов археолога.

Ключевые слова. Боспор, валы, оборонительная линия, оборонительная система, Крым.

Для цитирования: Ермолин А.Л. 2021. Еще раз о валах на Керченском п-ове и их датировках (к статье А.А. Супренкова «Предварительные результаты разведок на валах восточного Крыма в 2019 г.»). *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 554–578. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-554-578.

Concerning the ramparts on the Kerch peninsula and their dating (comments to the article by A.A. Suprenkov «Preliminary results of exploration on the ramparts of the eastern Crimea in 2019»)

Alex L. Ermolin

Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa,
Mount Carmel, Haifa 31905, Israel
E-mail: doryerm@gmail.com

Abstract. The article raises the question of dating the ancient architecture and the defensive ramparts of Tiritaka, Bezкровny and Uzunlar. On the basis of archaeological surveys and excavations carried out by the Kerch archaeological expedition, the plan and line of defenses are proposed. Furthermore, on the basis of archaeological data, it is concluded that in addition to this defensive military architecture, there was also a previously unknown line of defenses – the Eastern Line of Defense. During 2016–2019 all defensive structures – ditches and ramparts – on the Kerch Peninsula were investigated, under the leadership of A.A. Suprenkov. The article criticizes many of the archaeologist's findings. The article offers detailed clarifications on most positions regarding the ramparts and ditches of the European Bosphorus. 10 conceptual conclusions are made, revising the conclusions of A.A. Suprenkov. The conclusions are based on many years of field research and exploration of the author in the Eastern Crimea.

Keywords. Bosphorus, ramparts, defensive line, defensive system, Crimea.

For citation: Ermolin A.L. 2021. Concerning the ramparts on the Kerch peninsula and their dating (comments to the article by A.A. Suprenkov «Preliminary results of exploration on the ramparts of the eastern Crimea in 2019»). *Via in tempore. History and political science*, 48 (3): 554–578 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-554-578.

Введение

Время от времени в археологической литературе появляются статьи об исследовании древних земляных оборонительных сооружений – рвов и валов, в дальнейшем будем называть их просто валами. С 2016 по 2019 гг. были исследованы практически все основные подобные сооружения на Керченском п-ове: Тиритакский вал, вал Безкровного, Узунларский и Акмонайский валы. Основным исследователем этих сооружений стал А.А. Супренков, к. и. н., сотрудник Института археологии РАН. В сборнике «Древности Боспора», наиболее престижном издании по археологии и истории Боспора, в 25 томе была опубликована его статья [Супренков, 2020, с. 360–375], в которой кратко представлены результаты не только разведок, но и раскопок этих оборонительных сооружений, имевших место в ходе недавних охранно-спасательных археологических работ, и предложена их датировка. То есть сделан своего рода итоговый краткий отчет, касающийся местоположения, устройства, боевого применения и датировки земляных оборонительных сооружений Европейской части Боспора. Считаю необходимым высказаться по поводу этой публикации.

Результаты и их обсуждение

Начнем с того, что уже во второй строке данной статьи сказано, что речь пойдет о «масштабных земляных работах» в 2016–2019 гг., хотя в названии заявлены разведки 2019 г. Далее приводится датировка Узунларского и Тиритакского валов: «Так, мы считаем, что оба вала были созданы единовременно либо в конце IV в. до н. э., либо несколько позднее, а затем обновлены и укреплены во время правления Асандра» [Супренков, 2020, с. 360]. Надо думать, что это выводы были сделаны на основании изысканий предшественников и работ А.А. Супренкова.

Здесь стоит ещё раз остановиться на этих датировках, начав с Узунларского вала. Итак, на сегодня устоявшееся мнение таково: вал был построен в конце IV – начале III вв. до н. э. Оно было высказано и обосновано А.А. Масленниковым в его монографии и вобрало в себя представления большинства предыдущих исследователей, при этом исключив более раннюю дату – времена поздней бронзы. А.А. Масленников пишет: «Таким образом, ряд находок и наблюдений заставляют склониться к гипотезе о возведении Узунларского вала либо в IV в. до н. э., но всё же после присоединения Феодосии (Хотя логичнее бы предположить обратный порядок событий). Либо это имело место еще позднее – в начале III в. до н. э. Последний вариант представляется нам наиболее предпочтительным» [Масленников, 2003, с. 108].

В своей статье, напечатанной в РА № 1 2020 г., А.А. Масленников подтверждает эти датировки, при этом фактически соглашается с датировкой вала Безкровного – I в. до н. э. [Масленников, 2020, с. 77].

Какие же находки приводятся для обоснования указанных датировок? Это отдельные фрагменты керамики в заполнении рва и насыпи вала, которые, естественно, не связаны напрямую со строительством этого (и других) сооружений. Единственное, о чем могут «говорить» подобные находки, это о том, что вал был насыпан не ранее времени её бытования. Что касается заполнения рва, то там вообще в силу самых разных причин может оказаться любая керамика, хотя, конечно, стратиграфия её местонахождения имеет известное значение. Некую более или менее определённую датировку, как-то «привязан-

ную» ко времени соответствующих работ, может дать только единовременное скопление керамического материала, попавшего в нижние слои заполнения рва или в грунт и оставленного переходом через него из культурного слоя какой-то поселенческой структуры, непосредственно располагавшейся рядом.

Классическим примером такого рода ситуации можно считать раскопки рва у поселения Голубицкая 2. Тут Д.В. Журавлевым в заполнении рва на уровне его дна был выявлен довольно представительный набор керамики. Приведём соответствующие выводы автора этих раскопок: «Оборонительный ров, согласно стратиграфическим наблюдениям и датировкам керамического материала, был сооружен вскоре после основания поселения, не позднее 3-й четв. VI в. до н. э.» [Журавлев, 2020, с. 248]. Датировка здесь совершенно однозначна, хотя Д.В. Журавлев до сих пор так и не выяснил местоположение вала относительно рва, а равно и его назначение.

Полагаем, что ров у поселения Голубицкая 2 являлся пограничным и определял границы Боспора на конец VI в. до н. э. Кроме того, он мог быть одним из сооружений, упоминаемых Геродотом, как Киммерийские укрепления или валы «детей слепых рабов».

Ничего аналогичного в отношении Узунларского вала мы сказать пока не можем. За время раскопок кроме единичных и незначительных фрагментов керамики IV–III вв. до н. э. не было найдено ни одного керамического комплекса этого времени и даже признаков синхронных оборонительных сооружений. Курганы, расположенные в непосредственной близости от Узунларского вала, не имеют к нему никакого отношения, и датировать вал по курганам нельзя.

Еще одним исследователем Узунларского вала является С.Г. Колтухов, он также считает, что вал был построен в IV – начале III вв. до н. э., и эта дата тоже основана на находках незначительных фрагментов керамики IV в. до н. э., найденных в ходе раскопок Узунларского вала в 2002 г. [Колтухов и др., 2003, с. 179] и ранее при исследовании вала перед оборудованнием полей в районе Горностаевки мелиоративными системами. Мы непосредственно приняли участие в раскопках Узунларского вала в 2002 и в 2005 гг. [Колтухов и др., 2003, с. 176–183; Колтухов и др., 2006, с. 340–347] и можем с полной ответственностью заверить, что в ходе этих раскопок были найдены незначительные фрагменты керамики, не имеющие к датировке самого сооружения никакого отношения. Под валом вполне могла оказаться керамика IV в. до н. э. при его сооружении и в I в. до н. э., и в любое другое время, после IV в. до н. э.

Эта датировка – IV – начало III вв. до н. э. – связана также с мнениями современных авторитетных археологов, классиков, сконцентрировавших в своих исследованиях опыт предыдущих ученых. Это мнение, как уже говорилось выше, поддержано и А.А. Супренковым. Но следует рассмотреть аргументацию, на которой он строит свои выводы. Начнем с научного аппарата в его статьях [Супренков, 2018, с. 230–257; Супренков, 2019, с. 103–111].

В статье 2018 г. [Супренков, 2018, с. 230–257] нас интересует хронология Узунларского вала; об этом автор пишет следующее: «... Обратимся к самому интригующему вопросу: уточнению времени возникновения Узунларского вала по результатам наших раскопок. Многочисленный материал из слоя у башни и заполнения П-образного рва, а также находки в самом рву (хотя и единичные), указывают на IV в. до н. э. К сожалению, малое количество узко-датирующего материала не даёт нам сколько-либо более точной хронологии. Согласимся с нашими предшественниками в том, что это произошло уже в период после присоединения Феодосии и не раньше середины IV в. до н. э. [Масленников, 2003, с. 209, 230]. Однако принятые датировки таких центров производства амфор как Фасос, Хиос, Гераклея, Менда, Икос указывают на период до начала III в. до н. э.»

Как мы здесь видим, датировка вала делается на основании материала, найденного в слое курганного некрополя IV – начала III вв. до н. э., ведь строительные остатки башни (?) были расположены на кургане IV в. до н. э. (рис. 1). Но какое отношение курганный некрополь середины IV – начала III вв. до н. э. имеет к валу, если курганы находятся как к западу от вала, так и к востоку? Вполне логично, что и материал некрополя будет каким-то образом попадать в более поздний ров и вал, если они его пререзают. То же относится и к поселениям IV – начала III вв. до н. э.: эти поселения есть как с одной, так и с другой стороны Узунларского и других валов.

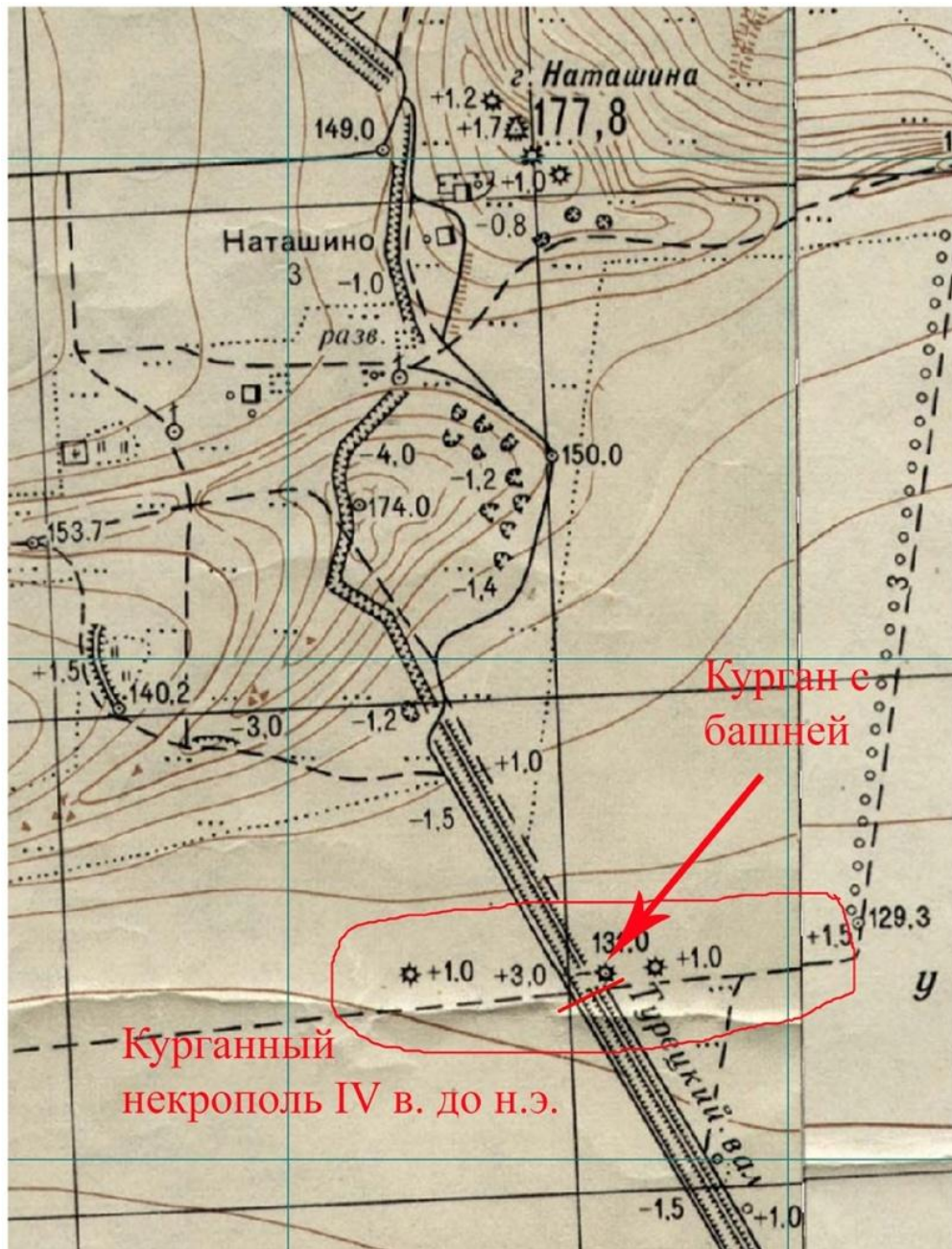

Рис. 1. Место раскопок Узунларского вала в 2017 году А.А. Супренковым. Красным обведен курганный некрополь IV в. до н. э., стрелкой указано местоположение кургана с башней. Ниже кургана с башней указано место раскопок рва и вала

Fig. 1. Excavation site of the Uzunlar shaft in 2017 A.A. Suprenkov. The mound necropolis of the 4th century is circled in red. BC, the arrow indicates the location of the mound with a tower. Below the mound with a tower is the site of the excavation of the ditch and the rampart

Если рассматривать Боспор с точки зрения военных действий на его территории с середины IV в. до н. э. и по начало III в. до н. э., то это было самое мирное и богатое время для Боспора. На всей его территории до сих пор не найдено ни одного оборонительного сооружения этого времени. Зачем же тогда копать ров в это время?

Если же искать период, когда оставляются все неукрепленные поселения и строятся крепости на побережье Азовского моря, пролива и Черного моря, то этот период начинается в начале 2-й четв. III в. до н. э.; при этом ближайшая крепость находится минимум в 20 км от места раскопок и, соответственно, самого вала. В линии самого Узунларского вала, как уже было сказано, нет даже признаков укреплений этого времени, а самые ранние укрепления – сторожевые башни – датируются 40-ми гг. I в. до н. э. – временем правления Асандра. И таких башен насчитывается 19 (!) [Ермолин, 2019, с. 30–98], причем 4 из них раскопаны и совершенно точно продатированы А.А. Масленниковым. То есть Узунларский вал не восстанавливался в 40-х гг. I в. до н. э., а был построен в это время. Здесь стоит вспомнить Страбона и его размещение башен: Страбон считал, что на каждые 10 стадий приходилась одна башня, что приблизительно подтверждается археологически, и если 34 км вала от Азовского моря до оз. Узунлар разделить на 19 башен, то выходит, что между ними находится в среднем 1,8 км.

Что касается второго этапа капитальной перестройки вала, то его надо связать с очередным критическим моментом для истории Боспора – проходом гуннов через Керченский полуостров в 453 г. Именно к этому событию готовились боспоряне, был выкопан вал Елены (рис. 2) [Ермолин, 2006, с. 90–100], были восстановлены Узунларский вал и фактически построен заново Тиритакский вал [Ермолин, 2005, с. 171–183]. По нашему мнению, и Семеновский (он же Ак-Ташский, Казантипский) вал также был построен в это время (453 год), и поселение Семеновка, находящееся в 3,5 км к северу от него, к валу не имеет никакого отношения. Задачей этого вала было направлять гуннов в нужное «русло» (рис. 2). Здесь стоит заметить, что А.А. Масленников датировал этот вал I в. до н. э. [Масленников, 2003, с. 214].

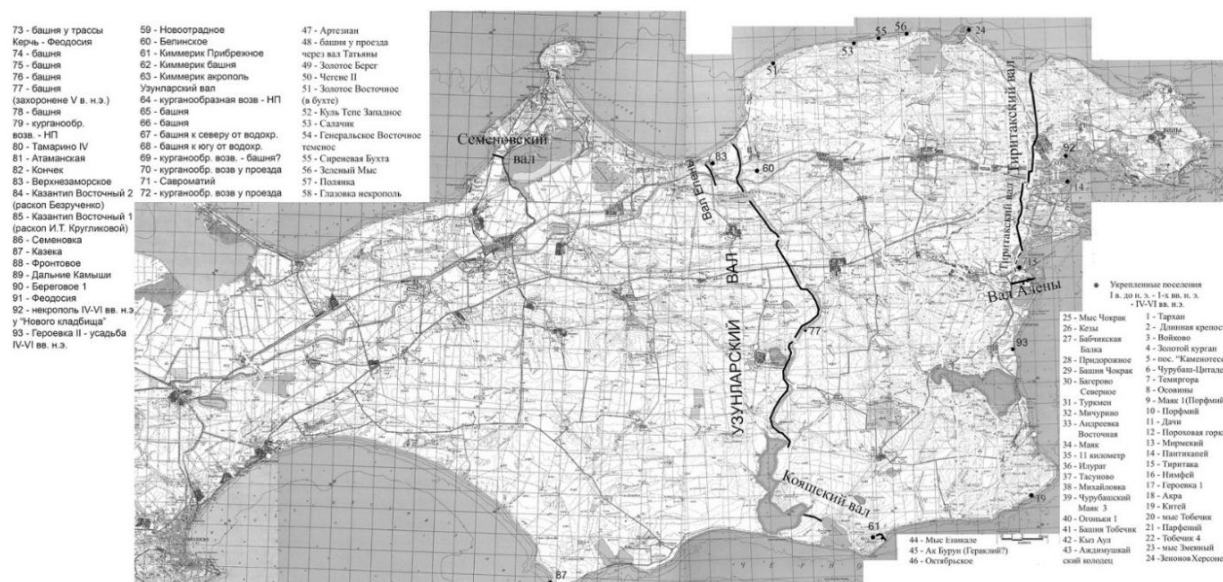

Рис. 2. Европейский Боспор в IV–V вв.
 Fig. 2. European Bosphorus in the IV–V centuries

Теперь по поводу «натурализации» Узунларского вала, о котором якобы все известно. По нашему мнению, далеко не на все вопросы здесь есть ответы. Например, неизвестно, как закачивался Узунларский вал в районе Азовского моря, доходил ли вал до уре-

за воды, а это 500 м прибрежной террасы сейчас и больше 1 км на момент его постройки; был ли переоборудован участок Узунларского вала под противотанковый ров от обрыва на берегу Азовского моря и до железной дороги – а это расстояние около 4 км. На последний вопрос нет ответа, хотя на этом участке был трижды перерезан вал, но ни разу не был сделан разрез рва, что, на наш взгляд, намного важнее и информативнее.

Актуален вопрос датировки Савроматия – единственной крепости, стоящей в линии Узунларского вала. Не менее интересно, как заканчивался Узунларский вал в своей южной оконечности, а это 10 км территории. Об этом есть наши публикации, и у специалистов есть реальная возможность проверить наличие в этом районе валов Арины и Эльжбеты [Ермолин, 2019, с. 55, рис. 37–40]. А.А. Супренков упомянул вал Анастасии и поставил под сомнение существование как этого вала, так и других, найденных нами [Супренков, 2020, с. 360]. Что касается вала Анастасии, то он, безусловно, существует. А.А. Супренков при этом утверждает, что это противотанковый ров. Но доказательства этого утверждения, хотя бы фотография разреза, датирующий материал и, наконец, чертеж этого разреза отсутствуют. Данная им ссылка на архив не является доказательством.

И еще о вале Анастасии: в своей статье [Ермолин, 2019, с. 41] мы подробно описываем участок рва от городища Савроматий и до шоссе Феодосия – Керчь, и в этом описании указываем на рабочую версию о том, что в 1,35 км к западу от основного вала находился более ранний участок этого вала, названного нами валом Анастасии, но в дальнейшем при изучении доступного материала мы отказались от этой версии. Кстати, нигде в научных публикациях это название не упоминается, оно возникло лишь как рабочий вариант, поэтому обвинять нас в изобретении вымышленных рвов преждевременно. Мы всегда выдвигаем несколько предположений, параллельных версий при исследовании археологических объектов, и совершенно логично, что из этих версий со временем остается одна, наиболее рациональная и подтвержденная археологическим материалом и логикой. Однако этого нельзя сказать о нашем оппоненте – стороннике однозначных решений. Его «Ворота Боспора» претендуют на громкую сенсацию, но однозначные отождествления зачастую ошибочны. В действительности противотанковый ров 1941 г. сильно отличается от «Ворот Боспора» IV в. до н. э. Древний ров в этом месте был полностью уничтожен строительством противотанкового рва. Также показательна фраза: «... о хронологии «Боспорских Ворот» – каменного моста через Узунларский ров, открытых нами в 2016 г. к северо-западу от п. Горностаевка, писалось многократно» [Супренков, 2020, с. 365]; в ней очевидно стремление указать на признание своего предположения, но не открытия.

Что касается наших обоснований хронологии Узунларского вала, то мы пользуемся материалами, представленными в статьях А.А. Масленникова и отчасти А.А. Супренкова, а также на основании своих разведок и раскопок – как личных, так и в составе экспедиции КФ ИА НАНУ. В фотоматериалах об Узунларском вале, к сожалению, нет ничего, что доказывало бы версию нашего уважаемого оппонента [Супренков, 2020, рис. 1–3]; более того, на рис. 1 в линии Узунларского вала нет точки T2, но на рис. 2–3 она появляется. Так где же находится эта точка T2 (рис. 3)?

Далее в статье А.А. Супренкова описан вал Безкровного, где удивляет начало этого описания: «Работы же, проведенные на валу Безкровного, пока не дают возможности сколько-либо аргументированно говорить о его хронологии». Но раскопки вала Безкровного велись и до А.А. Супренкова. Видимо, публикации об этом остались ему недоступными. Между тем существует статья с подробным описанием как трассы вала, так и укреплений в его линии, которые буквально до десятилетия дают дату как этих укреплений, так и, соответственно, самого вала. По крайней мере, в списке литературы к работе А.А. Супренкова этой статьи нет [Ермолин, 2010, с. 130–161].

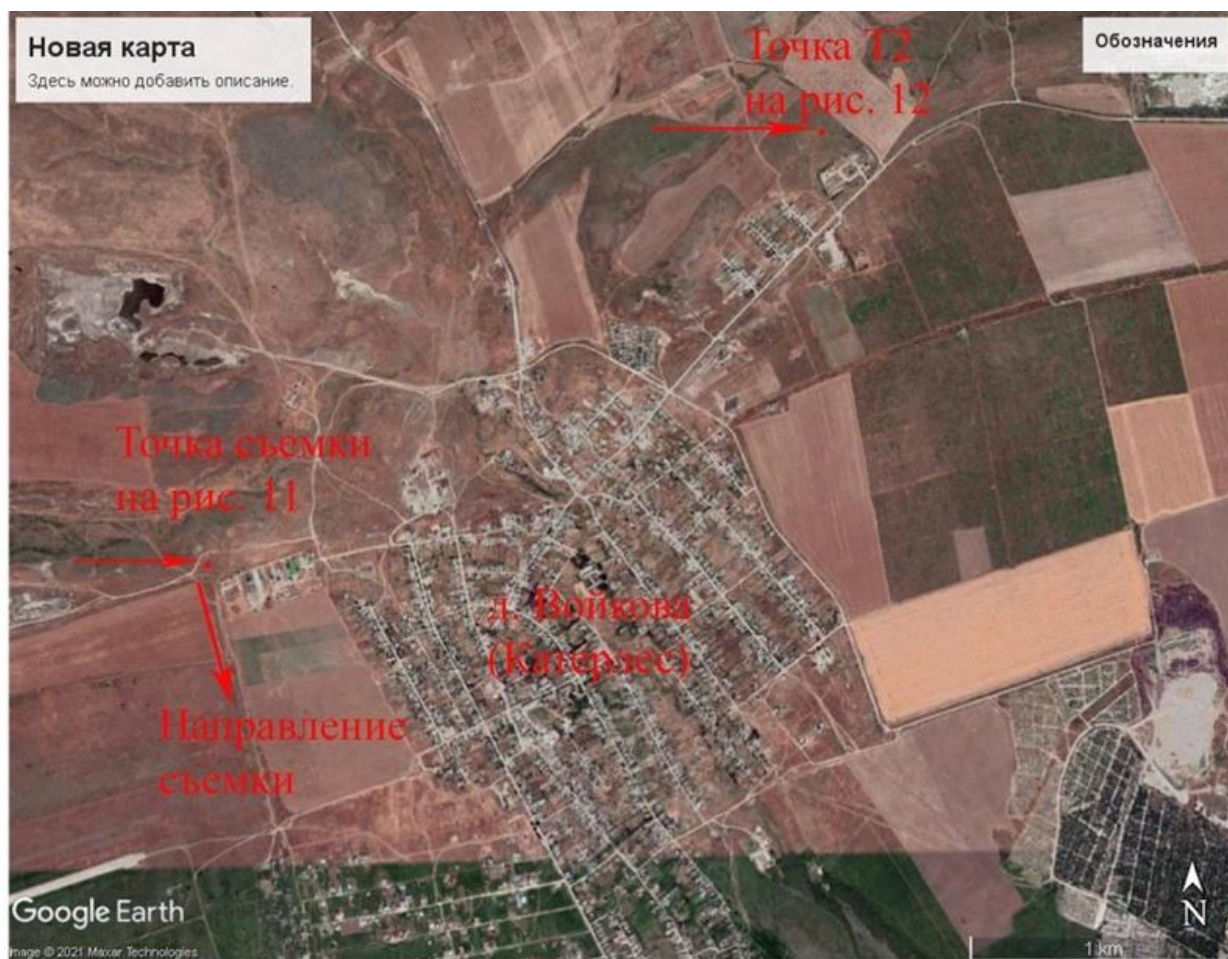

Рис. 3. Район д. Войкова (Катерлез), место фотосъемки Тиритакского вала на рис. 11, точка Т2 (по Супренкову)

Fig. 3. Region of the village of Voikova (Katerles), the place of photographing the Tiritaka swell in Fig. 11, point T2 (according to Suprenkov)

В дальнейшем нами был выявлен вал Татьяны, который является частью вала Безкровного, и об этом тоже есть статья [Ермолин, 2012, с. 25–33]. В статье о датировке валов [Ермолин, 2010, с. 130–131] высказана рабочая версия о продолжении вала после озера Тобечик. Есть и еще одна, пока не опубликованная версия, по которой вал заканчивается оврагом, который был в древности на месте современного озера. Как первый, так и второй вариант требует проверки, но если не будет найдено признаков вала от озера Тобечик до дер. Яковенково, значит, роль преграды – рва и вала – выполнял овраг. В результате разведок 2008 г. на южной стороне озера Тобечик нами были найдены остатки башни I в. до н. э. Есть большая вероятность того, что башня имела отношение к линии обороны, включавшей вал Безкровного.

Возвратимся к датировке вала Безкровного: он был построен, как и укрепления в его линии, в 60-х годах I в. до н. э. Изначально северная часть линии доходила до озера Чокрак и по оврагу доходила до Азовского моря. Через небольшой промежуток времени, буквально не больше года, строится новый участок вала, названного нами валом Татьяны. Этот участок вала прикрывал все Караларское побережье; в линии этого вала строится крепость – форт Артезиан, и западнее форта организуется проезд с башней [Ермолин, 2012, с. 26]. Ранний участок вала Безкровного от вала Татьяны и до озера Чокрак частично засыпается и функциональной нагрузки уже не несет. А.А. Супренков исследовал вал Безкровного непосредственно у железнодорожного полотна, и для подтверждения или опро-

вержения версии о наличии вала Татьяны ему нужно было сделать разрез этого вала, находящегося от места раскопок в 450 м к северу. По всей видимости, найти на местности этот вал оказалось затруднительно. Кроме того, при раскопках вала Безкровного, перед строительством трассы Таврида, участок вала, прилегающий к шоссе Феодосия – Керчь к югу от дороги, был практически уничтожен при его поиске с помощью землеройной техники, и только благодаря работам П.Г. Столяренко участок вала с севера был раскопан [Супренков и др. 2019а, с. 177–187; 2019б, с. 564–573].

При описании разведок северного участка вала Безкровного А.А. Супренков отмечает: «Тогда же был обследован северный участок этого вала к югу от озера Чокрак. Вал и ров здесь хорошо сохранились, а А.Л. Ермолиным ещё в 2008 г. была раскопана какая-то стена 3 (рис. 9)» [Супренков, 2020, с. 366]. Действительно, на рис. 9 изображен участок стены, раскопанной нами в 2008 г., но это не «какая-то стена», а стена в линии рва и вала на выходе скалы, где сложно было вырыть ров, так что вал и ров были заменены стеной из бутового камня. Об этой стене подробно сказано в статье о датировке валов [Ермолин, 2010, с. 135, рис. 5].

Особенно удивляет ссылка № 3 [Супренков, 2020, с. 366], где говорится: «К сожалению, научный отчёт А.Л. Ермолина за 2008 г. отсутствует как в архиве Восточно-Крымского музея-заповедника, так и в архиве ИА Крыма». С полной ответственностью следует заявить – это неправда. Наш отчет об этих разведках находится в архиве Керченского музея-заповедника, номер дела – оп. 2, ед. хр. 1888. Никаких заявок на работу с этим отчетом в музей не поступало, и это легко проверить.

Цитируем далее: «Участок же к югу от трассы «Таврида» и до Тобечикского озера пока не локализован и известен только по аэрофотоснимкам и архивным описаниям ...» [Супренков, 2020, с. 366]. Этот участок был исследован нашей экспедицией под моим личным руководством и участием в 2008 г., а все данные по этим разведкам опубликованы со схемами и фотографиями [Ермолин, 2010, с. 130–161]. Это ошибка или сознательное искажение?

Далее начинается заключительная часть статьи, где описывается Тиритакский вал. Автор не сомневается в том, что западный вал под названием Тиритакского, хорошо видимый на местности и отмеченный на всех картах, является самым поздним и датируется концом XVIII в. Об этом пишет и А.А. Масленников [Масленников, 2003, с. 164]. Не сомневались до последнего времени и мы, но решили еще раз обратиться к описанию раскопок этого вала у А.А. Масленникова. Ни обследования северных скатов гряды Золотого кургана от самого кургана и до Еврейской горки, ни поиски каких-либо следов на аэрофотоснимках 1941, 1954, 1976, 1994 годов не дали никаких результатов, кроме того, что следов какого-либо второго вала, кроме упомянутого Тиритакского, на снимках не было. Но А.А. Супренков пишет: «По мнению, устно высказанному Д.В. Бейлиным и основанному на данных аэрофотоснимка, ТВ 2 (или Катерлезский, по номенклатуре этого исследователя) завершается на юге в районе т. н. Еврейской горки (еврейское кладбище XVIII–XIX вв.)» [Супренков, 2020, с. 371].

То есть А.А. Супренков, как и подсказавший эту идею Д.В. Бейлин, считают, что ТВ 2 подходил к гряде в 1 км восточнее Золотого кургана. Вопрос: почему именно туда? Этот вал, отмеченный как ТВ 2, был построен в 60-х гг. I в. до н. э. В его линии находились крепости этого времени, и если смотреть с севера на юг, то у Азовского побережья в линии вала находится крепость Тархан, затем небольшая крепость Длинная Крепость (г. Михалкина), далее крепость на СЗ окраине дер. Войкова, следующей точкой к которой должен был подходить вал – укрепления на гряде с Золотым курганом. Допустим, что вал примыкал к Еврейской горке, но там не обнаружено никаких следов построек I в. до н. э., да и вообще даже следов древней застройки, зато непосредственно у Золотого кургана находилась крепость именно этого времени. В ходе археологических разведок в 2008–2009 гг. там были выявлены зольники с материалом I в. до н. э. – первых веков

нашей эры. О строительных остатках и развалинах башен здесь писал еще П. Дюбрюкс [Дюбрюкс, 2010, рис. 447–470], и нет основания не доверять этим сведениям, тем более подтвержденных нашими разведками. Было бы вполне логично, если бы этот вал ТВ 2 подходил непосредственно к этой крепости, тем более что так наз. Золотой курган сам являлся крепостью, построенной еще в начале 2-й четв. III в. до н. э. [Ермолин, 2013, с. 12–23], и, естественно, эта крепость использовалась и в I в. до н. э.

В данный момент от подножья Золотого кургана (остатков крепости III в. до н. э.) начинается так называемый поздний Тиритакский вал. Этот вал дважды подвергался археологическому исследованию А.А. Масленниковым [Масленников, 2003, с. 164], а один разрез, сделанный им в 300 м южнее р. Мелек Чесме, заинтересовал нас, точнее, его подробное описание. Приведу заинтересовавшую нас часть этого обширного описания: «Стратиграфия вала и рва следующая (рис. 122). Вверху это очень тонкий (до 0,005–0,08 м) слой гумуса, лишь в области рва достигавший 0,35 м. Там же выделяется линза темного (чёрно-коричневого) умеренно рыхлого и влажного суглинка – заполнение рва. Длина ее 9,5 м, толщина 0,9 м. В верхнем горизонте этого слоя встречено несколько невыразительных обломков светло-глиняных амфор. Судя по структуре соседних участков, ров прорезал несколько слоев грунта. Первый – светло-коричневый (серо-коричневый), умеренно плотный и сухой суглинок, непосредственно подстилавший гумус. Толщина его на участке к западу ото рва – 0,45 м, а в районе вала – до 0,6 м. Но здесь этот слой смотрелся в профиле траншеи как обращенная выпуклой стороной вверх линза длиной почти в 7 м. Далее к востоку этот слой исчезал. Над ним отчетливо прослеживалась тонкая прослойка рыхлого серого суглинка толщиной всего 0,05 м. По всей видимости, это и есть погребенная почва – прежняя дневная поверхность. Обращает на себя внимание то, что уровень залегания данной прослойки почти на 0,6 м выше района к западу ото рва, а в области вала её очертания напоминают линзу насыпи. Данное обстоятельство позволяет предположить, что либо естественный рельеф здесь имел повышение к востоку (что могло и определить выбор места при сооружении насыпи), либо эта прослойка хотя бы отчасти сформировалась за счёт аналогичного грунта, переотложенного при строительстве рва. В западной поле вала выделяется «полулинза» светло-серого рыхлого сухого суглинка. Длина ее 1,8 м, максимальная толщина (в восточной части) 0,4 м. Длинный «затек» такого же грунта присутствовал и в профиле восточной полы вала. Наибольшая его толщина составляла 0,4–0,44 м. Ни к западу ото рва, ни к востоку от соответствующей полы вала этот слой не выявлен. Уровень его залегания в последнем случае явно понижался. Попутно заметим, что именно тут, на глубине 0,2–0,45 м от современной дневной поверхности, были найдены мелкие обломки железных гвоздей и дно толстостенной стеклянной винной бутылки. Особенности её формы и состава стекла характерны для посуды такого рода, выпускавшейся в конце XVIII – первой половине XIX вв. Но откуда брался описанный грунт, не вполне ясно» [Масленников, 2003, с. 175].

А теперь предположим, что участок древнего т. н. Тиритакского вала проходил в этом месте, и позже по нему был прокопан вал в конце XVIII в. (ситуация такая же, как в районе т. н. «Ворот Боспора», где участок Узунларского вала был перестроен в противотанковый ров). Тогда становится понятно и наличие небольшой возвышенности под валом, перекрытой слоем серого суглинка – дернового слоя на древнем валу, и перекрывающие его полулинзы серого суглинка с материалом конца XVIII в. – они являются верхним слоем заполнения древнего рва с мусором конца XVIII в. Все встало на место – найден участок древнего вала и выяснены загадки стратиграфии. Вывод здесь один: изначальный ров и вал проходили непосредственно от Золотого кургана и до реки Мелек Чесме, далее ров смещался на 300 м к В и проходил уже по полю в сторону крепости у дер. Войкова. В 453 г. ров и вал восстанавливаются по этому древнему рву и валу, что видно из наших раскопок 2008 г. Далее, в конце XVIII в. строится оборонительная линия, где

часть ее от Золотого кургана и до р. Мелек Чесме проходит по древнему рву, а северный участок строится заново. Раскопки, проведенные А.А. Масленниковым на северном участке вала, не подтвердили стратиграфию южного участка [Масленников, 2003, с. 176–177].

Далее А.А. Супренков рассказывает об археологических разведках севернее д. Войкова и ссылается на иллюстрации: на рис. 12 схематично указаны точки Т1 и Т2, где были проведены разведки и собран археологический материал, далее на рис. 11 показано, где именно проводились разведки в точке Т2. Подпись под рис. 11 гласит: «Тиритакский вал. Съемка в точке Т2, вид с севера». Но на рисунке мы видим северный участок Тиритакского вала от Золотого кургана и до Катерлеской гряды. Снимок сделан с высоты на этой гряде в сторону вала. Точка Т2, заявленная на рис. 12, находится в 3 км к СВ от этого места (рис. 3, 4) [Супренков, 2020, рис. 11, 12]. С Т2 вообще не видно никаких валов, а что касается сбора подъемного материала, то в этом месте еще В.В. Веселовым были разведаны поселения 92/74.-5 и 93/75.-6, датируемые поздней бронзой – IV в. до н. э. [Веселов, 2005, с. 28–29].

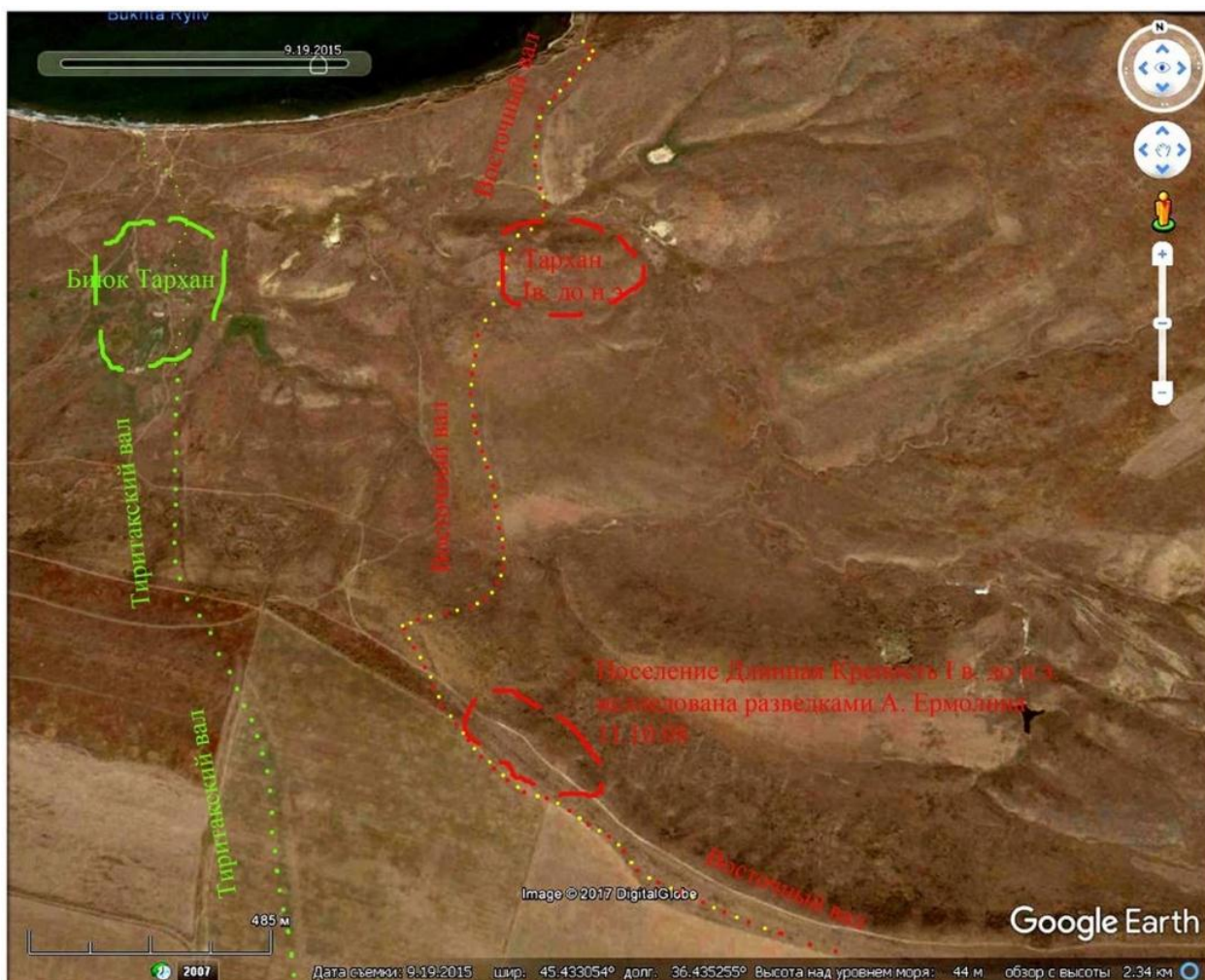

Рис. 4. Снимок ГУГЛ. Северный участок Восточного вала и Тиритакского вала.

В линии Восточного вала на этом участке находятся два укрепленных поселения начала I в. «Тархан» и «Длинная Крепость». Красным обозначен Восточный вал, зеленым – Тиритакский вал

Fig. 4. A snapshot of the GUGL. Northern section of the Eastern Wall and the Tiritak Wall.

In the line of the Eastern Wall on this site there are two fortified settlements of the beginning of the 1st century. «Tarkhan» and «Long Fortress». The East Rampart is red, the Tiritaka Rampart is green

Тиритакский вал ТВ 2 (по Масленникову) находится вообще не там, а в 3 км к ЮЗ от этого места, между Золотым курганом и Катерлесской грядой, а в 300 м к СЗ находится вал и ров Восточной линии обороны или Тиритакский вал по Гриневичу [Гриневич, 1946, с. 160–164]. При всем уважении к К.Э. Гриневичу, этот вал не имеет никакого отношения к Тиритакскому валу, идущему в сторону Тиритаки, и прослежен им не до конца, а на протяжении 5 км к СВ-СЗ от д. Войкова (Катерлез) до небольшой крепостицы «Длинная крепость», далее он наткнулся на Третий Тиритакский вал (ТВ3) (по Масленникову), который шел в сторону д. Тархан (Биюк Тархан) (рис. 5). Именно эта трасса Тиритакского вала нарисована и у А.А. Супренкова [Супренков, 2020, с. 361, рис. 1]. А.А. Супренков просто воспроизвел северную часть т. н. Тиритакского вала по схеме К.Э. Гриневича, не разобравшись с истинным положением как Восточной линии обороны, так и Тиритакского вала, а это два совершенно разных сооружения, хотя их трасса совпадает на довольно большом участке.

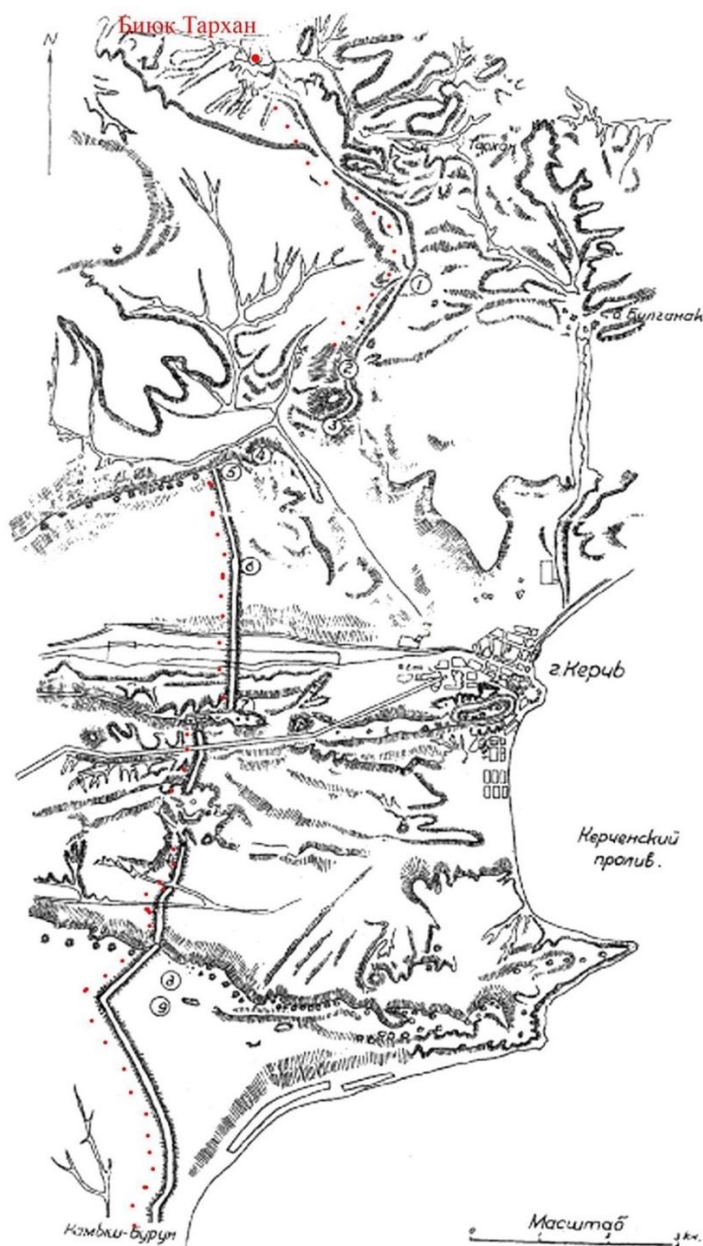

Рис. 5. Схема Тиритакского вала по К. Гриневичу, разведки 1924–1925 гг. Для наглядности трасса вала усилена красными точками
Fig. 5. Scheme of the Tiritaka shaft according to K. Grinevich, reconnaissance 1924–1925. For clarity, the shaft route is reinforced with red dots

Заканчивается описание Тирикакского вала у А.А. Супренкова следующим образом: «Исследованный нами вал у с. Войково далее следует к северо-востоку в сторону Азовского побережья мимо (к западу) горы Михалкина в сторону мыса Тархан. На этом участке А.А. Масленниковым был в своё время заложен стратиграфический разрез [Масленников, 2003, с. 128], давший невыразительный археологический материал».

Здесь речь идет о том, что вал должен заканчиваться на м. Тархан, но на рис. 1 у А.А. Супренкова он почему-то заканчивается у бывшей деревни Тархан (Тархан Биук), а это разные объекты. И А.А. Масленников делал стратиграфический разрез на Тиритакском валу (Тиритакский ров 3), а не на Восточной линии обороны, которая действительно заканчивается на мысе Тархан.

Восточный вал (Восточная линия обороны) начинается у берега Азовского моря немного западнее мыса Тархан и проходит по гряде в направлении СЮ (рис. 4, 6–7), огибает с севера поселение I в до н. э. «Тархан» (рис. 4, 6–7), затем по складкам местности идет в направлении поселения «Длинная Крепость» I в. до н. э. (рис. 4, 8), расположенного на горе Михалкина (совр. название), огибает гору и по гряде в направлении ЮВВ проходит около 800 м (рис. 4, 7).

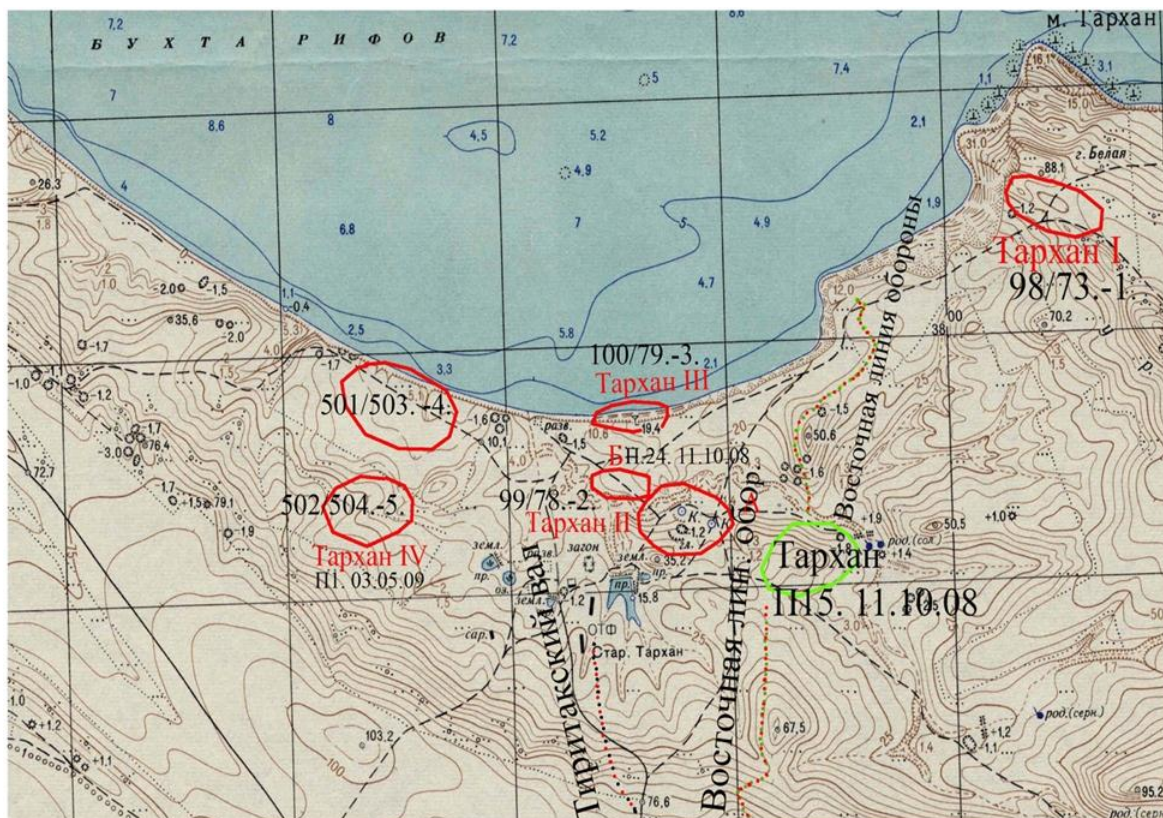

Рис. 6. Район бывшей дер. Тархан (Биук Тархан) с поселениями, разведанными В.В. Веселовым, И.Т. Кругликовой и А.Л. Ермолиным. Красным отмечены поселения по Веселову и Кругликовой, зеленым – по Ермолину, красными и зелеными точками отмечена трасса Восточной линии обороны, красными и черными точками отмечен Тиритакский вал (валы по Ермолину). Надписи – черными цифрами – по Веселову, красными – по Кругликовой. Номер пункта и дата (П15. 11.10.08) – номер выявленного объекта и дата разведки по Ермолину

Fig. 6. The area of the former village. Tarkhan (Biyuk Tarkhan) with settlements explored by V.V. Veselov, I.T. Kruglikova and A.L. Ermolin. The settlements along Veselov and Kruglikova are marked in red, the settlements along Ermolin are green, red and green dots are used to mark the route of the Eastern line of defense, the Tiritaksky shaft (walls along Ermolinnu) is marked with red and black dots. The inscriptions are in black numbers according to Veselov, red according to Kruglikova. Item number and date (P15. 11.10.08) – the number of the identified object and the date of exploration at Ermolin

Рис. 7. Ситуационный план местоположения Восточной линии обороны и укрепленных поселений I в. до н. э., расположенных в линии вала и восточнее вала
 Fig. 7. Situational plan for the location of the Eastern line of defense and fortified settlements of the 1st c. B. C., located in the line of the rampart and east of the rampart

Рис. 8. Трасса Восточной линии обороны на г. Михилкина, где расположена «Длинная Крепость» I в. до н. э.
 Fig. 8. The route of the Eastern line of defense to the town of Mikhilkina, where the «Long Fortress» of the 1st century B. C. is located

За горой Михалкина вал поворачивает в направлении ЮВ и дугой по полю выходит на Катерлезскую гряду, там в направлении ЮЮЗ по складкам местности доходит до поселения I в. до н. э. Войково I. При обследовании поселения Войково I 11.10.2008 были выявлены следы рва с северной и западной стороны. Велика вероятность того, что вал огибал поселение с севера и запада и юго-востока (рис. 7), далее шел строго на юг в направлении Золотого кургана. Далее доходит до р. Мелек Чесме и через 300 м к западу продолжается по хорошо видимому Тиритакскому валу (по Масленникову) до Золотого кургана (описание выше) (рис. 9).

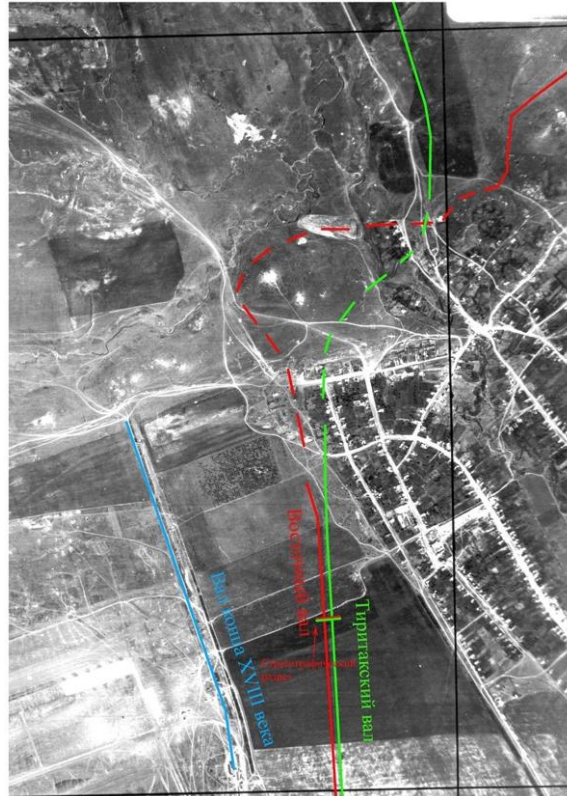

Рис. 9. Аэрофотосъемка 1954 года. Валу Тиритакский, восточный и вал конца XVIII в. Тиритакский и Восточный валы западнее д. Войкова проходят «два в одном». Штрихами обозначны предполагаемые трассы валов

Fig. 9. Aerial photography of 1954. Ramparts of Tyritaksky, eastern and ramparts of the end of the 18th century. The Tiritak and Vostochny ramparts to the west of the village of Voikova are two-in-one. The dashed lines indicate the proposed shaft routes

Здесь стоит сделать небольшое отступление и вернуться к памятнику археологии крепости «Тархан». Название этому памятнику дано при его обследовании еще в 2008 г. Керченской охранно-археологической экспедицией под нашим руководством.

В 2015 г. вышла статья Д.В. Бейлина [Бейлин, 2015, с. 19–28], где говорится, что в ходе разведок им (Бейлиным) найдено поселение в районе бывшего поселка Биюк Тархан и названо «Тархан I». Необходимо уточнить названия археологических памятников, а также их первооткрывателей.

Название «Тархан I» встречаем у И.Т. Кругликовой [Кругликова, 1975, табл. 59] – «Тархан I – около 2 км к северо-востоку от кошар».

У В.В. Веселова [Веселов, 2005, с. 31] это же поселение значится под номером 98/77.-1 и описывается следующим образом: «Примерно в 2 км северо-восточнее кошар (быв. Тархан), в 0,25 км от морского берега, в небольшой ложине встречено значительное скопление фрагментов древней посуды. В откосе берега веден культурный слой. При осмотре территории подняты следующие археологические предметы: амфорные ручки,

овальные в поперечном сечении; ножки гераклейских амфор; ножки амфор с широкими пятками (рис. 28, рис. 29); уширенный венчик кухонной лепной посуды (рис. 30); обломки пантикапейских кровельных черепиц. По-видимому, здесь было небольшое поселение эллинистического времени. Территория распространения фрагментов посуды примерно равна 1,5–2,0 га».

И действительно, в 2009 г. Д.В. Бейлиным было обследовано поселение в ложине, примерно в 2,3 км к СВ от развалин фермы на месте бывшей дер. Тархан, примерно в 0,25 км от береговой линии. Подъемный материал представлен был в основном керамикой поздней бронзы, но масштабных разведок и шурфовок в то время проведено не было. Еще раз 13.11.2009 этот памятник посещался нами совместно с С.Л. Смекаловым. Этот памятник отмечен им на Археологической карте Крыма на горе Белая как поселение эпохи бронзы. Мы уверены, что при тщательной разведке здесь будет выявлена и эллинистическая керамика, упомянутая В.В. Веселовым, и именно это поселение упоминал В.В. Веселов под № 98/77.-1, а И.Т. Кругликова под названием «Тархан I». Разница в 300 м здесь вполне объяснима, мы не знаем откуда измерялось расстояние, да и измерения были указаны «примерно». Мы считаем, что именно это поселение и есть «Тархан I».

Поселение, описанное Д.В. Бейлиным, было впервые официально обследовано экспедицией КОАЭ под моим руководством 11 октября 2008 г. В разведках в этот день принимали участие: А.Л. Ермолин – начальник экспедиции, С.А. Ермолин – лаборант КФ ИА НАНУ, А.В. Куликов – мл. н. сотрудник КФ ИА НАНУ, С.Ю. Бейлина – лаборант КФ ИА НАНУ и Д.В. Бейлин – мл. н. сотрудник КФ ИА НАНУ. Экспедиция была организована лично мной и под мой Открытый Лист. Задачей разведок было выявление трассы Тиритакского вала (рабочее название) в северной его части и археологических объектов в системе вала, а также обследование района быв. дер. Тархан. В ходе разведок была найдена трасса вала, начиная от поселения в дер. Войкова (Катерлез) и до Азовского побережья. Не доходя до берега Азовского моря около 700 м, в линии исследуемого вала были выявлены следы поселения, а в грабительской яме собрана керамика I в. до н. э. – I в. н. э. Выявленное поселение было названо мною «Тархан». Это поселение было обследовано 11.10.2008 и в полевом дневнике обозначено как пункт № 15. Координаты поселения: 45.440441°; 36.433689°.

Еще можно добавить, что пункты, отмеченные С.Л. Смекаловым на Археологической карте Крыма³⁶ в районе бывшей дер. Тархан, предоставлены мною и являются результатом разведок 11.10.2008 г. Изучив всю доступную археологическую литературу, касающуюся разведок и раскопок района дер. Тархан, можно утверждать, что нигде не упоминается поселение, расположенное в 1 км к СЗ от ОТФ в бывшей дер. Тархан. Можно также с уверенностью сказать, что участок вала от горы Михалкина (Длинная Крепость) и к северу до Азовского побережья также выявлен именно этими разведками 11.10.2008. В дальнейшем нами было установлено, что этот участок вала, проходящий через поселение «Тархан», не является северной оконечностью Тиритакского вала, а относится к Восточной линии обороны, датируемой нами началом I в. до н. э. – временем Митридата VI Евпатора. В статье «Тиритакский вал – элемент Восточной линии обороны»³⁷ подробно описывается эта оборонительная система и там же под № 1 значится поселение «Тархан». Что касается авторства открытия поселения «Тархан», Д.В. Бейлин в тот день (11.10.2008) говорил, что этот памятник он впервые посещал ранее вместе с членами краеведческого клуба «Ларус» под руководством Б.И. Бабича, так что я считаю, что автором открытия следует считать именно Б.И. Бабича, а так как памятник официально был исследован Керченской охранно-археологической экспедицией, то название «Тархан» считать единственным верным и законным.

³⁶ <http://www.archmap.ru/85.htm>.

³⁷ <http://kukiit.ru/docs/ts/no4/8.pdf>.

Теперь о Тиритакском вале. Тиритакский вал (вал № 3 по А.А. Масленникову) начинается на территории бывшего пос. Бююк Тархан в 1 км от побережья Азовского моря и является продолжением оврага – небольшой речки, впадающей в Азовское море (рис. 2, 4, 6–7). Этот километр оврага более непроходим, чем сам ров, и смысла вести ров до самого побережья в этом месте не было. Подобная ситуация характерна для поздних валов, например, вала Елены (рис. 2), но и в валах I в. до н. э. на второстепенных участках подобные замещения встречаются. Далее ров идет практически в южном направлении с небольшим смещением к востоку до северной окраины дер. Войкова (Катерлез). Судя по тому, что он довольно далеко заходит в саму деревню, есть большая вероятность того, что он не шел вокруг поселения «Войково I», да и само поселение уже не существовало в V в. н. э. В 600 м южнее поселения Тиритакский вал был проложен по более раннему рву – Восточному валу (рис. 9). На западной окраине дер. Войкова в 2008 г. был сделан стратиграфический разрез (рис. 9), который показал, что ров имеет две стадии строительства, причем между первым и вторым этапом ров был почти заполнен, и второй ров практически копался заново, но здесь сыграл роль тот фактор, что сам вал сохранился неплохо и при восстановлении рва вал значительно увеличивался в размерах.

По неизвестной причине А.А. Супренков отчитывается моим чертежом этого разреза в своей статье, а это значит, разрез этого рва А.А. Супренков сделал не в районе ж/д станции, а непосредственно у моего разреза, каких-либо доказательств в виде фотографий он в статье не дает, а тот снимок, что есть в статье, можно сделать где угодно, там даже самого рва не видно. Довольно странно описание этого разреза: «Новый разрез на Тиритакском валу № 2 был заложен южнее упомянутого разреза А.Л. Ермолина, непосредственно к северу от железной дороги (рис. 15). В процессе работ была выявлена западная часть рва до его дна, восточная осталась недообследованной вследствие ограничений данного земельного отвода (после обнаружения дна рва на глубине около 2,5 м от его устья работы были приостановлены и объект законсервирован). Любопытен археологический материал, найденный в его заполнении (рис. 18, 3–5). Он представлен ручками хиосской амфоры эллинистического времени и гераклейской амфоры I в. до н. э. – I в. н. э.» [Супренков, 2020, с. 370–371, рис. 15].

Из всего этого становится очевидно, что ров в действительности не был исследован. Если бы были представлены реальные снимки этого вала, где можно установить его местоположение, то ситуация была бы иной. Но таких снимков нет, иначе они бы были в статье, как нет и самого чертежа этого разреза у железной дороги.

Об археологическом материале из этого шурфа и датировках: Тиритакский, как и Узунларский валы А.А. Супренков датирует опять-таки по одиночным находкам керамики, которые не имеют никакого отношения к этому сооружению, тем более что последнее восстановление рва и вала (уже Тиритакского) было в V в., а Восточная линия обороны, по которой был вторично проложен Тиритакский вал, датируется 60-ми гг. I в. до н. э.

Итак, Восточная линия и Тиритакский вал, уже «два в одном», доходят до реки Мелек-Чесме, далее их линия смещается на 300 м к западу по реке и идет уже как «три в одном» до Золотого кургана (рис. 10).

В описании А.А. Супренковым т. н. Тиритакского вала, его северного участка, есть фраза в сноске: «4. Автор выражает благодарность исследователям И.В. Рукавишниковой и Д.В. Бейлину за консультации и доступ к материалу». У нас сложилось мнение, что Д.Б. Бейлин вместе с И.В. Рукавишниковой тоже не досконально разобрались в ситуации с валами.

Оканчивается статья таким образом: «Наконец, попытаемся рассмотреть ситуацию с участком Тиритакского вала южнее Юз-Обинской гряды (ТВ 1). На сегодняшний день нигде к югу от Второго Змеиног кургана насыпь идентифицировать не удалось», – правда это не самый конец, заканчивается статья сомнениями в существовании Восточной линии обороны.

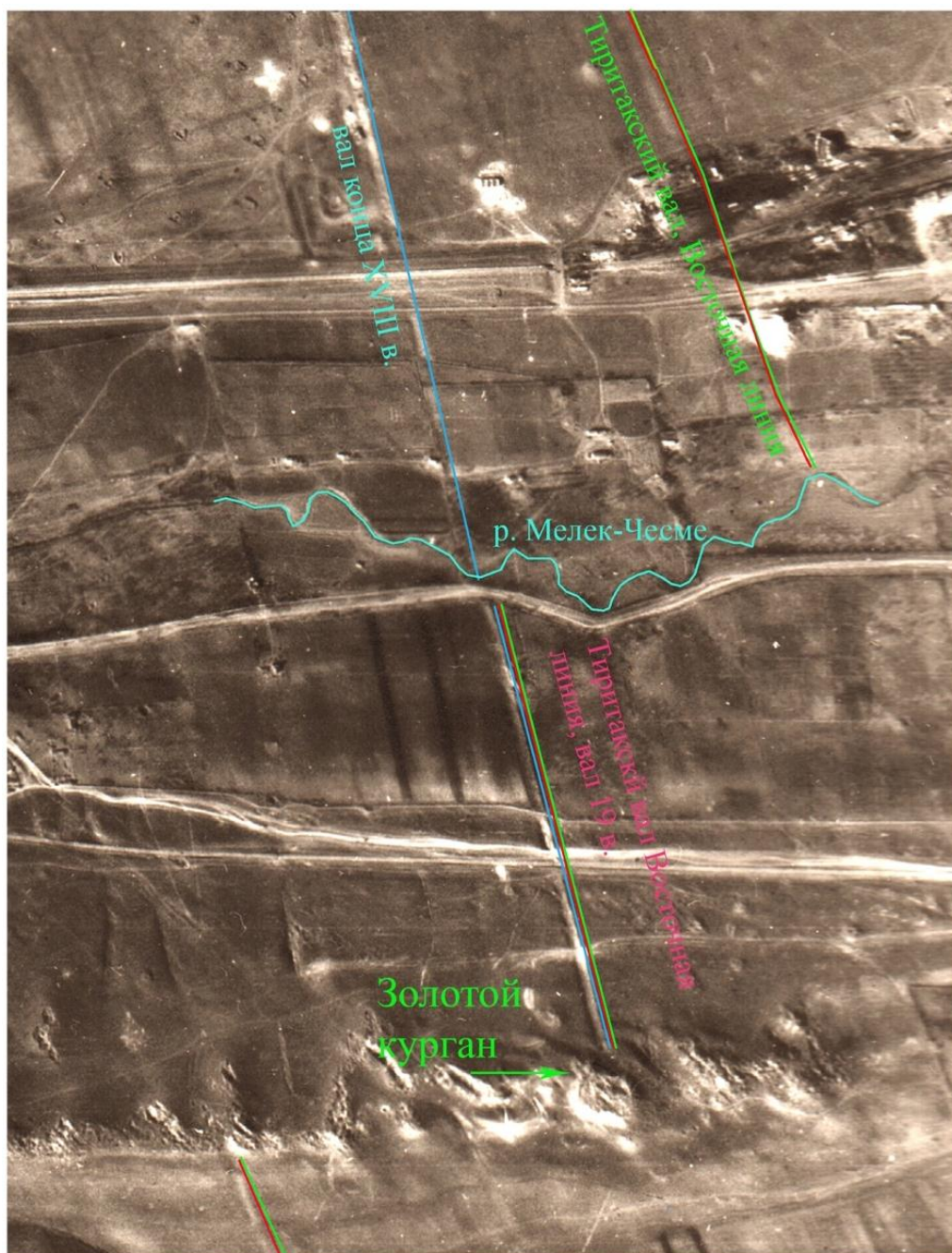

Рис. 10. Аэрофотосъемка 1941 года. Вали Тиритакский, Восточный и вал конца XVIII в. севернее Золотого кургана
Fig. 10. Aerial photography of 1941. Ramparts Tyritaksky, Vostochny and ramparts of the end of the 18th century north of the Golden Barrow

Здесь непонятны утверждения о том, что южнее Большого Змеиногo кургана не удалось найти линию Тиритакского вала, хотя она совершенно четко обозначена на местности как валом, так и рвом. Скорее всего, автор статьи там просто не был, а удовлетворился иллюстрациями, представленными ему неким А.М. Михайловым. Кстати, кто такой А.М. Михайлов и какое отношение он имеет к валам Боспора, осталось неизвестным. Что касается этих иллюстраций и гипотетической трассы окончания вала на рисунках Михайлова, то это говорит в первую очередь о том, что он не знаком с топографией этого района. На рис. 16 в статье А.А. Супренкова совершенно неверно обозначен Тиритакский вал, точнее, его окончание на карте масштаба 1:25 тыс. Здесь перепутан поворот железнодо-

рожного полотна на карте со старой дорогой на верстовке. В самом деле, на современной карте вал заканчивается непосредственно у ЮЗ угла стадиона. Кстати, это хорошо видно на рис. 17 этой же статьи [Супренков, 2020, рис. 16–17].

Теперь о Тиритакском вале южнее Большого Змеиного кургана. За Вторым Змеиным курганом, южнее него, трасса Восточного и Тиритакского вала поворачивает на ЮЗ, часть рва и вал на протяжении около 400 м уничтожены карьером, но за карьером на протяжении 200 м вал хорошо просматривается как на снимках Гугл, так и на местности (рис. 11).

Рис. 11. Космическая съемка 11.20.12. Трасса Тиритакского и Восточного валов южнее Второго Змеиного кургана. В 630 м южнее Второго Змеиного кургана трассы Восточного вала и Тиритакского вала расходятся. Участок Восточного вала от развилки и до бывш. дер. Александровки найден мною в ходе разведок 31.03.09 и назван «вал Ермолина». Этот участок является составной частью Восточного вала

Fig. 11. Space imagery 11.20.12. The route of the Tiritak and Eastern ramparts to the south of the Second Serpent Barrow. 630 m south of the Second Serpent Barrow, the routes of the Eastern Wall and the Tiritak Wall diverge. Section of the Eastern Wall from the fork to the former. village Aleksandrovka was found by me during reconnaissance on 03/31/2009 and named «Ermolin shaft». This site is an integral part of the Eastern Rampart

На окончании этого 200-метрового сохранившегося отрезка или в 600 м от Второго Змеиного кургана трасса Тиритакского вала отходит от общей трассы Восточного и Тиритакского вала и уходит на север в сторону быв. пос. Камыш Бурун (рис. 11–12). Восточный вал, не меняя направления, уходит в сторону быв. дер. Александровка (рис. 11).

Ответвляясь от общего рва и вала (Восточного и Тиритакского № 1 по А.А. Масленникову) в 600 м ЮЗ Второго Змеиного кургана, трасса Тиритакского вала уходит практически на юг в сторону быв. пос. Камыш-Бурун (рис. 11–13) и доходит до оврага в 2 км севернее. Далее ров не был прослежен ни топографами конца XIX века, ни разведками

К. Гриневича 1924–1925 гг., ни более поздними разведками В.В. Веселова. Дальнейшие разведки не имели даже смысла, т. к. вся территория вплоть до Тиритаки была застроена. Только в 2004 г. в ходе наблюдений за прокладкой газопровода вдоль Тиритаки удалось проследить стратиграфию в борту траншеи в 50 м к северу от стен Тиритаки. Никаких признаков рва в траншее газопровода на протяжении 1,5 км как от самой Тиритаки с запада, так и непосредственно у городища выявлено не было. Если бы ров доходил до самой Тиритаки, то траншея газопровода его бы точно пересекла.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Тиритакский ров в южной своей оконечности заканчивался оврагом, проходящим с севера от ЮВ угла стадиона в Аршинцево и на юг мимо Тиритаки до оз. Чурубаш (рис. 12).

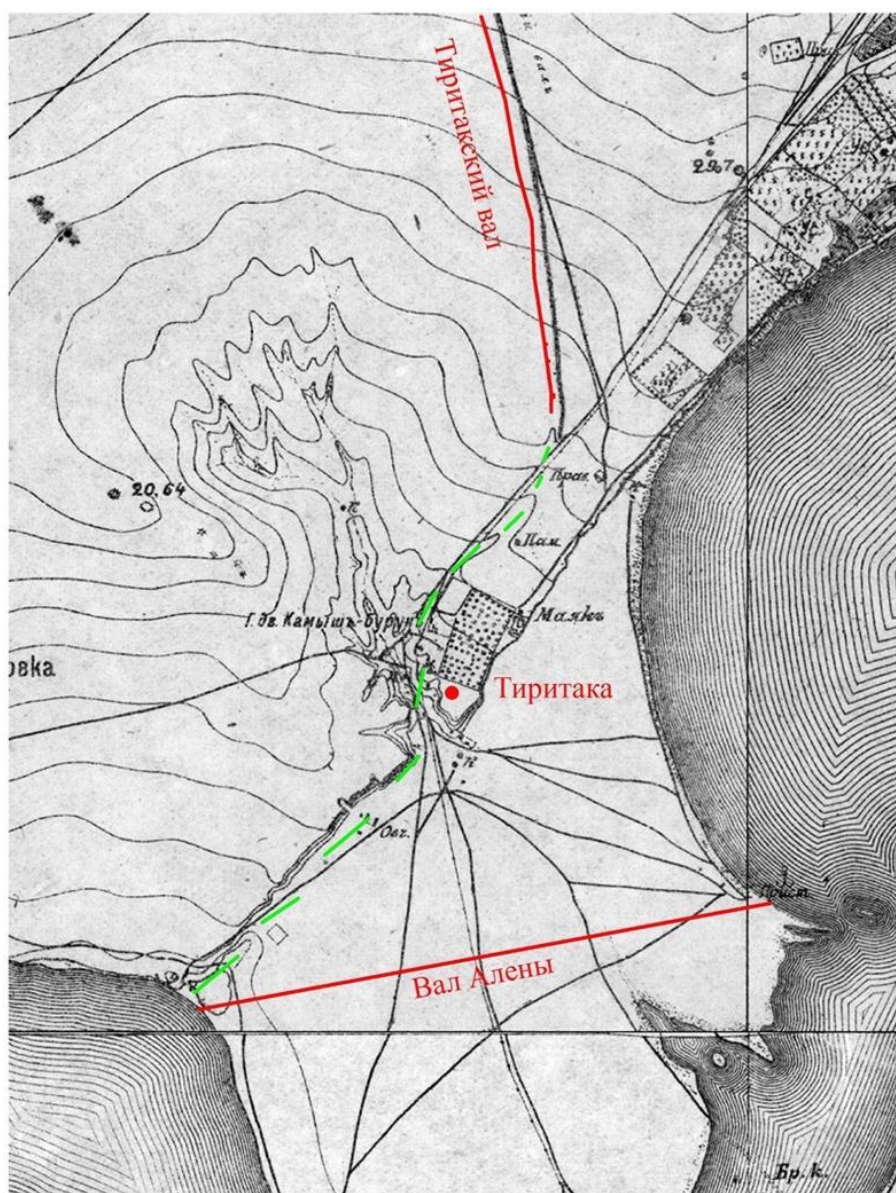

Рис. 12. Тиритакский вал. Южная оконечность. Вал (ров) заканчивается оврагом, далее зеленым цветом обозначены естественные препятствия – овраг и обрыв. Южный фланг района Тиритаки прикрывался валом «Алены» в дефиле между оз. Чурубаш и Керченским проливом. Карта «верстовка» 1894 г.

Fig. 12. Tyritaksky shaft. South end. The shaft (moat) ends in a ravine, then natural obstacles are indicated in green – a ravine and a precipice. The southern flank of the Tiritaki area was covered by the «Alena» rampart in the defile between the lake. Churubash and the Kerch Strait. Map «layout» 1894

Овраг являлся продолжением рва, как это было и на северной его оконечности в быв. ауле Биюк Тархан. Но в такой ситуации южный фланг городища Тиритака остается незащищенным, и здесь мы находим еще один вал – вал Алены, расположенный в дефиле между Чурубашским озером и Керченским проливом (рис. 12–13). Об этом вале сказано в более ранней публикации в фейсбуке «Археологические открытия Alex Ermolin»³⁸. Именно вал Алены логично завершает так называемый Тиритацкий вал, а точнее – Тиритацкую линию обороны.

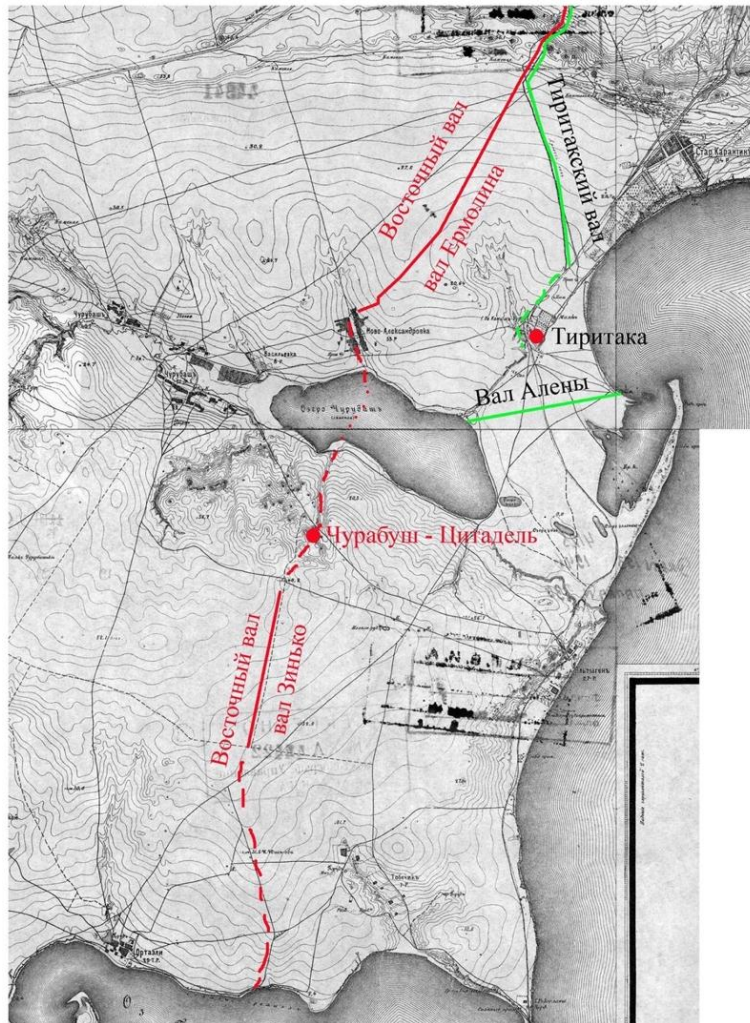

Рис. 13. Тиритацкие и Восточные валы. Восточный вал от развилки и до бывш. дер. Александровка – вал Ермолина. От Александровки и до поселения Чурбаш – Цитадели роль рва выполнял овраг. От Чурбаш – Цитадели и до оз. Тобечик в Восточный вал входит вал Зинько.

Карта – «верстовка» 1895 г.

Fig. 13. Tyritakskiy and Eastern shafts. The eastern rampart from the fork to the former, village Alexandrovka – Ermolin's shaft. From Alexandrovka to the settlement Churbash – Citadel the role of a moat was played by a ravine. From Churbash – Chitadel to the lake, Tobechnik is part of the Vostochny Val Val Zinko. Map – «layout» 1895

³⁸ Ермолин А. Дамба в дефиле между оз. Чурбаш и Керченским проливом (вал Алены) – [https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1355198224613424&id=882128061920445&__xts__\[0\]=68.ARDcAPEJCC1ldB5BCGUI9aM9Tkg5lpMOahrhhHQvb9_JN8y6mTyaehYsYx6021wD_0eBMEVW-srgI0_qnnPebAHMUT-TkxJKKYUdL47U17op6gAHpzYRi74mC6BZzCr8ab2r9VmcwAqYvMxyC3ZVUB1Eww159x5SSVQ4u09hWmNfQzgetKDH0KDwA9a0jmZdUaRLfn4mheRGIESREbyWK-8ZvQfiqY5hAYb2Yd6ctC-YJgZHRASDM0oXkaMjzuwEGUIEgPCjg8YrxFRo6rfSD-Jt4rSaRM2bb9mwic0mSsG64a-k4Qkusw.](https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1355198224613424&id=882128061920445&__xts__[0]=68.ARDcAPEJCC1ldB5BCGUI9aM9Tkg5lpMOahrhhHQvb9_JN8y6mTyaehYsYx6021wD_0eBMEVW-srgI0_qnnPebAHMUT-TkxJKKYUdL47U17op6gAHpzYRi74mC6BZzCr8ab2r9VmcwAqYvMxyC3ZVUB1Eww159x5SSVQ4u09hWmNfQzgetKDH0KDwA9a0jmZdUaRLfn4mheRGIESREbyWK-8ZvQfiqY5hAYb2Yd6ctC-YJgZHRASDM0oXkaMjzuwEGUIEgPCjg8YrxFRo6rfSD-Jt4rSaRM2bb9mwic0mSsG64a-k4Qkusw.)

Возвращаемся к Восточному валу: от развилки с Тиритакским валом он идет в сторону быв. дер. Александровка и доходит до оврага у дер. Александровка. Там он заканчивается, точнее, роль рва переходит к оврагу, доходящему до оз. Чурубаш. На противоположной стороне оз. Чурубаш линию обороны продолжает тоже овраг, доходящий до башни – усадьбы Чурубаш – Цитадель I в. до н. э. (рис. 13). Далее за Чурубаш – Цитаделью через 1 км к югу на местности «читается» вал Зинько, описанный как у Т. Шолля [Scholl, Zin'ko, 1999], так и в монографии В.Н. Зинько [Зинько, 2003, с. 43, рис. 19].

И еще о вале Зинько: разведками 2016 г., проводимыми В.Н. Зинько на трассе газопровода в районе вала Зинько, вал не был найден и не был указан в отчете о разведках, а при прокладке газопровода его участок протяженностью около 50 м был уничтожен. Далее вал Зинько, как составляющая часть Восточного вала, доходил до оз. Тобечик (рис. 13).

На противоположной стороне оз. Тобечик эстафету трассы Восточного вала (участка вала Зинько) принимает Кыз-Аульский вал, который был исследован В.В. Веселовым и М.М. Кублановым, описан А.А. Масленниковым. По описанию В.В. Веселова, вал начинался в районе дер. Костырино, шел до Красного кургана и заканчивался в районе Кыз-Аульского маяка (рис. 2). Я считаю, что именно этот участок под названием Кыз-Аульский вал и был окончанием Восточного вала – Восточной линии обороны. О Кыз-Аульском вале можно прочесть в интернете «Археологические открытия Alex Ermolin» от 2 марта 2020 г. «Кыз-Аульский вал. А. Ермолин»³⁹.

Выводы

1. Так называемый Тиритакский вал в представлении ученых-археологов и историков до 2008 г. представлял собой компиляцию из трех разновременных земляных оборонительных сооружений.
2. Большая часть Тиритакского вала проходит по более раннему Восточному валу.
3. Восточный вал датируется по находящимся в его линии крепостям – укрепленным поселениям, датирующимся 60-ми гг. I в. до н. э.
4. Тиритакский вал построен в более позднее время; по нашему мнению, это мог быть год, когда часть гуннов возвращалась из Европы в 453 г.
5. Вал (ров) не доходит до городища Тиритака, а переходит в овраг в 2 км к северу, с юга подходы к Тиритакке прикрывает вал Алены.
6. Характерной особенностью ранних валов является то, что трасса вала проходит по грядам и высотам, повторяя складки местности, в линии этих валов стоят укрепления этого времени – начала I в. до н. э. Валы V в. проложены более прямолинейно с использованием глубоких оврагов, как продолжение рва, например, вал Елены. В линии этих поздних валов нет никаких укреплений, они отгораживают определенную территорию. Скорее всего, они строились в преддверии вторжения сильного и многочисленного противника, скорее всего, прохода гуннских племен через Керченский полуостров.
7. Трасса Восточного вала (Восточной линии обороны) состоит из ранее известных и вновь выявленных отдельных участков: участок вала от берега Азовского моря и до поселения Длинная Крепость, обследованных 11.10.2008 экспедицией под руководством А.Л. Ермолина. Далее идет участок вала, выявленный К.Э. Гриневичем, разведками 1924–1925 гг. Следующий участок от дер. Войкова и до Золотого кургана выявлен А.А. Мас-

³⁹ Ермолин А. Кыз-Аульский вал – [https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1909056329227608&id=882128061920445&__xts__\[0\]=68.ARBNL9Wagk6M1SvIps2r0L_G9YM5a7vhFWiXRr69auVqiDyCdYalPU-OXKzesz6tTbZlaRNWgtiAdDKg6F5J8tSbvk1nlZsM0NFPzP2T0dHP0DGjFA_cOUbf_Y-JY4s18AgFhtzIJmFsdJa8LfP0OfmsbvX6G_nwc0W3yC-19LYs42H0fr_cibBt4v_VO0xYlsYDZdvc4cHHJzC36K04tyWod-cyrJ4pZ6zs28phht2VsdJ2fMMYmhHKvWfV0LGmEW_UEs3u_TztKepoTDSuQ7-qMuSyS3BCDa9cIRIJTLxZg8fQS-tA](https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1909056329227608&id=882128061920445&__xts__[0]=68.ARBNL9Wagk6M1SvIps2r0L_G9YM5a7vhFWiXRr69auVqiDyCdYalPU-OXKzesz6tTbZlaRNWgtiAdDKg6F5J8tSbvk1nlZsM0NFPzP2T0dHP0DGjFA_cOUbf_Y-JY4s18AgFhtzIJmFsdJa8LfP0OfmsbvX6G_nwc0W3yC-19LYs42H0fr_cibBt4v_VO0xYlsYDZdvc4cHHJzC36K04tyWod-cyrJ4pZ6zs28phht2VsdJ2fMMYmhHKvWfV0LGmEW_UEs3u_TztKepoTDSuQ7-qMuSyS3BCDa9cIRIJTLxZg8fQS-tA).

ленниковым по аэрофотоснимкам 1954 г. Здесь вал доходил до реки Мелек-Чесме, где и заканчивался. Продолжался вал по уже видимому в наше время позднему рву и доходил до Золотого кургана. Далее вал исследован В.В. Веселовым от Митридатской гряды и до Второго Змеиног кургана. Следующий участок найден А.Л. Ермолиным от точки в 600 м южнее Второго Змеиног кургана и до быв. дер. Александровка. Этот участок назван вал Ермолина. Следующий вал, входящий в Восточную линию, называется вал Зинько и заканчивается Восточной линией обороны у Кыз-Аульского маяка Кыз-Аульским валом. Протяженность Восточного вала составляет около 52 км, являясь наиболее протяженной оборонительной линией, проходя от Азовского моря до Черного.

8. Тиритакский вал начинается в 1 км от побережья Азовского моря от оврага в быв. ауле Биюк. Тархан довольно прямолинейно доходит до дер. Войкова (быв. аул Катерлез), далее идет по трассе Восточного вала до развилки в 600 м южнее Второго Змеиног кургана, далее поворачивает на север и доходит до оврага в 2 км севернее городища Тиритака; далее овраг, выполняя функции рва, доходит до оз. Чурубаш. Вал Алёны фактически является южной частью Тиритакского вала.

9. На трассе как Восточного вала, так и Тиритакского вала есть «белые пятна», которые могут быть обследованы только в ходе охранных работ при прокладке подземных коммуникаций, например, участок Восточного и Тиритакского вала, проходящие в дер. Войкова. На некоторых участках необходимы дополнительные исследования, например, южнее Чурубаш Цитадели и в районе берега оз. Гобечик вала Зинько, о котором очень мало информации. К большому сожалению, не использованы возможности его исследования во время прокладки трассы газопровода.

10. Статья А.А. Супренкова [Супренков, 2020, с. 360–370] имеет такое большое количество неточностей и концептуальных ошибок, что не может считаться научной и не должна приниматься во внимание в библиографии по истории и археологии Боспора.

В статье использован картографический материал, любезно представленный А.П. Пигиным.

Список литературы

1. Бейлин Д.В. 2015. Поселение Тархан I в Восточном Крыму (по результатам разведок 2009–2012 гг.). Таврийские студии. Международная научно-практическая конференция Археология и история Боспора. К 70-летию Боспорской экспедиции (Пантикапей) 13–14 августа 2015 г. Керчь, 19–28.
2. Веселов В.В. 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. Древности Боспора (ДБ). *Supplimentum II*, 266.
3. Гриневич К.Э. 1946. Оборона Боспора Киммерийского. *Вестник древней истории (ВДИ)*. 2, 160–164.
4. Дюбрюкс П. 2010. *Собрание сочинений. Том II. Тексты*. СПб., 312.
5. Ермолин А.Л. 2005. Охранные раскопки на территории г. Керчи при прокладке трассы газопровода ГРС (второй Змеиный курган) – ТЭЦ (Тиритака). *Древности Боспора*, № 8, 171–183.
6. Ермолин А.Л. 2006. Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове. *ДБ*. 9, 90–100.
7. Ермолин А.Л. 2010. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора. *ДБ*. 14: 130–161.
8. Ермолин А.Л. 2012. Вновь выявленные древние земляные оборонительные сооружения Восточного Крыма: по материалам археологических разведок. *Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика*. 1. Вып. 21. Белгород: 25–33.
9. Ермолин А.Л. 2013. Оборона европейского Боспора во второй половине III в. до н. э. – начале I в. до н. э. и таманские аналогии. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика*. № 8 (151) Выпуск 26: 12–23.

10. Ермолин А.Л. 2019. Узунларский вал – описание и проблемы датировки. Кондаковские чтения – VI. Белгород: 30–98.
11. Журавлев Д.В., Батасов А.В., Фирсов К.Б., Шлотцауер У. 2020. Раскопки поселения Голубицкая 2 на Таманском полуострове. Археологические открытия. 2018 год. М.: 247–249.
12. Зинько В.Н. 2003. Хора боспорского города Нимфея. Боспорские исследования. Вып. № 4. Симферополь – Керчь, 362.
13. Колтухов С.Г., Труфанов А.А., Уженцев В.Б. 2003. Новые материалы к строительной истории Узунларского вала. ДБ. 6. М.: 176–183.
14. Колтухов С.Г., Ермолин А.Л., Труфанов А.А., Уженцев В.Б. 2006. Разрез Узунларского рва и вала близ шоссе Феодосия – Керчь. ДБ. 10. М.: 340–347.
15. Кругликова И.Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М., Наука, 300.
16. Масленников А.А. 2003. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., ИА РАН, 280.
17. Масленников А.А. 2020. Хора Боспора в III–II вв. до н. э. Российская археология. № 1: 76–89.
18. Супренков А.А. 2018. Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек. ДБ. 23: 230–257.
19. Супренков А.А. 2019. Узунларский вал: к хронологии сооружения по результатам работ 2015–2017 гг. Таврические студии. 19. Симферополь: 103–111.
20. Супренков А.А., Топоривская М.А., Требухина Н.Ю. 2019а. Новейшие археологические исследования на Тиритакском валу и валу Безкровного в Восточном Крыму. Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 1. М.: 177–187.
21. Супренков А.А., Столяренко П.Г., Требухина Н.Ю. 2019б. Исследования вала Безкровного в 2017–2018 гг. и сопутствующий археологический материал. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Основные итоги и перспективы исследований (Боспорские чтения. XX). Керчь: 564–573.
22. Супренков А.А. 2020. Предварительный результаты разведок на валах Восточного Крыма в 2019 г. ДБ. 25: 360–375.
23. Scholl T., Zin'ko V., 1999. Archaeological Map of Nimphaion (Crimea). Warsaw, 292.

References

1. Bejlin D.V. 2015. Poselenie Tarhan I v Vostochnom Krymu (po rezul'tatam razvedok 2009–2012 gg.) [Settlement Tarkhan I in Eastern Crimea (according to the results of exploration 2009–2012)]. Tavrijskie studii. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya Arheologiya i istoriya Bospora. K 70-letiyu Bosporskoj ekspedicii (Pantikapej) 13–14 avgusta 2015 g. [Tavrian studios. International Scientific and Practical Conference Archeology and History of the Bosporus. To the 70th anniversary of the Bosporus expedition (Panticapaeum) August 13–14, 2015]. Kerch', 19–28.
2. Veselov V.V. 2005. Svodnaya vedomost' rezul'tatov arheologicheskikh razvedok na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovah v 1949–1964 gg. [Consolidated statement of the results of archaeological exploration in the Kerch and Taman peninsulas in 1949–1964]. Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus] (DB). Supplementum II, 266.
3. Grinevich K.E. 1946. Oborona Bospora Kimmerijskogo [Defense of the Cimmerian Bosporus]. Vestnik drevney istorii [Ancient History Herald] (VDI). 2, 160–164.
4. Dyubryuks P. 2010. Sobranie sochinenij [Collected Works]. Tom II. Teksty. SPb., 312.
5. Ermolin A.L. 2005. Ohrannye raskopki na territorii g. Kerchi pri prokladke trassy gazoprovoda GRS (vtoroy Zmeinyj kurgan) – TEC (Tiritaka) [Security excavations on the territory of the city of Kerch during the laying of the gas pipeline route GDS (second Serpentine Kurgan) – TPP (Tiritaka)]. Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus], № 8, 171–183.
6. Ermolin A.L. 2006. Lokalizaciya mesta protivostoyaniya gunnov i gotov na Kerchenskom poluostrove [Localization of the place of confrontation between the Huns and the Goths on the Kerch Peninsula]. Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]. 9. М., 90–100.
7. Ermolin A.L. 2010. O datirovke zemlyanyh oboronitel'nyh sooruzhenij Bospora [On the dating of the earthly defensive structures of the Bosporus]. Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]. 4, 130–161.

8. Ermolin A.L. 2012. Vnov' vuyavlennye drevnie zemlyanye oboronitel'nye sooruzheniya Vostochnogo Kryma: po materialam arheologicheskikh razvedok [Newly discovered ancient earthen defensive structures of the Eastern Crimea: based on materials from archaeological surveys]. Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika [Scientific bulletin of BelSU. Ser. History. Political science. Economy. Computer science]. 1. Vyp. 21. Belgorod, 25–33.
9. Ermolin A.L. 2013. Oborona evropejskogo Bospora vo vtoroj polovine III v. do n. e. – nachale I v. do n. e. i tamanskije analogii [Defense of the European Bosphorus in the second half of the III century B.C. – the beginning of the 1st century B.C. and Taman analogies]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika [Scientific bulletin of BelSU. Ser. history. Political science. Economy. Computer science]. № 8 (151) Vypusk 26, 12–23.
10. Ermolin A.L. 2019. Uzunlarskij val – opisanie i problemy datirovki [Uzunlar shaft – description and dating problems]. Kondakovskie chteniya – VI [Kondakov Readings – VI]. Belgorod, 30–98.
11. Zhuravlev D.V., Batasov A.V., Firsov K.B., Shlotcauer U. 2020. Raskopki poseleniya Golubichkaya 2 na Tamanskom poluostrove [Excavations of the settlement of Golubitskaya 2 on the Taman Peninsula]. Arheologicheskie otkrytiya 2018 god [Archaeological discoveries 2018]. M., 247–249.
12. Zin'ko V.N. 2003. Hora bosporskogo goroda Nimfeya [Chora of the Bosporan city of Nymphaea]. Bosporskie issledovaniya [Bosporan Research]. Vyp. № 4. Simferopol' – Kerch', 362.
13. Koltuhov S.G., Trufanov A.A., Uzhencev V.B. 2003. Novye materialy k stroitel'noj istorii Uzunlarskogo vala [New materials for the construction history of the Uzunlar shaft]. Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]. 6. M., 176–183.
14. Koltuhov S.G., Ermolin A.L., Trufanov A.A., Uzhencev V.B. 2006. Razrez Uzunlarskogo rva i vala bliz shosse Feodosiya – Kerch' [Section of the Uzunlarsky ditch and rampart near the Feodosia – Kerch highway]. Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]. 10: 340–347.
15. Kruglikova I.T. 1975. Sel'skoe hozyajstvo Bospora [Agriculture of the Bosphorus]. M., Nauka, 300.
16. Maslennikov A.A. 2003. Drevnie zemlyanye pgranichno-oboronitel'nye sooruzheniya Vostochnogo Kryma [Ancient earthen border-defensive structures of the Eastern Crimea]. M., IA RAN, 280.
17. Maslennikov A.A. 2020. Hora Bospora v III–II vv. do n. e. [Chora of the Bosphorus in the III–II centuries. B. C.] Rossiyskaya archeologia [Russian archaeology]. 1: 76–89.
18. Suprenkov A.A. 2018. Raskopki na Uzunlarskom valu v 2016 g.: hronologiya i interpretaciya osnovnykh postroek [Excavations on the Uzunlarsky shaft in 2016: chronology and interpretation of the main buildings]. Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]. 23, 230–257.
19. Suprenkov A.A. 2019. Uzunlarskij val: k hronologii sooruzheniya po rezul'tatam rabot 2015–2017 gg. [Uzunlar shaft: to the chronology of the structure based on the results of work in 2015–2017]. Tavricheskie studii [Taurian studios]. 19. Simferopol', 103–111.
20. Suprenkov A.A., Toporivskaya M.A., Trebuhina N.Yu. 2019a. Novejshie arheologicheskie issledovaniya na Tiritakskom valu i valu Bezdrovno v Vostochnom Krymu [The latest archaeological research on the Tyritaka shaft and the Bezdrovny shaft in the Eastern Crimea]. Krym – Tavrida. Arheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg. [Crimea – Tavrida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018]. T. 1. M., 177–187.
21. Suprenkov A.A., Stolyarenko P.G., Trebuhina N.Yu. 2019b. Issledovaniya vala Bezdrovno v 2017–2018 gg. i soputstvuyushchij arheologicheskij material [Studies of the Bezdrovny shaft in 2017–2018. and accompanying archaeological material]. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya: Osnovnye itogi i perspektivy issledovanij (Bosporskie chteniya. XX) [Bosporus Cimmerian and Barbaric World in Antiquity and the Middle Ages: Main Results and Research Prospects (Bosporus Readings. XX)]. Kerch', 564–573.
22. Suprenkov A.A. 2020. Predvaritel'nyj rezul'taty razvedok na valah Vostochnogo Kryma v 2019 g. [Preliminary results of exploration on the ramparts of the Eastern Crimea in 2019]. Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]. 25, 360–375.
23. Scholl T., Zin'ko V., 1999. Archaeological Map of Nimphaion (Crimea). Warsaw, 292.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермолин Александр Леонидович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Археологического института Цинмана, Университет Хайфы, г. Хайфа, Израиль

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alex L. Ermolin, candidate of Historical Sciences, Researcher at the Tsinman Archaeological Institute, University of Haifa, Haifa, Israel

УДК 94(569.4)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-579-596

Сагаласс – «Первый город Писидии»: к истории регионального центра римской Малой Азии

Болгов Н.Н.¹, Елисеева А.Ю.²

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14;

² Белгородский государственный историко-краеведческий музей,
Россия, 308600, г. Белгород, ул. Попова, 2а
E-mail: bolgov@bsu.edu.ru; arics_06@mail.ru

Аннотация. В работе освещается история и современное состояние изучения малоазийского города Сагаласс как регионального центра в Писидии – горной области в южной части Малой Азии. Выделяются исторические этапы жизни города – доантичный, эллинистический, римский. Специально анализируется римский период истории города, преимущественно на основании материальной культуры, в силу характера сохранившихся памятников. Подчеркивается важный характер комплексного исследования города, осуществляемого бельгийской командой ученых из Лёвенского университета. Дается краткий обзор научной библиографии по истории Сагаласса, насчитывающий на данный момент более 120 наименований и 7 специальных сборников материалов «Сагаласс» (с 1993 г.). Делается вывод о том, что Сагаласс – один из наиболее изученных сегодня городов юга Малой Азии. Вместе с тем регионы античной Малой Азии нуждаются в изучении в отечественной историографии.

Ключевые слова. Сагаласс, Малая Азия, Рим, Писидия, регион, колонизация, провинция.

Для цитирования: Болгов Н.Н., Елисеева А.Ю. 2021. Сагаласс – «Первый город Писидии»: к истории регионального центра римской Малой Азии. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 579–596. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-579-596.

Sagalassos – «The first city of Pisidia»: to the history of the regional center of Roman Asia minor

Nikolay N. Bolgov¹, Anastasia Yu. Eliseeva²

¹ Belgorod National Research University,

14 Studencheskaja St., Belgorod, 308007, Russia;

² Belgorod State Museum of History and Local Lore,

2a Popova St., Belgorod, 308600, Russia

E-mail: bolgov@bsu.edu.ru; arics_06@mail.ru

Abstract. The paper highlights the history and current state of the study of the Asia Minor city of Sagalass as a regional center in Pisidia – a mountainous region in the southern part of Asia Minor. The historical stages of the city's life are highlighted – pre-antique, Hellenistic, Roman. The Roman period of the city's history is specially analyzed, mainly on the basis of material culture, due to the nature of the preserved monuments. The situation with the loss of the rank of «the first city of Pisidia» by Sagalass in connection with the formation of the province of the same name, where Antioch became the capital, is assessed. In return, Sagalass received alternative accolades that preserved it as the region's informal center. The important character of the complex study of the monument, carried out by the Belgian team of scientists from the University of Louvain, is emphasized. A brief overview of the scientific bibliography on the history of Sagalass is given, which currently has more than 120 titles and 7 special collections of materials «Sagalass» (since 1993).

Keywords. Sagalassus, Asia Minor, Rome, Pisidia, region, colonization, province.

For citation: Bolgov N.N., Eliseeva A.Yu. 2021. Sagalassos – «The first city of Pisidia»: to the history of the regional center of Roman Asia minor. Via in tempore. History and political science, 48 (3): 579–596 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-579-596.

Введение

Нет нужды говорить о том, сколь обширное количество наших соотечественников за последние два-три десятилетия посетили Турцию в качестве туристов и отдыхающих. Конечно, среди них присутствовали и профессиональные антиковеды, византинисты и археологи, которые смогли ознакомиться с работами коллег на памятниках античной и византийской Малой Азии. Однако предметом профессионального исторического осмысления за это время регион так и не стал. В отечественной историографии не появилось ни одной диссертации или крупной научной работы такого рода, в отличие от многочисленных «археологических путешествий» заинтересованных дилетантов или паломников, которые зачастую почти исчерпывающе представляют фотоматериалы о памятниках, что может служить дополнительным исходным материалом помимо аутопсии для профессионалов.

Между тем Малая Азия содержит огромное количество памятников самого первого ряда, знакомство с которыми необходимо для специалиста, как и ознакомление с историографической ситуацией для понимания картины и масштаба археологических работ в Турции начиная с послевоенного времени.

В январе 2021 г. возможность такой ознакомительной поездки представилась небольшой группе ученых кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». В ее ходе удалось посетить до десятка городищ на юге Малой Азии – в Памфилии, Писидии, Ликии и южной Фригии. Последующее целенаправленное ознакомление с историографией позволило создать общее впечатление о степени изученности вопроса и выделить основные объекты для последующего изучения.

Результаты и их обсуждение

В силу распределения современных транспортных путей, наиболее близким для отечественного вояжера историческим регионом Малой Азии является Памфилия. Ее городами уже начали заниматься представители нашей научной группы [Прокопенко, 2018; Prokopenko, 2021]. Но не меньший интерес представляет соседняя с ней Писидия – один из наименее интересовавших отечественное антиковедение регионов юга (юго-запада) Малой Азии ⁴⁰.

Писидия не имеет выхода к морю, и ее основные внешние коммуникации осуществлялись через Памфилию, расположенную южнее (порты Атталия и Сиде). Главная характеристика Писидии – это горная страна с не очень устойчивыми административными границами, которые часто не совпадали с историческими [Болгов, 2021, с. 98].

Писидию можно разделить на микрорегионы. *Юго-восток* Писидии – район *Сельге*, примыкающий к Исаврии и горам Тавра. *Юго-западная часть* Писидии с центром в *Термессе* административно никогда не входила в одноименную провинцию. *Центральная часть* Писидии – внутренний горный район между озерами с городами *Сагаласс* и *Кремна* (рис. 1).

⁴⁰ Западом Малой Азии можно назвать эгейские провинции от Мисии (Троады) до Карики включительно. Памфилия, Писидия и Ликия могут быть названы как юго-западными (такое название принято в западном антиковедении, имея в виду скорее юго-запад современной Турции), так и южными (средиземноморскими) – по принятому ныне в Турции историко-географическому районированию. Расположенные к востоку от названных провинций Исаврия и Киликия охватывают уже юго-восток собственно полуострова Малая Азия (горы Тавра).

Рис. 1. Сагаласс, вид с воздуха на верхнюю и нижнюю части города (Археологический исследовательский проект Сагаласса)

Fig. 1. Sagalassos, aerial view of the upper and lower parts of the city (Sagalassos Archaeological Research Project) [Poblome, Talloen, Kaptijn, 2017, p. 303].

Север Писидии – большая равнина между озерами Эгирдир и Акшехир со столицей провинции – *Антиохией Писидийской*, а также Филомелием. *Северо-запад* – к северу от озера Асконий (Бурдур) и к западу от озера Эгирдир – граничит с Фригией и имеет множество городов во главе с Апамеей Кибот; некоторое время она административно входила в провинцию Писидия. *Северо-восток* региона – *Лаодикея Катакекавмена* – административно часть провинции Писидия в V в., порой доходя до огромного соленого озера Татта (Туз), но исторически – скорее северная часть Ликаонии на стыке Галатии [Болгов, 2021, с. 98–99].

Писидия представляла собой гористую область у западных отрогов Тавра с отдельными плато и равниной на севере. Горы были частично покрыты лесами. Писидия считалась достаточно засушливой страной, водой ее обеспечивали горные источники и довольно частые сильные дожди, а также озера. Через Писидию проходили важные дороги, связывавшие Эгейский регион с юго-востоком Малой Азии. Вместе с тем горный характер страны был не настолько суров, как в соседней Исаврии.

Важнейшим городом Писидии, наиболее полно передающим ее историческую специфику, является Сагаласс, находящийся в самом сердце страны.

Как отмечает Барбара Левик, в римской политике понятие «Писидия» активно появляется при Августе, который утверждал, что он основал колонии в Писидии [Levick, 1967, p. 33]. В то время Писидия, в отличие от других областей, не была собственно провинцией и фактически не являлась ею вплоть до реорганизации, проведенной Диоклетианом. Тем не менее это был четко определенный регион, за исключением, возможно, восточной стороны, которая сливалась с собственно хребтом Тавра [Levick, 1967, p. 33].

Новая административная организация империи, предпринятая Диоклетианом, привела к созданию провинции Писидия, состоящей из Фригии Парории и северной части ис-

торической области Писидия. При этом, как уже отмечалось, некоторые важные территории Писидии, например, юго-запад, в состав одноименной провинции не вошли.

Столицей новой провинции стала колония Августа Антиохия⁴¹, но Сагаласс в большой мере сохранил неформальный статус «первого города Писидии», вес и авторитет регионального центра и оставался городом с хорошими связями и влиянием по всей юго-западной Малой Азии вплоть до VII в.⁴²

Местоположение Сагаласса. Один из четырех хребтов Писидии, начинающийся в Ликии в долине между Ксанфом и Антифеллом, продолжается почти непрерывно до Сагаласса, затем спадает и снова появляется на высотах между Тимандом и Аграми. Сагаласс расположен на одном из главных гребней этого хребта (рис. 2).

A Walk Through Sagalassos

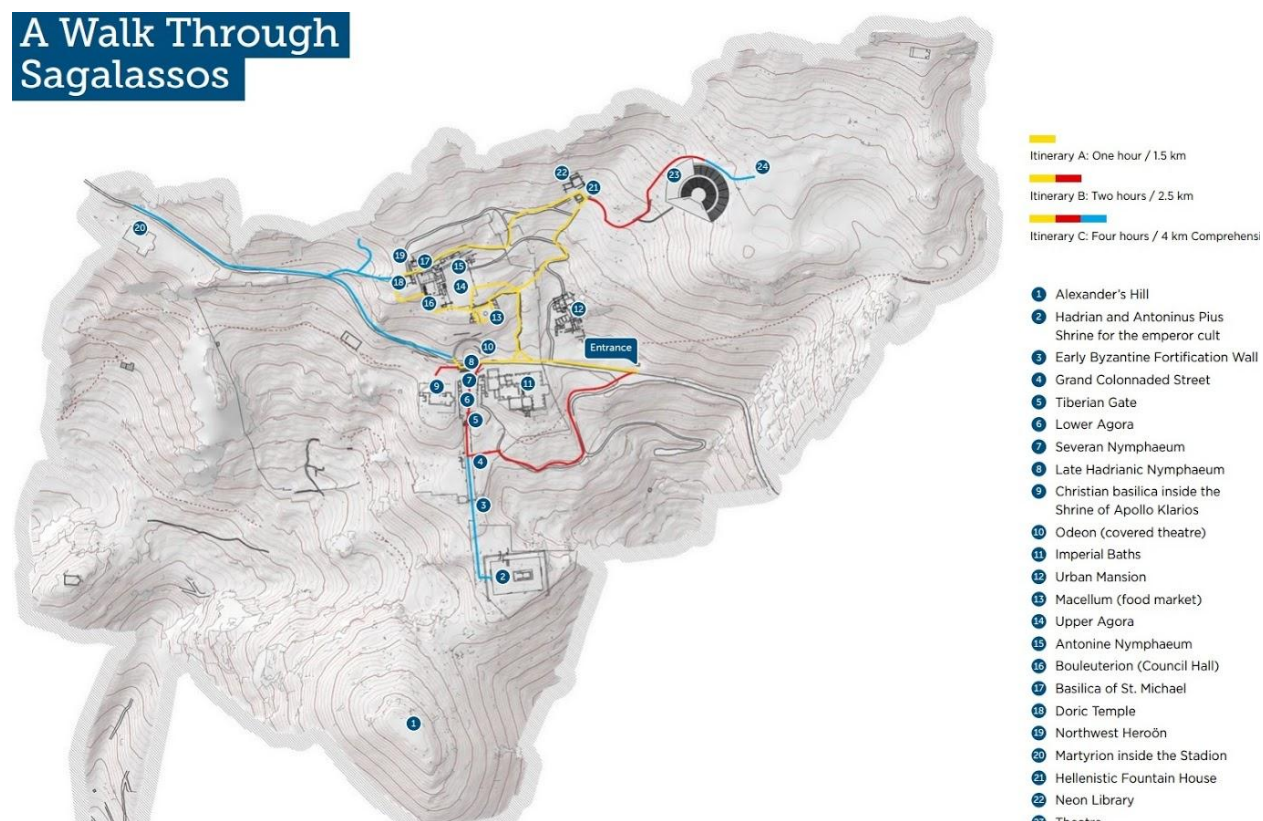

Рис. 2. Сагаласс. Маршрут туристического осмотра
Fig. 2. Sagalassos. Tourist sightseeing route

Последний участок хребта отрезан от остальной части рекой Кестр, которая изгибается от Сагаласса до Бариса и далее уходит на юг в Памфилию. Приток реки Лисий отделял Сагаласс от Тимбрианы.

Древняя дорога с юга на север пролегла через Дошеме и Ариасс, через равнину Кестель-Галь к Сагалассу, таким образом соединяя Памфилию напрямую с Барисом и Селевкией Сидерой, а затем – с Апамеей и Аполлонией. Это был путь Александра Македонского [Levick, 1967, p. 15].

Основные вехи истории Сагаласса. Сагаласс был известен как город еще с IV в. до н. э. Однако, по всей видимости, доантичное поселение на этом месте существовало

⁴¹ Название этого города обычно дается как Антиохия Писидийская. Однако Б. Левик уточняет это, считая, что правильнее называть город «Антиохия в сторону Писидии», «Антиохия, лежащая по направлению к Писидии» – как бы глядя из Фригии, откуда двигалось колонизационное движение [Levick, 1967, p. 18].

⁴² Общий обзор позднеантичного Сагаласса см.: [Waelkens et al., 2006, p. 199–256].

значительно ранее; его следы сохранились в названии Салавасса из хеттских источников XIV в. до н. э.

Сагаласс, как и Сельге, в своей исторической традиции связывал начало своей античной истории с легендарными временами и родстве с лакедемонянами (Arr. Anab. I. 28. II)⁴³, но это – лишь часто встречающаяся «привязка» к ранней истории, не имеющая исторических оснований.

В 333 г. до н. э. город был завоеван Александром Македонским. После покорения Памфилии он двинулся из Перге мимо Термесса на Сагаласс (Arr. Anab. I, 28, 2, 5–6), который, как отмечал И.Г. Дройзен, был «населен самыми воинственными из всех писидов, лежал у подножия верхней террасы писидийской горной страны и открывал доступ в возвышенную равнину Фригии» [Дройзен, 1997, т. 1, с. 109]. Город был взят штурмом с большим трудом. После падения Сагаласса остальные местечки Писидии были или взяты силой или сдались. Таким образом открылся путь на возвышенную равнину, с которой начинается Фригия по ту сторону горы Сагаласса.

В эпоху диадохов Писидия отошла к Селевкидам. В результате изгнания Манлием Вульсоном гарнизона Селевкидов из Перге в 189 г. до н. э., Эвмен Пергамский получил Памфилию, за исключением всех важных городов Юго-Запада, которые Манлий признал свободными [Ранович, 1950, с. 265]. Некоторые внутренние города также были свободны от власти Евмена. Безусловно, в этот список входила Антиохия и, скорее всего, Сагаласс (Plin. HN 710; IGR III. 348, 350–353) и Сельге (Plin. HN 711f.; Strabo XII, 571; Trog., Prot. XXXIV). Менее уверенно это можно говорить о Термессе (ILS 38, Lex Antonia de Termes-sensibus).

К 188 г. до н. э. городская территория Сагаласса достигла юго-западной части равнины Бурдур на западе (Liv. XXXVIII. 15; Polib. XXI. 36. 3–4) и реки Кестр на востоке. В конечном итоге она охватила территорию в 1 200 км².

Фактическая власть римлян впервые устанавливается здесь в конце I в. до н. э., но в 39–25 гг. до н. э. Писидия включается в клиентское царство Аминты (36–25 гг. до н. э.). Юго-западные пределы этого государственного образования определяются тем, что в него были включены Сагаласс и Сельге. Вторую, более реальную аннексию осуществляет здесь уже Август [Magie, 1950].

В первые века н. э. Писидия непосредственно подчинялась императору, в ней были размещены легионы для оперативных действий. Административно территория Писидии в первые века н. э. входила в состав нескольких провинций – это Ликия-Памфилия, Галатия и Фригия [Jones, 1971].

Римляне уже при Августе вывели в Писидию 8 колоний; при этом первоначально они не вывели колонию в Сагаласс, предпочтя ему достаточно близко к нему расположенную Кремну. Кремна была выбрана как наиболее подходящее место для римской колонии (а не более важный Сагаласс, расположенный севернее того же хребта), по всей видимости, потому что Кремна была «не разграбленным» городом-крепостью, который должен был стать опорным пунктом римского владычества⁴⁴. Наиболее важные и развитые старые города Писидии не были выбраны в качестве мест для колонизации.

Протейя, метрополия, неокория. В римский период, в течение II – 1-й пол. III в. Сагаласс переживал время наивысшего расцвета, когда были возведены основные памятники материальной культуры, составляющие и сегодня архитектурный облик городища.

Будучи расположенным в самом центре этнической Писидии, город всегда считался ее неформальной столицей. Со временем этот статус стал и официальным. Почетный

⁴³ По поводу притязаний на родство с лакедемонянами см.: [Woodward, 1953, p. 868ff.].

⁴⁴ Некоторые авторы подчеркивают роль Кремны еще и как центра коммуникаций региона, подчеркивая ее господство над долиной Кестра в его верховьях.

титул, признавший Сагаласс «первым городом писидийцев» (*протейя*) в «провинции Ликии и Памфилии» город получил в первые годы правления Адриана [Waelkens, 2011].

В то же время Сагаласс был также признан и центром императорского культа в Писидии [Waelkens, 2015, p. 177–214]. Многие города Малой Азии этого времени стремились получить звание *неокоров* (блюстителей храмов императорского культа), которое предоставлял римский сенат [Burrell, 2004]. Некоторые города получали это звание по два и по три раза, в зависимости от числа храмов, посвященных культу императоров [Свенцицкая, 1981, с. 33–51].

Тот факт, что информация о *протейе* Сагаласса в Писидии была найдена в строительной надписи храма Антонина Пия, почти наверняка означает, что он был признан таковым Адрианом вскоре после передачи его в состав провинции Ликии и Памфилии. Поскольку его лидерство среди всех городов (этнической) Писидии тогда, несомненно, было бесспорным и, за исключением периода, начавшегося во второй половине правления Констанция II, очевидно, всегда оставалось таковым, эта *протейя* прямо упоминала и об обладании городом *неокорией* Писидии, что в публичных надписях в городе было излишним. Таким образом, это первое появление названия *протейя* в надписи на здании храма можно связать с провозглашением Сагаласса неокором региона в тот же момент времени.

Статус Сагаласса как «первого города Писидии» был поставлен под сомнение между 308 и 311 гг., когда в рамках административной реорганизации империи Диоклетиан выбрал город во Фригии Парории – «Антиохию близ Писидии», крупнейшую колонию Рима в Малой Азии, в качестве столицы вновь созданной провинции Писидия [Waelkens, 2005]. Новая провинция состояла из Фригии Парории и Северной Писидии. После этого *протейя* Сагаласса в (этнической) Писидии постепенно становилась менее очевидной и в конечном итоге не позднее 354 г., стала неприемлемой для Антиохии Писидийской, что привело к отмене данного титула.

Однако Констанций II, по всей видимости, для компенсации, понимая важнейшую роль Сагаласса в регионе, почти сразу же предоставил городу новый титул – *метрополис*: в двух идентичных надписях, вырезанных на двух основаниях статуи Констанция II, датированных 354–361 гг., город называет себя «благородным мегаполисом сагалассцев». За это благодеяние Констанций был очень популярен в Сагалассе в дальнейшем⁴⁵. Хотя этот титул был очень престижным, он все же является вторичным по сравнению с признанием «первым городом» определенного региона. Поэтому вскоре после этого или в течение 1-й пол. V в. Сагаласс объявил себя «*метрополией*, первым [городом] и *корифеем* Писидии», объединив старый и новый титулы (*протейя* и *метрополия*) и добавив еще один (*корифей* – предводитель). Кроме того, только в этот период Сагаласс впервые сам назвал себя *неокором* в надписях, датируемых от правления Диоклетиана до правления Констанция II [Waelkens, 2015].

В еще одной надписи на базе статуи, которая первоначально олицетворяла договор Согласия между Сагалассом и Иконием, город был назван «*метрополией* сагалассцев и *корифеем* Писидии, другом и союзником римлян». Датировка этой надписи устанавливается по эпиграмме, вырезанной на другой стороне пьедестала, где во вторичном использовании был изображен некий Зенон. Это может быть император Зенон (474–484 гг.) или Флавий Зенон, *magister militum per orientem* (447–451 гг.) [Waelkens, 2015].

⁴⁵ Когда около 500 г. произошло разрушительное землетрясение, Констанций II был единственным императором, чья статуя на Верхней Агоре не была убрана с этой площади после катастрофы, кроме статуи Каракаллы, который в 212 г. предоставил римское гражданство всем свободным жителям Империи. После этого события две статуи Констанция II были установлены вдоль восточной стороны площади с надписями (датируемыми 354–361 гг.) с новым титулом города, и высокая почетная колонна в юго-западном углу площади, первоначально посвященная Кратеру, предку самой известной семьи Сагаласса, была заменена статуей Констанция II.

В отличие от провинций Памфилия или Азия, где были города, конкурирующие за титул первого города провинции или даже неокорию, положение Сагаласса в Писидии, за исключением некоторого интервала после 346 г., оставалось бесспорным. Оставаясь «первым городом» этого региона на протяжении большей части его римской истории, начиная со 2-й четверти II в. жители Сагаласса, возможно, испытывали даже большую гордость от *протейи*, нежели от *неокории*.

Титул «первого города» встречается и в «частных» надписях. Между 211 и 222 гг. автор посвящения Геллию Максиму описывает себя как гражданина Сагаласса – «первого и самого прекрасного города в Писидии» (JRS II (1912), 95 f., № 25).

Город воздвиг десятки почетных статуй в честь граждан, которые в конечном итоге заполнили обе городские площади и выстроились вдоль улицы с колоннами.

Правление Траяна (98–117 гг.) положило начало столетнему строительному буму, пика которого достигли Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий. Эта неистовая строительная деятельность была вызвана тем фактом, что в 117–118 гг. Адриан включил северную Писидию в провинцию Ликию и Памфилию, объединив ее с остальной частью Писидии, и признал Сагаласс в качестве *неокора*, то есть официального центра императорского культа, исповедуемого всеми писидийцами.

Как *неокор* Писидии, Сагаласс проводил фестивали и игры, ежегодно собирая посетителей и делегации со всей Писидии. Это принесло городу дополнительный доход и потребовало строительства зданий, размер которых намного превосходил местные потребности.

Сагаласс постоянно называл себя в римское время «первым» городом в Писидии (JRS II (1912), 96 f., № 25). Но в реальности город с III в. находился уже в стороне от мейнстрима малоазийских дел.

Ранневизантийский период. В течение IV в. Сагаласс стал третьим по величине епископством провинции Писидия после фригийских епископств Антиохии и Филомелия; первый документально подтвержденный епископ присутствовал на Константинопольском соборе в 381 г.

Христианство стало со временем господствующей религией в Сагалассе, но классическая культура оставалась глубоко укорененной в обществе вплоть до VI в. Фактически, несмотря на учреждение должности епископа к концу IV в., материальная культура не показывает никаких признаков того, что христианство в то время оказало решительное влияние на город. Языческие храмы были оставлены и заброшены, но не разрушены; их последующее перепрофилирование обеспечило их сохранение до конца античности. Помимо разрушения библиотеки Неона, нет никаких свидетельств того, что столкновения на религиозной почве приводили к погромам и пожарам.

Оживление исавров и возобновление разбойничьих набегов к концу IV в. сделало ситуацию здесь беспокойной и привлекло внимание центральных властей. Иоанн Златоуст, возможно, несколько преувеличивает, когда очень часто пишет в своих письмах о беспокойстве со стороны исавров на всем пространстве Малой Азии. Особенно известен эпизод с деятельностью разбойника Лидия (в описании Зосима), который сделал своей базой Кремну (Zos., I, 69). Кроме того, поблизости, в Сельге, происходили события, связанные с восстанием Трибигильда (Zos., V, 15–16). Оба города расположены достаточно близко от Сагаласса.

С V в. внешняя ситуация в регионе снова стабилизировалась вплоть до арабских набегов в середине VII в. [Waelkens, Jacobs, 2014].

IV–VI века представляли собой новый период роста сельской территории Сагаласса. Количество и размер деревень увеличились в результате интенсификации сельского хозяйства и более специализированного ремесленного и сельскохозяйственного ландшафта, что, возможно, отражает рост сельской демографии.

В течение 1-й половины VI в. многие здания по всему городу были почти полностью перестроены, что повлияло на городскую инфраструктуру. Дата и характер этих пе-

рестроений предполагают ремонт после какого-то катастрофического события, скорее всего, землетрясения, которое вызвало обширные работы вскоре после 500 г.

Новое землетрясение, которое практически уничтожило Сагаласс как город, произошло в начале VII в. или вскоре после него. Об этом свидетельствуют необратимые изменения в характере организации городской жизни. В конце VI и VII вв. утилизация отходов больше не организовывалась на муниципальном уровне. Бассейны некоторых нимфейонов, коридоры и сцена бывшего Одеона, заброшенные лавки у Нижней Агоры и Колоннадной улицы стали свалками для отходов. Части территории Мацеллума использовались до начала VII в. в том числе как мастерские. С середины VI в. северная часть территории рынка использовалась как свалка. Системы водоснабжения и канализации также пришли в упадок и негодность.

В VII в. раннесредневековая община, жившая уже в значительной мере среди руин, тем не менее могла быть более многочисленной и лучше организованной, чем предполагалось ранее, несмотря на то, что ее материальная культура была значительно хуже по сравнению с предыдущей эпохой. Сагаласс, по всей видимости, существовал как кастрон, оборонительный и административный форпост фемы. В кастроне находилась кафедра епископа, который, возможно, координировал строительство укреплений и другие жизненно важные вопросы [Poblome et al., 2010].

Территория и памятники Сагаласса. Памятники города Салагасса открылись миру благодаря многолетнему успешному проекту бельгийских археологов из Лувенского католического университета. Сагаласс как археологический объект Писидии представляется наиболее репрезентативным в регионе и одним из наиболее ярких памятников Малой Азии.

Городище расположено на большой высоте – в среднем около 1 500 м над уровнем моря, с перепадом террас до 300 м и двумя плато – Верхним и Нижним. На юг открывается глубокое ущелье. Современный въезд в город открывается с востока.

Юго-западная часть города, еще не раскопанная территория, по-видимому, содержит самые ранние жилые постройки, включая несколько вероятных эллинистических перистильных домов. Возможно, здесь находится ядро самого раннего поселения. Около 200 г. до н. э. центр Сагаласса, по всей видимости, сместился на север, когда вокруг Верхней Агоры был создан новый политический центр, более подходящий для эллинизированных городских поселений. Ко II в. до н. э. застроенная территория Сагаласса начала расширяться на восток, за пределы укреплений, а также к югу. Возможно, происходит сионизм с рядом соседних поселений [Waelkens, 2019, p. 4].

В 6 г. до н. э. римлянами была построена важная дорога Виа Себасте, соединившая основные колонии Августа в Писидии с портами Памфилии через Сагаласс [Waelkens, 1997, p. 46]. Она давала городу прямой выход к морю, и элита Сагаласса воспользовалась этой возможностью, вложив огромные средства в смену специализации хоры. Они сожгли большие участки леса и обратили освободившиеся земли в пастбища, поля для выращивания зерновых и оливковые рощи. Климатический оптимум, начавшийся во времена правления Августа и продолжавшийся несколько столетий, позволил выращивать оливки (ранее на высотах до 900 м) теперь вплоть до высоты 1 400 м [Waelkens, 2019, p. 7].

В течение большей части римского периода объем производства на хоре Сагаласса значительно превышал жизненные потребности сельского населения, которое, по оценкам, составляло от 6 000 до 25 000 чел. Излишки продукции, остававшиеся после уплаты налогов натурой (аннона), пошли на торговлю. В результате уровень жизни горожан значительно вырос, отражением чему могут служить многочисленные мавзолеи и дорогие саркофаги, найденные по всей хоре, начиная со времени раннего принципата и далее, в которых владельцы вилл хоронили возле своих поместий [Waelkens, 2019, p. 7–8].

В течение I века город увеличился почти в четыре раза, заняв площадь в 41 га. С этого времени в восточном жилом квартале строились богатые дома в перистиле, даже с частными банями. Это городское развитие потребовало строительства сложных городских

систем водоснабжения. Начиная с правления Августа, два акведука, один с запада и один с востока соответственно, снабжали водой новый Нижний город на юге и расширяющийся восточный внутренний квартал [Waelkens, 2019, p. 8].

Верхний город. Исторически это был наиболее престижный район города с основными общественными зданиями. Формирование общественного центра происходило при Августе и его преемниках, затем при Антонинах.

Верхняя агора. В первой четверти I в. центр города был полностью застроен монументальными сооружениями. К концу этого века Верхняя Агора эллинистического времени была расширена на запад и увеличена вдвое, заняв площадь 2 380 м². Агора была вымощена незадолго до строительства юго-западной арки, посвященной Калигуле (37–41 гг.) (рис. 3).

Рис. 3. Арка Калигулы, повторно посвященная Клавдию в 42 г. Справа – пьедестал и нижние барабаны почетной колонны, установленной Демосом в честь Кратера, сына Калликла.

© Sagalassos Project [Waelkens, 2015, p. 208]

Fig. 3. The Arch of Caligula rededicated to Claudius in 42 A. D. To the right, the pedestal and lowest drums of the honorific column set up by the Dèmos to honour Krateros, son of Kallikles. © Sagalassos Project

Арка была возведена знатным гражданином Калликлом. В 43–46 гг. Клавдию посвятили двойную арку в юго-восточном углу площади, но Калликл снова установил статую Клавдия на вершине монумента. К тому времени семье Калликла было предоставлено римское гражданство. Это были первые сагалассцы, которые стали *cives romani*. Площадь была обрамлена портиками с запада и востока. По четырем углам Верхней агоры были открыты колонны, на которых предположительно стояли статуи создателей комплекса площади – знаменитых жителей города. В 2013 г. была обнаружена последняя, четвертая колонна высотой 12 м и статуя с греческой надписью I в. до н. э. Также была открыта нижняя часть колонны с надписью, посвященной известному Сексту Юлию Фронтину, правителю Малой Азии при Домициане [Lavan, 2013]. К VI веку площадь была преобразована в открытый рынок и, возможно, была более многолюдной, чем когда-либо прежде.

Нимфейон Антонина имеет высоту 9 м, 4 м в ширину и длину 28 м. Был построен на территории Верхней агоры между 161–180 гг. Вода падала с высоты 4,5 м в середине сооружения. Бассейн вмещал 81 кубометр воды. В дополнение к двум статуям Диониса,

которые стояли по обе стороны фонтана, позже были добавлены и другие. Нимфейон был украшен головами Медузы и мотивами с рыбами. Хотя он обрушился во время землетрясения 590 г., обломки остались на своих местах, что облегчило реставрацию. Сооружение ныне составляет главную часть агоры.

Тихейон. Святилище богини Тихе в Сагалассе – относительно скромный храм с колоннами, был построен во 2-й половине эпохи Августа и занимал заметное место в середине южной стороны Верхней Агоры. Памятник был раскопан в 1992 г. [Talloe, 2019].

Северо-западный Героон был возведен в эпоху Августа около 1 г. на террасе, выходящей на Верхнюю Агору с севера, и доминировал над площадью, возвышаясь над его территорией на 15 м. Фриз героона украшен скульптурным изображением кругового танца в исполнении 15 девушек, держащихся за края одежд друг друга [Корзун, 2020].

Дорический храм был возведен западнее героона в 50–25 гг. до н. э. в честь Зевса [Talloe, 2014]. Между ним и западной стеной героона была установлена колоссальная статуя юноши (3,5 м высотой). В Сагалассе использовался преимущественно дорический ордер.

Булевтерий. В 1-й четверти I в. на склоне между дорическим храмом и расширенной Верхней Агорой возник новый булевтерий; он имел U-образное расположение скамей для 220 членов городского совета. С внешней стороны у булевтерия был фриз с изображением бога войны Ареса и Афины, демонстрирующего военную мощь города. Около 200 г. заседания совета были перенесены в новый Одеон в Нижнем городе.

Позднеантичная фортификация. Около 400 г. была построена новая городская стена, в которую вошли уже заброшенный к тому времени дорический храм и прилегающий к нему северо-западный Героон в качестве башен по обе стороны от новых ворот. Однако она защищала только треть прежней территории Сагаласса. Несмотря на использование споллий, многие из которых происходят из булевтерия и дорического храма, стена была возведена тщательно и по регулярному плану. Это говорит о том, что строительство не было поспешным, вызванным конкретной угрозой, а скорее отражает новую историческую ситуацию [Waelkens, Vandepuut etc., 2000].

Северо-Восточный Героон располагался восточнее северо-западного на одной с ним улице (оси).

Пританей. Вскоре после середины I в. отец и дядя вышеупомянутого Калликла, будучи римскими гражданами, профинансировали строительство общественного здания, вероятно, пританей, в юго-западном углу Верхней Агоры. Пританей занимает важное место среди общественных зданий, сыгравших видную роль в жизни римского и позднеантичного Сагаласса. Здание претерпело различные изменения, причем наиболее фундаментальные архитектурные изменения произошли в период с начала V до начала VII в. [Uytterhoeven, Roblome, 2019]. Расположенный непосредственно к югу от булевтерия, он граничит с северной стороной юго-западной улицы, которая входит на Верхнюю Агору через юго-западную арку, посвященную Клавдию и Германику. Хотя в настоящее время нет однозначных эпиграфических или археологических свидетельств, позволяющих с уверенностью определить функцию сооружения, его впечатляющий характер и архитектурные особенности, а также его видное расположение в центре города, рядом с булевтерием, позволяют предположить, что здание могло функционировать как пританей, где работали должностные лица, поддерживался вечный огонь Гестии, организовывалась повседневная жизнь города, происходили приемы посольств и т. д.

Эллинистический нимфейон. На пути к театру в северо-восточном направлении от Верхней Агоры находится неплохо сохранившийся нимфейон, построенный с 50 по 25 гг. до н. э.

Библиотека Неона. Близ эллинистического нимфейона гражданин Т. Флавий Севериан Неон, величайший благотворитель в истории города, построил крупнейшее здание публичной библиотеки для своего покойного отца между 120 и 125 гг. Библиотека претерпела два капитальных ремонта: один на пролете крыши (ок. 200 г.), а другой – в ре-

зультате объединения комплекса здания с серией колонн (ок. 350–375 г.). Памятник всегда выполнял двойную функцию – публичной библиотеки и памятника в честь семьи строителя (эвергета), сыгравшего новаторскую роль в развитии города и местной политики раннеимперских времен. Эту вторую функцию подчеркивают задняя стена и семь статуй. Считается, что эта необычайная честь, оказанная Севериану Неону, является результатом важной роли города в том, что он был признан *неокором* Писидии около 117/119 г. [Waelkens, 2015, p. 215–259]. Подиум в задней части декорирован округлыми и прямоугольными нишами для хранения текстов. В краткое правление императора Юлиана была выполнена мозаика сцена «Ахилл отправляется в Трою». Библиотека Неона была сожжена и разрушена христианами незадолго до рубежа IV–V вв.

Театр. Театр, заменивший меньшее по размеру аналогичное сооружение и в конечном итоге рассчитанный на 7 000 (по другим оценкам – 9 000) мест, был построен в конце II в. в северо-восточной части Верхнего города. Несмотря на неплохую сохранность, к настоящему времени театр еще не вполне отреставрирован.

Стадион. Вероятно, во время правления Веспасиана (69–96 гг.) гражданин Т. Клавдий Пизон связал культ императора с играми в честь Аполлона Клария, Клареями, которые были учреждены при Нероне и проводились на недавно построенном стадионе в северо-западной части Верхнего города. Пизон стал первым римским всадником города.

Нимфейон Траяна. В 116–117 гг. члены местного сообщества Тибериев Клавдиев посвятили апсидальный нимфейон с отдельно стоящими колоннами городу и императору Траяну у входа на стадион. Нимфейон здесь был построен на деньги Клавдии Северы, ее сестер и братьев, в то время когда она породнилась с другой влиятельной семьей – семьей Неонов. Вход в нимфейон украшали ионические колонны, а вода подавалась из одной из статуй. Позднее на его месте была возведена базилика.

Базилика св. Михаила, у которого было большое количество почитателей в Сагалассе, была построена ниже Верхней агоры. Монументальная лестница, соединяющая Верхнюю Агору непосредственно с церковью, была сооружена во 2-й четверти VI в., что относится к стадии перестройки комплекса в ранневизантийское время.

Нижний город. Оформился несколько позднее Верхнего и всегда уступал ему по престижности, в то же время будучи в большей степени центром деловой активности.

Большая колоннадная улица. Во время правления Тиберия (14–37 гг.) одна из старейших и самых широких улиц Малой Азии с колоннами (9,6–10 м в ширину, 290 м в длину) была завершена и украшена монументальными воротами с обоих концов [Jacobs, Waelkens, 2013]. Полностью пешеходный, этот проспект соединял Нижнюю Агору с Южными воротами. Большинство других улиц этого района также были вымощены в период правления Юлиев-Клавдиев. Вдоль Колоннадной улицы верховный жрец Императорского культа эпохи Северов посвятил большое здание Александру Северу и Юлии Маммее. К VI в. на Колоннадной улице был проведен значительный ремонт, включая частичную замену тротуара и обновление портиков, которые теперь преимущественно состояли из колонн. Реконструкция Колоннадной улицы так и не была полностью завершена [Lavan, 2008].

Ворота Тиберия. При Тиберии в конце и в начале Колоннадной улицы находились монументальные ворота с колоннами. В V веке их разрушило землетрясение. Это был главный вход в город с юга.

Нижняя агора. Нижняя Агора имела более коммерческий характер, чем Верхняя, занимала площадь 1 550 м² и была построена в ранний имперский период. Ее ориентация отличалась от Верхней Агоры; она была связана с прямоугольным планом улиц новых южных городских кварталов. Район вокруг Нижней Агоры получил дальнейшее развитие во времена Флавиев и Траяна. Площадь получила ионические портики вдоль длинных сторон. В течение 1-й половины VI в. Нижняя Агора была расширена и лестница, ведущая с Большой Колоннадной улицы, была перенесена на несколько метров к югу [Talloe,

2019]. На Нижней Агоре до начала VII в. функционировали только таверны в обоих портиках северной стороны [Devijver, Waelkens, 1995; Lavan, 2013].

Нимфейон Адриана. Во время Адриана строительство монументального нимфейона, граничащего с Нижней Агорой на севере, еще больше увеличило монументальность этой площади. Т. Клавдий Пизон, первый римский всадник города, посвятил Адриану это двухэтажное сооружение, завершённое его наследниками в 129–132 гг. Нимфейон имел 17 м в высоту. На нижнем этаже в центре стояла 4-метровая статуя Аполлона. Над ней находилась статуя Адриана, по бокам от которой были статуи, изображавшие самого мецената. Кроме того, тут были статуи наследников Пизона и различных богов. В начале VI в. нимфейон был разрушен и более не восстанавливался. Он был расположен над террасой Нижнего города в завершении Колоннадной улицы [Mägele, Richard, Waelkens, 2007] (рис. 4).

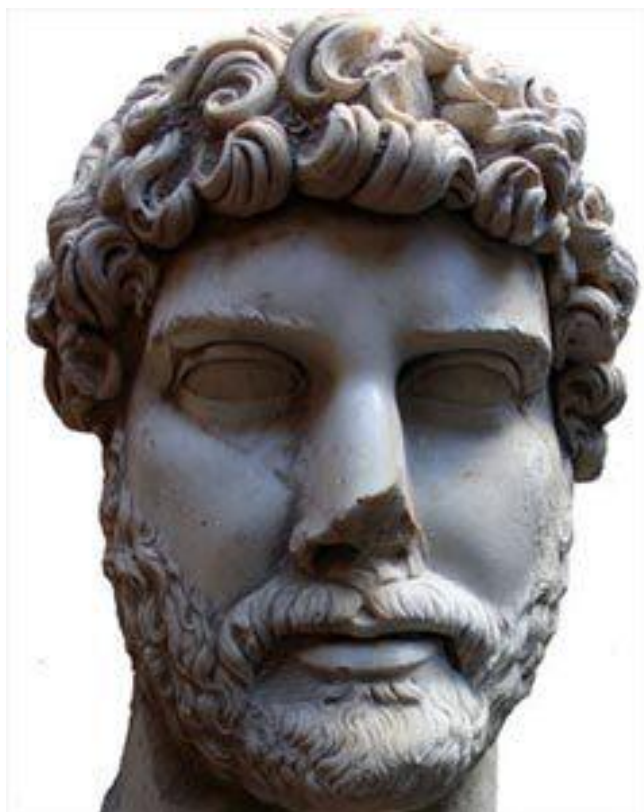

Рис. 4. Голова Адриана из Сагалассы. © Sagalassos Archaeological Research Project / Lenta.ru.
29 августа 2008

Fig. 4. Head of Adrian from Sagalassus. © Sagalassos Archaeological Research Project / Lenta.ru.
29/08/2008

Храм Аполлона Клария. На входе в Нижний город находился храм в честь Аполлона Клария, построенный при Августе на рубеже двух эр [Işın, 2014]. Это был небольшой ионический храм в антах с видом на Нижнюю Агору с запада. При Траяне храм, который к тому времени был связан с муниципальным культом императора, был преобразован в ионический периптер путем добавления внешней колоннады [Приходько, 2014, с. 190–191; Talloen, Waelkens, 2004; Talloen, Waelkens, 2005]. К середине V в. заброшенное святилище Аполлона Клария – его целла и перистасис – были восстановлены с внешней стороны и превращены в базилику.

Одеон (булеветний Нижнего города). Строительство одеона близ Агоры было полностью завершено только к III в. и заменило старый зал совета, завершив строительную

программу Августа в этом районе, которая, скорее всего, финансировались самим городом. Во 2-й половине IV в. сиденья Одеона, который к тому времени, вероятно, использовался как более удобное место для заседаний совета, чем раннеимператорский бульварий, были подняты на более высокий уровень, на вершину подиума. Это защищало зрителей во время представлений с травлей животных и гладиаторских игр, для которых это здание теперь также было приспособлено.

Рынок продовольственный (Мацеллум). Местные аристократы финансировали строительство сооружений, выполнявших утилитарную функцию для городского сообщества. В их число входил и Мацеллум – продовольственный рынок. Меценатом здесь выступил Публий Элий Акула – богатый житель города и жрец культа императора. Это был рынок дорогих товаров, состоящий из множества торговых лавок, в центре которого располагалось святилище в виде ротонды. Построен он был в конце II в., а до этого на его месте был другой рынок, построенный еще при Августе. Сооружение было посвящено императору Коммоду и его победе над Парфией. Это единственное сооружение в городе с использованием коринфского ордера. Мацеллум претерпел полную реконструкцию в V в., но до 2-й половины VI в. все еще работал как продовольственный рынок, хотя его участки уже использовались для захоронения отходов.

Нимфейон Севера. Нимфейон – важное и хорошо сохранившееся сооружение Нижнего города. Был построен в 160–180 гг. на месте гораздо более простого фонтана периода Августа. При строительстве использовалось 7 видов различного камня и богатый декор дионисийского характера. Длина его 28 м, сохранившаяся высота – 9 м. При раскопках в бассейне были обнаружены статуи, стоявшие в нишах; они были помещены туда в процессе христианизации. В V в. после землетрясения нимфейон был превращен в мемориал в честь одной знатной семьи. После землетрясения VII в. он обрушился и более не восстанавливался.

Императорские термы. В 165 г. к востоку от Нижней агоры были построены термы, посвященные Марку Аврелию и Луцию Веру, площадью 1 250 м². Во 2-й пол. VI в. сильное землетрясение разрушило значительную часть города, в том числе термы. Обвалившаяся крыша и стены накрыли полы помещений толстым слоем битого камня и черепицы. В этом завале в июле 2007 г. были найдены фрагменты статуи Адриана: голова (высотой более 70 см), стопа (длиной около 80 см) и правая голень. В августе 2008 г. нашли огромную женскую мраморную голову – высотой 76 см, в 6 м от статуи Адриана, а также фрагмент женской правой руки и фрагменты женских сандалий. Голова оказалась похожа на известный портрет Фаустины Старшей, жены Антонина Пия, происходящий из Сард. Все находки были сделаны в нишах, причем обломки женских статуй находились с восточной стороны, а Адриан – на западной. Следовательно, напротив него должна была стоять статуя Вабии Сабины, его жены, а напротив Фаустины – изваяние ее супруга Антонина Пия. Вскоре были открыты голова, рука и ступни Марка Аврелия, следовательно, напротив должна была находиться статуя Фаустины Младшей, его жены [Waelkens, 2013]. В 2007 г. под императорскими термами II в. был обнаружен самый старый известный римский банный комплекс в Малой Азии – «Старые термы» эпохи Юлиев-Клавдиев.

Городская усадьба. В конце IV – начале V в. две старые перистильные виллы к северо-востоку от Императорских терм стали ядром огромной городской усадьбы – дворца. Она состояла из общественного и частного крыла и из более чем 90 помещений на девяти различных уровнях. Возможно, это была резиденция члена недавно появившейся суперэлиты, состоящей из принципалов, *honorati* и епископов. Превосходя куриалов по власти и богатству, они использовали свои частные дома, а не общественные здания, для демонстрации своего положения в обществе [Devijver, 1996]. Дворцовые черты усадьбы были усилены роскошными декоративными элементами, такими как мозаичные полы, настенные росписи и скульптуры. Тщательно подобранные декоративные программы подчеркивали образование владельца дома. В то время как члены городского совета и муниципаль-

ные магистраты по-прежнему несли весьма обременительные финансовые обязанности своей должности, члены этого нового высшего класса получили освобождение от налогов, служа в администрации провинции, приобретая крупные земельные владения за пределами своих родных городов. Не позднее 2-ой половины VI в. городская усадьба утратила свой роскошный облик. Пространства как в частных, так и в официальных помещениях теперь использовались как складские помещения. Самовольные поселенцы обосновались в общественной части, а в конце VI в. большую часть частной части комплекса, по-видимому, занимала гостиница. Облицовка стен и скульптура особняка стали поставлять материал в большую печь для обжига извести, установленную в атриуме [Waelkens, 2019].

Храм императорского культа (Адриана и Антонина Пия) стал крупнейшим святилищем Писидии, в юго-восточной части города. Хотя его строительство началось при Адриане, оно было завершено только при его преемнике, и поэтому храм был посвящен Антонину Пию и его семье.

Церковь на месте одеона (булевтерия). В ранневизантийское время на месте булевтерия в бывшем дворе комплекса была возведена церковь. Некоторые повторно использованные рельефы Афины и Ареса из булевтерия в атриуме церкви фиксируют христианское переосмысление языческих образов. Эти преобразования не были символами победы новой религии; скорее, они отражали постоянную заботу о сохранении эстетического вида города [Tybout, Waelkens, 2014].

Прочие церкви. Между серединой V и серединой VI вв. в городе и на его окраинах было построено в целом не менее восьми церквей (базилик). Недавно были обнаружены еще два храма, один в восточном предместье и один на периферии, датируемых 2-й половиной VI и началом VII в.

Основная библиография по Сагалассу в настоящее время насчитывает более 120 наименований специальных публикаций с начала 1990-х гг. по настоящее время.

Прежде всего следует выделить 7 выпусков специализированного обобщающего издания «Сагаласс», вводящего в научный оборот основные материалы раскопок [Sagalassos I, 1993; Sagalassos II, 1993; Sagalassos III, 1995; Sagalassos IV, 1997; Sagalassos V, 2000; Sagalassos VI, 2008; Sagalassos, 2014].

Далее следует назвать каталог выставки о Сагалассе, который является едва ли не единственным отдельным изданием о городе [Waelkens, Poblome, 2011], хотя и не заменяет отсутствующую пока итоговую монографию.

Среди отдельных публикаций есть в определенной мере обзорно-обобщающие [Waelkens, 2019, р. 1–32]. Некоторые работы и диссертации обобщают отдельные категории материала – краснолаковую керамику [Degeest, 2000], стекло [Lauwers, 2008], скульптуру [Mägele, 2009], архитектурный декор [Vanderput, 1994], посвящены строительным материалам и строительной технике [Loots, 2001].

Особое внимание уделяется позднеантичному (ранневизантийскому) периоду в широких хронологических рамках IV – нач. VII вв., нашедшему отражение в археологии в виде христианизации и медиевализации материальной культуры и топографии города [Jacobs, 2015].

В отечественной историографии имеется лишь одна статья о Сагалассе, посвященная истории искусства на материалах героона [Корзун, 2020]. Кроме того, Е.В. Приходько опубликовала большую статью в двух частях о близком к Сагалассу городе Адады [Приходько, 2014; Приходько, 2015], что можно расценивать как первый опыт или как уже наметившуюся тенденцию профессионального освоения отечественными антиковедами регионов Малой Азии, используя свои частные поездки.

Большинство имеющихся на данный момент публикаций посвящено отдельным памятникам или комплексам памятников, открытых на территории города.

Выводы

В целом, несмотря на прекрасные результаты и выдающиеся достижения в изучении Сагаласса в течение последних лет в мировой археологии и историографии, необходимы дальнейшие исследования, чтобы уточнить детали топографии и истории города, понять, что произошло в Сагалассе и его окрестностях на финальной стадии его существования. История региональных малоазийских городов иллюстрирует динамизм и гибкость местных общин перед лицом хода истории и перемен. История городов и регионов Малой Азии в римское и ранневизантийское время нуждается в актуализации в отечественной историографии.

Список литературы

1. Болгов Н.Н. 2021. Писидия как регион римско-ранневизантийской Малой Азии. *Lavrea III. Чтения памяти проф. В.И. Кадеева*. Харьков, НТМТ: 98–102.
2. Дройзен И.Г. 1997. История эллинизма. Т. 1. СПб., Наука, Ювента, 450.
3. Корзун А.А. 2020. Скульптурный фриз северо-западного героона в Сагалассе: в поисках семантики и иконографических параллелей. Египет и сопредельные страны. *Электронный журнал*. № 3: 76–95.
4. Приходько Е.В. 2014. Адады – древний город центральной Писидии. *Аристей*. X: 181–219.
5. Приходько Е.В. 2015. Адады – древний город центральной Писидии. Часть II. *Аристей*. XI: 233–282.
6. Прокопенко С.Н. 2018. Новые археологические исследования позднеантичного Сиде. *Классическая и византийская традиция*. 2018. Белгород, 216–219.
7. Ранович А.Б. 1949. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.-Л., АН СССР, 264.
8. Ранович А.Б. 1950. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л., АН СССР, 382.
9. Свенцицкая И.С. 1981. Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских провинций I–II вв. *Вестник древней истории*. № 4: 33–51.
10. Burrell B. 2004. *Neokoroi: Greek Cities and Roman Emperors*. Brill, XVIII+422.
11. Degeest R. 2000. *The Common Wares of Sagalassos*. Turnhout, 208.
12. Devijver H. 1996. Local elite, equestrians and senators: a social history of Roman Sagalassos. *Ancient Society*. № 7: 107–152.
13. Işın G. 2014. The Sanctuaries and the Cult of Apollo in Southern Pisidia. *Anadolu/Anatolia*, 40: 87–104.
14. Jacobs I., Waelkens M. 2013. Five Centuries of Glory. The North-South Colonnaded Street of Sagalassos in the First and the Sixth Century A.D. *Istanbuler Mitteilungen*. 63: 219–221.
15. Jones A.H.M. 1971. *The Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxford, UP, 595.
16. Lauwers V. 2008. *The Glass of Sagalassos. Typology and Chronology*. Diss. Leuven, 284.
17. Lavan L. 2013. The agorai of Sagalassos in Late Antiquity: an interpretative study. *Field Methods and Post-Excavation Techniques in Late Antique Archaeology*. Leiden, 289–353.
18. Lavan L. 2008. The Monumental Streets of Sagalassos in Late Antiquity. *Un interpretive studies. La rue dans l'Antiquite*. Rennes, 201–215.
19. Levick B. 1967. *Roman Colonies in Southern Asia Minor*. Oxford, UP, 256.
20. Loots L. 2001. *The Building Materials and Building Techniques at Sagalassos, Turkey*. Diss. Leuven, 198.
21. Mägele S. 2009. *Die Plastischen Bildwerke von Sagalassos*. Diss. Leuven, 201.
22. Mägele S., Richard J., Waelkens M. 2007. A Late-Hadrianic nymphaeum at Sagalassos (Pisidia, Turkey): a preliminary report. *Istanbuler Mitteilungen*. 57: 469–504.
23. Magie D. 1950. *Roman Rule in Asia Minor*. V. 1. Princeton, UP, 723.
24. Poblome J., Bes P., De Cupere B., Lauwers V., Romanus K., Vionis A., Waelkens M. 2010. Sic transit gloria mundi. Does it really? Wasting Seventh Century A.D. Sagalassos (SW Turkey). *Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean*. Vol. II. Oxford, UP, 791–801.
25. Prokopenko S. 2021. Transformation of the Urban Environment of Late Antique Perge. *Issues of Identity Metamorphoses in Transitional Epochs*. Cambridge, Scholar, 74–79.

26. Talloen P. 2014. Cult in Pisidia: Religious Practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the Rise of Christianity. *Studies in Eastern Mediterranean Archaeology X*. Leuven, 412.
27. Talloen P. 2019. The Tychaion of Sagalassos: The Cultural Biography of an Emblematic Monument. *Istanbuler Mitteilungen*. 69: 261–304.
28. Talloen P. 2019. The Upper Agora of Sagalassos During the Late Antique Period: the Transformation of an Ideological Centre. *Urbanitas – Changes in Cityscape and Urban Life in Late Antiquity and Early Byzantine Times. Assos in Context of Urban Centres in Western Asia Minor*: 3–24.
29. Talloen P., Waelkens M. 2004. Apollo and the Emperors (I). The Material Evidence for The Imperial Cult at Sagalassos. *Ancient Society*. Vol. 34: 171–216.
30. Talloen P., Waelkens M. 2005. Apollo and The Emperors (II). The Evolution of the Imperial Cult at Sagalassos. *Ancient Society*. Vol. 35: 217–249.
31. Tybout R., Waelkens M. 2014. The Bouleuterium-Church Complex on the Upper Agora. Architecture, Stratigraphy, Chronology. *Sagalassos VII. The Upper and Lower Agora. Final Report on the Buildings Along the Long Sides of the City Squares*. Turnhout, Brepols, 56–79.
32. Uytterhoeven I., Poblome J. 2019. The «Prytaneion» of Sagalassos: Unravelling an Architectural and Functional Palimpsest. *Anatolica*. XLV: 131–157.
33. Uytterhoeven I., Waelkens M. 2014. The Bouleuterium-Church Complex on the Upper Agora. Architecture, Stratigraphy, Chronology. *Sagalassos VII. The Upper and Lower Agora. The Porticoes, the Bouleuterion, the Basilica of St. Michaël and the «Northeast Building»*. Leuven, 113–156.
34. Vanderput L. 1994. The Architectural Decoration at Sagalassos. Local Development within the Framework of Anatolian Architecture. The Imperial Period. Diss. Leuven, 176.
35. Waelkens M. 2011. Erste Stadt Pisidiens, Freund und Bundgenosse der Römer. *Neue Forschungen in Sagalassos*. *Antike Welt*. 3: 62–71.
36. Waelkens M. 2015. Hadrian and the «Neokoria» of Sagalassos. *Pisidia Yazıları Hacı Ali Ekinci Armağanı. Pisidian Essays in Honour of Hacı Ali Ekinci*. Istanbul, 177–214.
37. Waelkens M. 2005. Provincial Capitals and Hinterland Cities. A Dialogue at Sagalassos. *Synergia. Festschrift für Friedrich Krinzinger*. Vienna: Phoibos-Verlag, 377–386.
38. Waelkens M. 2019. Sagalassos, Archaeology of. *Encyclopedia of Global Archaeology*. Springer Nature Switzerland AG: 1–32.
39. Waelkens M. 2013. The fate of the colossal statues of Hadrian and other members of the Imperial family from the «Imperial Baths» at Sagalassos during Late Antiquity. *Hadrian: Arts, Politics and Economy*. London, The British Museum: 62–72.
40. Waelkens M. 2015. The Library of Titus Flavius Severianus Neon at Sagalassos. *Pisidian Essays in Honour of Hacı Ali Ekinci. Pisidia Yazıları Hacı Ali Ekinci Armağanı*, 215–259.
41. Waelkens M., Jacobs I. 2014. Sagalassos in the Theodosian age. Production and Prosperity in the Theodosian Period. *Interdisciplinary Studies in Ancient Culture and Religion*, 14. Leuven-Walpole, 91–126.
42. Waelkens M., Poblome J. 2011. *Sagalassos. City of Dreams*. Gent, 102.
43. Waelkens M., Vandeput L., Berns C., Arkan B., Poblome J., Torun E. 2000. The Northwest Heroön at Sagalassos. *Sagalassos V. Report on the Surveys and Excavation Campaigns of 1996 and 1997*. Leuven, University Press, 553–594.

References

1. Bolgov N.N. 2021. Pisidija kak region rimsko-rannevizantijskoj Maloi Azii [Pisidia as a region of the Roman-early Byzantine Asia Minor]. *Lavra III. Chtenija pamjati prof. V.I. Kadeeva [Lavrea III. Readings in memory of prof. V.I. Kadeev]*. Har'kov, NTMT: 98–102.
2. Drojzen I.G. 1997. *Istorija jellinizma [History of Hellenism]*. T. 1. SPb., Nauka, Juventa, 450 (in Russian).
3. Korzun A.A. 2020. Skul'pturnyj friz severo-zapadnogo geroona v Sagalasse: v poiskah semantiki i ikonograficheskikh paralelej [Sculptural frieze of the Northwest heroon in Sagalassos: in search of semantics and iconographic parallels]. *Egipet i sopredel'nye strany. Jelektronnyj zhurnal [Egypt and neighboring countries. Electronic journal]*. № 3: 76–95 (in Russian).
4. Prihod'ko E.V. 2014. Adady – drevnij gorod central'noj Pisidii [Adada – the ancient city of central Pisidia]. *Aristej [Aristeas]*. X: 181–219 (in Russian).
5. Prihod'ko E.V. 2015. Adady – drevnij gorod central'noj Pisidii [Adada – the ancient city of central Pisidia]. *Chast' II [Part 2]. Aristej [Aristeas]*. XI: 233–282 (in Russian).

6. Prokopenko S.N. 2018. Novye arheologicheskie issledovanija pozdneantichnogo Side [New archaeological research of late antique Side]. *Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija*. 2018 [Classical and Byzantine tradition. 2018]. Belgorod, 216–219 (in Russian).
7. Ranovich A.B. 1949. Vostochnye provincii Rimskoj imperii v I–III vv. [Eastern provinces of the Roman Empire in the 1st – 3rd centuries]. M.-L., AN SSSR, 264 (in Russian).
8. Ranovich A.B. 1950. Jellinizm i ego istoricheskaja rol' [Hellenism and its historical role]. M.-L., AN SSSR, 382 (in Russian).
9. Svencickaja I.S. 1981. Polis i imperija: jevoljucija imperatorskogo kul'ta i rol' «vozzrastnyh sojuzov» v gorodah maloazijskih provincij I–II vv. [Polis and empire: the evolution of the imperial cult and the role of «age unions» in the cities of Asia Minor provinces in the 1st – 2nd centuries.] *VDI [Ancient History Herald]*. № 4: 33–51 (in Russian).
10. Burrell B. 2004. *Neokoroi: Greek Cities and Roman Emperors*. Brill, XVIII+422.
11. Degeest R. 2000. *The Common Wares of Sagalassos*. Turnhout, 208.
12. Devijver H. 1996. Local elite, equestrians and senators: a social history of Roman Sagalassos. *Ancient Society*. № 7: 107–152.
13. Işın G. 2014. The Sanctuaries and the Cult of Apollo in Southern Pisidia. *Anadolu/Anatolia*, 40: 87–104.
14. Jacobs I., Waelkens M. 2013. Five Centuries of Glory. The North-South Colonnaded Street of Sagalassos in the First and the Sixth Century A.D. *Istanbul Mitteilungen*. 63: 219–221.
15. Jones A.H.M. 1971. *The Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxford, UP, 595.
16. Lauwers V. 2008. *The Glass of Sagalassos. Typology and Chronology*. Diss. Leuven, 284.
17. Lavan L. 2013. The agorai of Sagalassos in Late Antiquity: an interpretative study. *Field Methods and Post-Excavation Techniques in Late Antique Archaeology*. Leiden, 289–353.
18. Lavan L. 2008. The Monumental Streets of Sagalassos in Late Antiquity. *Un interpretive studies. La rue dans l'Antiquite*. Rennes, 201–215.
19. Levick B. 1967. *Roman Colonies in Southern Asia Minor*. Oxford, UP, 256.
20. Loots L. 2001. *The Building Materials and Building Techniques at Sagalassos, Turkey*. Diss. Leuven, 198.
21. Mägele S. 2009. *Die Plastischen Bildwerke von Sagalassos*. Diss. Leuven, 201.
22. Mägele S., Richard J., Waelkens M. 2007. A Late-Hadrianic nymphaeum at Sagalassos (Pisidia, Turkey): a preliminary report. *Istanbul Mitteilungen*. 57: 469–504.
23. Magie D. 1950. *Roman Rule in Asia Minor*. V. 1. Princeton, UP, 723.
24. Poblome J., Bes P., De Cupere B., Lauwers V., Romanus K., Vionis A., Waelkens M. 2010. Sic transit gloria mundi. Does it really? Wasting Seventh Century A.D. Sagalassos (SW Turkey). Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean. Vol. II. Oxford, UP, 791–801.
25. Prokopenko S. 2021. Transformation of the Urban Environment of Late Antique Perge. *Issues of Identity Metamorphoses in Transitional Epochs*. Cambridge, Scholar, 74–79.
26. Talloen P. 2014. Cult in Pisidia: Religious Practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the Rise of Christianity. *Studies in Eastern Mediterranean Archaeology X*. Leuven, 412.
27. Talloen P. 2019. The Tychaion of Sagalassos: The Cultural Biography of an Emblematic Monument. *Istanbul Mitteilungen*. 69: 261–304.
28. Talloen P. 2019. The Upper Agora of Sagalassos During the Late Antique Period: the Transformation of an Ideological Centre. *Urbanitas – Changes in Cityscape and Urban Life in Late Antiquity and Early Byzantine Times. Assos in Context of Urban Centres in Western Asia Minor*: 3–24.
29. Talloen P., Waelkens M. 2004. Apollo and the Emperors (I). *The Material Evidence for The Imperial Cult at Sagalassos*. *Ancient Society*. Vol. 34: 171–216.
30. Talloen P., Waelkens M. 2005. Apollo and The Emperors (II). *The Evolution of the Imperial Cult at Sagalassos*. *Ancient Society*. Vol. 35: 217–249.
31. Tybout R., Waelkens M. 2014. The Bouleuterium-Church Complex on the Upper Agora. *Architecture, Stratigraphy, Chronology. Sagalassos VII. The Upper and Lower Agora. Final Report on the Buildings Along the Long Sides of the City Squares*. Turnhout, Brepols, 56–79.
32. Uytterhoeven I., Poblome J. 2019. The «Prytaneion» of Sagalassos: Unravelling an Architectural and Functional Palimpsest. *Anatolica*. XLV: 131–157.

33. Uytterhoeven I., Waelkens M. 2014. The Bouleuterium-Church Complex on the Upper Agora. Architecture, Stratigraphy, Chronology. Sagalassos VII. The Upper and Lower Agora. The Porticoes, the Bouleuterion, the Basilica of St. Michaël and the «Northeast Building». Leuven, 113–156.
34. Vanderput L. 1994. The Architectural Decoration at Sagalassos. Local Development within the Framework of Anatolian Architecture. The Imperial Period. Diss. Leuven, 176.
35. Waelkens M. 2011. Erste Stadt Pisidiens, Freund und Bundgenosse der Römer. Neue Forschungen in Sagalassos. Antike Welt. 3: 62–71.
36. Waelkens M. 2015. Hadrian and the «Neokoria» of Sagalassos. Pisidia Yazıları Hacı Ali Ekinci Armağanı. Pisidian Essays in Honour of Hacı Ali Ekinci. Istanbul, 177–214.
37. Waelkens M. 2005. Provincial Capitals and Hinterland Cities. A Dialogue at Sagalassos. Synergia. Festschrift für Friedrich Krinzinger. Vienna: Phoibos-Verlag, 377–386.
38. Waelkens M. 2019. Sagalassos, Archaeology of. Encyclopedia of Global Archaeology. Springer Nature Switzerland AG: 1–32.
39. Waelkens M. 2013. The fate of the colossal statues of Hadrian and other members of the Imperial family from the «Imperial Baths» at Sagalassos during Late Antiquity. Hadrian: Arts, Politics and Economy. London, The British Museum: 62–72.
40. Waelkens M. 2015. The Library of Titus Flavius Severianus Neon at Sagalassos. Pisidian Essays in Honour of Hacı Ali Ekinci. Pisidia Yazıları Hacı Ali Ekinci Armağanı, 215–259.
41. Waelkens M., Jacobs I. 2014. Sagalassos in the Theodosian age. Production and Prosperity in the Theodosian Period. Interdisciplinary Studies in Ancient Culture and Religion, 14. Leuven-Walpole, 91–126.
42. Waelkens M., Poblome J. 2011. Sagalassos. City of Dreams. Gent, 102.
43. Waelkens M., Vandeput L., Berns C., Arkan B., Poblome J., Torun E. 2000. The Northwest Heroön at Sagalassos. Sagalassos V. Report on the Surveys and Excavation Campaigns of 1996 and 1997. Leuven, University Press, 553–594.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Болгов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Nikolay N. Bolgov, doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Елисеева Анастасия Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Белгородского государственного историко-краеведческого музея, г. Белгород, Россия

Anastasia Yu. Eliseeva, candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Belgorod State Museum of History and Local Lore, Belgorod, Russia

УДК 94(569.4)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-597-613

В какой афинской школе обучались Св. Григорий Богослов и Св. Василий Великий?

Денисова И.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14
E-mail: denisova@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной работе пересматривается часто встречающаяся в отечественной историографии неверная точка зрения о том, что знаменитые «великие каппадокийцы» IV в. св. Григорий Богослов и св. Василий Великий обучались в философской Академии в Афинах. На основе анализа источников подробно рассматривается их жизнь и учебная деятельность, особое внимание уделяется периоду обучения в Афинах, изучаются их взгляды и социальные связи. В ходе исследования доказывается, что святые учились не в философской, а в риторической школе, у знаменитых риторов того времени Прозересия и Гимерия. Образование в их школах было классическим, откуда святители навсегда вынесли любовь к красноречию и классической культуре. В своих сочинениях они демонстрируют глубокое знание античной культуры, но поверхностное восприятие античной философии. Также они поддерживали близкое общение с кругом языческих интеллектуалов, основу которого составляли софисты и риторы. Античная философия как таковая воспринималась ими враждебно, как и взгляды императора-философа Юлиана, несмотря на то, что он был их однокашником в Афинах. Это позволяет сделать твёрдые выводы о риторическом характере образования святых в Афинах.

Ключевые слова: поздняя античность, Афины, Афинская школа, великие Каппадокийцы, св. Григорий Богослов, св. Василий Великий, Прозересий, Юлиан Отступник.

Для цитирования: Денисова И.В. 2021. В какой афинской школе обучались Св. Григорий Богослов и Св. Василий Великий? *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 597–613. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-597-613.

In what school in Athens did Gregory the Theologian and St. Basil the Great study?

Irina V. Denisova

Belgorod National Research University,
14 Studencheskaja St., Belgorod, 308007, Russia
E-mail: denisova@bsu.edu.ru

Abstract. This work debunks the wrong point of view, established in Russian historiography, that the famous «great Cappadocians» of the 4th century, that St. Gregory the Theologian and St. Basil the Great studied at the Philosophical Academy in Athens. Based on the analysis of sources, their life and educational activities are examined in detail, a special attention is paid to the period of study in Athens; their views and social ties are studied. The study proves that the saints studied not in a philosophical, but in a rhetorical school, from the famous rhetoricians of that time Prohaeresius and Himerius. Education in their schools was classical, from where the saints forever brought out the love of eloquence and classical culture. In their writings, they demonstrate a deep knowledge of ancient culture, but a superficial perception of ancient philosophy. They also maintained close communication with a circle of pagan intellectuals, which were based on sophists and rhetoricians. Ancient philosophy as such was perceived as hostile by them, as were the views of the philosopher emperor Julian, despite the fact that he was their

classmate in Athens. This allows us to draw firm conclusions about the rhetorical nature of the education of Cappadocian saints in Athens.

Key words: Late Antiquity, Athens, the Athenian School, the Great Cappadocians, St. Gregory the Theologian, St. Basil the Great, Prohaeresius, Julian the Apostate.

For citation: Denisova I.V. 2021. In what school in Athens did Gregory the Theologian and St. Basil the Great study? *Via in tempore. History and political science*, 48 (3): 597–613 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-597-613.

Введение

Тема данной работы посвящена проблеме Афинской школы, в которой проходили обучение великие каппадокийцы – св. Григорий Богослов Назианзин, ставший патриархом Константинополя, и св. Василий Великий, епископ Кесарии Каппадокийской. Одной из проблем в изучении жизни и деятельности этих христианских святых является их античный культурный бэкграунд, связанный с классическим образованием, которое они получили в Афинах. В отечественной историографии эти вопросы рассматриваются несколько вскользь, недостаточно разработаны и приводят к путанице понятий.

В частности, существует мнение о том, что христианские святые обучались в Афинской философской школе на базе знаменитой афинской Академии Платона; эту точку зрения проводит, например, митрополит Иларион (Алфеев) в своей работе [Иларион (Алфеев), 2013, гл. 1]. Однако философские школы поздней античности по своему существу были языческими [Аверинцев, 1976, с. 17–64] и сопровождались активными языческими практиками, что ставит большие вопросы, каким образом там могли по своей воле обучаться отцы церкви.

Чтобы решить этот вопрос, надо подробнее рассмотреть, где и как обучались св. Василий и св. Григорий. Для этого необходимо рассмотреть их биографию, а особенно её афинский период. Об обучении обоих святых, которые являлись близкими друзьями, в Афинах и раннем периоде их жизни есть автобиографические сведения в словах св. Григория Богослова, а также у церковных историков и в агиографической традиции.

Результаты и их обсуждение

В «Житии» св. Василия Великого (ок. 330–379) сообщается, что он происходил из Кесарии Каппадокийской, родился в семье ритора Василия и его жены Эмелии, благочестивой христианки. Отец наставлял его с детства в христианской вере, а также светских науках: риторике, философии. Огромное влияние на его христианское воспитание помимо родителей оказала и бабушка Макрина, которая была очень набожна и благочестива, почитала св. Григория Чудотворца Неокесарийского, чьи проповеди слышала в молодости. В подростковом возрасте после смерти отца Василий жил со своей бабушкой в имении в Неокесарии, которое впоследствии она превратила в монастырь. После смерти Макрины Василий отправился в Кесарию (Каппадокийскую?) для продолжения обучения, а после – в Константинополь к преподававшему там молодому софисту Либанию. Из Константинополя он отправился в Афины, где обучался у языческого учителя Евбула, а также известных учителей Иберия (вероятно, речь идет о Гимерии) и Прозерсия. Там он очень сблизился со св. Григорием Богословом и весьма усовершенствовался в науках и религиозном благочестии, зная «только две дороги: одну – ведущую в церковь, а другую – в школу».

Василий обучался в Афинах 5 лет, где изучал грамматику, риторiku, астрономию, философию, физику, медицину и естественные науки. За книгами он засиживался настолько, что часто забывал принимать пищу. После окончания обучения он покинул город и отправился в Египет к подвижникам и основоположникам монашества усовершенствоваться в христианской жизни. Прожив среди египетских пустынников очень много

времени, Василий отправился в путешествие по святым местам Сирии, Месопотамии, Палестины, но перед этим вернулся в Афины и обратил в христианство своего учителя Евбула. В Антиохии он встретился со своим учителем Либанием и произвел на него сильное впечатление своими проповедями. Крещение же он принял в Иордане вместе с Евбулом у иерусалимского епископа Максима [Димитрий Ростовский, 2010a].

В «Житии» св. Григория Богослова (ок. 329–389) сообщается, что его родителями были Григорий, первоначально являвшийся христианином-еретиком, потом перешедшим в православие и ставшим православным епископом, а также благочестивая христианка Нонна, которая вымолила своего сына у Бога. Григорий с детства был посвящен Богу, его наставляли в книжном учении, к которому он стремился более, нежели к детским забавам. Он с детства был глубоко верующим и воспитывался по христианским обычаям. Он хорошо изучил эллинские науки и для продолжения образования отправился в Кесарию Палестинскую, где учился у ритора Феспесия. Затем с той же целью он отправился в Александрию и, наконец, в Афины. Во время путешествия он попал в страшную бурю и обещал Богу за спасение полностью посвятить себя служению Ему. Путешествие окончилось удачно. В Афинах он познакомился с Василием, они жили вместе и все делали вместе, как два родных брата. Они достигли совершенства во всех науках и превзошли своих учителей. Когда Василий покинул Афины и отправился в Египет, Григорий еще на некоторое время остался работать учителем, что продолжалось до 30-летнего возраста, пока его отца не поставили епископом в Назианзе. Григорий тотчас отправился к отцу и принял крещение, намереваясь всецело посвятить себя Богу [Димитрий Ростовский, 2010b].

Данные агиографической традиции показывают, что оба будущих святых – и Василий, и Григорий, – хотя и приняли крещение поздно, в зрелом возрасте – это была обычная практика того времени [Иларион (Алфеев), 2013, гл. 1], – оба были на момент прибытия в Афины глубоко верующими людьми и убежденными христианами.

Информация о полученном обоими святыми образовании подтверждается и в иных, аутентичных источниках. Церковные историки IV–V вв. Сократ Схоластик и Созомен [Treadgold, 2007, p. 134–155] дают четкую информацию о том, у кого они учились в Афинах.

Сократ Схоластик сообщает, что Григорий и Василий были равны друг другу по знанию эллинских наук и Священного Писания, а в Афинах в молодости они слушали процветавших тогда софистов Гимерия и Проэресия, а в Антиохии Сирийской посещали лекции ритора Либания, глубоко изучив риторику. Вследствие их успехов их приглашали занять места учителей софистики, а также на судебные должности, но оба отказались. В дальнейшем под влиянием антиохийского учителя оба изучали богословие, увлекшись учением Оригена и переосмыслив его сочинения в ортодоксальном ключе. Это привело к их борьбе с арианской ересью, которую они продолжали, уже будучи епископами: св. Василий – епископом Кесарии Каппадокийской, а св. Григорий – епископом в небольшом городке, унаследовав кафедру отца (т. е. Назианзе), а впоследствии став патриархом в Константинополе. Позиция св. Василия была столь непримиримой, что он даже попал на суд к императору-арианину Валенту ⁴⁶.

Аналогичную информацию об обучении св. Василия и св. Григория сообщает и более поздний церковный историк Созомен, хотя и более сжато. Он рассказывает, что святые учились в Афинах у Проэресия и Гимерия, а затем отправились в Антиохию к Либанию, где освоили риторику. Они там увлеклись также философией, а затем учением Оригена и ревностно толковали Священное Писание, а также боролись с арианской ересью. Св. Василий основывал много монастырей в понтийских землях и городах, а св. Григорий стал епископом в Назианзе, а впоследствии в Константинополе ⁴⁷ (Soz. HE.).

⁴⁶ Socrates Scholasticus, *Historia Ecclesiastica*, IV. 26.

⁴⁷ Sozomenus, *Historia Ecclesiastica*, VI. 17.

Сведения о раннем обучении святых содержатся и в других источниках. Информация об обучении Григория вместе с Евзоем у ритора Феспесия в Кесарии Палестинской содержится в работе автора конца IV – начала V в. Иеронима Стридонского «О знаменитых мужах» [Antin, 1970, p. 35–46]. В дальнейшем Евзой стал епископом города и пытался восстановить знаменитую кесарийскую библиотеку Памфила и Оригена⁴⁸. Иероним также называет Григория одним из лучших ораторов и своим наставником в Священном Писании, перечисляя его работы⁴⁹; чуть раньше автор также перечисляет работы Василия в предыдущей главе⁵⁰.

Обучение Василия в Константинополе у Либания должно было иметь место примерно в конце 340-х – начале 350-х гг. [Cribiore, 2007, p. 15]. О преподавании в имперской столице Либаний сообщает в речи «Жизнь, или о собственной доле», когда он перебрался в Константинополь, не закончив курс в Афинах. Там он преподавал и пользовался успехом, но из-за того, что многие ученики переходили к нему от других учителей, против него начались интриги, и его обвинили в колдовстве⁵¹. Это было связано с тем, что переманивание учеников нарушало корпоративные принципы позднеантичной образовательной среды и серьезно осуждалось. Сообщество учителей всячески боролось с нарушителями и выдавливало их из города [Watts, 2006, p. 58]. В результате он был вынужден покинуть Константинополь и перебраться через Nikeю в Никомедию, где ему очень нравилось, и он там провел 5 лет⁵². О преподавании Либания в Константинополе, а также последующем его переезде в Никомедию из-за неприятного инцидента с его учениками сообщает и языческий интеллектуал 2-й пол. IV в. Евнапий [Treadgold, 2007, p. 81–89] в своем произведении «Жизнь философов и софистов»⁵³.

Об афинском периоде жизни будущих святых наиболее подробная информация дана в произведениях Григория Богослова, приводящего много автобиографической информации. Свою жизнь св. Григорий подробно излагает в поэме «О своей жизни». Он рассказывает о своих родителях: своем отце, которого сравнивает с патриархом Авраамом, а также, что он сначала пребывал в заблуждении, а затем стал настоящим христианином и пастырем⁵⁴; о своей благочестивой матери-христианке, которая вымолила его появление и обещала посвятить ребенка на служение Богу в благодарность, чему святой всю жизнь стремился соответствовать⁵⁵.

Св. Григорий сообщает, что с юности им овладела пламенная любовь к наукам, в том числе светским⁵⁶. Окончив обучение в Александрии, Григорий не стал ждать установления мореходного периода, а решился на рискованное путешествие в ноябре на корабле в Элладу. Около Кипра корабль попал в сильнейшую бурю, в результате чего потерял управление, а также получил повреждения в трюме, из которого вылилась вся пресная вода, так что находящиеся на корабле были обречены на смерть от жажды и обезвоживания. На грани смерти все стали молиться Христу, и помощь пришла – их подобрала финикийские моряки, плывшие на эгинском корабле. Наиболее ужасным для Григория была не сама смерть, а то, что он еще не был крещен. Будучи в смертельном страхе, он обещал посвятить себя Богу в случае спасения. И буря действительно прекратилась, а судно благополучно прибыло в Эгину⁵⁷. В Афинах святой стремился первенствовать в науках, живя

⁴⁸ Hieronymus, De viris illustribus, 113.

⁴⁹ Там же, 117.

⁵⁰ Там же, 116.

⁵¹ Libanius, Orationes, I. 30–47.

⁵² Там же, I. 48–51.

⁵³ Eunapius, Vitae sophistarum, 495.

⁵⁴ Gregorius Nazianzenus, Pro vita sua, 50–55.

⁵⁵ Там же, 65–90.

⁵⁶ Там же, 110–115.

⁵⁷ Там же, 125–210.

тихую жизнь и сблизившись со св. Василием, с которым у него установилась тесная дружба⁵⁸. После того, как друзья окончили обучение, а св. Григорию приближалось 30-летие, оба задумались об отъезде. Город не хотел отпускать обоих за их красноречие, но если Василий уговорил его отпустить, то Григория удержали, отдав первенство в словесности⁵⁹. Григорий из чувства долга остался и продемонстрировал образцы красноречия, но потом чуть ли не тайно бежал на родину⁶⁰.

Наиболее подробно о жизни и учении св. Василия в Афинах св. Григорий сообщает в своей погребальной речи в его честь (соответственно, датируемой 379 г.): «Надгробное слово Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской», где он всячески восхваляет своего лучшего друга⁶¹.

Он сообщает, что его друг Василий происходил из благочестивой семьи, а его предки еще при императоре Максимиане подверглись гонениям за христианство. Его родители, отец Василий и мать Эммелия, были очень добродетельны, превосходя всех окружающих в этом и также воспитали всех своих детей. Св. Василий получил первоначальное домашнее образование под руководством отца, а далее отправился его совершенствовать и поступать в училище в Кесарию, которую св. Григорий называет «нашей», сообщая, что сам в ней же учился. Он называет город «митрополией наук», первенствующей в них среди городов, которые она возглавляла. Тут не очень понятно, о какой Кесарии идет речь, о Каппадокийской или Палестинской. Там Василий быстро достиг совершенства и превзошел учителей, о чём Григорий пишет: «ритором между риторами еще до кафедры софиста, философом между философами еще до слушания философских положений», четко отделяя философов от софистов, то есть риторов.

Далее св. Василий отправился в Византий, а затем – в «обитель наук» Афины. Также св. Григорий упоминает, что они со св. Василием очень сблизились в Афинах, а последний отличался пронизательностью, даровитостью и прилежанием, что сделало обоих лучшими учениками у их учителей, умножив их собственную славу и славу своей школы. Он также упоминает, что они посещали только христианские храмы и тамошних учителей, и учителей светских наук. Св. Василий превосходил других как в риторике и грамматике, так и в философии, отмечая, что это была та философия, которая простиралась «в горнее», но никто не мог сравниться с ним в логике и диалектике. Также св. Василий изучил астрономию, геометрию и науку о числах, но отринул все лишнее. А вот медицине он уделил гораздо большее внимание. Когда св. Василий покидал Афины, его провожали соученики и учителя со слезами на глазах, не желая отпускать. Но они убедили остаться св. Григория, который также покинул Афины, но несколько позже. Именно по возвращении из Афин оба святых обратились к философии (т. е. любомудрию)⁶².

Более подробно об Афинской школе обоих каппадокийцев можно судить из «Жизни философов и софистов» у Евнапия. Он четко отделяет первых от последних в своем произведении, как и св. Григорий.

Из афинских философов Евнапий упоминает применительно к этому времени о Приске, он происходил из Эпира и был учеником Эдесия, а затем уехал в Элладу. Приск отказался прибыть ко двору императора Юлиана, был на краткое время арестован при императорах Валентиниане и Валенте, но отпущен, вернувшись в Грецию. Приск умер, когда «в Элладе разрушились храмы». Применительно к этим событиям Евнапий сообщает, что умерли и иные, в том числе от рук варваров⁶³. Возможно, речь идет о вторжении готов

⁵⁸ Там же, 211–236.

⁵⁹ Там же, 238–260.

⁶⁰ Там же, 265–277.

⁶¹ Gregorius Nazianzenus, *Orationes*, 43.

⁶² Там же, 43.

⁶³ Eunapius, *Vitae sophistarum*, 474, 477–478, 481–482.

под предводительством Алариха в Грецию в начале V века, когда невредимыми остались только Афины⁶⁴ (Zos. Hist. Nov.).

Помимо Приска в этих событиях Евнапий перечисляет Протерия, Гилария, жившего и состарившегося в Афинах, а также художника Евфранора⁶⁵. В целом философия в Афинах была в упадке в IV в., это следует и из сообщения в латинском географическом трактате середины IV в. «Описание всего мира и народов». Там в главе о регионе Ахайи, Греции и Лаконики сообщается, что в настоящее время страна славится производством оливок и мёда, а также блеском наук и риторского искусства; при этом не упоминается философия как таковая⁶⁶. Представители нового поколения Афинской школы философии появляются только к началу V в. [Лосев, 2000, с. 5].

Относительно же Проэресия Евнапий сообщает, что он принадлежал к школе софиста Юлиана Каппадокийского, был его лучшим учеником и унаследовал его школу⁶⁷. Проэресий являлся учителем риторики самого Евнапия, который подробно сообщает о его искусстве красноречия, посвящая описанию его жизни и преподавательской деятельности в Афинах основную часть произведения⁶⁸.

Проэресий происходил из персидской части Армении, в юности уехал в Антиохию, где обучался риторике у местного ритора Ульпиана, а затем со своим другом Гефестионом прибыл в школу Юлиана Каппадокийского. Проэресий в бытность студентом жил в крайней бедности и весь свой досуг посвящал изучению риторики. После смерти своего учителя Проэресий стал одним из тех, кого избрали на кафедру риторики, наряду с другими учениками: Гефестионом, Диофантом, Епифанием и Сополидом. Среди них были четко распределены регионы, из которых к ним поступали абитуриенты. В школу Епифания поступали ученики с Востока (т. е. Месопотамии и Сирии), к Диофанту – из Аравии. Гефестион ушел из преподавания и стал отшельником, а Проэресий контролировал Малую Азию; к нему прибывали ученики с Понта и окрестностей, Вифинии, Геллеспонта, из областей за Лидией, вплоть до Кари и Ликии, границей служили Памфилия и Тавр; также Проэресий получил контроль над учениками из Египта и Ливии⁶⁹.

В Афинах существовал обычай, что ученики насильно приводят новичков в школу своего учителя, поджидая их уже в гавани. Обычно это были земляки новопривывших, которые сразу отводили их к своей школе. Так встречали Евнапия по прибытии в Афины, лидийские студенты тут же привели его к Проэресию. Из-за плохого самочувствия (у него была горячка) Евнапий не смог оказать никакого сопротивления им, но также не подвергся обычным обрядам для неопитов⁷⁰. Зачастую новичков даже не спрашивали, к какому учителю они хотят попасть, их буквально насильно увлекали вербовщики и не отпускали до тех пор, пока неопиты не принесут клятву на верность данной школе. Эту клятву нельзя было нарушать. Так молодого Либания буквально похитили в порту и привлекли к школе того софиста, к которому он не планировал поступать, а с тем софистом, у которого он хотел учиться, разлучили. Впрочем, потом он своего несостоявшегося учителя оценивает как скромного и скудного ритора. Также Либаний рассказывает, что вербовщики разных школ буквально дрались за новичков и очень гордились увечьями, полученными в таких драках, а все ученики стремились отличиться в этой деятельности, также ведя разгульный образ жизни⁷¹. Евнапий сообщает, что Либаний не пошел ни к Епифанию, куда должен был попасть как к своему земляку по региональному принципу, ни к Проэресию,

⁶⁴ Zosimus, *Historia Nova*, V. 6, 26.

⁶⁵ Eunapius, *Vitae sophistarum*, 482.

⁶⁶ Anonymus, *Expositio totius mundi et gentium*, 52.

⁶⁷ Eunapius, *Vitae sophistarum*, 483.

⁶⁸ Там же, 483–493.

⁶⁹ Там же, 486–487.

⁷⁰ Там же, 485–486, 493.

⁷¹ Libanius, *Orationes*, I. 16–23.

по версии Евнапия, чтобы не затеряться в толпе его учеников. Он был увлечен учениками Диофанта, но мало посещал лекции, а больше штудировал произведения древних авторов, являясь невероятно эрудированным⁷². Селились новички у земляков или в школах наиболее знаменитых софистов. Поэтому св. Григорий и св. Василий жили вместе, первый поселил вместе с собой последнего⁷³.

Отучившись в школе Прозерсия, Евнапий сам стал ритором и преподавал риторику у себя на родине, заодно посещая и философскую школу своего земляка Хрисанфия, другого известного ученика Эдесия Пергамского, который учил Евнапия еще в детстве⁷⁴.

По вероисповеданию Прозерсий был христианином. Евнапий сообщает, что якобы из-за подозрения в этом Прозерсий лишился своего места преподавателя во времена императора Юлиана (361–363 гг.), а сам император невзлюбил Прозерсия⁷⁵. Аналогично и в словаре X в. «Суде» в статье о Либании сообщается, что Юлиан оказывал большие почести Либанию, чтобы задеть Прозерсия, считавшегося более великим ритором современниками⁷⁶.

Исследователи связывают отход Прозерсия от преподавания с эдиктом об образовании императора Юлиана, который запрещал христианским учителям преподавать языческие материи [Watts, 2006, p. 68–69]. В этом эдикте Юлиан обосновывает свою позицию тем, что грамматиками, риторам, софистами должны быть нравственные преподаватели, верящие в то, чему учат, то есть язычники, а христианам с точки зрения их вероучения есть польза отказаться от ложных языческих знаний, дабы не засорять свой ум ими, как они воздерживаются от жертвенного мяса⁷⁷. Об этом эдикте императора Юлиана о запрете преподавания для христиан сообщает церковный историк Сократ Схоластик⁷⁸, а Созомен добавляет, что христиан также лишили права голоса на народных собраниях, а также занимать должности в суде⁷⁹.

Церковный историк конца IV – начала V века Руфин Аквилейский [Van Deun, 2003, p. 151–177], в свою очередь, добавляет, что христиане не могли преподавать языческих авторов, начальные школы были доступны только почитателем богов, без жертвоприношения запрещалась военная служба, нельзя было руководить провинциями и вершить суд христианам⁸⁰.

Его современник Павел Орозий [Zecchini, 2003, p. 317–345] упоминает, что эдикт касался только преподавания свободных искусств, и большинство христиан предпочли оставить кафедру, нежели изменить вере⁸¹. Именно так поступил и еще один известный грамматик и ритор IV в. Марий Викторин, оставивший кафедру в Риме⁸².

Упоминает эдикт и знаменитый светский историк конца IV в. Аммиан Марцеллин [Treadgold, 2007, p. 47–68], который сообщает, что эдикт запрещал грамматикам и риторам преподавать, пока они не перейдут в языческую веру, причем автор осуждает этот указ за жестокость⁸³.

Однако в «Хронике» св. Иеронима Стридонского сообщается, что для Прозерсия император-язычник сделал исключение и разрешил преподавать⁸⁴. Именно на этот эдикт

⁷² Eunapius, Vitae sophistarum, 495–496.

⁷³ Gregorius Nazianzenus, Orationes, 43.

⁷⁴ Eunapius, Vitae sophistarum, 493, 500–503.

⁷⁵ Там же, 493–494.

⁷⁶ Suida Lexicon, Λ 486.

⁷⁷ Julianus, Edictum, 36 (33).

⁷⁸ Socrates Scholasticus, Historia Ecclesiastica, III. 16.

⁷⁹ Sozomenus, Historia Ecclesiastica, V. 18.

⁸⁰ Rufinus Aquileiensis, Historia Ecclesiastica, I. 32.

⁸¹ Paulus Orosius, Historiae adversum Paganos, VII. 30.

⁸² Augustinus, Confessio, VIII. V (10).

⁸³ Ammianus Marcellinus, Res gestae, XXV. 4. 20.

⁸⁴ Hieronymus, Chronica, a. 363.

обрушивает свой гнев святитель Григорий Богослов, доказывая, что получать образование может каждый человек, так как эллины не обладают монополией на науки и искусства, сами заимствуя их от других народов⁸⁵. В целом христианское вероисповедание Проэресия Евнапий пытается отвергнуть, сообщая о языческих гаданиях со стороны своего учителя⁸⁶. Также известно, что Юлиан переписывался с Проэресием, отправил ему небольшое письмо, где объясняет, почему не приветствовал его, а также о готовности передать материалы для написания истории его правления⁸⁷, хотя, по мнению Э. Уоттса, это письмо было формальной и холодно-ироничной отпиской [Watts, 2006, p. 67]. С христианским императором Константом у Проэресия были отличные отношения, последний даровал ему управление над прилежащими островами для обеспечения Афин продовольствием в должности стратопедарха⁸⁸. Всё это указывает, что Проэресий, скорее всего, был действительно христианин.

О Гимерии Евнапий также сообщает как о риторе. Гимерий происходил из Вифинии и приехал в Афины после смерти Проэресия, видимо, заняв его место. Гимерий также выступал перед императором Юлианом, надеясь на почести. Его речи отличались высокой стилистикой и композицией⁸⁹. Вероятно, Гимерий был среди учеников Проэресия. «Суда» называет его соперником Проэресия⁹⁰. Гимерий был весьма известным ритором, от него дошел ряд речей. Стиль Гимерия был антикизирующий, с огромным количеством античных аллюзий, мифологии, но часто его речи, безупречные с точки зрения риторики, были не особо содержательны, обращались не к современным событиям, а прошлому, были насыщены многочисленными античными аллегориями [Penella, 2008, p. 127–144].

Возможно, именно христианским вероисповеданием Проэресия был обусловлен выбор его в качестве учителя каппадокийскими учениками в молодости, хотя в его курсах практически не было никаких христианских элементов, они были классическими [Watts, 2006, p. 63]. Но также, безусловно, сыграл роль и региональный принцип, по которому они поступили на обучение именно в школу Проэресия – это была его сфера ответственности. По тому же принципу они, вероятно, оказались далее у Гимерия.

Григорий, который был чуть старше Василия, по прибытии подвергся всем тем испытаниям, которые терпят новички, – испытания являлись некой инициацией в ученики данной школы. Сначала его осыпали насмешками в сопровождении различных шуток, остроумных и не очень, а иногда грубых и жестоких (чтобы сбить высокомерие с неопфита), и торжественно вели в баню целой толпой в окружении более старших учеников. Сначала в баню не пускали, затем впускали с шумом и грохотом и устраивали дикую пляску вокруг неопфита. В бане новичок мылся и после этого выходил полноправным членом ученического сообщества.

Если Григорий на своем собственном примере испытал все «прелести» инициации, то его Василий смог избежать этих процедур. Григорий заранее встретил своего земляка и друга с уважением и порекомендовал его соученикам как очень твердого нравом и умного юношу, так что тот был удостоен высшей чести и принят не как новопоступающий⁹¹.

Аналогичную информацию об ученическом обряде посвящения в Афинах согласно традициям софистических школ сообщает историк начала V века Олимпиодор Фиванский в своей «Истории», дошедшей в кратком пересказе патриарха IX в. Фотия [Treadgold, 2007, p. 89–96]. Согласно Олимпиодору, все новоприезжие, независимо от возраста и положения, велись в баню в сопровождении схоластиков. Одни подводили их к бане и тол-

⁸⁵ Gregorius Nazianzenus, *Orationes*, 4.

⁸⁶ Eunapius, *Vitae sophistarum*, 495.

⁸⁷ Julianus, *Epistulae*, 14 (17).

⁸⁸ Eunapius, *Vitae sophistarum*, 492.

⁸⁹ Там же, 494.

⁹⁰ *Suida Lexicon*, I. 348.

⁹¹ Gregorius Nazianzenus, *Orationes*, 43.

кали вперед, другие, наоборот, пытались оттолкнуть и не пропустить, сопровождая криками на греческом: «Стой, стой, не пройдешь». В конце «побеждали» те, кто приводил новичка в баню, который там оказывался. После мытья новичок выходил и одевался, получая право носить специальный философский плащ из грубой ткани – трибон, служащий знаком его принадлежности к научному сообществу⁹².

Его носили как философы, так и риторы, несмотря на первоначальные его функции элемента одежды философа. Философ конца V – начала VI в. Дамаский в своей «Философской истории» сообщает, что знаменитый философ-неоплатоник V в. Прокл Диадок принуждал своего ученика Исидора надеть «грубый плащ»⁹³. Также носила «плащ философа» известная женщина-философ 2-й пол. IV – начала V в. Гипатия⁹⁴. Исидор заворачивал свою жену в философский плащ⁹⁵ [Damascius, 1999]. Евнапий упоминает трибон у Прозересия в бытность учеником⁹⁶. Трибоны философов и риториков различались по цвету. У риториков плащ был красный или пурпурный, а у философов – темный или серый [Cameron, 2016, p. 188].

Как видно из описания учебных штудий св. Василия, в Афинах друзья в школе софистики освоили не только риторику, но и остальные дисциплины 7 свободных искусств; упомянуты грамматика, диалектика, геометрия, «наука о цифрах» (арифметика), астрономия. Не упомянута только музыка, но и ее наверняка также изучали, о пользе ее св. Василий свидетельствует в своей речи⁹⁷. Отдельно будущий кесарийский епископ также изучал медицину.

Впоследствии св. Василий посвятил специальную речь «К юношам о пользе языческих книг», где хвалит пользу языческой образованности и учености, обнаруживая недюжинную эрудицию в античной литературе. Он советует молодым людям уподобляться пчелам, собирающим нектар с цветов, искать полезное в книгах и обращаться только к хорошей литературе, содержание которой учит добродетели, отринув прочь те произведения, где есть прелюбодеяния, пьянство, раздоры. Св. Василий в этой речи ссылается на Гомера, Гесиода, Платона и других авторов, а также мифы. Он приводит в пример различные рассказы и сюжеты: как Одиссей оказался на острове феакийцев нагим, но был украшен добродетелью, за что удостоился уважения от жителей; из мифа о Геракле, как он выбрал среди двух женщин-персонификаций Добродетель, а не Порок; истории о Перикле, который бранившего его проводил со светильником, и о Сократе, который терпел побои, попросив только написать на своем лице: «Сделал такой-то»; рассказы об Александре Македонском, который отказался соблазниться красотой дочерей Дария, и Клинии, который предпочел заплатить два таланта, лишь бы не давать клятвы, которую можно нарушить. Также Василий советует углубиться в ту науку, к которой есть склонность, и от которой польза, а не все хватать без разбора, приводя в пример упражнения олимпийцев и музыкантов древности. Также, ссылаясь на примеры античных философов, политиков и героев, св. Василий призывает не лениться, заботиться о душе, а не о теле, богатстве или удовольствиях⁹⁸.

Григорий Богослов презрительно относился к античной языческой философии. Учения философов он высмеивал и показывал все их недостатки и слабости. Эту философию он считал «ложной», в то время как «истинной» являлось христианство [Ruether, 1969, p. 167–174]. В своем «Первом обличительном Слове на императора Юлиана» св. Григорий упрекает языческих философов, политических деятелей и мифологических героев за то, что они предавались опасностям не из любви к истине, а по желанию славы, высмеивая их также за то, что их доблесть перед лицом смерти была вынужденной, нежели добровольной. При этом он обнаруживает незаурядную эрудированность в истории ан-

⁹² Photius, Bibliotheca, 80. 28.

⁹³ Damascius, Vita Isidori, fr. 59.

⁹⁴ Там же, fr. 43.

⁹⁵ Там же, fr. 86.

⁹⁶ Eunapius, Vitae sophistarum, 487.

⁹⁷ Basilius Caesariensis, Orationes, 22.

⁹⁸ Там же, 22.

тичной мифологии и философии, в частности хорошо зная о жизни Эмпедокла, Эпикура, Эпиктета, Сократа, Пифагора, Антисфена, Диогена, Платона, Анаксагора, Гераклита, школы перипатетиков, стоиков и многих других, а также грамотно сопоставляя их с библейской историей Ветхого и Нового Завета и ранними Отцами Церкви. Также хорошо осведомлен св. Григорий и обо всех олимпийских древнегреческих богах и мифах о них, очень метко их высмеивая, пользуясь цитатами античных же авторов⁹⁹. Аналогично он их высмеивает и во «Втором обличительном слове на императора Юлиана», посвященном бесславной гибели императора-отступника во время персидского похода; там же святитель упоминает о загробных воздаяниях согласно античной мифологии, будучи хорошо знаком и с этими материями¹⁰⁰. Тем не менее суть античных философских учений св. Григорий глубоко не понимал, его знания были эклектичными и поверхностными. Он не читал сами философские труды как первоисточники, а лишь флорилегии и учебники, где представлены анекдоты и апофтегмы из жизни разных философов [Иларион (Алфеев), 2013, гл. 2]. Исследователи делают вывод о том, что он не касался живой неоплатонической традиции, а его знания носили антикварный учебный характер [Ruether, 1969, p. 26].

Одно из немногих философских направлений, которое св. Григорий уважал, – это киническая философия. Святителю импонировал образ жизни философов-киников, отринувших все материальное, их он уподобляет христианским монахам. Идеальный философ по св. Григорию – киник, исповедующий христианство. Именно таким был философ Герод, который пострадал в Александрии в результате арианских гонений на православие, на возвращение которого из изгнания св. Григорий написал речь, где развивает эти идеи¹⁰¹.

Отношение к риторике у св. Григория более сложное и противоречивое. С одной стороны, он резко критикует красноречие как пустословие, противопоставляя бессмысленные словопрения античных софистов простоте и ясности евангельской проповеди¹⁰². Простой и некультурный язык ранних христиан святитель считает более полезным, нежели притворство украшения и стиля, считая софистику признаком гордыни и надменности [Ruether, 1969, p. 159]. В 366 г. он написал письмо своему другу и третьему великому каппадокийцу св. Григорию Нисскому, где резко раскритиковал решение последнего стать ритором, оставив должность чтеца в церкви. Святитель упрекает друга в том, что он предпочитает именоваться ритором, нежели христианином, отбросив священные книги и взяв гораздо менее полезные риторические учебники. Он выражает надежду на то, что его друг все-таки одумается¹⁰³. За увлечение софистикой св. Григорий критикует еще одного своего друга Аблабия¹⁰⁴.

В то же время сам Григорий не мог никогда полностью отказаться от красноречия и искусства слова. В одной из своих речей он говорит, что всего себя посвятил Богу, отказавшись от всего; единственное, что он оставил себе – это слово. Красоту слова он любит сразу же после Бога, оно его веселит и радует. Но в этом святой не видит противоречия, так как считает, что слово – это тот дар, с помощью которого он может послужить Богу и прославить Его¹⁰⁵. Именно за лишение христиан возможности приобщиться к античной науке св. Григорий резко обрушивается на императора Юлиана¹⁰⁶. Сам он в своих речах также очень часто прибегает к нормам риторического искусства, сообразно с ним строя композицию речей, подбирая аргументы и примеры [Ruether, 1969, p. 157].

Аналогичное отношение и у св. Василия к софистике. В письме к софисту Леонтию, с одной стороны, святитель шутливо упрекает своего друга за нетерпимость к про-

⁹⁹ Gregorius Nazianzenus, *Orationes*, 4.

¹⁰⁰ Там же, 5.

¹⁰¹ Там же, 25.

¹⁰² Там же, 27.

¹⁰³ Gregorius Nazianzenus, *Epistulae*, 16 (43).

¹⁰⁴ Там же, 228 (131).

¹⁰⁵ Gregorius Nazianzenus, *Orationes*, 6.

¹⁰⁶ Там же, 4.

стонародной речи и излишнюю болтливость, а с другой – просит писать как можно чаще, чтобы насладиться красотой аттической речи, а также посылает ему свой трактат против Евномия для оценки. Это может указывать на то, что Леонтий был христианином¹⁰⁷.

Всё это достаточно четко показывает, что образование у св. Григория и св. Василия было именно риторическое, а не философское. И с этим образованием связано их противоречивое восприятие античной культуры. Хотя как христиане они критиковали и обличали античное образование, основанное на языческой религии, но не могли от него полностью отказаться, уважая и ценя его и выработав компромиссную позицию выборочного восприятия: отбора полезных знаний, учащих добродетели, при отбрасывании всего, связанного с порочностью и язычеством.

При обучении в Афинской и других классических школах оба святителя приобрели тесные социальные связи в том числе с кругом языческих интеллектуалов. Св. Григорий в надгробном слове св. Василию сообщает, что в Афинах оба каппадокийских святителя познакомились и завели дружбу со многими соучениками, обладавшими добрым и целомудренным нравом¹⁰⁸. Среди адресатов св. Григория есть письмо к ритору Евдоксию, где он рассказывает о своих делах и смерти Василия¹⁰⁹. В других письмах к нему св. Григорий рекомендует ему учеников, призывает к философской жизни, просит писать почаще¹¹⁰. Хвалит св. Григорий за ученость и аттическое совершенство речи и ритора Стагирия, перепоручая ему учеников¹¹¹. В письмах своему афинскому товарищу софисту Евстохию святитель также рекомендует учеников, упрекает в увлечении софистикой и хвалит за красноречие¹¹². Также он переписывался с чиновником Евтропием, о котором радуется, что тот принял христианство, такими словами: «Что это значит? Великий Евтропий в числе наших!»¹¹³.

Оба святителя переписывались с известным языческим ритором Либанием [Swain, 2004, p. 355–400]. Св. Григорий Богослов послал ему 1 письмо, в котором рекомендует ученика от имени матери¹¹⁴. А св. Василий поддерживал близкие отношения с ним [Попов, 1864, глава 5]. Являвшийся сам учеником Либания, он послал ему целую россыпь писем, где рекомендует ему учеников из Каппадокии и восхищается красноречием своего учителя, прося его речи, а также писать чаще¹¹⁵. Либаний также многократно отвечал Василию. В одном из писем он шутливо упрекает ученика, что тот постоянно к нему присылает просторечных каппадокийцев, так что и сам Либаний начинает чувствовать себя каппадокийцем. Но обещает исправить их региональные нравы¹¹⁶.

Но одно из самых интересных писем св. Василия – это письмо к философу Евстафию, датированное 357 г.¹¹⁷. Он был земляком святого и происходил из Каппадокии. Молва о его славе была такова, что именно ради встречи с ним св. Василий покинул Афины и через Константинополь отправился в Кесарию Каппадокийскую. Но там его не застал и отправился в Сирию, так как Евстафий отбыл на Восток. Но и там Василий не успел встретиться с философом, так что отправился за ним в Александрию, однако, опять не успел. Евстафий уже вернулся в Кесарию, а Василий заболел и задержался в Александрии. Василий тем не менее радуется, что получил письма от Евстафия, благодаря Бога за это.

¹⁰⁷ Basilius Caesariensis, Epistulae, 20, 21.

¹⁰⁸ Gregorius Nazianzenus, Orationes, 43.

¹⁰⁹ Gregorius Nazianzenus, Epistulae, 71 (39).

¹¹⁰ Там же, 132 (115), 133 (116), 134 (117), 135 (63).

¹¹¹ Там же, 128 (188).

¹¹² Там же, 129 (61), 130 (62), 131 (111).

¹¹³ Там же, 63 (137).

¹¹⁴ Там же, 238 (203).

¹¹⁵ Basilius Caesariensis, Epistulae, 326 (335), 326 (337), 328 (339), 329 (342), 330 (344), 331 (348), 332 (350), 333 (351), 334 (353), 335 (356), 336 (359).

¹¹⁶ Libanius, Epistulae ad Basilium, 2.

¹¹⁷ Basilius Caesariensis, Epistulae, 1.

В данном случае интересно, что адресата письма Василия исследователи сопоставляют с известным языческим философом Евстафием [Jones, Martindale, Morris, 1971, p. 310]. Согласно Евнапию, он был родственником неоплатоника Эдесия и учеником Ямвлиха вместе с Эдесием. Когда Эдесий перебрался в Пергам, Евстафию он поручил заботу об имуществе в Каппадокии¹¹⁸. Евстафий был непревзойденным в искусстве красноречия и настолько прославился, что его включили в посольство к персидскому царю Сапору. Речи Евстафия были настолько убедительными, что Сапор был очарован им, но персидские маги сказали, что Евстафий – колдун, так что посольство провалилось¹¹⁹. Об участии философа Евстафия в этом посольстве сообщает и Аммиан Марцеллин, говоря о его репутации мастера убеждать¹²⁰. Впоследствии Евстафий женился на языческой женщине-философе Сосипатре, которая родила от него трех детей, и прожил с ней 5 лет до своей смерти, которую она ему и предсказала¹²¹. Сам он также очень близко общался с императором Юлианом, отправив ему душевное письмо, оно обычно включается в издания писем Юлиана¹²². Юлиан также написал ему несколько дружеских писем, где называет его философом и ритором, а также утверждает, что их дружба очень прочна благодаря общему воспитанию и почитанию богов¹²³. То есть Евстафий – это один из наиболее известных языческих философов и риторов того времени, но св. Василий был очень заинтересован в общении с ним.

В целом святые общались в основном с софистами и риториками, а не с философами, что является еще одним доказательством риторического характера их образования.

Один из интересных вопросов – это общение великих каппадокийцев с императором-отступником Юлианом, с которым они вместе обучались в Афинах [Frantz, 1975, p. 29–38]. После отречения Юлиана от христианства святые прекратили с ним дружбу и общение, хотя ранее, как кажется, были в хороших отношениях. Известны 2 письма Юлиана, адресатом которых выступает Василий. Первое письмо – очень дружественное, в нем Юлиан призывает Василия ко двору, говоря, что нуждается в разумных советниках. Он говорит, что они с Василием друзья, хотя иногда упрекают и порицают, но не менее любят друг друга из-за этого¹²⁴. Некоторые исследователи считают, что это письмо написано другому Василию, который состоял на государственной службе, а не каппадокийскому епископу [Сидаш, 2016, с. 533].

Второе письмо – совершенно иного плана, оно грозное и угрожающее, по содержанию относится ко времени подготовки Юлиана к походу на персов. Это письмо гневное, император возмущен заносчивостью Василия, упрекая его в распространении лживых слухов, что он недостоин быть императором. Юлиан говорит, что до этого времени соблюдал мягкость и умеренность, но если и дальше так продолжится, то после похода он разберется с Василием. Он призывает уважать друг друга, как было в их молодости, но также требует собрать налог в 1 000 фунтов золота, когда будет около Кесарии, для похода на персов. Если Василий исполнит все верно, то император обещает снисхождение к его ошибкам¹²⁵. Это письмо считается подложным [Wright, 1923, p. 284–285], как и ответное письмо св. Василия Юлиану [Муравьев, 1997, с. 138–145], представляющее собой гневную отповедь, где св. Василий говорит, что не имеет столько денег и жестко поносит императора за язычество и преследование христианства¹²⁶.

Тем не менее во «Втором обличительном Слове» св. Григория упоминаются факты, свидетельствующие о прежней дружбе императора и каппадокийцев в Афинах и разломе от-

¹¹⁸ Eunapius, Vitae sophistarum, 458, 465.

¹¹⁹ Там же, 465–466.

¹²⁰ Ammianus Marcellinus, Res gestae, XVII. 5. 15.

¹²¹ Eunapius, Vitae sophistarum, 467–469.

¹²² Julianus, Epistulae, 83 (22).

¹²³ Там же, 43 (20), 44 (21).

¹²⁴ Там же, 26 (18).

¹²⁵ Там же, 81.

¹²⁶ Basilius Caesariensis, Epistulae, 41.

ношений во время его правления. Св. Григорий сообщает, что помнит Юлиана еще в Афинах, куда тот прибыл под предлогом посетить Грецию и её училища, но на самом деле для встреч с жрецами. Св. Григорий тогда заметил непостоянство нрава и неумеренную восторженность будущего императора, его оттолкнули бегающие глаза, медленная, прерывистая речь, бесвязные и неупорядоченные вопросы и ответы, беспорядочные движения, неправильная осанка, громкий и неумеренный смех, неопрятные волосы. В то же время, св. Григорий отмечает, что император так и не тронул и не подверг репрессиям ни его, ни св. Василия, однако связывает это с тем, что Юлиан оставил эти действия на потом, после возвращения из похода против Персии¹²⁷. Это согласуется по содержанию с перепиской св. Василия и Юлиана.

Выводы

Таким образом, рассмотренные нами факты биографии св. Григория и св. Василия Каппадокийских в различных источниках – как агиографических, так и нарративных, а также собственных сочинениях дают чёткую картину их обучения в Афинах в риторических, но отнюдь не в философских школах, которые в тот период пребывали в упадке.

Учителями великих каппадокийцев в Афинах были знаменитые риторы IV в. Прозересий и Гимерий. Именно к ним они должны были попасть из-за регионального распределения по афинской софистической традиции. Возможно, здесь сыграло роль и то обстоятельство, что Прозересий был христианином. Также св. Василий обучался у антиохийского ритора Либания. Св. Григорий прошел все этапы инициации новичков в Афинской школе, а вот св. Василий избежал этого.

Оба святителя в юности были уже твёрдыми христианами, воспитанными в христианских семьях, хотя на момент обучения еще не приняли крещения. Они посвящали свой досуг исключительно учёбе и посещению христианских храмов. В результате они достигли очень высоких успехов и прославились как риторы в Афинах. Св. Василий по окончании обучения отбыл сразу, а св. Григорий еще некоторое время преподавал в Афинах в качестве ритора.

Труды святителей указывают на их глубокое классическое образование, но имеющее риторический, а не философский характер. Философию же они осваивали именно в христианском ключе, на основе учения Оригена, в то время как античные философские учения знали весьма поверхностно, воспринимали их враждебно и презрительно. Тем не менее оба высоко ценили античную науку и стремились её интегрировать в христианское образование.

В Афинах сформировался круг их социальных связей с интеллектуалами-язычниками, общение с которыми они поддерживали и в последующем. Этот круг состоял в основном из риторов и софистов, что еще раз доказывает риторическое образование святителей. В то же время с императором-отступником Юлианом отношения у святых были враждебными после его открытого обращения в язычество, причем сами святые выступили инициаторами разрыва отношений с императором, являвшимся философом-неоплатоником.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. 1976. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью. В: Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., Наука: 17–64.
2. Архимандрит Порфирий (Попов). 1864. Жизнь св. Василия Великого, архиеп. Кесарии Каппадокийския. М. В: Сайт «Азбука веры. Православная библиотека». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/svjatitel-vasilij-velikij/1#note1 (дата обращения 1.04.2021).
3. Высокий М.Ф. (изд.). 2007. Иероним Стридонский. Книга о знаменитых мужах. В: Церковные историки IV–V веков. М., Росспэн: 11–57.

¹²⁷ Gregorius Nazianzenus, Orationes, 5.

4. Дарк Е.В., Хорьков М.Л. (изд.). 1997. Евнапий. Жизни философов и софистов. В: Римские историки IV века. М., РОССПЭН: 225–296.
5. Димитрий Ростовский. 2010а. Житие святого отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарийского. Память 1 января. В: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. 12 книг. Кн. 1. Январь. М., Ковчег. В: Сайт «Азбука веры. Православная библиотека». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/2 (дата обращения 1.04.2021).
6. Димитрий Ростовский. 2010б. Житие св. отца нашего Григория Богослова, патриарха Константинопольского. Память 25 января. В: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. 12 книг. Кн. 1. Январь. М., Ковчег. В: Сайт «Азбука веры. Православная библиотека». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/86 (дата обращения 1.04.2021).
7. Зосим. 2010. Новая история. Белгород, БелГУ, 344.
8. Зуевский А. (изд.). 2010. Святитель Григорий Богослов. De vita sua. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою. М., Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 165.
9. Кривушин И.В. (изд.). 1996. Сократ Схоластик. Церковная история. М., РОССПЭН, 368.
10. Лосев А.Ф. 2000. История античной эстетики. Т. VII. Последние века. Кн. 2. Харьков, Фолио; М., ООО «Издательство АСТ», 544.
11. Лукомский Л.Ю., Кулаковский Ю.А., Сонни А.И. (изд.). 2000. Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., Алетейя, 576.
12. Митрополит Иларион (Алфеев). 2013. Жизнь и учение святителя Григория Богослова. М., Издательство Московской Патриархии РПЦ, 576.
13. Муравьев А.В. 1997. Переписка Юлиана Отступника и св. Василия Великого (ВНГ 260) в связи с житийной традицией последнего. В: Вестник древней истории. № 2 (221): 138–145.
14. Полякова С.В. (изд.). 1956. Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов». В: Византийский временник. Т.8 (33): 277–288.
15. Сергеенко М.Е. (изд.). 1991. Августин Аврелий. Исповедь. М., Ренессанс, СП ИВО–Сид, 488.
16. Сидаш Т.Г. (изд.). 2016. Император Юлиан. Полное собрание творений. СПб., Квадривиум, 1088.
17. Скржинская Е.Ч. (изд.). 1956. Олимпиодор Фиванский. История. В: Византийский временник. Т.8 (33): 223–276.
18. Сойкин П.П. (изд.). 1911б. Святитель Василий Великий. Творения. В 3 тт. Т. 3. Письма к разным лицам. СПб., П.П. Сойкин, 559.
19. Сойкин П.П. (изд.). 1911а. Святитель Василий Великий. Творения. В 3 тт. Т. 2. Нравственные правила. Беседы. О подвижничестве. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах. Правила, кратко изложенные в вопросах и ответах. Подвижнические уставы. СПб., П.П. Сойкин, 530.
20. Сойкин П.П. (изд.). 1912а. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. В 2 тт. Т. 1. СПб., П.П. Сойкин, 680.
21. Сойкин П.П. (изд.). 1912б. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. В 2 тт. Т. 2. СПб., П.П. Сойкин, 596.
22. Тюленев В.М. (изд.). 2003. Павел Орозий. История против язычников. В 3 тт. Т. III. Кн. VI–VII. СПб., Алетейя, 376.
23. Тюленев В.М. (изд.). 2005. Руфин Аквилейский. Церковная история. В: Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб., Издательство Олега Абышко: 230–284.
24. Фишер Е. (изд.). 1851. Эрмий Созомен Саламанский. Церковная история. СПб., Типография Фишера, 636.
25. Шестаков С.П., Высокий М.Ф. (изд.). 2014. Речи Либания. В 2 тт. Т. 1. СПб., Квадривиум, 762.
26. Antin P. 1970. Jérôme antique et chrétien. In: Revue d'études augustiniennes et patristiques. Vol. 16: 35–46.
27. Bekker I. (ed.). 1854. Suidae Lexicon. Berolini typis et impensis G. Reimeri, 1158.

28. Blomfield J. (ed.). 2020. St. Basil of Caesarea. Letter 41. Basil to Julian. In: Web-site «New Advent. The Fathers of the Church». URL: <https://www.newadvent.org/fathers/3202041.htm> (дата обращения 1.04.2021).
29. Cameron A.I. 2016. *Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy*. Oxford, Oxford University Press, 359.
30. Cribiore R. 2007. *The School of Libanius in Late Antique Antioch*. Princeton, Oxford University Press, 360.
31. Damascius. 1999. *The Philosophical History*. Text with transl. and notes by P. Athanassiadi. Athens, Αλαμεια, 403.
32. Frantz A. 1975. Pagan Philosophers in Christian Athens. In: *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 119, No. 1 (Feb. 21): 29–38.
33. Frappa G. (ed.). 2021. *Libanius-Epistularum Basilii et Libanii quod fertur commercium*. In: Web-site «Voci dal mondo antico». URL: http://www.poesialatina.it/_ns/Greek/testi/Libanius/Epistularum_Basilii_et_Libanii_quod_fertur_commercium.html (дата обращения 1.04.2021).
34. Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. (ed.). 1971. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I, A. D. 260–395. Cambridge, Cambridge University Press, 1153.
35. Pearse R. (ed.). 2005. *The Chronicle of St. Jerome*. Ipswich, UK. In: Web-site «Early Church Fathers – Additional Texts». URL: http://www.tertullian.org/fathers/jerome_chronicle_00_eintro.htm (дата обращения 1.04.2021).
36. Penella R. 2008. Himerius' Orations to His Students. In: *East and West: Papers in Ancient History Presented to Glen W. Bowersock*. Loeb Classical Monographs 14. Cambridge, Mass.: 127–144.
37. Ruether R.R. 1969. *Gregory of Nazianzus. Rhetor and Philosopher*. Oxford, Clarendon Press, 184.
38. Swain S. 2004. Sophists and Emperors: The Case of Libanius. In: *Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire*. Oxford: 355–400.
39. Van Deun P. 2003. The Church Historians after Eusebius. In: *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A. D.* Leiden, Boston, Brill: 151–177.
40. Watts E.J. 2006. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 288.
41. Wright W.C. (ed.). 1923. *The Works of the Emperor Julian*. In 3 vols. Vol. III. Letters. The Loeb Classical Library. London, William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons, 453.
42. Zecchini G. 2003. Latin Historiography: Jerome, Orosius and the Western Chronicles. In: *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D.* Leiden, Boston, Brill: 317–345.

References

1. Averincev S.S. 1976. Sud'by evropejskoj kul'turnoj tradicii v epohu perekhoda ot Antichnosti k Srednevekov'ju [The fate of the European cultural tradition during the transition from Antiquity to the Middle Ages]. In: *Iz istorii kul'tury Srednih vekov i Vozrozhdeniya* [From the history of culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Nauka: 17–64 (in Russian).
2. Archimandrite Porfirij (Popov). 1864. *Zhizn' sv. Vasiliya Velikogo, arhip. Kesarii Kappadokijskiya* [The Life of St. Basil the Great, Archbishop of Caesarea Cappadocia]. Moscow. In: Web-sait «Azбука very. Pravoslavnaya biblioteka» [Alphabet of Faith. Orthodox Library]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/svjatitel-vasilij-velikij/1#note1 (accessed 1 March 2021) (in Russian).
3. Vysokij M.F. (ed.). 2007. *Ieronim Stridontskij. Kniga o znamenityh muzhah* [Jerome of Stridon. A book about famous men.]. In: *Cerkovnye istoriki IV–V vekov* [Church historians of 4–5 centuries]. Moscow, ROSSPEN: 11–57 (in Russian).
4. Dark E.V., Hor'kov M.L. (ed.). 1997. *Evnapij. Zhizni filosofov i sofistov* [Eunapius. The lives of philosophers and sophists]. In: *Rimskie istoriki IV veka* [Roman historians of the 4th century]. Moscow, ROSSPEN: 225–296 (in Russian).
5. Dimitrij Rostovskij. 2010a. *Zhitie svyatogo otca nashego Vasiliya Velikogo, arhipiskopa Kesarijskogo. Pamyat' 1 yanvarya* [The Life of our holy father Basil the Great, Archbishop of Caesarea. Commemoration of January 1]. In: *Zhitiya svyatyh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu CHet'ih-Minej svyatogo Dimitriya Rostovskogo. 12 knig. Kn.1. Yanvar'* [Lives of the Saints in Russian, set out according to the Leadership of the Chetikh-Minea of St. Demetrius of Rostov. 12 books. Book 1. January.]. M., Kovcheg.

In: Web-site «Azбука very. Pravoslavnaya biblioteka» [Alphabet of Faith. Orthodox Library]. Available at: https://azbyka.ru/otchnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/2 (accessed 1 March 2021) (in Russian).

6. Dimitrij Rostovskij. 2010b. Zhitie sv. otca nashego Grigoriya Bogoslova, patriarha Konstantinopol'skogo. Pamyat' 25 yanvarya [The Life of St. our father Gregory the Theologian, Patriarch of Constantinople. Commemoration of January 25]. In: Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu CHet'ih-Minej svyatogo Dimitriya Rostovskogo. 12 knig. Kn. 1. Yanvar' [Lives of the Saints in Russian, set out according to the Leadership of the Chetikh-Minea of St. Demetrius of Rostov. 12 books. Book 1. January.]. M., Kovcheg. In: Web-site «Azбука very. Pravoslavnaya biblioteka» [Alphabet of Faith. Orthodox Library]. Available at: https://azbyka.ru/otchnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/86 (accessed 1 March 2021) (in Russian).

7. Zosim. 2010. Novaya istoriya [Zosimus. New History]. Belgorod, BelGU, 344 (in Russian).

8. Zuevskij A. (ed.). 2010. Svyatitel' Grigorij Bogoslov. De vita sua. Stihotvorenie, v kotorom svyatoj Grigorij pereskazyvaet zhizn' svoju [Saint Gregory the Theologian. De vita sua. A poem in which Saint Gregory retells his life]. Moscow, Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina, 165 (in Russian).

9. Krivushin I.V. (ed.). 1996. Sokrat Skholastik. Cerkovnaya istoriya [Socrates Scholasticus. Church history]. Moscow, ROSSPEN, 368 (in Russian).

10. Losev A.F. 2000. Istoriya antichnoj estetiki. T. VII. Poslednie veka. Kn. 2 [History of ancient aesthetics. T. VII. The last centuries. Book. 2]. Har'kov, Folio; M., OOO «Izdatel'stvo ACT», 544 (in Russian).

11. Lukomskij L.Yu., Kulakovskij Yu.A., Sonni A.I. (ed.). 2000. Ammian Marcellin. Rimskaya istoriya [Ammianus Marcellinus. Roman history]. St. Petersburg: Aletejya, 576 (in Russian).

12. Archbishop Ilarion (Alfeev). 2013. Zhizn' i uchenie svyatitelya Grigoriya Bogoslova [Life and Teachings of St. Gregory the Theologian]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarii RPC, 576.

13. Murav'ev A.V. 1997. Perepiska Yuliana Otstupnika i sv. Vasiliya Velikogo (BHG 260) v svyazi s zhitijnoj tradiciej poslednego [Correspondence between Julian the Apostate and St. Basil the Great (BHG 260) in connection with the hagiographic tradition of the latter]. In: Vestnik drevnej istorii [Ancient History Herald]. № 2 (221): 138–145 (in Russian).

14. Polyakova S.V. (ed.). 1956. Anonimnyj geograficheskij traktat «Polnoe opisanie vselennoj i narodov» [Anonymous geographical treatise «Complete description of the universe and peoples»]. In: Vizantijskij vremennik [Byzantine timeline]. T.8 (33): 277–288 (in Russian).

15. Sergeenko M.E. (ed.). 1991. Avgustin Avrelij. Ispoved' [Augustine Aurelius. Confession]. Moscow, Renessans, SP IVO–SiD, 488 (in Russian).

16. Sidash T.G. (ed.). 2016. Imperator Yulian. Polnoe sobranie tvorenij [Imperator Julian. Full works]. St. Petersburg, Kvadrivium, 1088 (in Russian).

17. Skrzzhinskaya E.Ch. (ed.). 1956. Olimpiodor Fivanskij. Istoriya [Olympiodorus of Thebes. History]. In: Vizantijskij vremennik [Byzantine timeline]. T. 8 (33): 223–276 (in Russian).

18. Sojkin P.P. (ed.). 1911a. Svyatitel' Vasilij Velikij. Tvoreniya [Saint Basil the Great. Creations]. In 3 tt. T. 2. Nravstvennye pravila. Besedy. O podvizhnichestve. Pravila, prostranno izlozhennye v voprosah i otvetah. Pravila, kratko izlozhennye v voprosah i otvetah. Podvizhnichestkie ustavy [Moral rules. Conversations. About asceticism. Rules detailed in questions and answers. Rules summarized in questions and answers. Ascetic statutes]. St. Petersburg, P.P. Sojkin, 530 (in Russian).

19. Sojkin P.P. (ed.). 1911b. Svyatitel' Vasilij Velikij. Tvoreniya [Saint Basil the Great. Creations]. In 3 tt. T. 3. Pis'ma k raznym licam [Letters to different persons]. St. Petersburg, P.P. Sojkin, 559 (in Russian).

20. Sojkin P.P. (ed.). 1912a. Tvoreniya izhe vo svyatykh otca nashego Grigoriya Bogoslova, arhiiepiskopa Konstantinopol'skogo [Creations like the saints of our Father Gregory the Theologian, Archbishop of Constantinople]. In 2 tt. T. 1. St. Petersburg, P.P. Sojkin, 680 (in Russian).

21. Sojkin P.P. (ed.). 1912b. Tvoreniya izhe vo svyatykh otca nashego Grigoriya Bogoslova, arhiiepiskopa Konstantinopol'skogo [Creations like the saints of our Father Gregory the Theologian, Archbishop of Constantinople]. In 2 tt. T. 2. St. Petersburg, P.P. Sojkin, 596 (in Russian).

22. Tyulenev V.M. (ed.). 2003. Pavel Orozij. Istoriya protiv yazychnikov [Paulus Orosius. History against the Gentiles]. In 3 tt. T. III. Books VI–VII. St. Petersburg, Aletejya, 376 (in Russian).

23. Tyulenev V.M. (ed.). 2005. Rufin Akvilejskij. Cerkovnaya istoriya [Rufinus of Aquileia. Church history]. In: Rozhdenie latinskoj hristianskoj istoriografii. S prilozheniem perevoda «Cerkovnoj istorii» Rufina Akvilejskogo [The birth of Latin Christian historiography. With the attachment of the

translation of «Church History» by Rufinus of Aquileia]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko: 230–284 (in Russian).

24. Fisher E. (ed.). 1851. Ermij Sozomen Salamanskij. Cerkovnaya istoriya [Hermias Sozomen of Salaman. Church history]. St. Petersburg, Tipografiya Fishera, 636 (in Russian).

25. Shestakov S.P., Vysokij M.F. (ed.). 2014. Rechi Libaniya [Speeches of Libanius]. In 2 tt. T. 1. St. Petersburg, Kvadrivium, 762 (in Russian).

26. Antin P. 1970. Jérôme antique et chrétien. In: Revue d'études augustiniennes et patristiques. Vol. 16: 35–46 (in French).

27. Bekker I. (ed.). 1854. Suidae Lexicon. Berolini, typis et impensis G. Reimeri, 1158.

28. Blomfield J. (ed.). 2020. St. Basil of Caesarea. Letter 41. Basil to Julian. In: Web-site «New Advent. The Fathers of the Church». Available at: <https://www.newadvent.org/fathers/3202041.htm> (accessed 1 March 2021).

29. Cameron A.I. 2016. Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy. Oxford, Oxford University Press, 359.

30. Cribiore R. 2007. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 360.

31. Damascius. 1999. The Philosophical History. Text with transl. and notes by P. Athanassiadi. Athens, Απαμεια, 403.

32. Frantz A. 1975. Pagan Philosophers in Christian Athens. In: Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 119, No. 1. (Feb. 21): 29–38.

33. Frappa G. (ed.). 2021. Libanius-Epistularum Basilii et Libanii quod fertur commercium. In: Web-site «Voci dal mondo antico». Available at: http://www.poesialatina.it/_ns/Greek/testi/Libanius/Epistularum_Basilii_et_Libanii_quod_fertur_commercium.html (accessed 1 March 2021).

34. Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. (ed.). 1971. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I, A. D. 260–395. Cambridge, Cambridge University Press, 1153.

35. Pearse R. (ed.). 2005. The Chronicle of St. Jerome. Ipswich, UK. In: Web-site «Early Church Fathers – Additional Texts». Available at: http://www.tertullian.org/fathers/jerome_chronicle_00_eintro.htm (accessed 1 March 2021).

36. Penella R. 2008. Himerius' Orations to His Students. In: East and West: Papers in Ancient History Presented to Glen W. Bowersock. Loeb Classical Monographs 14. Cambridge, Mass.: 127–144.

37. Ruether R.R. 1969. Gregory of Nazianzus. Rhetor and Philosopher. Oxford, At the Clarendon Press, 184.

38. Swain S. 2004. Sophists and Emperors: The Case of Libanius. In: Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire. Oxford: 355–400.

39. Van Deun P. 2003. The Church Historians after Eusebius. In: Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D. Leiden, Boston, Brill: 151–177.

40. Watts E.J. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 288.

41. Wright W.C. (ed.). 1923. The Works of the Emperor Julian. In 3 vols. Vol. III. Letters. The Loeb Classical Library. London, William Heinemann; New York, G.P. Putnam's Sons, 453.

42. Zecchini G. 2003. Latin Historiography: Jerome, Orosius and the Western Chronicles. In: Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D. Leiden, Boston, Brill: 317–345.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Irina V. Denisova, candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 904(477.75)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-614-626

Правитель княжества Феодоро Исаак (1465–1475 гг.): штрихи к историческому портрету

Мыц В.Л.

Государственный Эрмитаж, Россия, 197183,
г. Санкт-Петербург, ул. Заусадебная, 37
E-mail: vic.mytz@yandex.ru

Аннотация. Среди известных правителей города и княжества Феодоро, располагавшегося в XV в. в Горном Крыму (Алексей, Иоанн, Олобо, Кейхиби, Александр), особое место занимает Исаак (1465–1475 гг.). Заняв престол в 1465 г., он принципиально изменил вектор внешней политики Феодоро, установив добрососедские отношения с Генуей. В 1469 г. он лично побывал в генуэзской Каффе и подписал с Лигурией мирный договор. Широкие дипломатические связи дали ему возможность установить тесные отношения с Молдавией и Московским княжеством. В 1472 г. Исаак выдаёт замуж за Стефана III Марию Асанину Палеологиню. В 1474 г. начинает переговоры с Иваном III о замужестве своей дочери. Стремясь избежать военного столкновения с османами, Исаак, вслед за генуэзцами, признаёт суверенитет Мехмеда II и начинает выплачивать ему дань. Однако стремление к сближению с Турцией привело к разрыву в 1474 г. с господарем Молдавии, а в 1475 г. к его внезапной кончине, что, по-видимому, стало результатом придворного заговора.

Ключевые слова: князь Феодоро Исаак, Генуя, Каффа, султан Мехмед II, господарь Стефан III, князь Иоанн III.

Для цитирования: Мыц В.Л. 2021. Правитель княжества Феодоро Исаак (1465–1475 гг.): штрихи к историческому портрету. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 614–626. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-614-626.

Ruler of Theodoro principality Isaac (1465–1475): few details to complete the historical picture

Viktor L. Mytz

The State Hermitage,
37 Zausadebnaya St., Saint-Petersburg, 197183, Russia
E-mail: vic.mytz@yandex.ru

Abstract. Among the famous rulers of the city and the principality of Theodoro, located in the XV century in the Mountainous Crimea (Alexios, John, Olubei, Keikhibi, Alexander), Isaac (1465–1475) holds a unique position. After taking the throne in 1465, he fundamentally changed the direction of Theodoro's foreign policy, establishing good-neighborly relations with Genoa. In 1469 he personally visited the Genoese Kaffa and signed a peace treaty with Liguria. Wide diplomatic ties made it possible to establish close relations with Moldavia and the Moscow principality. In 1472 Isaac gives Maria Asanina Palaiologina in marriage to Stephen III. In 1474 he started negotiations with Ivan III on the marriage of his daughter. In an effort to avoid a military clash with the Ottomans, Isaac, following the Genoese, recognized the sovereignty of Mehmed II and started to pay a tribute to him. However, the desire for rapprochement with Turkey led to a break in 1474 with the ruler of Moldavia, and in 1475 to his sudden death, which, apparently, was a result of a court conspiracy.

Key words: Prince Isaac of Theodoro, Genoa, Kaffa, Sultan Mehmed II, ruler Stephen III, prince John III.

For citation: Mytz V.L. 2021. Ruler of Theodoro principality Isaac (1465–1475): few details to complete the historical picture. *Via in tempore. History and political science*, 48 (3): 614–626 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-614-626.

Введение

Феодоро как государственное образование располагалось на юго-западной части территории Горного Крыма (поздневизантийской Готии). Ещё при жизни Алексея I (1411–1446) земли княжества были поделены на уделы [Герцен 1990, с. 148; Виноградов, 2005, с. 431–437]¹²⁸ между его сыновьями. Находки эпитафических памятников 2-й пол. XV в. (от Херсонеса на западе до Фуны на востоке) позволяют высказать предположение, что в конце 40-х – 50-е гг. XV в. западной частью Феодоро владел Исаак и ещё двое (?) представителей рода, а восточной – Алексей II (Младший), Бердибек и Александр. Вероятно, все эти князья являлись сыновьями или внуками (?) Алексея I (Старшего) [Мыц, 2009, с. 401].

Результаты и их обсуждение

Наибольшую известность, благодаря доступным источникам 2-й пол. XV в., получили Олобей, Исаак и Александр. Последний, по-видимому, являлся младшим представителем правящей в Феодоро династии. Об остальных до нас дошли ещё более фрагментарные сведения. Например, Бердибеку принадлежала Алушта с 10 окрестными селениями. В начале 1460 г. этими территориями уже владел один из его сыновей – Дербиберди. Алексею II и Александру принадлежало большое селение Фуна, рядом с которым в 1459 г. был заново отстроен хорошо укрепленный замок [Мыц, 1988, с. 97–115; Виноградов, Мыц, 2005, с. 273–281]. Надо полагать, что все члены рода проживали в своих укрепленных резиденциях, разместившихся на территории Юго-Западного Крыма и Южнобережье: в Херсоне, Каламите, Чоргуне, Исарджикларе, Черкес-Кермене, Сандык-Кая, Керменчике, Мангупе, Фуне, Алуште. Таким образом, к настоящему времени нам известно десять укрепленных резиденций владетелей Феодоро XV в.¹²⁹

После смерти в 1446 г. Алексея I правителем Феодоро становится его средний сын – Олобо (Олобей)¹³⁰. При этом, как свидетельствуют генуэзские источники, он вынужден был делить власть со «своими братьями». Тем не менее латинские документы отмечают главенство Олобо до 1458 г., после чего его, вероятно, сменил Кейхиби (?) [Assini,

¹²⁸ В 2004 г. А.Ю. Виноградовым опубликовано надгробие, найденное в 1937 г. на восточном краю плато Эски-Кермена «вблизи восточной калитки». По палеографии памятник предположительно датирован XIV–XV вв. Текст надписи гласит: «Почил во блаженной [памяти] раб Божий Ла...ули-бей, первого разряда третьей части, 17 (?) мая, в пятницу...». Это дало издателю повод высказать предположение, что «Княжество Феодоро, состоявшее из разделённых горами долин, территориально подразделялось на округа – «части» (как минимум 11), причём номер эски-керменской части – 3 – хорошо понятен, если отчёт вёлся от центра княжества, т. е. от соседнего Мангуп-Кале [Виноградов, 2004, с. 126–128, рис. 67]. Следует заметить, что Эски-Кермен как поздневизантийский город прекратил своё существование в 70–90-х гг. XIII в. До сих пор раскопками на нём выявлены только локальные (в виде часовни и некрополя) следы жизни XIV в. В XV в. рядом с Эски-Керменом существует замок Черкес-Кермен. Поэтому только этот объект можно связывать с историей княжества Феодоро XV в.

¹²⁹ Эпитафические памятники с именами владетелей Феодоро выявлены в ходе раскопок Мангупа, Каламиты, Херсона и Фуны [Виноградов, 2010, с. 217–253; Виноградов, 2017, с. 278–297; Виноградов, 2018, с. 223–232; Виноградов, 2019, с. 75–78 и др.]. Где располагалась резиденция владетелей Алушты (Бердибека и Дербиберди), нам до сих пор неизвестно.

¹³⁰ Право престолонаследия Олобо получил к лету 1434 г., когда Алексей I временно находился в Трапезунде [Мыц, 2009, с. 155].

1999, р. 1–19]. В 1465 г. в качестве правителя Феодоро выступает уже Исаак¹³¹, имя которого в генуэзских источниках писалось как Саикус (Saichus, Saicus). А.А. Васильев полагал, что Исаак был сыном Олобея и начал править сразу же после его смерти в 1458 г. [Vasiliev, 1936, р. 236–237]. Однако это предположение не подтверждается свидетельствами источников: впервые его главенство в Феодоро отмечено в латинских источниках под 1465 г. По-видимому, с утверждением Исаака на престоле Феодоро связана дипломатическая миссия Николо де Торилья, направленного в 1465 г. официальными Каффы «в Теодоро для переговоров с господином Саиком» (*dominum Saicus*) о поставках хлеба в генуэзские фактории [Banescu, 1935, S. 35, n. 1]¹³².

Правление Исаака (1465–1475 гг.) отмечено рядом ярких политических событий, которые относятся в основном к концу 60-х – 1-й пол. 70-х гг. XV в. Судя по всему, этот владетель Феодоро обладал незаурядной дипломатической гибкостью, выразившейся в умении найти оптимальный выход из сложных ситуаций путём принятия нетрадиционных решений. Личные качества позволили Исааку добиться политического признания своего авторитета не только в Газарии, но и далеко за её пределами. Это способствовало установлению дипломатических связей небольшого государства, каковым являлось Феодоро, с влиятельными державами Восточной и Западной Европы.

Приведём несколько примеров. В консулат Джентиле де Камилла (1469–1470 гг.) [Колли, 1918, с. 150], Исаак предпринимает важный дипломатический шаг. Он лично отправляется в Каффу и заключает с официальными фактории договор «о вечном мире»¹³³. Данный договор, по-видимому, предполагал объединение усилий по защите генуэзских владений в Газарии и Феодоро от постоянно ожидаемого нападения турок. Получив ответственное послание Исаака через прибывшего в Геную экс-консула Джентиле де Камилла, попечители Банка Св. Георгия 26 апреля 1471 г. обращаются к «великолепному и любезному нашему другу Саику, господину Теодоро» (*Magnifico amico nostro carissimo domino Saicho, domino Teodori*), посетившему с дружественным визитом Каффу, что вселяет надежду на самое лучшее – жить вместе в искренней и братской любви и взаимном понимании». При этом они уверяют Исаака в неизменной готовности защищать всеми имеющимися средствами «Ваше великолепие» (*vostra magnificentia*) [Codice diplomato..., 1874, р. 769; Vasiliev, 1936, р. 237, n. 4]. В том же году массарии Каффы фиксируют затраты в 400 аспров на доставку в Каламиту (через Чембало) двух ящиков дротиков (*carpiis duabus veretonorum*) для «господина Саика» [Banescu, 1935, р. 33; Vasiliev, 1936, р. 237, n. 4].

Приведённые данные свидетельствуют об особой доверительности отношений, установившихся между Исааком и генуэзской администрацией фактории. Поэтому протекторы Банка Св. Георгия и в дальнейшем напоминали официалам Каффы избегать

¹³¹ Некоторые исследователи ошибочно относили время восшествия Исаака на трон Феодоро к 1471 г. (см., например, [Năsturel, 1965, р. 264]).

¹³² В том же году консул Каффы Лоренцо ди Кабелла посылает оргузия Вартапета в Чембало, откуда тот прибывает в феодоритский порт Каламиту. Последним пунктом его посещения названа Луста (Алушта) [Banescu, 1935, S. 33, n. 2].

¹³³ Это второй (за 59 лет!) из известных случаев пребывания правителей Феодоро в Каффе. Впервые посещение Алексеем I «из Феодоро» столицы генуэзской Газарии отмечено латинским документом от 17 июня 1411 г. В этот день князь назначил своим генеральным прокуратором православного священника («грека») Алессио Номико «с поручением вести дипломатические переговоры с властями Каффы, нацеленные на то, чтобы положить конец имеющим место противоречиям и заключить новый договор о мирном сосуществовании»¹³³. При этом сам Алексей I находился в Каффе в предоставленной ему генуэзскими официальными резиденции. В качестве свидетелей выдачи документа выступали с генуэзской стороны нотариусы и переводчик, а со стороны Алексея сопровождавшие его греки – династ кир Лео Арапи и священник Николас Сагара. Переговоры продолжались до 8 июля и, очевидно, завершились подписанием удовлетворяющего обе стороны договора. По этому случаю официальными города был подготовлен подарок господину Феодоро Алексею стоимостью в 1 121 аспр. В том же году со специальной миссией в Готии побывал посол Каффы Джорджо Торселло, где встречался с владетелем Феодоро [Ganchou, Minghinis, 2003, р. 117–118; Баллетто, Бассо, 2018, с. 354; № 38, 417–418].

каких-либо раздоров и распрей с «императором татар», «коммуной Монкастро», а также «господином Теодоро (Исааком – В.М.) и его братьями» [Codice diplomat..., 1874, p. 867; Iorga, 1897, p. 50].

В инструкции, выданной 16 июня 1472 г. будущему консулу Каффы Антониотто ди Кабелла (Antoniotto de Cabella), содержится весьма любопытный сюжет, касающийся важности сохранения добрососедских связей с правителями Феодоро: «<...> мы желаем, чтобы вы также [почтительно] относились к господину Теодоро и его братьям. Вы должны добиваться того, чтобы этот господин, вопреки прошлому обыкновению, лично прибыл в Каффу и установил бы истинную дружбу с нами. Мы желаем, чтобы вы не только сохраняли эту дружбу в будущем, но и делали всё для её возрастания; мы надеемся, что и он со своей стороны будет стремиться к этому, потому что взаимное и искреннее благорасположение между ним и [властями] Каффы выгодно для его великолепия не менее, чем для нас» [Codice diplomat..., 1874, p. 868; Vasiliev, 1936, p. 238]. В шифрованной инструкции, предназначенной для консула, провизоров и массариев Каффы, Исаак, в отличие от Олобея, получает кодовое наименование «vigilans» («неутомимый», «деятельный», «бдительный») [Codice diplomat..., 1874, p. 873; Vasiliev, 1936, p. 238].

Чем можно объяснить произошедшие изменения в отношениях Каффы (протекторов Банка Св. Георгия) и Феодоро на рубеже 60–70-х гг. XV в.? Совершенно очевидно, что в основе таких метаморфоз, сопровождавшихся необычайной комплиментарностью в обращении, была общая для всех турецкая опасность¹³⁴. Но для этого были необходимы, по-видимому, и предпосылки внутреннего характера, обусловленные взаимными уступками. Нам неизвестно содержание договорённости, достигнутой между сторонами в 1469/70 г. (?). Тем не менее можно предположить, что в них содержались пункты, касающиеся передачи генуэзцам территории Херсонеса и прекращения крепостного строительства в Каламите, через порт которой феодоритами велась активная торговля.

Вероятно, этим можно объяснить тот факт, что сравнительно недавно (1455–1465 гг.?) отстроенное в цитадели древнего города укрепление, одним из владельцев которого являлся сам Исаак¹³⁵, уже в 1470 г. названо «необитаемым», и здесь распоряжаются генуэзцы, решающие разрушить его стены, чтобы ими не смогли воспользоваться турки. Несмотря на очевидную стратегическую и торговую значимость для феодоритов порта у крепости Каламита, её новая оборонительная линия, задуманная с широким размахом (о чём недвусмысленно говорит Эвлия Челеби) [Челеби, 2017, с. 72], так и осталась незавершенной к 1475 г., хотя для этого было достаточно убедительных аргументов военно-политического и экономического порядка.

Что реально побудило Исаака пойти на столь существенные уступки, сказать трудно. На этот вопрос можно было бы найти ответ в документах, хранящихся в архивах и содержащих материалы тех лет, если их когда-либо удастся обнаружить. По всей видимости, подобные решения принимались Исааком скорее вынужденно, чем просто из желания угодить генуэзцам, в то время переживающим панический страх перед возможным нападением турок.

При всей внешней видимости установившихся дружественных и доверительных отношений между феодоритами и латинянами те же протекторы Банка Св. Георгия в секретной инструкции от 16 июня 1472 г. Антониотто ди Кабелла указывают, что некоторые жители Каффы (вероятно, служащие административного аппарата),

¹³⁴ О специфике и формировании османо-генуэзских отношений в 1-й пол. XV в. см.: [Вальков, 2010, с. 259–274].

¹³⁵ На это могут указывать две фрагментированные надписи, обнаруженные в конце XVIII–XIX вв. в Херсонесе [Виноградов, 2010, с. 221–224].

«озабоченные только получением денежного содержания (вознаграждения) (*provisiones pecuniarias*), сообщают (пересказывают) различные сведения императору татар или господину Теодоро либо его братьям (*perceperunt ab ipso imperatore Tartarorum seu domino Tedori vel fratribus ejus*), <...> что может привести к большому ущербу и [даже] гибели этого города (*grave damnum et perniciem illius civitatis*)» [*Codice diplomato...*, 1874, p. 868].

Чтобы найти ответ на поставленный выше вопрос, необходимо обратиться к рассмотрению ещё одного важнейшего аспекта внешнеполитической деятельности Исаака: заключению династических браков с правителями христианских государств Восточной Европы [Vasiliev, 1936, p. 239, n. 5]. В этом направлении владельцу Феодоро удалось полностью реализовать один проект – брак его сестры (?) Марии с господарем Молдавского княжества, Стефаном III (1429–1504). В то же время второй – сватовство сына Великого князя¹³⁶ Московского Ивана III (1440–1505) к дочери Исаака – оказался незавершённым из-за захвата турками Феодоро [Малицкий, 1933, с. 43; Vasiliev, 1936, p. 242–244].

Мария Палеологина Асанина прибыла в Сучаву ко двору Стефана III 4 сентября 1472 г., а уже 14 сентября в торжественной обстановке была отпразднована свадьба [Panaitescu, 1959, p. 17]. Этому событию современниками придавалось большое политическое значение, что нашло отражение в молдавских и польских летописях [Banescu, 1935, S. 22]. Данный брак (второй для господаря Молдавии) со стороны Стефана имел откровенно политическое значение, потому что давал ему право, как полагали некоторые исследователи, претендовать на византийский престол в том случае, если государствам антитурецкой лиги удастся захватить Константинополь [Tafrali, 1925, p. 54].

Нам неизвестна точная дата начала переговоров между Стефаном и Исааком о заключении брачного союза. По всей видимости, это происходило в предшествующие (1469–1471) годы. Удовлетворение столь амбициозных политических намерений путём установления династических связей требовало и значительных материальных затрат, связанных с выплатой приданого невесты.

Некоторые исследователи считали, что с начала 70-х гг. XV в. Исаак выплачивал дань османам [Vasiliiu, 1929, p. 332–333; Nasturel, 1965, p. 261, etc.]. Однако до настоящего времени остаётся неизвестным (свидетельствующие об этом документы до настоящего времени не найдены), какие отношения сложились у Феодоро с османами и направлял ли Исаак посольство к Мехмеду II, как это ему советовали протекторы Банка Св. Георгия.

Симпатии владельцев Феодоро, связанных родственными узами с Великими Комнинами, Палеологами, Асенами, молдавским господарем, явно были на стороне антиосманской лиги. Несмотря на внешнюю дипломатическую лояльность, активизацию торговли с турецкими купцами и традиционно хорошие отношения с Крымскими ханами Гиреями, в критических ситуациях антитурецкая позиция феодоритов прослеживалась довольно чётко, хотя с приходом к власти в 1465 г. Исаака она получила своеобразную конформистскую окраску. Это сильно раздражало Стефана III и привело в 1474 г. (?) к разрыву отношений между господарем Молдавии и правителем Феодоро, якобы ставшем «другом турок» [Iorga, 1927, p. 42].

В. Василиу полагала, что Исаак, как и генуэзцы Каффы, платил дань Мехмеду II и не намеревался менять свою позицию [Vasiliiu, 1929, p. 332–333]. Это побудило господаря Молдавии предпринять дипломатические шаги, направленные против Исаака. Об этом свидетельствует письмо от 10 февраля 1475 г., направленное в Геную провизором и

¹³⁶ Имеется в виду сын Ивана III – Иван Молодой (1458–1490), которому на тот момент исполнилось 16 лет. Своему послу Никите Беклешеву, отправлявшемуся в 1473 г. в Крым, Иван III даёт поручение встретиться с князем Феодоро Исааком и обсудить с ним вопрос о браке дочери Исаака с его сыном Иваном [Карамзин, 2002, с. 476].

массарием Каффы Оберто Скварчафико. В нём говорится, что несколько дней назад в город прибыли послы от «господина воеводы». Стефан III выражал готовность «заключить с нами мир» (*componendam pacem nobiscum*) и возместить ущерб, нанесённый генуэзцам ранее, оцениваемый в 1 300 венецианских дукатов [*Codice diplomato...*, 1874, p. 779; Basso, 1998, p. 93–94; Assini, 1999, p. 17–18]. Но главным условием, выдвинутым Стефаном, было заключение союза, «направленного против «турецкого царя (*regis teurcorum*) и господина Саика, господина Теодоро и Готии» (*domini Saici, domini Theodoro et Gottie*) [*Codice diplomato...*, 1874, p. 195; Малицкий, 1933, с. 43]. Официалы Каффы вежливо отклонили предложение Стефана III, стремясь сохранить добрососедские отношения с правителем Феодоро Исааком, не подвергая лигурийскую факторию угрозе со стороны Мехмеда II.

Рассматривая причины разрыва отношений Стефана III с Исааком, следует обратиться к событию, получившему международный резонанс. В июне 1474 г. Хайдер (один из братьев хана Менгли Гирея) совершил набег, в результате которого была разграблена часть Подолии и «Верхней Валахии» в междуречье Прута и Серета. В плен татары увели 15–18 тыс. чел. После того, как полон доставили в Крым, генуэзцы обратились с просьбой к Менгли-Гирею не продавать пленных мальчиков туркам, чтобы тех не обратили в мусульманство. Полученный ответ хана был наполнен любезностями. Но консул Каффы Антонио ди Кабелла высказал опасение, что «добрая часть этих юношей уже распродана, потому что некоторые турки, приехав продавать товары, уступили их дешевле, дабы собрать побольше денег и купить рабов. Они посадили их на суда в порту Каламита и соляных озёрах Каркенита, так что – печальное обстоятельство! – мы не могли им помешать. Ведь продавцы и покупатели неверные и делают, что хотят» [Колли, 1918, с. 150].

В источниках, освещающих эти события, Исаак не упоминается. Однако сам факт массовой распродажи пленённых христиан через принадлежавший ему порт Каламиты может указывать на косвенное участие Исаака в данных событиях: в качестве пошлин от продажи рабов он получил солидную прибыль.

В. Василиу считала, что разрыв дипломатических отношений между Стефаном III и Исааком произошёл в конце 1474 г. после прибытия в Молдавию Александра, родного брата жены господаря – Марии (1472–1477) [Vasilu, 1929, p. 333]. На самом деле точное время приезда ко двору Стефана III Александра из Феодоро неизвестно¹³⁷. Однако сам факт приезда (бегства из Феодоро?) Александра к Стефану III позволяет предполагать возникновение между братьями серьёзного конфликта [Бертъе-Делагард, 1918, с. 36].

1475 г. стал последней страницей в истории княжества Феодоро. Несмотря на усилия нескольких поколений исследователей, финальный этап существования этого государства представляет множество неразрешённых вопросов. В историографии имеется четыре версии развития трагических событий, связанных с судьбой Исаака и его брата Александра.

Н. Йорга полагал, что Исаак, следуя совету генуэзцев, выплачивал дань султану Мехмеду II и стал «другом турок» [Jorga, 1927, p. 142]. По его мнению, политика соглашательства и примирения как с генуэзцами, так и турками привела к разрыву дружественных отношений между господарем Молдавии и правителем Феодоро. Поэтому Стефан III способствовал возвращению своего шурина Александра в Готию, куда тот прибыл перед появлением в Крыму османов, где убил Исаака и занял отцовский престол [Jorga, 1927, p. 142].

¹³⁷ Можно предполагать, это событие произошло в промежутке между сентябрём 1472 г. и декабрём 1474 г. [Мыц, 1991, p. 192].

Сходной, но далеко не бесспорной концепции придерживается Л.Е. Семёнова: «Османская угроза нависла над Мангупским княжеством. Его правитель Исаак перешёл на сторону турок. Штефан попытался повлиять на ход событий в Мангупе. Исаак был убит братом Александром, настроенным против султана» [Семенова, 2006, с. 87].

В. Василиу считала, что Стефан III, недовольный занятой Исааком протурецкой позицией, сразу же после победы над османами под Васлуем (10 января 1475 г.) отправил Александра в Каламиту на корабле, на котором находился и вспомогательный отряд из 300 «валахов». Но, в отличие от Н. Йорги, она оставила открытым вопрос о том, был ли действительно Исаак убит своим братом Александром [Vasiliu, 1929, p. 333].

П. Нэстурел, в основном опираясь на мнения Н. Йорги и В. Василиу, писал: «Покорность Исаака из Мангупа туркам, которым он выплачивал дань, как и угроза Каффе (Феодосии), Четате-Альбе (Белой крепости, Ак-Керману, Монкастро – *В.М.*) и Килии со стороны Мехмеда II вынудили молдавского правителя устранить своего трусливого шурина. С этой целью Штефан предоставил другому своему шурина, Александру, отряд из трёхсот молдавских воинов, с помощью которых Исаак был свергнут и убит в 1475 году» [Nasturel, 1965, p. 261].

А.А. Васильев иначе восстанавливал хронологию и причинно-следственную связь политических событий 1474–1475 гг. По его мнению, Александр до момента отправки в Феодоро находился вместе со своей сестрой Марией в Монкастро, где «сел на какое-то итальянское судно и прибыл в Готию <...> Через три дня после высадки в Крыму он лишил власти и убил своего родного брата Исаака и овладел Мангупом <...> Насильственная смерть Исаака и захват Готии Александром произошли незадолго до падения Каффы <...>, т. е. ранней весной этого года» [Vasiliev, 1936, p. 244–245]. Он также высказал предположение, что Стефан, пользуясь браком с Марией, «стремился распространить своё влияние на Готию и, возможно, даже полностью овладеть Крымским княжеством» [Vasiliev, 1936, p. 244].

А.Г. Герцен, опираясь на письменные источники, собранные А.А. Васильевым [Vasiliev, 1936, p. 249–266], предложил свою версию происходивших в Феодоро событий. После внезапной смерти Исаака, наступившей, по-видимому, весной 1475 г., престол занял правитель, возможно, племянник покойного князя. В конце мая или начале июня (т. е. ещё до появления турок в Крыму) этот неизвестный по имени правитель был свергнут младшим братом Исаака Александром, которому оказал помощь Стефан, предоставив корабль и 300 воинов-валахов [Герцен, 2001, с. 382].

Нетрудно заметить, что скудость и противоречивость содержащейся в письменных источниках информации, в значительной степени зависящей от нюансов перевода и последующей интерпретации, позволяет воссоздать только предположительную схему хронологии событий и определить их участников.

Имеющийся комплекс опубликованных источников позволяет гипотетически реконструировать события 1475 г., связанные с судьбами Исаака и Александра [Мыц, 2009, с. 412–413]. В начале июня Александр, зная о скором нападении турок на Каффу¹³⁸, сев в Монкастро на корабль, принадлежавший генуэзцу Филиппо, отправился в Готию. Но высадился он не в Каламите, а в бухте Ласпи (Jasrum, Laspum – генуэзских источников) [Бертье-Делагард, 1918, с. 37], что способствовало его скрытному проникновению на территорию Готии. Через три дня после прибытия Александр овладел «отцовским наследием» [Колли, 1911, с. 11–12; Vasiliev, 1936, p. 244, № 2]. Та лёгкость и быстрота,

¹³⁸ Мехмед II после поражения под Васлуем начал подготовку к новой войне с Молдавией, чтобы восстановить престиж своей армии. Перед этим он решил ликвидировать два христианских очага независимости в Северном Причерноморье, оставшиеся в Крыму, – генуэзские владения Банка Св. Георгия и Феодоро. Захват прибрежной части полуострова также должен был сделать более послушным хана Менгли-Гирея и его беков, коннице которых отводилась особая роль в будущей кампании.

с которой Александр достиг Феодоро и занял престол, могут быть объяснены тем, что он пользовался значительной поддержкой среди антитурецки настроенной части населения как в самой столице, так и в Готии.

Насильственное свержение с престола и убийство (?) в 1475 г. законного правителя, каким являлся Исаак, дало туркам повод для вмешательства в династическую борьбу за власть в Феодоро. Поэтому не исключено, что появление в Готии Александра, если он даже не был причастен к смерти Исаака, спровоцировало во 2-й пол. июня 1475 г. активные военные действия со стороны Гедык-Ахмет-паши. По этому поводу венецианцем Теодоро Спандуджино (1453–1538 гг. (?)) в сочинении «О происхождении оттоманских императоров...» сделано краткое замечание: «Мехмед, узнав, что владетель из Готии лишил жизни своего старшего брата и установил в том месте [власть], послал своего бейлербея (на самом деле – великого везира – *В.М.*), который осадил принца» [Vasiliev, 1936, p. 252, № 4]¹³⁹.

С установлением родственных уз с господарем Молдавии Стефаном III, по видимому, можно связывать появление в Феодоро ещё одного важного персонажа – Влада. Данному сведению, длительное время остававшемуся вне внимания исследователей средневековой Таврики [Кирилко, 1999, с. 138, прим. 2; Мыц, 2005, с. 107–108], мы обязаны находке надгробной плиты из г. Сучавы. Надгробие обнаружено в конце XIX в. в ходе раскопок некрополя рядом с руинами средневековой церкви. Эпитафию впервые опубликовал Е. Казак в обобщающей работе «Надписи из Буковины» [Kozak, 1903, S. 151]¹⁴⁰. Представив не совсем точный (с ошибками и пробелами) её перевод, издатель, как отмечал Н. Йорга, при «отсутствии у него знания истории Молдовы и еще больше мировой истории, не был в состоянии понять эту надпись, случайно объединив имена Влад, Исак и Теодор» [Iorga, 1938, p. 315]. Поэтому Н. Йорга в своей небольшой публикации «Расширение Молдовы к Востоку, предпринятое Стефаном Великим...» предложил не только перевод эпитафии, но и попытался определить её исторический контекст. Греческий текст надписи он восстанавливал следующим образом: [E] κημηθη ο [δ]ουλος τον Θεου Влат περ|ηκειος του μα|καριτου Ισα|κ αυθεντος | Θεοδωρον κε | τις Χαβαριας [ε]τους Σηπη. Перевод: «A dormit robul lui Dumnezeu Vlad, ingrijitorul casei raposatului Isac, domnul de Theodoro si al Cazariei, anul 6988 [1480]»¹⁴¹, т. е. «Здесь покоится раб Божий Влад, управляющий домом покойного Исаака, господина Феодоро и Хазарии, год 6988» (=1480) [Iorga, 1938, p. 315].

Н. Йорга на основании осуществлённого им перевода пришёл к заключению, что в надписи «...идет речь о Владе, мажордоме Исаака, княжества Феодоро или Тодоро, Мангуна, откуда была и жена Стефана Великого Мария Комнина Палеология» [Iorga, 1938, p. 315]. Йорга титул Влада определял как «ingrijitorul casei» – «управляющий домом», что идентично греческому «*δομειστικός*» – т. е. «дворник» в валахской и молдавской титулатуре [Iorga, 1938, p. 315].

В 60-е гг. к изучению надписи обратился П. Нэстурел. Он следующим образом восстанавливал текст эпитафии: «[†E]κημηθη ο || δουλος του θεου Влат περ||ηκειος του μ[α]καρη του Ισα||κ αυθεντος Θεοδωρον κε π||α[σ]ης Χαζαρια<σ> ε||τους σ<η>πη», предложив и

¹³⁹ Н. Йорга и А.А. Васильев были убеждены, что в данном источнике речь идёт именно об Александре и Исааке. Однако есть основания подозревать в заговоре против Исаака и его убийстве ещё одного родственника правителя Феодоро – Мануила. Его монограмма помещена рядом с монограммой Исаака на строительной надписи из Херсонеса.

¹⁴⁰ Надгробный памятник представлял собой красноватый песчаник (со следами воздействия огня), расколотый на четыре части. Хранится в музее Сучавы. В настоящее время расколот на пять частей. Высота эпитафии составляет 121 см, ширина – 49 см, толщина – 21 см. Надпись нанесена в 9 строк и в основном заглавными буквами. Покрывает всю лицевую поверхность. Ниже 9-й строки осталось свободное место для нанесения ещё одной. Обрамление надписи не выделяется и оформлено в виде насечек.

свой перевод: «Усоп раб Божий Влад, очень близкий (советник) счастливому (умершему) Исааку, владыке Тодоро и всей Хазарии. Год 6988» [Nasturel, 1965, p. 262–263].

В греческом тексте стоит не совсем понятное слово «περρηκεϊος». П. Нэстурел не нашёл ему точного эквивалента в греческих словарях и предложил своё понимание статуса Влада при Исааке «как человека, *приближённого к дому*, или, лучше сказать, *близкого*... Получается, что он был далеко не слугой Исаака из Мангупа, как думал Йорга, этот Влад был из круга его близких...». Поэтому исследователь пришёл к выводу, что «Влад не носил какого-то известного титула, скорее всего, он был близким советником Исаака Мангупского» [Nasturel, 1965, p. 263].

Занимаясь изучением эпитафии с именем Влада, П. Нэстурел обратил также внимание что хоть надпись и звучит по-гречески, но «в ней есть что-то славянское». Поэтому в моей работе 2009 г. предлагалось следующее восстановление и несколько иной перевод этой надписи: «Εκμηθη ο δουλος του Θεου Βλατ περρηκεϊος του μακαρι(α) του Ισα(α)κ αυθεντος Θεοδωρον κ(αι) (τ)ις Χαζαριας ετους σϋλη – т. е. «Почил раб Божий Влад, *перник* (?) во блаженной [памяти] Исаака, владетеля Феодоро и Хазарии, год 6988» [Мыщ, 2009, с. 404]. Греческое περρηκεϊος по своему звучанию напоминает славянское «перник» (т. е. «чашник», «виночерпий»), имеющее эквивалент в византийской титулатуре – епикерний (πιικερνης, pinserna = виночерпий)¹⁴². По-видимому, Влад занимал должность «перника» при дворе Исаака, а не «дворника» («мажордома», «управляющего домом»). В любом случае он являлся придворным лицом, близким к Исааку¹⁴³.

В данной надписи также обращает на себя внимание и титул Исаака, который перекликается с известным, но более ранним (1434 г.?) свидетельством номофилака Иоанна Евгеника, запечатлённом в «Эпитафии княжичу», где Алексей I Старший назван «несокрушимым столпом Хазарии» (τόν άκραθαντον τής Χαζαρίας) и «правителем Хазарии» (αύθεντης Χαζαρίας) [Спиридонов, 1928, с. 94].

Находка из Сучавы важна тем, что позволяет либо установить изменения, происходившие в официальном титуле правителей Феодоро на протяжении полстолетия, либо указывает на возможность их вариаций. Если Алексей I в своих посвященных надписях 1425 и 1427 гг. определял себя как «владелец Феодоро и Поморья», то Исаак в эпитафии Влада назван «владельцем Феодоро и Хазарии». На чём основывались подобные изменения, сказать трудно. Но совершенно очевидно, что нельзя ставить знак тождества между двумя историческими топонимами «Поморье» и «Хазария».

Выводы

В заключение следует отметить, что за скупыми строками письменных источников вырисовывается яркая, неординарная личность князя Исаака. Став правителем Феодоро в 1465 г., он ясно осознавал (особенно после захвата в 1461 г. турками Трапезунда) нависшую над государствами Причерноморья угрозу османского завоевания. Поэтому Исаак не только идёт на сближение с гегемонской Кафрой, но и признаёт над собой сюзеренитет Мехмеда II, начав, по-видимому, выплачивать султану дань. Однако династический союз с господаром Молдавского княжества сыграл роковую роль в его

¹⁴³ До настоящего времени о персоне Влада узнаём только из его эпитафии. Судя по занимаемой им при Исааке (1465–1475) должности «виночерпия» (?), он являлся весьма важной фигурой в Феодоро, потому что «перником» мог стать только состоятельный, знатный, влиятельный, а главное, надёжный человек. Однако ограниченность имеющейся информации не позволяет ответить на ряд вопросов: когда Влад из Сучавы прибыл ко двору Исаака и когда реально оставил свою должность, а также какова его роль (участие) в драматических событиях 1475 г. Вполне вероятно, что Влад покинул Мангуп сразу же после смерти Исаака (май – начало июня 1475 г., до осады города Гедык-Ахмед-пашой). Поэтому для своих сограждан он был известен как «перник (виночерпий?)» – лицо, приближённое к покойному Исааку, владельцу Феодоро и Хазарии.

судьбе, т. к. Стефан III занимал жёсткую антиосманскую позицию и требовал того же от Исаака.

Дополнительным важным штрихом к историческому портрету князя Исаака является его принадлежность к православному Братству Святого Гроба Господня. На это указывает наличие в основании монограмм Исаака и монограммы из двух литер – «Г» и «Ф»¹⁴⁴. Именно в таком сочетании данная монограмма хорошо известна на христианских памятниках Святой Земли, начиная с храма Гроба Господня, и раскрывается как «Тафос» (Таφος [Θεου]), что означает «Гроб [Господень]» или Агиос Тафос (ο Ἅγιος Ταφος [Θεου]) – «Святой Гроб [Господень]» [Пятницкий, 1998, с. 114, 130, 131, № 165].

Кроме того, если предполагаемая родственная связь (брат – сестра) Исаака и Марии (второй жены Стефана III – 1472–1477 гг.) устанавливаются исследователями правильно, то и Исаак (внук Алексея I) являлся Асаном Палеологом. В таком случае его полный титул мог выглядеть следующим образом: «Исаак Асан Палеолог, владетель Феодоро и Хазарии (или Поморья), член Братства Святого Гроба Господнего». В связи с этим становится более понятным привлечение установления родственных уз с правителем Феодоро Стефана III, а также попытка бракосочетания сына Ивана III с дочерью самого Исаака.

Список литературы

1. Герцен А.Г. 1990. Крепостной ансамбль Мангупа. Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. I. Симферополь: 88–165.
2. Герцен А.Г. 2001. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма. Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. VIII. Симферополь: 366–387.
3. Баллетто Л., Бассо Э. 2018. Акты, составленные в Каффе нотариусом Джованни в 1410–1412 гг. Причерноморье в средние века. Вып. X. Под ред. С.П. Карпова, сост. М.Г. Альваро, А. Ассини, Л. Баллетто, Э. Бассо. М.; СПб., Алетейя: 347–466.
4. Бертье-Делагард А.Л. 1918. Каламита и Феодоро. Известия Таврической учёной архивной комиссии. № 55, 1–44.
5. Вальков Д.В. 2010. «Non absque cordis amaritudine...»: казус в генуэзско-турецких отношениях первой половины XV века. Вопросы эпиграфики. Вып. 4 [Сб. ст.]. Отв. ред. А.Г. Авдеев. М., Русский фонд содействия Образованию и Науке: 259–274.
6. Виноградов А.Ю. 2004. Свод греческих надписей Эски-Кермена и его ближайшей округи. В: Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб., Филологический факультет СПбГУ: 123–130.
7. Виноградов А.Ю. 2005. «Разряд» и «Часть». Как нам обустроить Феодоро? Сугдейский сборник. Вып. II. Киев – Судак, 431–437.
8. Виноградов А.Ю., Мыц В.Л. 2005. Фунская надпись 1459 г. Античная древность и средние века. Вып. 36. Екатеринбург: 273–281.
9. Виноградов А.Ю. 2010. Строительные надписи византийского Крыма. Addenda et corrigenda. Вопросы эпиграфики. Вып. IV: 217–253.
10. Виноградов А.Ю. 2017. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа. Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. XXII: 278–297.
11. Виноградов А.Ю. 2018. «Геральдические» надписи византийского Крыма. Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа: 223–232.
12. Виноградов А.Ю. 2019. Toponymica Pontica. I. Каламита. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ. XI Международный Византийский семинар (Севастополь – Балаклава,

¹⁴⁴ Сочетание монограммы «Тафос» (ТФ) с монограммой самого Исаака (ΙΣΑΑΚ) и изображением двуглавого орла встречено пока единожды на надписи из крепости Фуна, которая датирована 19 июля 1459 г. [Мыц, 2009, с. 394–401, рис. 263–264].

3–7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции. Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: 75–78.

13. Иречек К. 1978. История на Българети (с поправки и добавки от самия автор). Под ред. на проф. П. Хр. Петров. София, Изд-во Наука и Изкуство, 671.

14. Карамзин Н.М. 2002. История государства Российского. М., Изд-во Эксмо, 1024.

15. Кирилко В.П. 1999. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации. *Время денег. Stratum-plus*. № 6. СПб. – Кишинев – Одесса: 137–141.

16. Колли Л.П. 1911. Исторические документы о падении Каффы. *Известия Таврической учёной архивной комиссии*. № 45: 125–139.

17. Колли Л.П. 1918. Падение Каффы. *Известия Таврической учёной архивной комиссии*. № 55: 145–174.

18. Малицкий Н.В. 1933. Заметки по эпиграфике Мангупа. *Известия Государственной Академии истории материальной культуры*. Вып. 71. Л.: 3–45.

19. Мыц В.Л. 1988. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна. *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев, Наукова думка: 97–115.

20. Мыц В.Л. 2005. Крымский контекст восточной политики Стефана Великого в 70-х гг. XV в. *Stratum plus*. № 6. 2003–2004. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест: 96–130.

21. Мыц В.Л. 2009. Каффа и Феодоро в XV веке: Контакты и конфликты. Симферополь, Универсум, 528.

22. Пятницкий Ю.А. 1998. Мелькитские иконы в собрании Эрмитажа. Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., Изд-во Государственного Эрмитажа: 114–131.

23. Семёнова Л.Е. 2006. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX вв. (Очерки внешнеполитической истории). М., Индрик, 400.

24. Спиридонов Д.С. 1928. Заметки из истории эллинизма в Крыму. I. Из семейной истории Мангупского дома. *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии*. Вып. II (53). Симферополь: 93–102.

25. Челеби Э. 2017. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века. Издание 3-е исправленное. Симферополь, ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского, 312.

26. Assini A. 1999. Una «filza» ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero. *Romania Orientale*, 12: 1–19.

27. Banescu N. 1935. Contribution a l'histoire de la Seigneurie de Theodoro-Mangupen Crimee. *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 35: 20–37.

28. Batariuĉ P.-V. 1993. Necropola medievala de la Sucedava-Campul Santurilor. *Arheologia Moldovei*. XVI. Bucureşti: 229–249.

29. Codice diplomato delle colonie Tauro – Liguri durante la signoria dell' Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII – MCCCCLXXV). 1874. Tomo II. Parte I. Atti. Vol. VII. Parte I Fasc. III. Ordinato et illustrato dal socio P. Amedeo Vigna. Genova, Tipografia del r. I. De'sordo-muti: 567–886.

30. Ganchou Th., Minghinias A. 2003. Un nouveau document a propos d'Alexios de Theodoro-Mangup. *Inchinare lui Petre S. Nasturel la 80 de ani*. Braila: 117–118.

31. Iorga N. 1897. Acte si fragmente cu privire la istiria Romanilor. Vol. VII. Bucuresti, 40–50.

32. Iorga N. 1899. Studii istorice asupra Cheiliei și Celății Albe. Bucureşti: 142–146.

33. Iorga N. 1938. Intenderea sprera sarit a Moldovei lui Stefan-Ĉel Mare (cu prilejul unei inscriptii). *Academia Romania. Mem. sect. ist. Seria III. T. XX*. Bucuresti: 315–319.

34. Jorga N. 1927. Les aventures «Sarazines» des Francais de Bourgogne au XVe siècle. *Melanges d'histoire generale. Cloj*. Vol. I: 10–56.

35. Kozak E. 1903. Inschriften aus der Bukowina. 1. Viena, Verlag, 214.

36. Năsturel P.Ș. 1965. Dui legaturile dintre Moldova și Crimeea în secolul al XV-lea. Pe marginea unei inscriptii grecești. Omagiu lui P. Constantinescu-Jasi cu prilejul împlinirii cu a 70 de ani. Editura Academie Republicii Populare Romane. Bucureşti: 261–266.

37. Panaitescu P.P. 1959. Cronocile slavo-romine don sec. XV–XVI publicate de Ion Bogdan. Bucureşti, 256.

38. Tafrali O. 1925. Le tresor byzantin et roumain du monastere de Poutna. V. Draps mortuaires XVe siecle (90). Paris: 51–65.

39. Vasiliev A.A. 1936. The Goths in the Crimea. Monographs of the Mediaeval Academy of America. № 11. Cambridge, Massachusetts, 293.

40. Vasiliu V. 1929. Sur la seigneurie de «Teodoro» en Crimée au XV-e siècle à l'occasion d'un nouveau document. Melanges de l'Ecole Roumaine en France. Première partie. Paris: 229–336.

References

1. Gerzen A.G. 1990. Krepostnoj ansambl Mangupa [Fortress ensemble of Mangup]. MAIET. Vyp. I. Simferopol: 88–165 (in Russian).

2. Gerzen A.G. 2001. Po povodu novoj publikazii turezkogo istochnika o zavoevanii Kryma [Regarding the new publication of a Turkish source on the conquest of Crimea]. MAIET. Vyp. VIII. Simferopol: 366–387 (in Russian).

3. Baletto L., Basso E. 2018. Acty, sostavlennye v Kaffe notariem Djovanni v 1410–1412 gg. [Acts drawn up in Kaffa by the notary Giovanni in 1410–1412]. Prichernomorie v srednie veka [Black Sea region in the Middle Ages]. Vyp. X. Pod. red. S.P. Karpova, sost. M.G. Alvaro, A. Assini, L. Baletto, E. Basso. M.; SPb., Aletejia: 347–466 (in Russian).

4. Bertie-Delagard A.L. 1918. Kalamita i Feodoro [Kalamita and Theodoro]. ITUAK. № 55, 1–44 (in Russian).

5. Valkov D.V. 2010. «Non absque cordis amaritudene...»: kazus v geuezsko-turezkikh otnoshenijah pervoji polovinu XV veka. Voprosu epigrafiki. Vup. 4 [Sb. st.]. Otv. red. A.G. Avdeev. M., Russkij fond sodejstvuj Obrszovaniy I nauke: 259–274 (in Russian).

6. Vinogradov A.Ju. 2004. Svod gresheskih nadpisej Eski-Kermen i ego bligajisheji okrug. In: Haritonov S.V. Drevnij gorod Eski-Kermen. Arheologia, istoriji, gipotezu. SPb., Filologisheskij fakultet SPbGU: 123–130 (in Russian).

7. Vinogradov A.Ju. 2005. «Razrijd» i «Chast». Kak nam obustroit Feodoro? Sugdejiskij sbornik. Vyp. II. Kiev – Sudak: 431–437 (in Russian).

8. Vinogradov A.Ju., Mytz V.L. 2005. Funkskaji nadpis 1459 г. ADSV. Vup. 36. Ekaterinburg: 273–281 (in Russian).

9. Vinogradov A.Ju. 2010. Stroitelnye nadpisi vizantijskogo Kruma. Addenda et corrigenda. Voprosu epigrafiki. Vyp. IV: 217–253 (in Russian).

10. Vinogradov A.Ju. 2017. Osnovnye problemu i voprosu izuchenij vizantijskoj epigrafiki Mangupa. MAIET. Vyp. XXII: 278–297 (in Russian).

11. Vinogradov A.Ju. 2018. «Geraldicheskie » nadpisi vizantijskogo Kruma. TGH: [T.] 94: Materialu I issledovaniy Otdela numizmatiki: Po materialam konferenzii «Sfragistika, numizmatika, geraldika srednevekovogo Kruma». SPb., Izd-vo Gos. Ermitagja: 223–232 (in Russian).

12. Vinogradov A.Ju. Toponimica Pontica. I. Kalamita. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiji i Polis. XI Megjdunarodnuji Vizantijskij Seminar (Sevastopol – Balaklava, 3–7 iunij 2019 g.). Materialu nauchnoj konferencii. Red. N.A. Alekseenko. Simferopol: 75–78 (in Russian).

13. Irechek K. 1978. Istorij na Bugareti (s popravki i dobavki ot samij avtor). Pod red. na prof. P. Hr. Petrov. Sofija, Izd-vo Nauka i Izkusstvo, 671 (in Bulgarian).

14. Karamzin N.M. 2002. Istorija gosudarstva Rossijskogo. M., Izd-vo Eksmo, 1024 (in Russian).

15. Kirilko V.P. 1999. Aspru s bolshum «T» na lizevoj storone: oput interpretazii. Vremja deneg. Stratum-plus. SPb. – Kishenijv – Odessa. № 6: 137–141 (in Russian).

16. Kolli L.P. 1911. Istoricheskie dokumentu o pagenii Kaffy. ITUAK. № 45: 125–139 (in Russian).

17. Kolli L.P. 1918. Padenie Kaffy. ITUAK. № 55: 145–174 (in Russian).

18. Malizkij N.V. 1933. Zametki po epigrafike Mangupa. IGAIMK. L. Vyp. 71: 3–45 (in Russian).

19. Mytz V.L. 1988. Nekotorue inogi izuchenij srednevekovoj kreposti Funa. Arhitekturno-archeologisheskie issledovaniy v Krumu. Kiev, Naukova dumka: 97–115 (in Russian).

20. Mutz V.L. 2005. Krumskij kontekst vostochnoj politiki Stefana Velikogo v 70-h gg. XV v. Stratum plus. № 6. 2003–2004. SPb. – Kishinev – Odessa – Buharest: 96–130 (in Russian).

21. Mutz V.L. 2009. Kaffa I Feodoro v XV veke: Kontakty I konflikty. Simferopol, Universum 528 (in Russian).

22. Piatnizkij J.A. 1998. Melkitskie ikony v sobranii Ermitazha. Ermitazhnye chtenija pamjati V.F. Levinsona-Lessinga. SPb., Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha: 114–131 (in Russian).
23. Semjionova L.E. 2006. Knjazhestva Valahii i Moldavii. Konez XIV – nachalo XIX v. Oчерki vneshnepoliticheskoj istorii). M., Indrik, 400 (in Russian).
24. Spiridonov D.S. 1928. Zametki iz istorii ellinstva v Krumu. I. Iz semejnoj istorii Mangupskogo doma. ITOIAE. Вып. II (53). Simferopol: 93–102 (in Russian).
25. Chelebi E. 2017. Kniga puteshestvij. Krum i sopredelnye oblasti: izvlechenie iz sochinenij turezkogo puteshestvennika XVII veka. Izdanie 3-e ispravlennoe. Simferopol, GAU RK «Mediazentr im. I. Gasprinskogo, 312 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мыц Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor L. Mytz, candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Sector of Architectural Archeology of the State Hermitage, St. Petersburg, Russia

УДК 94(460).042

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-627-633

Марципаны Алонсо Санчеса Коэльо: к вопросу о десертах средиземноморской кухни XVI в.

Третьякова М.В.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал,
Россия, 607220, Арзамас, Нижегородской области, ул. К. Маркса, 36
E-mail: marinatretyakova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению повседневной жизни при дворе короля Испании Филиппа II. В центре внимания автора статьи находятся десерты средиземноморской кухни второй половины XVI века, в частности марципаны. Марципаны – традиционное рождественское лакомство стран бассейна Средиземного моря. Рецепты его изготовления включены в кулинарные сборники XIII–XVII вв. многих стран Западной Европы: Испании, Португалии, Италии, Англии. Состав его прост: миндаль, сахар, розовая вода, но именно эти ингредиенты и делали его статусным блюдом. На полотне Алонсо Санчеса Коэльо «Королевский праздник» показана подача этого блюда при дворе короля Испании Филиппа II. Пирог/торт из марципана изысканно декорирован. Живописец показывает камерность происходящего и в то же время семейное единение за столом, где среди блюд присутствует и марципан. Полотно Алонсо Санчеса Коэльо позволяет воссоздать повседневную жизнь при дворе Филиппа II, где среди прочих маркеров социального статуса элиты Испании выступает и марципан.

Ключевые слова: Алонсо Санчес Коэльо, Испания, XVI век, десерты, марципаны.

Для цитирования: Третьякова М.В. 2021. Марципаны Алонсо Санчеса Коэльо: к вопросу о десертах средиземноморской кухни XVI в. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 627–633. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-627-633.

Alonso Sanchez Coelho's marzipans: on the question of desserts of the Mediterranean cuisine of the sixteenth century

Marina V. Tretyakova

The National Research State University of Nizhny Novgorod after N.I. Lobachevsky, Arzamas branch,
36 Karl Marx St., Arzamas, N. Novgorod region, Russia 606220, Russia
E-mail: marinatretyakova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of everyday life at the court of King Philip II of Spain. The author focuses on the desserts of the Mediterranean cuisine of the second half of the XVI century, in particular, marzipans. Marzipans are a traditional Christmas treat of the countries of the Mediterranean basin. Recipes for its production are included in the culinary collections of the XIII–XVII centuries many countries of Western Europe: Spain, Portugal, Italy, England. Its composition is simple-almonds, sugar, rose water, but it was these ingredients that made it a status dish. The painting «Royal Feast» by Alonso Sanchez Coelho shows the serving of this dish at the court of King Philip II of Spain. The marzipan pie/cake is exquisitely decorated. The painter shows the intimacy of what is happening, and at the same time the family unity at the table, where among the dishes there is also marzipan. The canvas by Alonso Sanchez Coelho allows you to recreate everyday life at the court of Philip II, where among other markers of the social status of the elite of Spain, marzipan also acts.

Keywords: Alonso Sanchez Coelho, Spain, XVI century, desserts, marzipan.

For citation: Tretyakova M.V. 2021. Alonso Sanchez Coelho's marzipans: on the question of desserts of the Mediterranean cuisine of the sixteenth century. *Via in tempore. History and political science*, 48 (3): 627–633 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-627-633.

Введение

Алонсо Санчес Коэльо (1531–1588) – придворный живописец испанского короля Филиппа II. Среди его полотен особняком стоит «Король Испании Филипп II пирует в окружении семьи и придворных», другое название картины «Королевский праздник» (рис. 1). Картина написана около 1579 г., находится в Национальном музее в Варшаве [Dobrzuska, 1967]. На полотне изображены король Карл V, его жена Изабелла Португальская, король Филипп II и его четвертая жена Анна Австрийская, инфанта Изабелла Клара Евгения, ее муж Альбрехт/Альберт VII, эрцгерцог Австрийский.

Полотно часто является объектом обсуждения в интернете. Обычно обращают внимание на то, что участники банкета держат в руках вилки [Rebora, 2001; Ребора, 2007]. В нашем случае акцент будет сделан на левом углу картины, где написана фигура придворного, который подносит собравшимся за столом десерт. Это торт/пирог из марципана [Albala, 2002, p. P. 263, 275], деликатеса, лакомства того времени. Марципановый пирог богато украшен фигурками из марципана, а также декорирован вымпелом с гербом Габсбургов.

Результаты и их обсуждение

В кулинарных трактатах XIII–XVI вв. [Albala, 2003] сохранились рецепты приготовления марципана. Существует много легенд о его происхождении, включая предполагаемое персидское происхождение, но, скорее всего, марципан имеет арабское происхождение. Во всяком случае, известно, что первое упоминание о марципане относится к VI или VII в. и территориально привязывается к землям современного Ирана. В период крестовых походов через арабов марципан попал в Европу.

Но тем не менее многие европейские страны бассейна Средиземного моря [Santich, 1995; Albala, 2000, p. 1207, 1208, 1209] (Испания, Франция, Италия) и не только (Германия, Венгрия) претендуют на звание родины марципана.

Правда, по мнению В.В. Похлебкина [Похлебкин, 1988, с. 96], именно Франция должна считаться родиной марципана, хотя нам предпочтительнее мнение авторов глоссария терминов средневековой кулинарии, по утверждению которых страной происхождения марципана следует считать Италию.

Этимологию слова «марципан», по одной версии, выводят от венецианского праздника в честь св. Марка, перевода «Marchpane» как «хлеб св. Марка», по другой версии – от римских времен, от названия месяца «март», перевода «Marchpane» как «мартовский хлеб» [Glossary]. Есть и такая точка зрения, что, вероятнее всего, марципан свое начало берет в кулинарной практике византийцев, а затем уже через Италию (возможно, арабов) и государства Пиренейского полуострова вошел в обиход и других европейских стран.

Дж. Ребора предлагает свою версию происхождения названия этой сладости. По его мнению, название «марципан» происходит от арабского *marzapane*, так называлась мера объема на Кипре и Армении. Так же называлась и деревянная коробочка овальной формы, в которой хранили сладости из муки, миндальной муки и других ингредиентов, которые доставляли на Кипр. Позже марципаном стали называть и саму тару, где хранились сласти, и сам десерт. В таких коробочках хранили корреспонденцию и важные документы. Появилось и выражение: «*aprire i marzipani*» (открывать марципаны), что означало «раскрывать все секреты» [Rebora, 2001, p. 177–178; Ребора, 2007, с. 219–220].

Технология изготовления марципана не претерпела почти никаких изменений до наших дней. Это миндальная паста, смешанная с сахарной пастой, т. е. растолченным сахаром и розовой водой. Иногда добавляют фруктовую и иную эссенцию, чтобы добиться разного колера и вкуса. Добавляют и шоколад. Во всяком случае, больших различий в рецептах марципана у авторов андалузского рецептария XIII в. [An Anonymous Andalusian Cookbook], «Книги повара» Роберта де Нола [Nola, 1525], португальского поваренного трактата XV в. [Um tratado da cozinha portuguesa do século XV; A Treatise of Portuguese Cui-

sine from the 15th Century], «Испанского женского справочника» XVI в. [Manual de mujeres; Manual of Women], английских кулинарных сборников XVI в. [A Book of Cookrye, 1591] и 1608 г. [A Closet for Ladies and Gentlewomen, 1608] нет. Все они пишут, что марципан делается из миндальной пасты, сахара и розовой воды.

Например, рецепт «Как сделать фрукты из сахара» андалузской поваренной книги неизвестного автора XIII в. гласит: «Добавь одну часть просеянного сахара к одной части очищенного и измельченного миндаля, замеси с розовой водой, из полученной массы можешь делать любые фрукты и фигурки, если господь пожелает» [An Anononymous Andalusian Cookbook of the 13th Century]). Правда, пропорции разные. В справочниках пиренейских стран (Андалузии, Испании, Португалии [Buriti Hosokawa, 2006, p. 94]) 1:1, в английских – 2:1. У Роберто де Нолы вообще не указаны пропорции. Кроме того, некоторые авторы после того, как будет готов марципан, во время подачи его айсируют розовой водой и сахаром, бисквитами, палочками Comfits (Comfits – драже, мелкие конфеты/конфетки, их могли делать из фруктов, ягод, семян (аниса, тмина), палочек корицы, хлебных крошек, которые покрывали сахаром) [Glossary], декорируют золотом.

Из марципана могли делать фигурки в форме птиц, корзин и прочего, что сможет подсказать фантазия и умение их исполнителя [Closet for Ladies and Gentlewomen, 1608, p. 48]. Могли сделать и торт/пирог [Day, 1997]. В этом случае марципановая масса распределялась по блюду, на котором должны были подавать десерт, а затем его декорировали.

Собственно, такой пирог/торт и изображен на полотне Санчеса Алонсо Коэльо. По такому же принципу делала пирог/торт из марципана Рут Гудман (британский независимый историк, специалист по истории раннего Нового времени, а также в области британской социальной истории. Именно она в фильмах занимается готовкой еды, следуя рецептам поваренных английских книг XVI и XVII вв.) в фильме 2006 г. «Тюдоровский рождественский пир» (другое название – «Рождество во времена Тюдоров», и еще одно название – «Рождество на монастырской ферме во времена Тюдоров») – приквелу к циклу фильмов BBC «Тюдоровская монастырская ферма» / «Монастырская ферма во времена Тюдоров» 2012 г.

Вернемся к марципану на полотне Коэльо. Торт выполнен, с одной стороны, лаконично (если так можно сказать), а с другой стороны – роскошно и в то же время изысканно. Круглый марципановый корж/слой/основа украшен фигурками нежных цветков, они чередуются – красный цветок сменяется желтым цветком. (Правда, один цветок имеет белые лепестки, или, может быть, это нам показалось?). Их десять. Посреди коржа установлено сооружение, напоминающее пирамидальный цветок (тут трудно правильно назвать – напомнило и рождественскую елку, и рождественскую пирамиду, и просто дерево) с многочисленными листьями и чем-то еще (бутонами? цветами? плодами?), верхушку которого и венчает вымпел (из чего сделан – только остается гадать. Шелк?) с гербом Габсбургов. Вымпел золотого цвета. Герб Габсбургов – орел черного цвета на золотом фоне. Геральдические законы соблюдены и в кулинарном творчестве.

Кстати, для симметрии фигуры этого придворного с марципановым тортом между фигурой Альбрехта, эрцгерцога Австрийского, и фигурой Анны Австрийской помещена фигура еще одного придворного, несущего блюдо, выполненного в той же манере подачи десертов – на плоском блюде размещен десерт, украшенный вымпелом красного цвета без эмблем. Цвет десерта дает возможность высказать предположение, что так был подан еще один обязательный атрибут роскошного стола эпохи XVI в. – котиньяк – мармелад из айвы.

Еще один вид десерта, который стоит на столе, определить сложно. По форме он напоминает либо тосино де съело (испанский и португальский десерт, который готовится на основе яичного желтка, имеет яркий желтый цвет, либо *amarguillos* (вид миндального макарона, пудинг), либо тигелада, либо что-то другое.

Отметим, что во многих европейских странах марципаны считаются рождественским лакомством [Cosman, 1981, p. 11]. Например, в Испании это традиционный рождественский

десерт, хотя в Толедо, где первая письменная ссылка на этот продукт восходит к 1512 г., он употребляется в течение всего года, как, собственно, и в других странах.

Возможно, что повод, собравший пирующих – это рождественский праздник. За столом собраны представители трех поколений семьи Габсбургов – Карл V и его жена Изабелла Португальская, их сын Филипп II со своей четвертой женой, их внучка, дочь Филиппа инфанта Изабелла Клара Евгения и ее муж.

К 1579 г., времени создания картины, в живых уже не было ни Карла V, ни Изабеллы Португальской. Может быть, король Филипп II таким образом хотел показать преемственность поколений семьи и скрепы фамилии в виде единства на праздновании Рождества. Как некий праздник – обет. По блюдам судить сложно, это начало [Albala, 2006, p. 21] или конец трапезы. Порядок подачи блюд был разный [Strong, 2002, p. 180–181].

Отметим, что этот шедевр Алонсо Санчеса Коэльо представляет необычайный интерес для исследователей, занимающихся изучением повседневной жизни [Дефурно, 2004, с. 196, 197, 198] раннего Нового времени. Здесь есть: дрессуар/креденца [Strong, 2002, p. 165] с серебряной и стеклянной посудой, ковер/гобелен, стол, застланный узорчатой скатертью, стулья, на которых сидят пирующие, столовые приборы, блюда, одежда. Живописец показывает даже манеры присутствующих. Праздник устроен во внутренних покоях [Bendiner, 2004, p. 110; Albala, 2007, p. XII], что придает приватность происходящему.

Таким образом, рецепты марципана входили в состав любых кулинарных сборников европейских стран XIII–XVII вв., десерт предназначался для представителей высших слоев общества разных стран и разных временных периодов, что наглядно показало полотно Санчеса Алонсо Коэльо. Марципановый пирог весьма органично вплетен в канву картины, изображающей избранное придворное общество Испании времени Филиппа II.

Рис. 1. Алонсо Санчес Коэльо. Королевский праздник. 1579, масло, холст. Надпись: ASC ANNO 1596, Национальный музей Варшавы, Польша.

Fig. 1. Alonso Sánchez Coello King Philip II of Spain banqueting with his family and courtiers (The Royal feast). 1579, oil on canvas, Height: 110 cm (43.3 in); Width: 202 cm (79.5 in), Signature: ASC ANNO 1596, National Museum in Warsaw (cat. no. 419).

Список литературы

1. Дефурно М. 2004. Повседневная жизнь Испании золотого века. М., Молодая гвардия, Палимпсест, 313.
2. Похлебкин В.В. 1988. О кулинарии от А до Я: словарь-справочник. Минск, Полымя, 224.
3. Ребора Дж. Происхождение вилки: история правильной еды. М., КоЛибри, 2007. 219 с.
4. Albala К. 2007. *The Banquet: Dining in the Great Courts of Late Renaissance Europe*. Urbana and Chicago, University of Illinois Press, 223.
5. Albala К. 2006. *Cooking in Europe, 1250–1650*. Westport, Connecticut, London, Greenwood Press, 153.
6. Albala К. 2003. *Food in Early Modern Europe*. London, Greenwood Press, 280.
7. Albala К. 2002. *Eating Right in the Renaissance*. Berkeley – Los Angeles – London, University of California Press, 316.
8. Albala К. 2000. Southern Europe. *The Cambridge World History of Food*. Cambridge, Cambridge University Press, 1–2. Vol. 2. 1040: 1207–1210.
9. An Anonymous Andalusian Cookbook of the 13th Century Translated by Charles Perry. URL: http://www.daviddfriedman.com/Medieval/Cookbooks/Andalusian/andalusian_contents.htm (дата обращения: 20.02.2021).
10. Bendiner К. 2004. *Food in Painting. From the Renaissance to the Present*. London, Reaktion Books, 238.
11. A Book of Cookrye. 1591. Very Necessary for all such as delight therein. Gathered by A. W. London Printed by Edward Allde, URL: <http://www.medievalcookery.com> (дата обращения: 20.02.2021).
12. Buriti Hosokawa A. 2006. *O Tratado da Cozinha Portuguesa – Códice I.E 33: Aspectos Culturais e Linguísticos*. São Paulo: Universidade de São Paulo, 402. URL: <http://www.teses.usp.br/teses/disponiveis/8/8142/tde-03102007-135654/> (дата обращения: 20.02.2021).
13. *A Closet for Ladies and Gentlewomen. 1608. Or, The Art of Preseruing, Conseruing, and Candyng. With the manner hovve to make diuers kinds of syrups: and all kind of banqueting stufes*. London: Printed [by F. Kingston] for Arthur Iohnson, dvelling neere the great north dore of Paules, / Edited and Annotated by Johnna H. Holloway. URL: <http://www.medievalcookery.com/notes/1608closet.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).
14. Glossary of Medieval & Renaissance Culinary Terms. URL: <http://www.pbm.com/~lindahl/food.html>, <http://www.xmarks.com/site/www.medievalcookery.com/> (дата обращения: 21.02.2021).
15. Cosman M. P. 1981. *Medieval Holidays and Festivals: A Calendar of Celebrations* London, Charles Scribner's & Sons, 136.
16. Day I. 1997. *The Art of Confectionery*. In: Brown P., Day I. *The Pleasures of the Table. Ritual and Display in the European Dining Room 1600–1900: an exhibition at Fairfax House, York, 1st September to 20th November 1997*. Castlegate, York, York Civic Trust, 96.
17. Dobrzycka A. 1967. *Malarstwo hiszpańskie XIV–XVIII wieku w zbiorach polskich. Katalog wystawy*. Muzeum Narodowe w Poznaniu. Poznań, 161.
18. *Manual de mujeres en el cual se contienen muchas y diversas recetas muy buenas*. URL: <http://www.cervantesvirtual.com> (дата обращения: 25.01.2021).
19. *Manual of Women in which is contained many and diverse very good recipes*. URL: <http://www.larsdatter.com/manual.htm> (дата обращения: 25.01.2021).
20. Nola R. de Libre del Coch. URL: <http://www.florilegium.org/?http://www.florilegium.org/files/FOOD-MANUSCRIPTS/Guisados1-art.html> (дата обращения: 21.02.2021).
21. Reбора J. 2001. *Culture of the Fork: A Brief History of Everyday Food and Haute Cuisine in Europe*. N.Y., Columbia University Press, 219.
22. Santich B. 1995. *The original Mediterranean cuisine. medieval recipes for today*. Prospect Books, 178.
23. Strong R. 2002. 2003. *Feast*. London: Jonathan Cape, Pimlico, 349.
24. *Um tratado da cozinha portuguesa do século XV / [Coleção de receitas, algumas bastante originais, para o preparo das mais variadas iguarias]* Lochac Cooks' Guild. URL:

<http://www.sca.org.au/cooks/Pages/articles/Faerisa/portuguese15thC.html> (дата обращения: 21.02.2021).

25. A Treatise of Portuguese Cuisine from the 15th Century [Collection of recipes, some very original, for the preparation of most varied delicassies] This Translation by Baroness Faerisa Gwynarden. URL: <http://www.medievalcookery.com/notes/tratado.html> (дата обращения: 21.02.2021).

References

1. Defurno M. 2004. Povsednevnyaya zhizn' Ispanii zolotogo veka [Daily life of Spain's golden age]. M., Molodaya gvardiya: Palimpsest, 313 (in Russian).
2. Pohlebkin V.V. O kulinarii ot A do YA: slovar'-spravochnik [About cooking from A to Z: a dictionary-reference]. Minsk, Polymya, 1988. 224 s. (in Russian).
3. Reborá Dzh. Proiskhozhdenie vilki: istoriya pravil'noj edy [The origin of the fork: the history of eating right]. M., KoLibri, 2007. 219 s. (in Russian).
4. Albala K. 2007. The Banquet: Dining in the Great Courts of Late Renaissance Europe. Urbana and Chicago, University of Illinois Press, 223.
5. Albala K. 2006. Cooking in Europe, 1250–1650. Westport, Connecticut, London, Greenwood Press, 153.
6. Albala K. 2003. Food in Early Modern Europe. London, Greenwood Press, 280.
7. Albala K. 2002. Eating Right in the Renaissance. Berkeley – Los Angeles – London, University of California Press, 316.
8. Albala K. 2000. Southern Europe. The Cambridge World History of Food. Cambridge, Cambridge University Press, 1–2. Vol. 2. 1040: 1207–1210.
9. An Anonymous Andalusian Cookbook of the 13th Century Translated by Charles Perry. URL: http://www.daviddfriedman.com/Medieval/Cookbooks/Andalusian/andalusian_contents.htm (дата обращения: 20.02.2021).
10. Bendiner K. 2004. Food in Painting. From the Renaissance to the Present. London, Reaktion Books, 238.
11. A Book of Cookrye. 1591. Very Necessary for all such as delight therein. Gathered by A. W. London Printed by Edward Allde, URL: <http://www.medievalcookery.com> (дата обращения: 20.02.2021).
12. Buriti Hosokawa A. 2006. O Tratado da Cozinha Portuguesa – Códice I.E 33: Aspectos Culturais e Linguísticos. São Paulo: Universidade de São Paulo, 402. URL: <http://www.teses.usp.br/teses/disponiveis/8/8142/tde-03102007-135654/> (дата обращения: 20.02.2021).
13. A Closet for Ladies and Gentlewomen. 1608. Or, The Art of Preserving, Conseruing, and Candyng. With the manner howe to make diuers kinds of syrups: and all kind of banqueting stufes. London: Printed [by F. Kingston] for Arthur Iohnson, dwelling neere the great north dore of Paules, / Edited and Annotated by Johnna H. Holloway. URL: <http://www.medievalcookery.com/notes/1608closet.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).
14. Glossary of Medieval & Renaissance Culinary Terms. URL: <http://www.pbm.com/~lindahl/food.html>, <http://www.xmarks.com/site/www.medievalcookery.com/> (дата обращения: 21.02.2021).
15. Cosman M. P. 1981. Medieval Holidays and Festivals: A Calendar of Celebrations London, Charles Scribner's & Sons, 136.
16. Day I. 1997. The Art of Confectionery. In: Brown P., Day I. The Pleasures of the Table. Ritual and Display in the European Dining Room 1600–1900: an exhibition at Fairfax House, York, 1st September to 20th November 1997. Castlegate, York, York Civic Trust, 96.
17. Dobrzycka A. 1967. Malarstwo hiszpańskie XIV–XVIII wieku w zbiorach polskich. Katalog wystawy. Muzeum Narodowe w Poznaniu. Poznań, 161.
18. Manual de mujeres en el cual se contienen muchas y diversas recetas muy buenas. URL: <http://www.cervantesvirtual.com> (дата обращения: 25.01.2021).
19. Manual of Women in which is contained many and diverse very good recipes. URL: <http://www.larsdatter.com/manual.htm> (дата обращения: 25.01.2021).
20. Nola R. de Libre del Coch. URL: <http://www.florilegium.org/?http://www.florilegium.org/files/FOOD-MANUSCRIPTS/Guisados1-art.html> (дата обращения: 21.02.2021).

21. Reber J. 2001. *Culture of the Fork: A Brief History of Everyday Food and Haute Cuisine in Europe*. N.Y., Columbia University Press, 219.
22. Santich B. 1995. *The original Mediterranean cuisine. medieval recipes for today*. Prospect Books, 178.
23. Strong R. 2002. 2003. *Feast*. London: Jonathan Cape, Pimlico, 349.
24. *Um tratado da cozinha portuguesa do século XV / [Coleção de receitas, algumas bastante originais, para o preparo das mais variadas iguarias]* Lochac Cooks' Guild. URL: <http://www.sca.org.au/cooks/Pages/articles/Faerisa/portuguese15thC.html> (дата обращения: 21.02.2021).
25. *A Treatise of Portuguese Cuisine from the 15th Century [Collection of recipes, some very original, for the preparation of most varied delicassies]* This Translation by Baroness Faerisa Gwynarden. URL: <http://www.medievalcookery.com/notes/tratado.html> (дата обращения: 21.02.2021).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Tretyakova, candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Social Science and Law of the Arzamas Branch of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Arzamas, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94(430)+94(4)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-634-642

Германия – США: путь к «сбалансированному партнерству» (1945–2020 гг.)

Родович Ю.В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, просп. Ленина, 125
E-mail: tgpu@tula.net

Аннотация. В статье рассматривается эволюция отношений Германии и США с 1945 г. по 2020 г. Первоначально это были отношения между державой-победительницей во Второй мировой войне и побежденной страной. После образования ФРГ они постепенно приобретали характер партнерства, хотя и неравного. С приходом в Белый дом США администрации Д. Трампа наблюдался кризис в двусторонних отношениях, хотя для этого уже существовали определенные предпосылки. В августе 2018 г. руководство ФРГ поставило цель – перейти в отношениях с США к «сбалансированному партнерству». Американский фактор остается одним из важнейших в системе внешнеполитических интересов Германии. ФРГ продолжает трансатлантическое сотрудничество посредством политического диалога, реализации экономических проектов, расширения контактов между гражданскими обществами, взаимодействия в международных организациях, однако намерена твердо отстаивать свои национальные интересы.

Ключевые слова: Германия, США, трансатлантические отношения, Европейский союз, НАТО.

Для цитирования: Родович Ю.В. 2021. Германия – США: путь к «сбалансированному партнерству» (1945–2020 гг.). *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 634–642. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-634-642.

Germany – USA: the path to a «balanced partnership» (1945–2020)

Yuriy V. Rodovich

Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia
E-mail: tgpu@tula.net

Abstract. The article examines the evolution of relations between Germany and the United States since 1945 by 2020. Initially, this was a relationship between the victorious power in World War II and the defeated country. After the formation of the Federal Republic of Germany, these relations gradually acquired the character of partnership, although unequal. With the arrival of the Trump administration in the us White house, there was a crisis in bilateral relations, although there were already certain prerequisites for this. In August 2018, the German leadership set a goal – to move in relations with the United States of America to a «balanced partnership». The American factor remains one of the most important in the system of German foreign policy interests. Germany continues transatlantic cooperation through political dialogue, implementation of economic projects, expansion of contacts through civil societies, interaction in international organizations, but intends to firmly defend its national interests.

Key words: Germany, United States, transatlantic relations, European Union, NATO.

For citation: Rodovich Yu.V. 2021. Germany – USA: the path to a «balanced partnership» (1945–2020). *Via in tempore. History and political science*, 48 (3): 634–642 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-634-642.

Введение

Проблемы истории германо-американских отношений в период после Второй мировой войны нашли отражение в современных исследованиях. Однако трансформация этих отношений на протяжении нескольких последних лет побуждает вновь обратиться к их анализу как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе, особенно в 2017–2020 гг. с учетом новых обстоятельств.

Результаты и их обсуждение

Первоначально это были отношениями между державой-победительницей во Второй мировой войне и побежденной страной. В соответствии с директивой президента США Г. Трумэна JCS-1067 от 10 мая 1945 г. реализовывалась линия на установление мира «карфагенского образца» [Klessmann, 1986, S. 352–353]. Позже, в 1948–1952 гг., США оказали помощь Западной Германии в восстановлении ее экономики посредством реализации «плана Маршалла», а в 1949 г. способствовали созданию на ее территории Федеративной Республики Германии в качестве потенциального союзника в противоборстве с СССР. Развитие ФРГ в Вашингтоне рассматривалось в контексте ее интеграции в систему западных союзов, что совпадало с намерениями первого канцлера страны К. Аденауэра, видевшего в этом путь к обретению суверенитета. Но между двумя государствами так и не возникли равноправные отношения.

Существенным элементом германо-американских отношений стало сотрудничество в рамках НАТО (с мая 1955 г.). С отменой оккупационного режима западногерманское государство расширило свои суверенные права. Но с этого момента интересы ФРГ стали постепенно расходиться с интересами США. Для США германский вопрос уже не играл прежней роли. Для них важнее было сохранить свои войска в Западном Берлине.

Сокращение численности американских войск в Западной Европе в 1956–1960 гг. и стремление Вашингтона перенести бремя ответственности за европейскую безопасность на плечи самих европейцев вызвало недовольство в Бонне. Во время Берлинского кризиса в 1961 г. президент США Дж. Кеннеди выразил солидарность с жителями Западного Берлина, но не смог воспрепятствовать созданию вокруг него «Берлинской стены». Руководство ФРГ, скорректировав еще в 1957 г. свою внешнеполитическую ориентацию, заключило в январе 1963 г. с Францией Елисейский договор о примирении и дружбе, закрепивший сближение двух государств.

Хотя после отставки К. Аденауэра и гибели Дж. Кеннеди атлантический вектор германской внешней политики был сохранен, ФРГ пыталась продемонстрировать свою самостоятельность от Вашингтона: в 1965 г. отказалась направить войска бундесвера во Вьетнам; в 1970-х – начале 1980-х гг. отстаивала в споре США сделку «газ – трубы» относительно поставок «голубого топлива» из Советского Союза в ФРГ и другие европейские страны, а стоявшие у власти Г. Шмидт и Дж. Картер откровенно презирали друг друга [США и Германия больше не союзники?].

В 1990 г. с американской помощью было достигнуто германское единство. Британская «Гардиан» отмечала: А. Меркель, выросшая в ГДР, выступая перед американским конгрессом в 2009 г., заявляла о «невероятном даре свободы», дарованном восточным немцам с помощью поддерживаемого США свержения Берлинской стены [Do not assume US still aspires to be a world leader...].

С образованием объединенной Германии страна формально получила полный суверенитет и стала относительно самостоятельным актором мировой политики. С окончанием «холодной войны» она перестала играть роль «передового рубежа обороны НАТО».

Нахождение на территории ФРГ американских военных баз и военнослужащих, ядерного оружия, следование Германией натовской дисциплине не позволяли в полной мере обеспечивать свои суверенные права. Однако Берлин и в этих условиях не всегда

следовал курсу Вашингтона. Правительство Г. Шрёдера в 2003 г. отказалось от участия Германии в военной акции США и НАТО против Ирака.

Закрепление трансатлантического партнерства произошло благодаря доверительным отношениям между новым канцлером ФРГ А. Меркель и президентом США Б. Обамой. Оба лидера заявляли об общей ответственности по защите ценностей свободы и атлантической солидарности. Хотя Германия стала единственной из стран-членов НАТО, не поддержавшей в марте 2011 г. в Совете Безопасности ООН создание «бесполетной зоны» над Ливией, в 2014 г. продемонстрировала единство с США относительно введения санкций против России в связи с воссоединением с ней Крыма и событиями на Донбассе.

ФРГ осталась основным торговым партнером США в Европе. Немецкие фирмы с почти 700 тыс. рабочих мест – четвертый крупнейший иностранный «работодатель» в США [Deutschland und USA...]. Стремление партнеров укрепить экономическое сотрудничество нашло отражение в попытках создать трансатлантическую зону свободной торговли, начав в 2013 г. переговоры о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). Страны связывали и контакты между людьми: почти 17 млн военнослужащих США и членов их семей после 1945 г. проживали на территории Германии. В 1947–1949 гг. было зарегистрировано более 20 тыс. браков между американскими военнослужащими и немцами. В настоящее время каждый шестой житель сверхдержавы имеет немецкие корни. В Соединенных Штатах немецкий язык после испанского и французского стал третьим иностранным языком, который изучают в школах, колледжах и университетах. На пике «холодной войны» США через создание сети «американских домов и германо-американских институтов» развернули широкое «культурное наступление», и более 70 % немцев, проживавших в Западной Германии, смогли ознакомиться с американским образом жизни [Васильев, 2020]. Ныне разнообразные культурные отношения включают в себя широкий спектр программ обмена и частных инициатив. Важную роль в культурном обмене играют более 200 германо-американских городских партнерств [Deutschland und USA...].

Известие о победе Д. Трампа на президентских выборах в США в ноябре 2016 г. стало неожиданным и потому сильным потрясением для значительной части германской политической элиты: свыше 70 % опрошенных немцев были готовы видеть президентом Х. Клинтон [Трамп или Байден...]. Многие аналитики отмечали, что 2017–2019 гг. прошли под знаком кризиса в отношениях двух стран. Однако для этого уже сложились определенные предпосылки. Берлину не нравились гегемонистские амбиции Вашингтона, его требования увеличить военное присутствие Германии в кризисных регионах и обеспечить «более справедливое» распределение между членами НАТО расходов на оборону. В 2016 г. зашли в тупик переговоры по вопросу о создании ТТИП. Двусторонние отношения были омрачены сообщениями о прослушивании телефонных переговоров А. Меркель спецслужбами США, хотя канцлер не стала заострять возникшую проблему. Германия пыталась взять решение вопросов безопасности в Европейском союзе в свои руки. На саммите глав стран – членов ЕС 16 сентября 2016 г. в Братиславе А. Меркель и президент Франции Ф. Олланд говорили об обеспечении коллективной безопасности в рамках ЕС [Германия. 2017 = Germany, 2017, с. 127–128].

Оценка Д. Трампом НАТО как «устаревшей» организации и требования к ФРГ увеличить финансирование блока до 2 % ВВП лишь стимулировали в Германии дебаты о более активном использовании потенциала ЕС в выстраивании системы европейской безопасности [Германия. 2017 = Germany, 2017, с. 124]. В 2017–2018 гг. речь зашла даже о возможности создания европейской армии.

Изменение характера трансатлантического партнерства наглядно характеризовала и частота контактов первых лиц двух государств. Если Б. Обама за время своего президентства посетил Германию 8 раз, то Д. Трамп ни разу не приезжал в ФРГ с официальным визитом, хотя и упоминал, что в его жилах течёт и немецкая кровь [Германия. 2019 = Germany, 2019,

с. 99]. ФРГ подверглась резкой критике относительно ее финансового вклада в развитие НАТО. В 2019 г. Германия на военные нужды потратила 1,38 % ВВП. По взносам в бюджет НАТО она находилась на втором месте после США. Что касается размещенных на территории Германии американских солдат, то по подсчетам корпорации RAND расходы на их содержание в год составляли \$3,5 млрд. Из них около \$1 млрд покрывала сама ФРГ. Однако Д. Трамп считал этот вклад недостаточным [Друг платежом красен..., 2020].

Изменения в двусторонних отношениях затронули и гуманитарную сферу. Число студентов по обмену, направляющихся через Атлантику, с 2009 г. сократилось примерно на 30 %, составив менее 6 тыс. чел. Почти 60 лет немцы и американцы заявляли о своей дружбе, отмечая ежегодный «Volksfest». Однако в июле 2019 г. фестиваль был отменен второй раз за три года после того, как бургомистр Берлина М. Мюллер заявил, что не смог найти место для его проведения. И это был далеко не единственный подобный инцидент [США и Германия..., 2019].

Постепенно в немецком истеблишменте относительно выстраивания отношений ФРГ с США выявилось несколько групп. Одна из них считала Д. Трампа временной политической фигурой, с которой надо смириться. Вторая утверждала: политика Вашингтона имеет глубинные причины и отражает кризис либеральной идеологии и необходимо найти в отношениях с Белым домом рациональное зерно. Третья рассуждала уже о «посттрамповском периоде», когда следовало решать проблемы адаптации Европы и всего мира к новым реалиям [Васильев, 2020].

В этих условиях 21 августа 2018 г. министр иностранных дел ФРГ Х. Маас объявил о необходимости новой стратегии германского правительства в отношении США. Цель – обеспечить «сбалансированное партнерство». Речь шла о формировании «противовеса» там, где «красные линии пересекаются». Германия должна вместе с Францией и другими странами ЕС создать независимые от США платежные системы, создать Европейский валютный фонд и построить независимую систему Swift, ввести цифровой налог на прибыль американских интернет-компаний. В то же время Маас выступил за более высокие расходы на оборону, потому что нельзя «полагаться на Вашингтон в той же степени, что и раньше» [Maas, 2018].

Руководство ФРГ пыталось найти в самих США опору среди гражданского общества. 27 августа 2018 г. глава германского МИД выступил за переход «от многосторонности между государствами к многосторонности между обществами». Речь шла о проекте с участием производителей и потребителей, предпринимателей, правозащитников, «руководствующихся теми же ценностями и идеями, что и мы», молодых людей, «которые призывают всех нас бороться с изменением климата». Вместе с тем Х. Маас заявил о готовности участия ФРГ в урегулировании региональных конфликтов, в том числе в Латинской Америке, традиционно считавшейся сферой интересов США [Rede von Außenminister..., 2019]. Тем самым была подчеркнута роль Германии как глобального игрока на международной арене.

В то же время с целью активизации трансатлантического партнерства по инициативе МИД ФРГ, Института имени Гёте и Федерального союза германской промышленности в США в 2018–2019 гг. был проведен «Год Германии» [Deutschlandjahr USA 2018/19..., 2018]. Во всех штатах страны было организовано 2500 мероприятий по вопросам экономики, политики, образования, науки и культуры [Wunderbar Together..., 2020].

Итак, Берлин решил проводить в отношении Вашингтона особую стратегическую линию: идти навстречу США и укреплять с ними сотрудничество там, где это было возможно, и одновременно отстаивать национальные интересы Германии.

Но такая позиция руководства ФРГ не устраивала Вашингтон. В команде президента США Д. Трампа, видимо, возникла надежда на уход СДПГ из федерального правительства, что могло проложить путь для значительно более высоких расходов на оборону Германии. Расчет делался на часть блока ХДС/ХСС, готовую пойти на такой шаг, о чем 1 апреля 2019 г. заявила постоянный представитель США в НАТО К.Б. Хатчисон. Однако, согласно

опросам общественного мнения, союз ХДС и ХСС в случае переизбрания мог бы иметь большинство в бундестаге только вместе с партией «Союз 90/Зелёные». Но, как и СДПГ, «Зелёные» отвергли крайнее увеличение расходов на оборону [USA wünschen sich..., 2019].

В течение 2019–2020 гг. наблюдалось усиление разногласий по вопросам европейской безопасности. Неодобрение со стороны руководства ФРГ вызвал выход США в 2019 г. из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г., обеспечивающего стратегическую стабильность в Европе и мире в целом, хотя вину за этот выход из договора Берлин решил возложить на Москву. В мае 2020 г. Вашингтон объявил о намерении покинуть Договор по открытому небу 1992 г. – важной составной части европейской архитектуры по контролю над вооружениями. Министр иностранных дел ФРГ выразил сожаление по этому поводу, хотя и отметил, что последние годы договор выполнялся довольно трудно – якобы «из-за нарушений со стороны России» [Außenminister Maas..., 2020].

Позиции Германии и США расходились и по вопросам, выходящим за пределы евроатлантического региона. Вашингтон еще в 2017–2018 гг. признал г. Иерусалим столицей Израиля, в одностороннем порядке вышел из договорённостей, лежащих в основе согласованной позиции стран Запада: из международного соглашения по климату, иранской «ядерной сделки» 2015 г., а в 2019 г. заявил о возможности вывода войск США из Сирии и Афганистана [Gebauer, Wittrock, 2019].

В начале 2019 г. посол США в Германии Р. Гренвелл угрожал применением санкций немецким компаниям, участвующим в проекте газопровода «Северный поток-2». По сути, он выполнял требование Д. Трампа, добивающегося, чтобы ФРГ покупала газ не у России, которая нарушила бы «энергобезопасность Европы», а у Соединенных Штатов, хотя и по более высокой цене. Тем самым США намерены ослабить своих германских конкурентов. Дипломат фактически оборвал контакты с организацией «Атлантический мост», являвшейся ключевой в диалоге Берлина и Вашингтона. Политическая элита Германии – от христианских демократов до «Зеленых» (за исключением некоторых деятелей из фракции СвДП в бундестаге) – выразила возмущение, едва не объявив американского посла персоной non grata. Появились предложения о применении в отношении США контрсанкций. В конце мая 2020 г. американский посол, позволявший себе вмешиваться во внутренние дела ФРГ, вышел в отставку. А. Меркель, учитывая заинтересованность немцев в поставках российского газа и интересы немецкого бизнеса, заявила в бундестаге 1 июля 2020 г., что экстерриториальные санкции США «не соответствуют пониманию права», которое есть у Германии [Merkel, 2020].

Неоднозначно можно оценить развитие торгово-экономических связей двух стран. Внешнеторговый оборот Германии и Соединенных Штатов в 2019 г. составил более 190 млрд евро. Таким образом, США оказались на третьем месте среди торговых партнеров ФРГ после Китая и Нидерландов. Основным получателем немецкого экспорта, как и в предыдущие годы, оставались США. Туда были экспортированы товары на сумму 118,7 млрд евро. В то же время Германия в торговле с США продемонстрировала наибольший профицит своего экспорта (47,3 млрд евро) [Außenhandel Rangfolge..., 2019]. Президент США постоянно жаловался на этот профицит.

Предлагаемые Вашингтоном 25-процентные пошлины на германские автомобили могли бы сдерживать экономический рост ФРГ. Поэтому на Мюнхенской конференции по безопасности 2019 г. А. Меркель отметила: многие немецкие корпорации построили свои автомобили в Соединенных Штатах, например, BMW, а если эти машины стали представлять угрозу национальной безопасности США, как заявил Трамп, то «это нас пугает» [Rede von Bundeskanzlerin..., 2019].

В июне 2020 г. Д. Дейснер, исполнительный директор «Атлантического моста», отметил, что отношения между США и Германией находятся на «самой низкой точке послевоенного периода» [Kaminski, 2020].

Подтверждением тому стали следующие факты: Д. Трамп не раз заявлял, что не понимает, почему США должны тратиться на защиту ФРГ от России, в то время как немцы закупают российский газ. В связи с этим в 2020 г. Пентагон решил сократить присутствие войск США в Германии (34,5 тыс. чел.) на 11,9 тыс. [Borger, 2020]. В интервью шести газетам в июне 2020 г. канцлер ФРГ А. Меркель заявила: «Европейские страны должны всерьез задуматься над новой реальностью, где США могут не стремиться быть мировым лидером». Канцлер добавила, что американские войска в Германии помогают защищать не только европейские страны НАТО, но и интересы Вашингтона, и пообещала продолжать наращивать военный потенциал [Do not assume US..., 2020]. Министр обороны Германии А. Крамп-Карренбауэр отметила, что в случае перемещения американских войск из Германии в Польшу важно помнить об «Основопологающем акте Россия – НАТО» 1997 г., и странам альянса важно оставаться едиными и придерживаться подписанных соглашений (обязательстве не размещать войска НАТО вдоль российских границ на постоянной основе. – Ю.Р.). Касаясь упреков со стороны США, что ФРГ якобы недостаточно расходует средства на оборону и сотрудничает с Россией по энергополитике, министр отметила: «Для меня и для нас в Германии НАТО – это сообщество с общими ценностями. Это не торговая организация, а безопасность не товар. Американские войска и гражданский состав, которые находятся в Германии, – это персонал, который, конечно, обеспечивает безопасность Германии совместно с нашими войсками и нашими европейскими партнерами, но они также здесь из-за коллективной безопасности, они посылают очень, очень сильный сигнал, например, России», – отметила она. «Войска США в Германии защищают не Германию, а трансатлантическую безопасность, – заявила немецкий посол в США Э. Хабер. Кроме того, по ее словам, войска США находятся в Германии «для демонстрации американской мощи в Африке, в Азии» [U.S. troops are..., 2020].

Результаты опроса общественного мнения, проведенного в апреле 2020 г. фондом Körber и американским исследовательским центром Pew, показали потерю репутации США среди немцев. 37 % респондентов по-прежнему считали традиционным союзником Соединенные Штаты. Однако 36 % предпочитали тесные отношения с Китаем. В сентябре 2019 г. ответ на тот же вопрос был иным: 50 % опрошенных отдавали предпочтение США и лишь 24 % – КНР.

Одной из причин потери имиджа США мог стать кризис, связанный с пандемией коронавирусной инфекции. Об этом заявили 73 % немцев. Поведение США во время пандемии (попытка перекупить немецкую фармацевтическую компанию CureVac, с тем чтобы разрабатываемая ею вакцина от коронавируса стала доступна только Соединенным Штатам Америки) негативно повлияло на картину общественного мнения [Die Deutschen..., 2020].

В 2020 г. германские политические и общественные круги стояли перед выбором: кого поддержать в борьбе за пост президента США: республиканца Д. Трампа или демократа Дж. Байдена. Массовые протесты и акты вандализма в американских городах превратили США в страну, где сложно сочувствовать той или иной стороне.

Однако в Берлине были рады ограничить свое общение с Д. Трампом одним сроком его президентства. Министр иностранных дел Х. Маас и министр финансов ФРГ О. Шольц отказались приехать на запланированный Д. Трампом на 29 июля 2020 г. в Вашингтоне саммит G7, после того как канцлер А. Меркель отменила свое участие в саммите, намеченном на конец июня, чтобы Д. Трамп не мог использовать встречу в своей избирательной кампании [Maas und Scholz..., 2020].

Не дожидаясь официального оглашения результатов президентских выборов, А. Меркель в ноябре 2020 г. поздравила представителя демократической партии Дж. Байдена с победой. Она выразила убеждение в том, что США останутся важнейшим союзником Германии и Европы в НАТО и высказала мнение, что ЕС и Соединенные Штаты должны вместе бороться с вызовами современного мира, прежде всего с пандемией коронавируса, изменением климата и терроризмом [Merkel gratuliert..., 2020].

Выводы

Подводя итог всему сказанному, можно отметить: американский фактор был и остается одним из важнейших в системе внешнеполитических интересов Германии. Продолжение сотрудничества в различных сферах обусловлено исторически сложившимися взаимосвязями, общими интересами и ценностями, исторической памятью немцев, не забывших о вкладе США в разгром нацизма, в послевоенный экономический подъем страны, в создание ФРГ, в объединение Германии. Поэтому, несмотря на давление Вашингтона, усиление конкуренции, Германия посредством политического диалога, реализации экономических проектов, расширения контактов по линии гражданских обществ, сотрудничества в международных организациях намерена выстраивать «сбалансированное партнерство» с США.

Список литературы

1. Васильев В.И. 2020. ФРГ – США: дружба по расчету? *Международная жизнь*. 3: 24–37. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2318> (дата обращения: 1.07. 2020).
2. Германия. 2017 = Germany. 2017. 2018 [В.Б. Белов и др.; отв. ред. В.Б. Белов]. М., Ин-т Европы РАН, 140.
3. Германия. 2019 = Germany. 2019 [монография]. 2020 [В.Б. Белов и др.; отв. ред. В.Б. Белов]. М., Ин-т Европы РАН, 144.
4. Друг платежом красен. Как Германия стала главным оппонентом США в Европе. 2020. *Коммерсантъ*. № 106. 18.06.
5. США и Германия больше не союзники? 26.09. 2019. URL: <https://news.rambler.ru/usa/42891746-ssha-i-germaniya-bolshe-ne-soyuzniki/> (дата обращения: 12.01.2020).
6. Außenhandel Rangfolge der Handelspartner im Außenhandel der Bundesrepublik Deutschland (vorläufige Ergebnisse). 2019. Statistisches Bundesamt (Destatis), 2020. 6. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Wirtschaft/Aussenhandel/Tabellen/rangfolge-handelspartner.pdf?__blob=publicationFile (accessed: 7.07.2020).
7. Außenminister Maas zur Ankündigung der USA, aus dem Vertrag über den Offenen Himmel auszutreten. 21.05. 2020. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-open-skies/2343634> (accessed: 11.06.2020).
8. Borger J. US to pull 12,000 troops out of Germany as Trump blasts 'delinquent' Berlin. 29.07. 2020. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/jul/29/us-germany-troop-withdrawal-donald-trump> (accessed: 1.08.2020).
9. Deutschlandjahr USA 2018/19. URL: – [https://www.goethe.de/ins/us/de/ueb/dju.html#:~:text=Von %20Oktober %202018 %20bis %20Ende,einzigartige %20Bedeutung %20der %20transatlantischen %20Beziehungen](https://www.goethe.de/ins/us/de/ueb/dju.html#:~:text=Von%20Oktober%202018%20bis%20Ende,einzigartige%20Bedeutung%20der%20transatlantischen%20Beziehungen) (accessed: 10.07.2020).
10. Deutschland und USA: Bilaterale Beziehungen. 26.02. 2020. URL: (accessed: 20.05.2020).
11. Die Deutschen und die USA: Das Ansehen schwindet. 2020.11.06. – URL: <https://www.br.de/nachrichten/deutschland-welt/die-deutschen-und-die-usa-das-ansehen-schwindet,S1Wf3dB> ((accessed: 9.07. 2020).
12. Do not assume US still aspires to be a world leader, Merkel warns. 26. 06. 2020. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/26/do-not-assume-us-still-aspires-to-be-world-leader-merkel-warns> (accessed: 7.07. 2020).
13. Gebauer M, Wittrock Ph. Deutschland und die USA: Geht's noch? 2019. 17.02. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/transatlantische-beziehungen-die-verwerfung-a-1253705.html> (accessed: 1.07.2020).
14. Kaminski S. Beziehungen zwischen Deutschland und USA so schlecht wie lange nicht. 11.06. 2020. – URL: <https://www.augsburger-allgemeine.de/politik/Beziehungen-zwischen-Deutschland-und-USA-so-schlecht-wie-lange-nicht-id57527981.html> (accessed: 3.07.2020).
15. Klessmann Ch. 1986. Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945–1955. Bonn, Schriftenreihe der Bundeszentrale für Politische Bildung; Bd.193, 576.
16. Maas H. Wir lassen nicht zu, dass die USA über unsere Köpfe hinweg handeln. 21.08. 2018. – URL: <https://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-wir-lassen-nicht-zu-dass-die-usa-ueber-unsere-koepfe-hinweg-handeln/22933006.html> (accessed: 2.02.2020).

17. Maas und Scholz wollen nicht zu Trump. 9.07. 2020. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/g7-gipfel-europaeer-geben-donald-trump-einen-korb-a-c41887e1-aef7-471d-baf6-a0e00dc5c1fa> (accessed: 10.07.2020).
18. Merkel gratuliert Biden und Harris – und erwähnt Trump mit keinem Wort. – URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article219641622/Merkel-ueber-Biden-Ich-erinnere-mich-gerne-an-Gespraechе-mit-ihm.html> (accessed: 11.11.2020).
19. Merkel: Zusammenhalt in Europa stärken. 1.07. 2020. – URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2020/kw27-de-regierungsbefragung-701708> (accessed: 3.07.2020).
20. Rede von Außenminister Heiko Maas zur Eröffnung des Wirtschaftstages der Botschafterkonferenz 27. 08. 2019. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-wirtschaftstag-botschafterkonferenz/2241378> (accessed: 3.07.2020).
21. Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur 55. Münchner Sicherheitskonferenz am 16. Februar 2019 in München. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-55-muenchner-sicherheitskonferenz-am-16-februar-2019-in-muenchen-1580936> (accessed: 3.07.2020).
22. U.S. troops are in Europe to defend transatlantic security, German ambassador says 16.06. 2020. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-germany-military-reaction-idUSKBN23M2YO> (accessed: 3.07.2020).
23. USA wünschen sich deutsche Koalition ohne SPD. 01.04.2019. URL: https://www.t-online.de/nachrichten/ausland/usa/id_85504878/usa-setzen-auf-deutsche-koalition-ohne-spd.html (accessed: 3.07.2020).
24. Wunderbar Together: Facts & Figures. – URL: <https://wunderbartogether.org/de/> (accessed: 10.07.2020).

Referenses

1. Vasil'yev V.I. 2020. FRG – SSHA: druzhba po raschetu? [Germany – USA: Friendship of Convenience?] *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International life]. 3.: 24–37. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2318> (data obrashcheniya: 1.07. 2020) (in Russian).
2. Germaniya. 2017 = Germany. 2017. 2018 [V.B. Belov i dr ; otv. red. V.B. Belov]. M., In-t Evropy RAN, 140.
3. Germaniya. 2019 = Germany. 2019. 2020. [V.B. Belov i dr.; otv. red. V.B. Belov]. M., In-t Evropy RAN, 2020, 144.
4. Drug platezhom krasen. Kak Germaniya stala glavnyim opponentom SSHA v Evrope [A friend is red by payment. How Germany became the main opponent of the United States in Europe]. 2020. *Kommersant* [Kommersant]. № 106. 18.06.
5. SSHA i Germaniya bol'she ne soyuzniki? [Are the US and Germany no longer allies?] 26.09. 2019. URL: <https://news.rambler.ru/usa/42891746-ssha-i-germaniya-bolshe-ne-soyuzniki/> (data obrashcheniya: 12.01.2020) (in Russian).
6. Außenhandel Rangfolge der Handelspartner im Außenhandel der Bundesrepublik Deutschland (vorläufige Ergebnisse). 2019. Statistisches Bundesamt (Destatis), 2020. 6. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Wirtschaft/Aussenhandel/Tabellen/rangfolge-handelspartner.pdf?__blob=publicationFile (accessed: 7.07.2020).
7. Außenminister Maas zur Ankündigung der USA, aus dem Vertrag über den Offenen Himmel auszutreten. 21.05. 2020. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-open-skies/2343634> (accessed: 11.06.2020).
8. Borger J. US to pull 12,000 troops out of Germany as Trump blasts 'delinquent' Berlin. 29.07. 2020. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/jul/29/us-germany-troop-withdrawal-donald-trump> (accessed: 1.08.2020).
9. Deutschlandjahr USA 2018/19. URL: – <https://www.goethe.de/ins/us/de/ueb/dju.html#:~:text=Von%20Oktober%202018%20bis%20Ende,einzigartige%20Bedeutung%20der%20transatlantischen%20Beziehungen> (accessed: 10.07.2020).
10. Deutschland und USA: Bilaterale Beziehungen. 26.02. 2020. URL: (accessed: 20.05.2020).
11. Die Deutschen und die USA: Das Ansehen schwindet. 2020.11.06. – URL: <https://www.br.de/nachrichten/deutschland-welt/die-deutschen-und-die-usa-das-ansehen-schwindet,S1Wf3dB> (accessed: 9.07. 2020).

12. Do not assume US still aspires to be a world leader, Merkel warns. 26. 06. 2020. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/26/do-not-assume-us-still-aspires-to-be-world-leader-merkel-warns> (accessed: 7.07. 2020).
13. Gebauer M, Wittrock Ph. Deutschland und die USA: Geht's noch? 2019. 17.02. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/transatlantische-beziehungen-die-verwerfung-a-1253705.html>(accessed: 1.07.2020).
14. Kaminski S. Beziehungen zwischen Deutschland und USA so schlecht wie lange nicht. 11.06. 2020. – URL: <https://www.augsburger-allgemeine.de/politik/Beziehungen-zwischen-Deutschland-und-USA-so-schlecht-wie-lange-nicht-id57527981.html> (accessed: 3.07.2020).
15. Klessmann Ch. 1986. Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945–1955. Bonn, Schriftenreihe der Bundeszentrale für Politische Bildung; Bd.193, 576.
16. Maas H. Wir lassen nicht zu, dass die USA über unsere Köpfe hinweg handeln. 21.08. 2018. – URL: <https://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-wir-lassen-nicht-zu-dass-die-usa-ueber-unsere-koepfe-hinweg-handeln/22933006.html> (accessed: 2.02.2020).
17. Maas und Scholz wollen nicht zu Trump. 9.07. 2020. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/g7-gipfel-europaer-geben-donald-trump-einen-korb-a-c41887e1-aef7-471d-baf6-a0e00dc5c1fa> (accessed: 10.07.2020).
18. Merkel gratuliert Biden und Harris – und erwähnt Trump mit keinem Wort. – URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article219641622/Merkel-ueber-Biden-Ich-erinnere-mich-gerne-an-Gespraechе-mit-ihm.html> (accessed: 11.11.2020).
19. Merkel: Zusammenhalt in Europa stärken. 1.07. 2020. – URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2020/kw27-de-regierungsbefragung-701708> (accessed: 3.07.2020).
20. Rede von Außenminister Heiko Maas zur Eröffnung des Wirtschaftstages der Botschafterkonferenz 27. 08. 2019. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-wirtschaftstag-botschafterkonferenz/2241378> (accessed: 3.07.2020).
21. Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur 55. Münchner Sicherheitskonferenz am 16. Februar 2019 in München. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-55-muenchner-sicherheitskonferenz-am-16-februar-2019-in-muenchen-1580936> (accessed: 3.07.2020).
22. U.S. troops are in Europe to defend transatlantic security, German ambassador says 16.06. 2020. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-germany-military-reaction-idUSKBN23M2YO> (accessed: 3.07.2020).
23. USA wünschen sich deutsche Koalition ohne SPD. 01.04.2019. URL: https://www.t-online.de/nachrichten/ausland/usa/id_85504878/usa-setzen-auf-deutsche-koalition-ohne-spd.html (accessed: 3.07.2020).
24. Wunderbar Together: Facts & Figures. – URL: <https://wunderbartogether.org/de/> (accessed: 10.07.2020).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Родович Юрий Владиславович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuriy V. Rodovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Pedagogical University L.N. Tolstoy, Tula, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).04

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-643-652

Боевые действия на Белгородской черте во второй половине XVII века

Папков А.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28
E-mail: papkov@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассматривается использование укреплений Белгородской черты в ходе военных столкновений. Приведенные данные позволяют говорить о появлении новых приемов ведения боевых действий российскими вооруженными силами, сформировавшимися в ходе создания Белгородской черты и Белгородского полка во второй половине XVII в. Конкретные действия зависели от обстановки и соотношения сил. В их основе лежала тактика, ориентированная на ведение боя с использованием защитных возможностей укреплений Белгородской черты. Черта стала использоваться как прикрытие, обеспечивающее свободу маневра российских воинских формирований. Эти изменения привели к появлению новых тактических приемов у татар. Они стали пытаться разрушить укрепления и обеспечить себе возможность прохода вглубь российской территории и отхода обратно. Это привело к необходимости организации системы охраны и обороны самих укреплений, а также к необходимости решать трудную задачу поддержания их в боеспособном состоянии.

Ключевые слова: Российское царство, Юг России, Крымское ханство, Днепро-Донская лесостепь, Белгородская черта, порубежье.

Для цитирования: Папков А.И. 2021. Боевые действия на Белгородской черте во второй половине XVII века. *Via in tempore. История Политология.* 48(3): 643–652. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-643-652.

Hostility on the Belgorod fortification line in the second half of the 17th century

Andrey I. Papkov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia;
Bunin Yelets State University,
28 Kommunarov St., Yelets, 399770, Russia
E-mail: papkov@bsu.edu.ru

Abstract. The construction of the Belgorod fortification line had a serious impact on the history of Russia in the second half of the 17th century. The use of the fortifications of Belgorod fortification line during military clashes is considered. These data allow us to confirm the emergence of new methods of conducting combat operations by the Russian armed forces, which were created in the second half of the

17th century. These armed groups appeared as a result of the construction of the Belgorod fortification line and the formation of the Belgorod regiment. Specific actions depended on the situation and the balance of forces. The battle tactics focused on the use of the defensive capabilities of the fortifications of the Belgorod fortification line. Since this time Belgorod fortification line was used as a cover, ensuring the freedom of movement of Russian military formations. These changes led to the emergence of new tactics among the Tatars. The Tatars tried a shot to destroy the fortifications. The destruction of the fortifications provided the possibility of penetration into the territory of the Russian state and allowed to go back out. These changes led to the need to organize a system of protection and defense of the fortifications of Belgorod fortification line, as well as to the need to solve the problem of their repair.

Keywords: Russian Tsardom, South of Russia, Crimean Khanate, Dnepr-Don forest-steppe, Belgorod fortification line, frontier.

For citation: Papkov A.I. 2021. Hostility on the Belgorod fortification line in the second half of the 17th century. *Via in tempore. History and political science.* 48 (3): 643–652 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-643-652.

Введение

Белгородская черта как уникальное военно-инженерное сооружение достаточно активно изучается исследователями. При этом, начиная с работы В.П. Загоровского, традиционно акцент делается на строительстве и ремонте укреплений Белгородской черты [Загоровский, 1969. С. 70–243; Жигалов В.М., Бобов А.Г., 2016. С. 3–17; Субботин П.Ю., 2016. С. 18–22; Жигалов В.М., Бобов А.Г., 2017. С. 29–42; Папков А.И., 2017. С. 48–54; Жигалов В.М., 2018. С. 24–29; Жигалов В.М., 2019. С. 74–93], внешнеполитическом значении этой оборонительной линии [Загоровский, 1969. С. 277–289], формировании и структуре вооруженных сил Белгородского разряда [Курбатов О.А., 2018. С. 56–65; Ляпин Д.А., 2018. С. 78–82; Петрухинцев Н.Н., 2018. С. 103–113; Великанов В.С., 2019. С. 35–43; Курбатов О.А., 2019. С. 98–109; Петрухинцев Н.Н., 2020. С. 71–88; Скобелкин О.В., 2019. С. 138–144; Великанов В.С., 2020. С. 27–36; Малов А.В., 2020. С. 50–60; Шварев Е.В., 2020. С. 120–124], значении Белгородской черты для заселения и хозяйственного освоения южной окраины России [Ракитин А.С., 2016. С. 55–60; Мизис Ю.А., 2018. С. 83–87]. В.П. Загоровский отмечал, что прочность Белгородской черты подтверждали многочисленные столкновения небольших татарских отрядов с гарнизонами и населением на черте, но детально их не рассматривал, ограничившись несколькими примерами [Загоровский, 1969. С. 281]. В частности, был описан эпизод 1 сентября 1658 г., когда несколько сот татар пытались пересечь р. Усмань через мост у села Усмань-Собакина. Попытка оказалась неудачной; была предпринята еще одна, тоже неудачная. Однако этот отряд смог пройти за Белгородскую черту 7 сентября 1658 г., разломав надолбы восточнее г. Воронежа. В районе г. Усмани 8 августа 1660 г. русские служилые люди, заняв оборону на земляном валу, отбили отряд татар, который насчитывал около 300 чел. Весной 1673 г. значительные силы татар появились на Новооскольском и Верхососенском участках Белгородской черты. Здесь они смогли прорваться за черту, для чего им пришлось сжечь ослон вала. Район их вторжения, однако, ограничился Новооскольским, Верхососенским и Усердским уездами. Далее В.П. Загоровский отметил, что в период 1674–1681 гг. в восточной части Белгородской черты происходили постоянные бои. Летом-осенью 1674 г. появление татар и калмыков было отмечено у Нежегольского, Новооскольского, Верхососенского, Ольшанского, Острогжского, Коротоякского, Костенского, Воронежского, Орловского, Усманского, Сокольского участков Белгородской черты. В 1675 г. татары прошли в Воронежский уезд, осаждали Хреновской острожек, переправившись через р. Усмань и преодолев укрепления на Орловском участке Белгородской черты. Исследователь отмечал проходы вражеских отрядов через «проломное место» в валу Белгородской черты восточнее Нового Оскола. Этому вопросу посвящены две статьи современных исследователей

[Чепухин А.Г., 2016. С. 70–76; Чуриков И.В., 2019. С. 160–166]. Известен пример 1676 г., когда татары раскопали земляной вал у Бельского острога и прорвались за черту, но были выбиты козловцами [Загоровский, 1969. С. 286].

Изучению Болховского участка Белгородской черты посвящена монография [Жигалов В.М., Бобов А.Г., 2017], в которой не только рассмотрены устройство и ремонт укреплений, заселение города и уезда, но и сделаны важные наблюдения о несении службы на Болховском участке Белгородской черты. Казаки из Болховца ежедневно направлялись на сторожевую службу в земляные городки по черте: с 1668 г. – по 5 чел. в городок, с 1677 г. – по 3 чел., а с 1696 г. казаков стали посылать на ежедневную службу к трем проезжим воротам, имевшимся на этом участке Белгородской черты (по 10 чел. к каждому) [Жигалов В.М., Бобов А.Г., 2017. С. 30–32].

Таким образом, несмотря на достаточно активное изучение истории Белгородской черты, не до конца ясными остаются вопросы использования укреплений Белгородской черты при военных столкновениях непосредственно на самой черте.

Объекты и методы исследования

Целью настоящей работы является рассмотрение военных действий, происходивших во второй половине XVII в. непосредственно на Белгородской черте. Такой подход позволяет определить эволюцию тактических приемов ведения боя с использованием создававшихся военно-инженерных сооружений на южной окраине России. С учетом указанной задачи применяются конкретно-исторический, хронологический и историко-сравнительные методы исследования.

Результаты и их обсуждение

Строительство Белгородской черты уже на первом этапе, в 1635–1645 гг., позволило перекрыть отдельные пути татарских набегов укреплениями, но, судя по отпискам воевод городов Белгородской черты, их основной задачей оставалось выявление татарских отрядов, предупреждение о надвигающейся опасности жителей своих уездов и передача этих сведений в соседние крепости и Разрядный приказ. Об этом свидетельствуют отписки воевод Вольного и Хотмыжска 1644 г. [Акты Московского государства..., Т. 2. № 204, 208, 212, 1896]. Основная задача, характерная для этого времени, изложена в отписке вольновского воеводы Н. Ларионова (июль 1644 г.): «И я Вольного города служилым людем, козаком и стрельцом, всем велел быть готовым, чтоб в приход воинских людей татар слобод бы извоевать не дать, а женам их и детям с животы велел быть в городе» [Акты Московского государства..., Т. 2. № 213, 1896], подобным образом действовал хотмыжский воевода И. Львов «...по тем вестем из Хотмыжского уезду детям боярским и с посаду козаков, и стрельцов, и пушкарей, и всяких чинов служилых и жилецких людей с женами и детьми велел сбить в осаду в город» [Акты Московского государства..., Т. 2. № 218, 1896]. О том, что в это время основной задачей воевод городов Белгородской черты являлось предупреждение жителей своего уезда и их сбор в крепости для защиты от татар, свидетельствует указ от 7 апреля 1648 г., в котором говорится о необходимости постоянно посылать в указанные города грамоты о сборе уездных жителей в крепости при появлении опасности. Примером таких грамот являются царские указы, направленные в Белгород воеводе Т.Ф. Бутурлину 9 и 12 апреля 1648 г. [Акты Московского государства..., Т. 2. № 319, 321, 1896].

Первые сведения о непосредственном использовании укреплений Белгородской черты для ведения оборонительных действий содержатся в наказе в Яблонов воеводам А.И. Буйносову-Ростовскому и С.М. Вельяминову от 8 мая 1648 г. [Акты Московского государства..., Т. 2. № 331, 1896]. Помимо традиционных указаний об организации разведки, сборе жителей в город при угрозе татарского набега, в этом документе были назна-

ченны «сходные воеводы», определен порядок прибытия подкреплений из других городов и совместных действий воевод: «И будет крымский царь и большие воинские люди придут на государеву украину, и ему, князю Алексею (А.И. Буйносову-Ростовскому.– А.П.), по государеву указу, со всеми крайними воеводами велено идти против крымского царя и царевичей и больших воинских людей встречу на прямой бой». Это указание свидетельствует об увеличении сил в городах степной окраины России, их консолидации и возможности организации отпора вторжениям силами служилых людей Белгородской черты и соседних городов. В этом же документе есть указания на использование построенных уже укреплений Белгородской черты для ведения боевых действий. В частности, воеводы Белгорода, Болховца и Карпова, в случае получения известий о движении противника по Бакаеву или Муравскому шляхам к Белгородскому или Карповскому участкам черты, должны были «со всеми людьми стоять по валу в городках или по башням, и с воинскими людьми у валу и у крепостей велеть биться, и над ними промышлять, чтоб однолично воинских людей через вал не пропустить». Аналогичное указание было дано воеводам Царева-Алексеева и Верхососенска на случай движения татар по Кальмиусской сакме, таким же образом надлежало действовать А.И. Буйносову-Ростовскому в Яблонове при появлении врага на Изюмской сакме, равно как и воеводам в районе Воронежского, Усманского и Козловского участков черты. В этом случае можно говорить о появлении оборонительной тактики, ориентированной на имеющуюся систему укреплений. На участках формирующейся Белгородской черты, где еще не были построены валы или там, где особенности ландшафта диктовали иные формы ведения боевых действий, воеводы получали соответствующие указания. Воеводе Коротояка Даниилу Яковлеву было велено организовать оборону с опорой на р. Дон и Тихую Сосну, последняя река как оборонительный рубеж определялась для служилых людей Ольшанска и Усерда. Следует обратить внимание на еще одно указание Разряда, который предписывал «над воинскими людьми у крепостей и в крепких местах промышлять <...>, а вдаль за крепости за воинскими людьми не ходить, чтоб не найти на большие люди». Таким образом, начинает выстраиваться тактика ведения боевых действий российскими вооруженными силами, ориентированная на максимальное использование преимуществ, создаваемых Белгородской чертой.

Однако нельзя сказать, что в это время предложенные меры уже сложились в постояннодействующую систему. Так, в царском указе с боярским приговором от 30 апреля 1652 г. [Акты Московского государства..., Т. 2. № 463, 1896], согласно которому Г.С. Куракин со служилыми людьми должен был переместиться для организации обороны из Яблонова в Белгород, расписываются «сходные воеводы», содержатся требования проведения разведки, указывается на необходимость держать караулы в городских укреплениях (в Белгороде и Яблонове) и по земляному валу (на Яблоновском участке), но ничего не говорится о приемах противодействия врагу. В этом же году воеводам городов Белгородской черты был разослан царский указ с требованием действовать осторожно, чтобы не столкнуться с превосходящими силами противника, основной упор делать на охрану укреплений, чтобы не допустить прорыва татар через них [Акты Московского государства..., Т. 2. № 477, 1896]. В сентябре 1652 г. было решено еженедельно направлять грамоты всем воеводам городов Белгородской черты с указанием, «чтоб по всей черте сторожа была крепка». Речь опять идет не только о защите населения от внезапных набегов, но и об организации разъездов вдоль вала, «чтоб татаровя ночью порою украдом валу не раскопали и надолоб не разметали...» [Акты Московского государства..., Т. 2. № 473, 1896]. Следовательно, в результате строительства Белгородской черты не только формировалась новая тактика русских войск, но и изменялся характер действий татар.

25 мая 1654 г., после получения в Разрядном приказе сведений о подготовке крымцев к походу на польские и украинные российские города, в Яблонов была направлена царская грамота с предписанием собирать сведения о перемещении крымцев и ногаев, круглосуточно держать служилых людей в деревянных и земляных укреплениях, чтобы не

позволить татарам скрытно разрушить вал или надолбы. А при появлении значительных сил противника собрать силы «сходных воевод» и не пропустить врага за линию укреплений [Акты Московского государства..., Т. 2. № 604, 1896]. Воевода В. Боголюбский в отписке, полученной в Москве 24 июня 1659 г., объяснял отсутствие возможности для проведения ремонта укреплений Усманского участка черты тем, что усманцы «...беспрестани на твоей службе стоят по валу» [Акты Московского государства..., Т. 2. № 1139, 1896]. Значит, можно предположить, что несение службы для обеспечения сохранности укреплений и предотвращения прорыва татар через Белгородскую черту стало постоянной практикой. Тем не менее, судя по грамотам, направлявшимся из Разрядного приказа в города Белгородской черты в 70-е гг. XVII в., основной задачей воевод продолжала оставаться организация системы сбора информации о появлении татарских отрядов. Формулировки наказов позволяют говорить о том, что при появлении опасности необходимо было укрыть жителей и скот, чтобы их не захватили. При появлении незначительных по численности отрядов противника воевода должен был организовать на них поход [Чепухин, 2016. С. 70].

Ситуация изменилась весной 1673 г., когда силы крымского хана Селим-Гирея начали поход на Россию, в ходе которого пытались разрушить укрепления Белгородской черты. В это время татарские отряды смогли углубиться за Белгородскую черту на расстояние 20–30 км. 14 мая 1673 г. в Верхососенске получили известия о переправе татар через р. Тихую Сосну. Посланные для выяснения обстановки станичники были захвачены. Крымцы смогли выйти к посаду Верхососенска. Численность отряда оценивается в 2 000 чел. Вероятно, они преодолевали укрепления на разных участках, есть упоминание об их проходе через засеку и через вал. Через вал прошел отряд татар численностью более 200 чел. Чтобы осуществить прорыв, крымцы выбили из караульной башни находившихся там казаков. Саму башню подожгли, от горящей башни загорелся дубовый ослон вала, находившийся на расстоянии около 20 саженей по обе стороны от горящей башни. После этого вал можно было разрушить, и крымцы двинулись к Верхососенску. Воевода Иван Секиотов со служилыми людьми выступил им навстречу. Судя по количеству потерь (один убитый татарин, два погибших верхососенских казака и трое раненых), бой был скоротечным. Вероятно, как обычно, татары не пытались штурмовать крепость, на посадке они захватили пленных и скот. Вылазка гарнизона Верхососенска, скорее всего, также преследовала цель не позволить нападавшим захватить «полон».

17 мая 1673 г. в девяти верстах от Нового Оскола ночью татары раскопали вал и пошли в Верхососенский и Усердский уезды. Новооскольский воевода Григорий Мезенцев, получив известия об этом, собрал своих людей городской службы и направился в направлении прорыва вала. У р. Серебрянки воевода остановился с основными силами, а вперед направил отряд численностью в 300 чел. под командованием головы И. Васютина. Этот отряд встретился с двумя сотнями татар, которые возвращались из Верхососенского уезда к месту «пролома» вала (районе сторожевого городка Крюк). В ходе боя удалось отбить угнанный скот и выбить крымцев за вал. Отряд Васютина потерял двух человек, а по словам головы, много татар было убито и ранено.

13 июня 1673 г. Белгородскую черту пересек ногайский отряд численностью около 500 чел. Произошло это на участке между Верхососенском и Новым Осколом. Для прохода был использован тот же разрушенный участок вала в районе сторожевого острожка Крюк. Примечательно указание, что через несколько дней, 17 июня, еще один отряд татар на этом же участке черты появился у вала, но не пытался его преодолеть, степняки поджигали дубовый ослон. Вероятно, таким образом, они готовили место для нового «пролома». В этот раз им удалось выжечь порядка 200 саженей [Чепухин, 2016. С. 71–72].

Перебравшись через черту, степняки двинулись в сторону Верхососенска. Они были встречены служилыми людьми Верхососенска; несмотря на ожесточенное сопротивление, крымцы смогли захватить скот и пастухов. В этом бою погибло 12 верхососенцев,

сведений о раненых нет. В Верхососенск прибыло подкрепление из Усерда. Объединенный отряд догнал ногаев на р. Сосне у вала. Судя по отписке верхососенского воеводы И. Секиотова от 20 июня 1673 г. [Чуриков, 2019. С. 161–161], в условиях боя татарам было сложно преодолевать даже разрушенные укрепления Белгородской черты. Чтобы отвлечь внимание русских служилых людей и обезопасить свой отход в степь, они зажгли находившуюся рядом «глухую караульную башню» (не имевшую ворот для прохода через вал. – А.П.). Можно предположить, что этот прием оказался эффективным, поскольку татары не понесли значительных потерь и уже на следующий день, 14 июня 1673 г., вновь оказались за чертой, на территории Верхососенского уезда, где «отогнали» скот в с. Солдатское, деревни Плохино и Завальцево, после чего вновь ушли через разрушенный вал в районе сторожевого городка Крюк. Из Разряда была направлена грамота воеводе Белгородского полка Г.Г. Ромодановскому с предписанием направить в Верхососенск ратных людей из полка. О таком направлении сведений нет, но известно, что преследование было организовано усердским воеводой Михаилом Бешенцовым. Он направил грамоты в Валуйки, Ольшанск, Верхососенск и Новый Оскол, прося прислать отряды для организации совместного похода. Воеводы Нового Оскола и Верхососенска помощь не прислали, сославшись на большие потери. Воевода начал преследование 18 июня 1673 г. К этому времени пришло подкрепление: 200 служилых людей из Ольшанска и отряд из Валук под командованием Кузьмы Шеховцова. Две недели у сводного отряда ушло на поиск и преследование, лагерь татар был обнаружен при впадении р. Боровой в Северский Донец, ниже Царева-Борисова. В ходе боя степняки были разгромлены, а полон отбит.

В дальнейшем татары продолжали периодические попытки преодолеть укрепления Белгородской черты. 1 августа 1674 г. отряд татар численностью более 200 чел. в районе Верхососенска пытался перебраться через Белгородскую черту. Известно, что они осматривали вал ночью, «тайным обычаем». Врага заметили новооскольские служилые люди, находившиеся в караульном городке, они открыли огонь из пищалей, и татары отошли в степь [Чепухин, 2016. С. 74]. На Новооскольском участке Белгородской черты 4 октября 1676 г. калмыки разрушили земляной вал и прошли за черту. Однако отряд, посланный из Нового Оскола, настиг их на р. Белый Колодезь, освободил пленных и отбил скот. 10 июля 1677 г. значительный отряд под командованием мурзы Амет-Аги (около 1 000 чел.) прошел через Новооскольский вал. Затем крымцы разделились и направились в Новооскольский и Верхососенский уезды, а также двинулись в направлении г. Усерда. Основной удар был нанесен по посаду Верхососенска. После подавления сопротивления гарнизона татары двинулись в уезд. Верхососенский воевода успел предупредить гарнизон Усерда, но, несмотря на это, татары захватили два стада в окрестностях города (скот удалось отбить). В этот раз в Новооскольском и Верхососенском уездах татарам удалось захватить значительный «полон» – более 500 чел. В росписи, составленной воеводой М. Селивановым, указано, что в Верхососенске попало в плен 456 чел., угнано 951 лошадь, 1 640 коров и 5 130 овец; в Новооскольском уезде пленено 48 чел., угнано 96 лошадей, 170 коров и 450 овец. 17 июля степняки начали перебираться обратно через укрепления Белгородской черты. Это дало определенный запас времени усердскому воеводе. Он выслал отряд служилых людей под командованием подьячего Семёна Александрова, который вышел за черту и устроил засаду в урочище Сенькина Дубрава, между Большим Валуйским лесом и верховьями р. Сосны. Начавших переправу через р. Сосну татар атаквали, завязался бой. Не выдержав ответного удара, русские служилые люди отошли в дубраву, татары спешили, и бой в лесу продолжался с полудня до наступления темноты. Используя возможности организации обороны в лесу, несмотря на окружение, превосходящие силы противника (порядка 800 чел.) и применение крымцами огнестрельного оружия, усердскому отряду удалось выстоять (погиб один и 11 служилых людей были ранены). С наступлением ночи татары завершили прерванную переправу и ушли в степь. Отбить пленных и скот в этот раз не удалось [Чуриков, 2019. С. 164–165].

Указание действовать против татар и изменников-черкас, ориентируясь на укрепления Белгородской черты, содержится в грамоте, присланной из Разрядного приказа Г.Г. Ромодановскому 20 декабря 1660 г. При появлении вражеских сил он должен был «идти к черте и по черте», где надлежало перехватить противника, не позволив ему пройти вглубь государственной территории [Акты Московского государства..., Т. 3. № 254, 1896]. Вероятно, к этому времени в Разряде уже сформировалось представление о целесообразности использования Белгородской черты в качестве прикрытия для воинских контингентов, перемещавшихся в ходе ведения боевых действий. Порой это представление приводило к неоправданным решениям. Так, 10 февраля 1661 г. из Москвы Г.Г. Ромодановскому приказали обеспечить защиту Путивля и других северских городов, для чего ему было велено «идти и стать по черте», а из лагеря отправить отряды против активизировавшихся в этом районе татар. Воевода был вынужден сообщить о невозможности выполнения этого плана, поскольку от ближайшего города Белгородской черты, Карпова, до Путивля было 150 верст, «и с черты в Путивль и в Путивльский уезд под разгонных людей мне твоих ратных людей для береженья посылать далеко» [Акты Московского государства..., Т. 3. № 336, 1896].

В наказе Ф.Л. Волконскому, данном при его назначении воеводой Белгородского полка 30 июля 1675 г., содержатся традиционные указания на необходимость сбора сведений о противнике и укрытии жителей уезда в город в случае опасности, об организации круглосуточных караулов как в крепости, так и по валу, в стоялых острожках и земляных городках. Караульные должны были не допустить проникновения противника через вал вглубь российской территории. Для обеспечения безопасности самих служилых людей следовало организовать ремонт укреплений по черте, а при необходимости – сооружение новых, в том числе продолжить ослонение дубовыми бревнами вала с напольной стороны. В том случае, если «воинские люди» пойдут к черте или к Белгороду, воевода должен был организовать на них поход, при этом «промышлять... с крепостей и на переправах в крепких местах» [Акты, собранные в библиотеках..., Т. 4. № 206, 1836].

Заключение

Приведенные данные позволяют говорить о появлении новых приемов ведения боевых действий российскими вооруженными силами, формировавшимися в ходе создания Белгородской черты и Белгородского полка во второй половине XVII в. Действия воевод зависели от конкретной обстановки и соотношения сил. Это могли быть как походы против татар при их появлении в районе черты, которые стали возможны благодаря росту численности гарнизонов украинских городов и переброски на окраину сил из центра страны, так и менее решительные действия, в основе которых лежала новая тактика, ориентированная на ведение боя с использованием защитных возможностей укреплений Белгородской черты. Черта стала использоваться как прикрытия, обеспечивающее свободу маневра российских воинских формирований. Эти изменения привели к появлению новых тактических приемов и татарами. Зачастую они стали пытаться скрытно подойти к черте, чтобы разрушить укрепления и обеспечить себе возможность прохода вглубь российской территории и отхода обратно. Это, в свою очередь, привело к необходимости организации системы охраны и обороны уже самих укреплений, а также к необходимости решать трудоемкую задачу поддержания их в боеспособном состоянии.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Список литературы

1. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. СПб., Тип. Акад. наук, 1896. Т. II. XLV, 773 с.
2. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. СПб., Тип. Акад. наук, 1896. Т. III. XLV, 773 с.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., Тип. II отделения, 1836. Т. IV. 500, 21 с.
4. Великанов В.С. 2019. Организация и численность Белгородского разрядного полка в годы русско-турецкой войны 1672–1681 гг. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 4: 35–43.
5. Великанов В.С. 2020. Организация и численность Белгородского разрядного полка в Крымских походах 1687–1689 гг. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 5: 27–36.
6. Жигалов В.М. 2018. О государственном подходе при строительстве городов Белгородской черты в 1630–40 годы XVII века. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 3: 24–29.
7. Жигалов В.М. 2019. Описание и реконструкция крепостных сооружений двух городов Белгородской черты: Болховца и Карпова. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 4: 74–93.
8. Жигалов В.М., Бобов А.Г. 2017. Болховской рубеж. Белгород, Константа: 336.
9. Жигалов В.М., Бобов А.Г. 2017. Город-крепость Яблонов. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 2: 29–42.
10. Жигалов В.М., Бобов А.Г. 2016. О земляном вале Белгородской черты, построенном в 1646 году, от Северского Донца до Ворсклы. В кн.: От Донца до Ворсклы. Белгород, Константа: 3–17.
11. Загоровский В.П. 1969. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета: 304.
12. Курбатов О.А. 2018. Вооружение и снаряжение драгун и прочих ратных людей в первые годы существования Белгородской черты. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 3: 56–65.
13. Курбатов О.А. 2019. Пушкарский наряд в городах Белгородской черты. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 4: 98–109.
14. Ляпин Д.А. 2018. Служилая корпорация детей боярских Козловского уезда в 1637–1651 гг. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 3: 78–82.
15. Малов А.В. 2019. Сметы и сметные росписи Разрядного приказа (1630–1681 годов) в контексте военного строительства в России XVII века. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 4: 50–60.
16. Мизис Ю.А. 2018. Белгородская и Тамбовская черта как часть территории южнорусского фронта. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 3: 83–87.
17. Папков А.И. 2017. Строительство крепости Царев-Алексеев (середина XVII века) В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 2: 48–54.
18. Петрухинцев Н.Н. 2019. От Чигирина до «Восточных походов» Петра I: военные и социальные структуры Белгородского разряда в «Турецких войнах» последней трети XVII в. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 4: 71–88.
19. Петрухинцев Н.Н. 2018. Структура военных формирований Белгородской черты на начальном этапе военных реформ Алексея Михайловича. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 3: 103–113.
20. Ракин А.С. 2016. Роль служилых людей города Данкова в строительстве и заселении Белгородской черты. В кн.: От Донца до Ворсклы. Белгород, Константа: 55–60.
21. Скобелкин О.В. 2019. Пищали в городах Белгородской черты в 185 году. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 4: 138–144.
22. Субботин П.Ю. 2016. «Карпов на реке Ворсклу с верховья с правой стороны»: строительство, заселение и развитие города Карпова в XVII веке. В кн.: От Донца до Ворсклы. Белгород, Константа: 18–22.
23. Чепухин А.Г. 2016. «Пролом» Новооскольского вала в 1673–1677 годы. В кн.: От Донца до Ворсклы. Белгород, Константа: 70–76.

24. Чуриков И.В. 2019. Два пролома Верхососенско-Новоскольского участка черты во время русско-турецкой войны 1672–1681 годов. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 4: 160–166.

25. Шварев Е.В. 2019. Динамика численности служилого населения города-крепости Яблонова во второй половине XVII века. В кн.: Белгородская черта. Белгород, Константа. Вып. 4: 120–124.

References

1. Aktih Moskovskogo gosudarstva, izdannihe imperatorskoyu Akademieyu nauk [The Acts of the Moscow State, Published by the Imperial Academy of Sciences]. Sankt-Peterburg, Tipografiya Akademii nauk, 1896. T. II. XLV, 773 p.

2. Aktih Moskovskogo gosudarstva, izdannihe imperatorskoyu Akademieyu nauk [The Acts of the Moscow State, Published by the Imperial Academy of Sciences]. Sankt-Peterburg, Tipografiya Akademii nauk, 1896. T. III. XLV, 773 p.

3. Aktih, sobrannihe v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheo-graficheskoy ehkspeditsiy imperatorskoy Akademii nauk [Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Sankt-Peterburg, Tipografiya II otdeleniya, 1836. T. IV. 500, 21 p.

4. Velikanov V.S. 2019. Organizatsiya i chislennost' Belgorodskogo razryadnogo polka v gody rusko-turetskoy voyny 1672–1681 gg. [Organization and size of the Belgorod discharge regiment during the Russian-Turkish war of 1672–1681] In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 4: 35–43 (in Russian).

5. Velikanov V.S. 2020. Organizatsiya i chislennost' Belgorodskogo razryadnogo polka v Krymskikh pokhodakh 1687–1689 gg. [Organization and size of the Belgorod discharge regiment in the Crimean campaigns of 1687–1689] In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 5: 27–36.

6. Zhigalov V.M. 2018. O gosudarstvennom podkhode pri stroitel'stve gorodov Belgorodskoy cherty v 1630–40 gody XVII veka [On the state approach in the construction of cities of the Belgorod line in the 1630–40s of the 17th century]. In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 3: 24–29.

7. Zhigalov V.M. 2019. Opisanie i rekonstruktsiya krepostnykh sooruzheniy dvukh gorodov Belgorodskoy cherty: Bolkhovtsa i Karpova [Description and reconstruction of fortifications of two cities of the Belgorod line: Bolkhovets and Karpov]. In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 4: 74–93.

8. Zhigalov V.M., Bobov A.G. 2017. Bolkhovskoy rubezh [Bolkhovsky frontier]. Belgorod: Konstanta: 336.

9. Zhigalov V.M., Bobov A.G. 2017. Gorod-krepost' Yablonov [The fortress city of Yablonov]. In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 2: 29–42.

10. Zhigalov V.M., Bobov A.G. 2016. O zemlyanom vale Belgorodskoy cherty, postroennom v 1646 godu, ot Severskogo Dontsa do Vorskly [About the earthen rampart of the Belgorod line, built in 1646, from the Seversky Donets to Vorskla]. In.: Ot Dontsa do Vorskly [From the Donets River to the Vorskla River]. Belgorod: Konstanta: 3–17.

11. Zagorovskiy V.P. 1969. Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gosuniversiteta: 304.

12. Kurbatov O.A. 2018. Vooruzhenie i snaryazhenie dragun i prochikh ratnykh lyudey v pervye gody sushchestvovaniya Belgorodskoy cherty [Armament and equipment of dragoons and other military men in the first years of the existence of the Belgorod line]. In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 3: 56–65.

13. Kurbatov O.A. 2019. Pushkarskiy naryad v gorodakh Belgorodskoy cherty [Pushkar outfit in the cities of the Belgorod line]. In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 4: 98–109.

14. Lyapin D.A. 2018. Sluzhilaya korporatsiya detey boyarskikh Kozlovskogo uезда v 1637–1651 gg. [Serving corporation of the children of the boyars of the Kozlovsky district in 1637–1651] In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 3: 78–82.

15. Malov A.V. 2019. Smety i smetnye rospisi Razryadnogo prikaza (1630–1681 godov) v kontekste voennogo stroitel'stva v Rossii XVII veka [Estimates and estimated paintings of the Discharge Order (1630–1681) in the context of military construction in Russia of the 17th century]. In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 4: 50–60.
16. Mizis Yu.A. 2018. Belgorodskaya i Tambovskaya cherta kak chast' territorii yuzhnorusskogo frontira [Belgorod and Tambov features as part of the territory of the South Russian frontier]. In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 3: 83–87.
17. Papkov A.I. 2017. Stroitel'stvo kreposti Tsarev-Alekseev (seredina XVII veka) [Construction of the Tsarev-Alekseev fortress (mid-17th century)]. In.: Belgorodskaya cherta. [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 2: 48–54.
18. Petrukhintsev N.N. 2019. Ot Chigirina do «Vostochnykh pokhodov» Petra I: voennye i sotsial'nye struktury Belgorodskogo razryada v «Turetskikh voynakh» posledney treti XVII v. [From Chigirin to the «Eastern campaigns» of Peter I: the military and social structures of the Belgorod category in the «Turkish wars» of the last third of the 17th century] In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 4: 71–88.
19. Petrukhintsev N.N. 2018. Struktura voennykh formirovaniy Belgorodskoy cherty na nachal'nom etape voennykh reform Aleksey Mikhaylovicha [The structure of the military formations of the Belgorod line at the initial stage of the military reforms of Alexei Mikhailovich]. In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 3: 103–113.
20. Rakitin A.S. 2016. Rol' sluzhilykh lyudey goroda Dankova v stroitel'stve i zaselenii Belgorodskoy cherty [The role of servicemen of the city of Dankov in the construction and settlement of the Belgorod line]. In.: Ot Dontsa do Vorskly [From the Donets River to the Vorskla River]. Belgorod: Konstanta: 55–60.
21. Skobelkin O.V. 2019. Pishchali v gorodakh Belgorodskoy cherty v 185 godu [They sang in the cities of the Belgorod line in 185]. In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 4: 138–144.
22. Subbotin P.Yu. 2016. «Karpov na reke Vorskle s verkhov'ya s pravoy storony»: stroitel'stvo, zaselenie i razvitie goroda Karpova v XVII veke [«Karpov on the Vorskla River from the upper right side»: construction, settlement and development of the city of Karpov in the 17th century]. In.: Ot Dontsa do Vorskly [From the Donets River to the Vorskla River]. Belgorod: Konstanta: 18–22.
23. Chepukhin A.G. 2016. «Prolom» Novooskol'skogo vala v 1673–1677 gody [«Break» of the Novooskolsky shaft in 1673–1677]. In.: Ot Dontsa do Vorskly [From the Donets River to the Vorskla River]. Belgorod: Konstanta: 70–76.
24. Churikov I.V. 2019. Dva proloma Verkhosensko-Novooskol'skogo uchastka cherty vo vremya russko-turetskoy voyny 1672–1681 godov [Two breaches of the Verkhosensko-Novooskolsky section of the line during the Russian-Turkish war of 1672–1681]. In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 4: 160–166.
25. Shvarev E.V. 2019. Dinamika chislennosti sluzhilogo naseleniya goroda-kreposti Yablonova vo vtoroy polovine XVII veka [Dynamics of the number of the service population of the fortress city of Yablonov in the second half of the 17th century]. In.: Belgorodskaya cherta [Belgorod Fortification Line]. Belgorod: Konstanta. Vyp. 4: 120–124.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Папков Андрей Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Andrey I. Papkov, candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(470+571)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-653-660

Гужевая транспортировка судостроительной древесины в эпоху парусного флота в России

Лупанова Е.М.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера),

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3

E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

Аннотация. Статья посвящена неисследованным аспектам техники перевозок лесоматериалов с места заготовления к верфям. В XVIII – первой половине XIX в. такие работы имели военно-стратегическое значение – от их качества зависело состояние и боеспособность судов парусного флота. На берегах сплавных рек ресурсы были быстро исчерпаны и материалы стали доставляться к водным коммуникациям гужевым транспортом. История этих масштабных перевозок до сих пор оставалась за рамками исследовательского внимания. Одним из важных вопросов является количество лошадей, требовавшихся для гужевой транспортировки. Современные гужевые перевозки используются для существенно меньших грузов. Сопоставимые с перевозками материалов для строительства парусных кораблей осуществляются исключительно при помощи техники.

Ключевые слова: парусный флот, транспортировка лесоматериалов, гужевой транспорт, тяжеловоз, зимние работы.

Для цитирования: Лупанова Е.М. Гужевая транспортировка судостроительной древесины в эпоху парусного флота в России. *Via in tempore. История Политология.* 48 (3): 653–660. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-653-660.

Horse-drawn transportation of the ship-building wood during the period of sailing navy in Russia

Yevgenia M. Lupanova

Peter the Great's museum for anthropology and ethnography RAS (Kunstkamera),

3 University Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034

E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

Abstract. The article is devoted to some aspects of the technique of wood transportation. This kind of work were especially important during the period of sailing navies, when the qualities of ships depended on the quality of wood. Most oak wood for Russian navy was brought from the Middle Volga region. The Volga was the main river of that transportation, but the resources on its banks were quickly exhausted. Most proper woods grew quite far from it and had to be delivered first by smaller rivers and horses. This technique had not been researched yet. There are two different evidences on the amount of horses needed for pulling wood. The thesis of the article is the sure number, which cannot be inferred from still existing practice because commensurable heavy loads have been transported mechanically only during last several decades. The other theses are – special breeds of draught horses, mainly the winter season of land transportation and high costs according more for a big state great imperial projects then private businessmen.

Key words: sailing navy, wood transportation, horse drawing, breeding draught horses, winter works.

For citation: Lupanova Ye.M. Horse-drawn transportation of the ship-building wood during the period of sailing navy in Russia. *Via in tempore. History and political science.* 48 (3): 653–660 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-653-660.

Введение

Работы по заготовке и транспортировке древесины в эпоху парусного флота играли существенную роль в обеспечении каждого нового навигационного сезона, и потому они имели государственное военно-стратегическое значение. Срок жизни парусных кораблей был коротким. При удачном стечении обстоятельств (корабль не попадал в серьезные штормы, не получал повреждений в сражениях) – 10 лет, лишь в исключительных случаях можно было видеть корабли, остававшиеся на плаву после 20 лет службы на море. Иногда корпуса начинали течь в первое же лето на море. Особенно острой проблема быстрого выхода судов из строя стала в первые десятилетия существования Черноморского флота [Гребенщикова, 2004]. Военный парусный флот требовал постоянного ремонта и обновления судового состава. Эта потребность влекла за собой ежегодные масштабные лесозаготовки. Требования к доставляемым на верфи материалам предъявлялись высокие. Ресурсы такой древесины – здоровые 100–200-летние дубы и безупречно прямые сосны – были исчерпаны уже в первые годы строительства регулярного флота, и в последующие десятилетия первым этапом транспортировки была доставка до сплавной реки, притом это расстояние постоянно увеличивалось по мере дальнейшего истощения. Соответственно, возрастала и роль гужевых перевозок.

В условиях пока еще относительно слабо развитого рынка значение этого процесса было в гораздо большей степени связано со становлением России как *морской империи* и с сохранением этого высокого статуса на *международной арене*, чем с интенсификацией торговли.

В данной статье будет рассмотрен этот до сих пор остававшийся за рамками исследовательского внимания вопрос. Нельзя назвать историю гужевого транспорта вопросом, не получившим разработки в историографии, но историки чаще обращают внимание на пассажирские перевозки и относительно небольшие грузовые [Гольц, 2007; Сидякина, 2015; Трошина, 2015; Журин, 2018; Коноров, Щерба, 2018; Логинова, 2020]. Транспортировка корабельной древесины – перемещение огромных тяжелых грузов – своеобразный вызов технологиям XVIII в. Едва ли какие-либо другие цели строительства или торговли требовали поиска и мобилизации таких мощностей, их постоянного роста и развития.

Гужевые перевозки в прямом и в переносном смысле ложились всей своей тяжестью на плечи податного населения. Вопросы технической реализации замыслов строительства флота на этом этапе не волновали ни столичных чиновников, ни умы академических ученых. Решение технических вопросов на уровне исполнителей обуславливает слабость источниковой базы. Проблема едва ли могла найти отражение в инструкциях и документах делопроизводства. Лишь в качестве исключения из правил можно рассматривать представленный на рассмотрение Вольного экономического общества проект конструкции из катков для перевоза бревен¹⁴⁵. Приходится смириться с тем, что произведения художественной литературы являются едва ли не единственным возможным письменным источником для изучения вопроса. Это обстоятельство признавал еще М.А. Цейтлин, один из авторитетнейших советских специалистов в области истории российского лесного хозяйства.

Однако литературные источники противоречивы. В «Записках жандармского штаб-офицера о эпохе Николая I» упоминается сухопутная перевозка: «... чтобы вывезти дуб на пристань, в особые для того сани запрягают до 150 лошадей. Двинуть с места мало 200 человек, и бьются не один день...» [Стогов, 2003, с. 144]. Можно ли себе представить сани, запряженные 150 лошадьми? В интернете нетрудно найти фотографии американских

¹⁴⁵ Перевод с немецкого, содержащий объяснение модели, присланный Вольному экономическому обществу от г. Миллера. 14 мая 1804 г. // РГИА. Ф. 91. Вольное экономическое общество. Оп. 1. Д. 461. Проекты, записки и письма разных лиц о проведении опытов по выращиванию различных земледельческих культур, предотвращении падежа скота, лечения зубов, об изменении порядка рекрутских наборов, о возделывании пустошей и увеличении лесонасаждений с чертежами и рисунками. 1803–1806 гг. Л. 69–70.

лесозаготовок конца XIX – начала XX в. ¹⁴⁶ Груженные бревнами и запряженные 2–4 лошадьми сани производят впечатление. Фантазии едва хватает увеличить груз и количество лошадей в 2–3 раза.

М.А. Цейтлин писал, что на перевозе древесины с мест рубки лошади редко выдерживали больше года. Его данные существенно отличаются от процитированных выше воспоминаний Э.И. Стогова – в сани запрягали от 10 до 25 лошадей [Цейтлин, 1951, с. 118].

При столь значительной разнице в цифрах следует разобраться в достоверности данных. Для полноты картины следует рассмотреть средства гужевой перевозки и ее сезонный характер.

Объекты и методы исследования

Объектами исследования являются технологии гужевой транспортировки лесоматериалов в России периода парусного флота.

Статья написана в русле технологической истории, одной из основных идей которой является мысль о том, что технологии во многом определяют возможности развития производства, торговли, армии и соответственно – экономики страны и социально-политических отношений.

Технологии заготовки и транспортировки лесоматериалов имели стратегическое значение для положения стран на международной арене в эпоху парусного флота – качество древесины определяло качество военных кораблей; мощный морской флот, в свою очередь, был залогом авторитета державы.

Методология технологической истории была сформулирована и опробована в американской историографии, получила дальнейшее развитие на материалах всего мира. В рамках этой концепции культурная история, социально-экономические процессы, история науки и знаний и многое другое объясняются технологическими новациями [Brush, 1988; Pursell, 1995; Hård, Jamison, 1998]. Такой взгляд по своей сути имеет общее с теорией К. Маркса и Ф. Энгельса о производительных силах как важнейшем факторе исторического процесса [Маркс, Энгельс, 1959], соответственно, различные технологические процессы неизменно привлекали к себе внимание советских историков.

Результаты и их обсуждение

Рубка и вывоз древесины к сплавающим рекам относились к зимним сезонным работам. Труд на лесозаготовках был тяжелым и изнурительным и для людей, и для лошадей.

Для решения поставленного во вводной части статьи вопроса о количестве лошадей, требовавшихся для перевоза лесоматериалов, рассчитаем массу 300-летнего дуба, принимая за средние габариты высоту 30–40 м и диаметр ствола 1,5 м ¹⁴⁷. Объем ствола получится равным 53–70 кубометрам. При средней плотности дуба 750 кг/м³ масса ствола должна составлять порядка 40–50 тонн. Историк Ф.Г. Ислаев пишет о заготовке восьмиметровых дубов и норме вывозки 15–18 пуд (т. е. до 295 кг) на 25 вёрст на каждого конного рабочего, отмечая невыполнимость этих требований [Ислаев, 2018, с. 108]. Представляется, что в использованных им источниках речь шла о среднем распределении нагрузки. Иначе получается, что вывозили очень тонкие жерди или бревна, разрубленные на куски меньше половины кубометра каждый.

Что касается непосильности, одна лошадь при *нормальной* (не экстремальной, приводящей к перенапряжению животного) нагрузке может тащить на санях до 2 т груза, тя-

¹⁴⁶ Архивные фотографии рабочих лошадей прошлого. URL: http://anub.ru/29.11.2013/arhivnie_fotografii_rabochih_loshadey_proshlogo/ (дата обращения 22.04.2021).

¹⁴⁷ Размеры дуба. – URL: <https://razmery.info/priroda/razmery-duba.html> (дата обращения 22.04.2021).

желовоз – до 9–10 т, известны случаи еще большей выносливости. Если 40–50 тонн разделить на 2, то получится, что нужно запрячь в сани 20–25 лошадей; или разделить на 10, и получится 4–5 тяжеловозов [Карлсен, 1951]. Это количество могло быть уменьшено в условиях нехватки лошадей, превышении нормальной нагрузки и создании экстремальной – вспомним слова о коротком веке лошадей на таких работах. Следовательно, данные М.А. Цейтлина, хоть и основаны на литературных источниках, являются достоверными, а для воспоминаний Э.И. Стогова характерно художественное преувеличение.

Попутно стоит отметить, что преувеличение «отягощений и разорений» были в не меньшей степени свойственны обращением лесозаготовителей к власти – обычно их целью было снижение нагрузки. Эти документы соответствовали установке марксистской историографии об «эксплуатации трудящихся» и «угнетения нерусских народов» «народо-давшей капиталистической верхушкой». Сетования на жизнь перекочевали на страницы исторических исследований и по сей день остаются довольно устойчивой традицией. Свидетельствами тому являются не только работы упомянутого уже автора [Ногманов, 2008; Мансурова, 2010; Гафаров, 2018; Демидов, 2018]. Данный тезис нуждается в пересмотре. Вопросы, связанные с тяготами и лишениями людей, занятых на лесозаготовках, будут рассмотрены в одной из следующих публикаций. В данной же публикации уместно сказать о тащивших бревна лошадях.

История русского флота начиналась на Дону, в Воронеже и его окрестностях. В 1701 г. для развития судостроения туда было переселено около тысячи крестьянских дворов. Эти хозяйства следовало обеспечить лошадьми-тяжеловозами. Петр I приказал отправить из Скопинского дворцового завода в Рязанской губернии 63 «кобылиц и жеребцов», среди которых были лошади голштинские, мекленбургские, неаполитанские, датские, голландские (из перечисленных особенно важно было наличие голландских тяжеловозов). Они должны были дать потомство вместе с прибывшими немногим ранее лошадьми, многие из которых уже были облагорожены датско-голландской кровью, так как переселенцы выбирались из заводских слобод придворных конюшен. Богатые травмами пастбища окрестностей Воронежа в совокупности с селекцией наиболее сильных и выносливых животных стали условиями появления особой породы тяжеловозов – битогов, активно использовавшихся на лесозаготовках в течение всего рассматриваемого периода [Дубенский, 1896; Кечеджи-Шаповалов, 1912].

Гужевые работы преимущественно носили сезонный характер. Большая их часть производилась зимой, на саях, по хорошему слою снега. Каждый ствол старались начать перевозить к реке сразу после валки и обрубки ветвей и суков. Так как рыхлый снег не может долго держать бревно (оно начинает проваливаться, кроме того, его может замести свежим снегом), перевозку спешили осуществить без остановок, перепрягая лошадей на ходу [Цейтлин, 1951, с. 118].

Летом объемы транспортировок были существенно ниже. Их осуществляли при помощи волоков – среди буреломов и болот они были значительно практичнее колес. Волоки представляли собой оглобли, «которых верхних концы также запрягаются посредством дуг, а нижние, имея вид клюки, соединены между собою довольно толстою подушкою, или попереченою, чтоб могла выдержать тяжесть бревна». Волоки делали из елей. Перед транспортировкой вершину бревна обтесывали и захватывали цепью, «которой один конец прикреплен к поперечине, соединяющей оглобли вышеупомянутой подушки», в волоки запрягали лошадей и тащили бревно к реке по заранее подготовленной дороге [Цейтлин, 1940, с. 66].

В целом чем дальше был гужевой перевоз, тем дороже стоили материалы [Гильдеман, 1836; Кувалдин, 1952; Истомина, 1982]. Путь до сплавной реки и перевоз по суше между реками был самой трудоемкой частью транспортировки. Дальность сухопутных перевозок определяла зоны правительственной охраны лесов – леса, расположенные далеко от рек, не подлежали охране. Дороговизна гужа предопределяла низкие коммерческие

выгоды. Гуж был приемлем для амбициозных имперских проектов, но купцам зачастую был невыгоден. Яркий пример тому приводит А.А. Фет в очерке «Из деревни»: «в Орле пуд ржи с небольшим 30 к., в Москве 40 к. Доставка до Москвы с небольшим 60 к. за пуд. Следовательно, мне почти вдвое выгоднее сжечь свою рожь на месте, чем тащить ее гужом в Москву» [Фет, 1863].

Выводы

Для гужевой доставки заготовленных лесоматериалов к сплавающим рекам в сани запрягали до 20–25 простых лошадей или 4–5 тяжеловозов.

При сухопутных перевозках лесоматериалов для строительства регулярного военно-морского флота была выведена особая порода лошадей – битюги, произошедшие от скрещивания голландских тяжеловозов с русскими в условиях обильных пастбищ и целенаправленного отбора наиболее приспособленных к тяжелому труду животных.

Гужевые перевозки имели сезонный характер, осуществлялись зимой, были самым тяжелым и дорогостоящим этапом заготовки и транспортировки материалов для строительства кораблей.

Список литературы

1. Гафаров И.А. 2018. «Корабельная» повинность лашманов Буинского уезда в XVIII – первой половине XIX века: некоторые штрихи. Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ: 51–62.
2. Гильдеман Г. 1836. О доставке леса сухим путем. Лесной журнал. Ч. 2: 25–67.
3. Гольц Г.А. 2007. Гужевой транспорт и гужевые пути сообщения в России (исторический очерк). Россия и современный мир. 1 (54): 119–139.
4. Гребенщикова Г.А. 2004. Строительство Военно-Морского флота на Чёрном море в 30–50-е гг. XIX века. Дисс. ... к. и. н. СПб.: 225 с.
5. Демидов А.Н. 2018. Лашманы из служилой мордвы (по материалам переписей XVIII века). Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ: 73–80.
6. Житков С.М. 1900. Исторический обзор устройства и содержания водных путей и портов в России за столетний период 1798–1898. СПб.: тип. Мин. путей сообщения, 264.
7. Журин Н.П. Гужевой транспорт как активная составляющая крупного сибирского города начала XX века. Балдинские чтения. 2018. Т. 13. 1: 234–237.
8. Инструкция для лесогона. 1941. Кривой рог: Криворожский дом техники, 13.
9. Ислаев Ф.Г. 2018. Происхождение и социально-экономическая эволюция лашманской деревни Подлесный Утямыш. Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ: 104–111.
10. Истомина Э.Г. 1982. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 279.
11. Истомина Э.Г. 2016. Корабельные леса Европейской России как ресурс регионального развития в XVIII–XIX вв. Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 10: 106–119.
12. Карлсен Г.Г. 1951. Использование рабочих лошадей в колхозах. М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 208.
13. Конорев В.В., Щерба А.Н. 2018. Транспортные проблемы вооруженной борьбы во второй половине XIX в. Клио. 10 (142): 159–162.
14. Корпачев В.П., Пережилин А.И. 2019. Оценка объемов топяковой древесины на реке Енисей на участке от Усть-Маны до Красноярска. Хвойные бореальной зоны. Т. 37. 2: 118–121.
15. Кувалдин Б.И. 1952. Из прошлого сухопутных перевозок леса в России. Лесная промышленность. 6: 14–17.

16. Лихорадова И.Н., Мурыгин Н.Д. 2013. Формирование групп строительных рабочих и рабочих гужевого транспорта в Воронежской губернии в пореформенный период. Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2 (2): 18–26.
17. Мансурова Ю.В. 2010. Казанская адмиралтейская слобода в XVIII–XIX вв.: дисс... к. и. н. Казань: 231.
18. Маркс К., Энгельс Ф. 1959. К критике политической экономии. Собрание сочинений. Т. 13. М.: Политиздат, 771.
19. Стогов Э.И. 2003. Записки жандармского штаб-офицера о эпохе Николая I. М., Индрик, 239.
20. Ногманов А.И. 2008. Феномен лашманства в татарской истории. Образование и просвещение в губернской Казани: сб. ст. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ: 19–26.
21. Сидякина А.Г. 2015. Функционирование внутригородского гужевого транспорта на Кубани и в Причерноморье в конце XIX – начале XX века. Культурная жизнь Юга России. 2 (57): 47–51.
22. Трошина Т.И. 2015. Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. Материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб., изд. ГУМ РФ им. Адм. С.О. Макарова, 2015: 207–215.
23. Фет А.А. 1863. Из деревни. Русский вестник. 1: 438–470.
24. Цейтлин М.А. 1940. Лесная промышленность крепостной России. Сдвиги в экономике и технике лесозаготовок и лесопиления крепостной России: Дис. ... канд. экон. наук. Л., 156.
25. Цейтлин М.А. 1951. К вопросу о возникновении капиталистической эксплуатации крестьян в крепостной России (государственные крестьяне на лесозаготовках). Сборник научных трудов Ленинградского финансово-экономического института. Вып. 4. Л., ЛЭФИ: 101–151.
26. Шарапов Н.И. 1958. Рационализация перевозки леса в плотях в открытых водоемах. М., Речной транспорт, 150.
27. Широкова, В.А., Снытко В.А., Чеснов В.М. и др. 2011. Вышневолоцкая водная система: ретроспектива и современность. Гидролого-экологическая обстановка и ландшафтные изменения в районе водного пути. Экспедиционные исследования: состояние, итоги, перспективы. М., ИИЕТ РАН, 246.
28. Шункова Н.О., Ушанова В.М. 2017. Основные причины экологических проблем реки Мана. Лесной и химический комплексы – проблемы и решения. Сб. материалов по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева: 374–377.
29. Ястребов Е.В. 1974. Из истории освоения лесных ресурсов Урала. Сборник трудов Московского областного педагогического института. Вопросы природных ресурсов. М., Тип. ТАСС: 107–115.
30. Brush S.G. 1988. The History of Modern Science: A Guide to the Second Scientific Revolution 1800–1950. Ames: Iowa State University Press, 544.
31. Hård M., Jamison A. 1998. The Intellectual Appropriation of Technology: Discourses on Modernity, 1900–1939. Cambridge, London: MIT Press, 288.
32. Pursell C. 1995. The Machine in America: a Social History of Technology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 358.

References

1. Gafarov I.A. 2018. «Korabel'naya» povinnost' lashmanov Buinskogo uyezda v XVIII – pervoy polovine XIX veka: nekotorye shtrikhi [«Ship» duty of lashmans of Buinskogo uyezd in the 18th – first half of the 19th century: some details]. Kazanskoe admiralteystvo (1718–1830 gg.): narody Povolzh'ya i traditsii rossiyskogo sudostroeniya. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT: 51–62.
2. Gil'deman G. 1836. O dostavke lesa sukhim putem [On the delivery of woods by the land]. Lesnoy zhurnal. Part. 2: 25–67.
3. Gol'ts G.A. 2007. Guzhevoy transport i guzhevye puti soobshcheniya v Rossii (istoricheskiy ocherk) // Rossiya i sovremenniy mir. 1 (54): 119–139.
4. Grebenshikova G.A. 2004. Stroitel'stvo Voyenno-Morskogo Flota na Chyornom more [Building navy on the Black sea in 1830–50-es]. Diss. k. i. n. St. Petersburg, 225.

5. Demidov A.N. 2018. Lashmany iz sluzhiloy mordvy (po materialam peregisey XVIII veka) [Lashmans from the serving Mordva (on the materials of enumerations of the 18th century)]. Kazanskoe admiralteystvo (1718–1830 gg.): narody Povolzh'ya i traditsii rossiyskogo sudostroeniya. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT: 73–80.
6. Zhitkov S.M. 1900. Istoricheskiy obzor ustroystva i sodержaniya vodnykh putey i portov v Rossii za stoletniy period 1798–1898 [Historical survey of organizing and supporting the water ways and ports in Russia during the period 1798–1898]. St. Petersburg, tip. Min. putej soobshheniya, 264.
7. Zhurin N.P. Guzhevoy transport kak aktivnaya sostavlyayushchaya krupnogo sibirskogo goroda nachala XX veka [Horse-drawn transport as an active part of big Siberian city in the beginning of the 20th century]. Baldinskie chteniya. 2018. T.13. 1: 234–237.
8. Instrukciya dlya lesogona [Wood-driver's instruction]. 1941. Krivoy rog, Krivorozhskiy dom tehnik, 13.
9. Islaev F.G. 2018. Proishozhdenie i social'no-ekonomicheskaya evoluciya lashmanskoj derevni Podlesnyy Utiamysh [The origin and social-economical evolution of lashmen's village Podlesnyy Utiamysh]. Kazanskoe admiralteystvo (1718–1830 gg.): narody Povolzh'ya i traditsii rossiyskogo sudostroeniya. Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 104–111.
10. Istomina E.G. 1982. Vodnye puti Rossii vo vtoroi polovine XVIII – nachale XIX veka [Water communications of Russia in the second half of the 18th – early 19th centuries]. Moscow, Nauka, 279.
11. Istomina E.G. 2016. Korabel'nye lesa Evropejskoj Rossii kak resurs regional'nogo razvitiya v XVIII–XIX vv. [Naval woods of European Russia as a resource of regional development in the 18–19th centuries]. Vestnik RGGU. Seriya «Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie». 10: 106–119.
12. Karlsen G.G. 1951. Ispol'zovanie rabochih loshadej v kolkhozakh [The usage of working horses at the collective farms]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo sel'skohoziaystvennoj literatury, 208.
13. Konorev V.V., Shcherba A.N. 2018. Transportnye problemy vooruzhennoj bor'by vo vtoroi polovine XIX v. [Transport problems of military struggle in the second half of the 19th century] Clio. 10 (142): 159–162.
14. Korpachev V.P., Perezhilin A.I. 2019. Otsenka ob'emov topliakovoy drevesiny na reke Enisej na uchastke ot Ust'-Many do Krasnoyarska [The estimation of drawn woods in the rivers Yenisei from Ust'-Many to Krasnoyarsk]. Hvoynye boreal'noj zony, T. 37, 2: 118–121.
15. Kuvaldin B.I. 1952. Iz proshlogo sukhoputnykh perevozok lesa v Rossii [From the past of wood horse-drawn transportation in Russia]. Lesnaya promyshlennost'. 6: 14–17.
16. Likhoradova I.N., Murygin N.D. 2013. Formirovanie grupp stroitel'nykh rabochikh i rabochikh guzhevogo transporta v Voronezhskoj gubernii v poreformennyj period [The formation of group of workers and workers of horse-drawn transport]. Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2 (2): 18–26.
17. Mansurova Yu.V. 2010. Kazanskaya admiraltejskaya sloboda v XVIII–XIX vv. [Admiralty village of Kazan']: diss. ... k. i. n. Kazan': 231.
18. Marx K., Yengel's F. 1959. K kritike politicheskoy ekonomii [To the critics of political economy]. Sobranie sochinenij. T. 13. Moscow, Politizdat: 1–167.
19. Nogmanov A.I. 2008. Fenomen lashmanstva v tatarskoj istorii [The phenomenon of lashmanstvo in the history of Tatars]. Obrazovanie i prosveshchenie v gubernskoj Kazani: sb. st. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT: 19–26.
20. Sidiyagina A.G. 2015. Funktsionirovanie vnutrigorodskogo guzhevogo transporta na Kubani i v Prichernomor'e v kontse XIX – nachale XX veka [Functioning of internal horse-drawn transport at Kuban' and Black sea region in the late 19th – early 20th century]. Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2 (57): 47–51.
21. Stogov Ye.I. 2003. Zapiski zhandarmskogo shtab-oficera o epokhe Nikolaya I [The notes of police-officer on the epoch of Nicolas 1st]. Moscow, Indrik, 239.
22. Troshina T.I. 2015. Problemy razvitiya transportnoj infrastruktury severnykh territorij [Problems of development of transport in the North]. Materialy vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. St. Petersburg.: izd. GUM RF im. Adm. S.O. Makarova: 207–215.
23. Fet A.A. 1863. Iz derevni [From the village]. Russkiy vestnik. 1: 438–470.

24. Tseytlin M.A. 1940. Lesnaya promyshlennost' krepostnoy Rossii. Sdvigi v ekonomike i tekhnike lesozagotovok i lesopileniya krepostnoy Rossii [Wood industry in serf-time Russia. Economy and technical shifts in wood industry of serf-time Russia]: Dis. ... kand. ekon. nauk. Leningrad: 156.

25. Tseitlin M.A. 1951. K voprosu o vozniknovenii kapitalisticheskoy ekspluatatsii krest'jan v krepostnoy Rossii (Gosudarstvennyye krest'yane na lesozagotvokah) [To the problem of the appearance of the capitalistic exploitation of peasants in Russia (state peasants on wood-cuttings)]. Sbornik nauchnykh trudov Leningradskogo finansovo-jekonomicheskogo instituta. Vyp. 4. Leningrad, LJeFI, 101–151.

26. Sharapov N.I. 1958. Ratsionalizatsiya perevozki lesa v plotah v otkrytykh vodoemah [Rationalization of wood transportation in rafts in the open water]. Moscow, Rechnoj transport, 150.

27. Shirokova, V.A., Snytko V.A., Chesnov V.M. i dr. 2011. Vyshnevolockaja vodnaya sistema: retrospektiva i sovremennost'. Gidrologo-ekologicheskaya obstanovka i landshaftnye izmeneniya v raione vodnogo puti. Ekspeditsionnye issledovaniya: sostoyaniye, itogi, perspektivy [The water system of Vyshniy Volochk: retrospective and modernity. Hydro-ecological research: modern state, results, perspectives]. Moscow, ИЕТ РАН, 246.

28. Shunkova N.O., Ushanova V.M. 2017. Osnovnye prichiny ekologicheskikh problem reki Mana [Basic principles of ecological problems of the Mana river]. Lesnoy i himicheskii komplekсы – problemy i resheniya. Sb. materialov po itogam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnojarsk, SibGU im. M.F. Reshetneva: 374–377.

29. Yastrebov E.V. 1974. Iz istorii osvoiniya lesnykh resursov Urala [From the history of reclaiming of the forest resources at Ural]. Sbornik trudov Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta. Voprosy prirodnykh resursov. Moscow, Tip. TASS, 107–115.

30. Brush S.G. 1988. The History of Modern Science: A Guide to the Second Scientific Revolution 1800–1950. Ames: Iowa State University Press, 544.

31. Hård M., Jamison A. 1998. The Intellectual Appropriation of Technology: Discourses on Modernity, 1900–1939. Cambridge, London: MIT Press, 288.

32. Pursell C. 1995. The Machine in America: a Social History of Technology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 358.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгения Михайловна Лупанова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yevgenia M. Lupanova, candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of the Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great RAS (Kunstkamera), St. Petersburg, Russia

УДК 94(47).081/083

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-661-669

Кустарные промыслы как звено развития капитализма в деревне середины XIX – начала XX века: на материалах Семеновского и Макарьевского уездов Нижегородской губернии

Аксянов А.С.

Муниципальное автономное учреждение культуры архитектурно-этнографический музей-заповедник «Щелоковский хутор»,
Россия, 603081, г. Нижний Новгород, ул. Горбатовская, 41
E-mail: aksyanov_aleksey@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу кустарных промыслов Семеновского и Макарьевского уездов Нижегородской губернии в середине XIX – начале XX столетия. Исследование акцентирует внимание на высоком социально-экономическом значении кустарной промышленности для местного населения. Опираясь на земские статистические данные и на периодическую печать, автор выделяет стержнеобразующие виды местной кустарной промышленности. Проведенный анализ позволяет определить факторы, повлиявшие на изменения кустарной промышленности севера Нижегородской губернии. В статье приводится классификация местных кустарей-производителей, основанная на их имущественном положении. Сделан вывод о переходном характере кустарных промыслов от простого товарного производства к крупному промышленному. Прогрессивное начало кустарной промышленности под воздействием объективных экономических процессов обернулось к началу XX века инструментом финансового закабаления мелких и средних кустарей.

Ключевые слова: кустарные промыслы, кустари, развитие капитализма, Нижегородская губерния, экономика Российской империи.

Для цитирования: Аксянов А.С. 2021. Кустарные промыслы как звено развития капитализма в деревне середины XIX – начала XX века: на материалах Семеновского и Макарьевского уездов Нижегородской губернии. *Via in tempore. История Политология.* 48(3): 661–669. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-661-669.

Artisan production as a component of development of capitalism in rural areas in mid-19th – early-20th century, according to records of Semenov uyezd (district) and Makary uyezd (district) of Nizhny Novgorod gubernia (province)

Alexey. S. Aksyanov

Municipal Autonomous Cultural Institution Open Air Museum of Architecture and Ethnography
«Schyolokovsky khutor»,
41 Gorbatovskaya St., Nizhny Novgorod, 603081, Russia,
E-mail: aksyanov_aleksey@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of artisan production of Semyonov district and Makary district of Nizhny Novgorod province in the mid-19th – early-20th century. The study focuses on the high socio-economic significance of the cottage industry for the local population. Scrutinizing the zemstvo statistics and local periodicals, the author identifies the core types of local artisan production. The factual

material selected by the author describes the development of the artisan production of the local region. The analysis allows to determine the factors that influenced the changes in the artisan production of the northern areas of the Nizhny Novgorod province. The article gives a classification of local artisans on the bases of their property status. The author comes to the conclusion that artisan production in rural areas had transition nature. Under the influence of objective economic processes, it transformed from an initially progressive phenomenon to an instrument of financial enslavement of small and medium producers by the turn of the 20th century.

Keywords: Artisan production, artisans, development of capitalism, Nizhny Novgorod gubernia, handicraft, cottage industry, economy of Russian Empire.

For citation: Aksyanov A.S. Artisan production as a component of development of capitalism in rural areas in mid-19th – early-20th century, according to records of Semenov uyezd (district) and Makary uyezd (district) of Nizhny Novgorod gubernia (province). *Via in tempore. History and political science.* 48 (3): 661–669 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-661-669.

Введение

До первой половины XX столетия Россия – аграрная страна. Крестьянство – самая массовая категория населения дореволюционного периода истории страны. Созидательная деятельность крестьян была основой социально-экономического развития государства. Стяжая своим трудом экономическую основу страны и создавая возможность укреплять успехи в военном деле, культуре и образовании, крестьянское сословие оставалось при этом самым бесправным и ущемляемым. Крестьянин сеял хлеб, собирал урожай, занимался промыслом и торговлей, был солдатом. Крестьянин исполнял всевозможные повинности и платил подати в пользу своих господ и государства. В тоже время крестьянство не было однородным и имело множество противоречий внутри своего сословия.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования данной статьи выступают кустарные промыслы Семеновского и Макарьевского уездов Нижегородской губернии в период с середины XIX – начала XX века. В ходе работы был использован анализ, синтез, метод дедукции и индукции. Примененный историко-типологический метод позволил определить категории кустарей и выделить факторы, повлиявшие на развитие кустарной промышленности региона.

Результаты и их обсуждения

I. Кустарные промыслы: социально-экономическое измерение. Крестьяне традиционно занимались земледельческим трудом. Распространенный образ «хлебопашца», живущего исключительно за счет земледелия, домашнего животноводства, не так однозначен. Крестьянство практиковало занятия торговлей, извозом, местными и отхожими промыслами. Некоторые крестьяне были способны «сколотить» внушительные капиталы. Одним из немаловажных элементов хозяйства крестьянина Нижегородского Заволжья были кустарные промыслы. Кустарная промышленность – простое, мелкотоварное, **ориентированное на рынок**, чаще всего низкотехнологичное, часто с привлечением детского и женского труда производство. Здесь крестьяне выступали и как наемные рабочие мелкие, средние, иногда крупные собственники. Уровень развития кустарных промыслов демонстрирует всю сложность и переходный характер социально-экономических процессов включения крестьян в капиталистические отношения, протекающие в России на протяжении XIX – начале XX века.

Российское государство в той или иной форме всегда обладало значительными территориями, тем не менее «вопрос земли» стоял остро. Индустрия приходила в дореволюционную Россию медленно и тяжело. Земля была основой хозяйства вплоть до массо-

вого внедрения машинного производства XX в. Основной формой сельского хозяйства в Нижегородском Заволжье было растениеводство. Особенно сложно было вести земледелие в лесистых, северных уездах Нижегородской губернии. Урожай крестьянина Семеновского и Макарьевского крестьянина был невелик и выражался в самый урожайный год в сам-5 (крайне редко), как правило, это сам-2, сам-3.

Ко второй половине XIX века крестьянам Центральной России земледелие дает дохода меньше, нежели посторонний заработок (кустарное производство или отхожий промысел). Очевидно, что в силу природно-географических причин крестьяне северных уездов Нижегородской губернии только земледелием прожить не могли. По расчетам исследователей конца XIX века, норма потребления хлеба крестьянина составляла 18 пудов ржи (294,84 кг) и 5 пудов (81,9 кг) других пищевых продуктов, получаемых в хозяйстве в год, не считая мяса, овощей, соли [Кустарные промыслы Нижегородской губернии..., 1894, с. 3]. Безусловно, данная норма потребления была идеальной и реальные цифры отличались в меньшую сторону. Крестьяне северных уездов Нижегородской губернии не могли вырастить себе необходимое количество хлеба, а в случае хорошего урожая хватало его до января-декабря, а иной раз до ноября [Приложение ко всеподданнейшему отчету..., 1891, с. 4]. Поэтому приходилось искать сторонний заработок в промыслах. Таким образом, специальные промысловые зоны выделяются в первую очередь из-за крайней малоземельности и неурожайности крестьянских наделов. «Малоземелье, являющееся следствием недостаточности надела или возрастания населения, естественное неплодородие почвы, не вознаграждающей в достаточной мере труд обработки, малая производительность крестьянского земледелия – результат низкой сельскохозяйственной техники и общих культурно-экономических условий, несоответствие платежей с доходностью земли – все это вызывает необходимость существования вне земледельческих заработков в крестьянском хозяйстве...» [Приложение ко всеподданнейшему отчету..., 1891, с. 11–12].

Как правило, по губернии кустарные промыслы занимали подчиненное положение земледелию. В то же время ряд отраслей производства вполне могли сочетаться с возделыванием земли. К примеру, валяльный и деревообрабатывающий промыслы менее всего отвлекают от земледелия мужчин. Часть весенне-летнего сезона крестьяне занимались вспашкой и засевом, а осенью-зимой – промыслами. Существовали территории, исключавшие это правило: «...где население живет исключительно ручными производствами, мало и даже вовсе не обращаются к земледельческому труду... волости Хохломская, Чистопольская и Борская Семеновского уезда» [Приложение ко всеподданнейшему отчету..., 1899, с. 5]. Полностью отчуждали работников от земли промыслы, связанные с металлообработкой, например, кузнечное дело: «...Земледелие и промысел существуют вместе, служа подспорьем одно другому. Вообще для населения более важен промысел, чем земледелие...» [Карпов, 1880, с. 594].

Число крестьян, которые занимались исключительно земледелием, неуклонно уменьшалось. По расчетам статистов конца XIX в., прожиточный минимум крестьянской средней семьи в денежном выражении составлял 92,8 рубля в год [Васильев, 1985, с. 92]. Сумма покрывала часть пропитания, хозяйство и подати. Низкоплодородная почва севера нижегородской земли позволяла зарабатывать крестьянину 65,6 рублей. Таким образом, к промыслам крестьянству приходилось обращаться вынужденно, из-за жизненной необходимости. С доходов от промыслов крестьяне платили повинности, удовлетворяли различные потребности, в том числе недостаток в пище. Как справедливо замечают служащие нижегородского земства в конце XIX столетия: «Было бы глубокой ошибкой полагать, что крестьяне занимаются местными или отхожими промыслами ради одного того, чтобы заработать лишнюю копейку... Доходы, извлекаемые ими из посторонних земледелию заработков, не есть добавочные к тем средствам существования, которые уже обеспечены земледелием – в длинной цепи крестьянского труда это необходимое звено, единственно дающее возможность свести в хозяйстве семьи концы с концами. И когда это звено выпада-

ет, наступают все последствия крестьянского разорения...» [Кустарные промыслы Нижегородской губернии..., 1894, с. 1]. О распространенности и значимости кустарных промыслов на севере Нижегородской губернии говорит то обстоятельство, что Семеновский уезд по количеству кустарных промыслов занимал первое место среди уездов губернии. По переписке 1889 г., 17 332 из 19 852 дворов, 87,3 % занимаются промыслами. 94,1 % мужчин заняты отхожим или местным промыслом [Материалы к оценке земель Нижегородской губернии..., 1893, с. 177]. Из отчета Министерства внутренних дел следует: «...с ранних пор промыслы, разного рода изделия и мелочная торговля составляют... по крайней мере главнейшее занятие крестьянина, чем и отличается Семеновский уезд от других уездов в губернии...» [Журнал Министерства Внутренних дел, 1856, с. 10].

II. Категории кустарей. По уровню вложений капитала в кустарное производство можно выделить несколько категорий промысловиков. К первой, самой массовой категории, стоит отнести промысловиков, занимающихся местным и отхожим промыслом с использованием материала заказчика, его помещения и на «казенных харчах» (бурлаки, строители, стиралы и каталы в валяльном промысле и т. д.). По существу, это наемные рабочие, ищущие сезонного или постоянного заработка. Их организация могла носить форму артели, которые, как правило, не были самостоятельны в хозяйственном отношении и нанимались к подрядчику.

Ко второй категории стоит отнести мелких самостоятельных товаропроизводителей, исполняющих несложные изделия или отдельные производственные операции. В данном случае не требовалось большого капитала. Данная категория работала у себя на дому с использованием собственных инструментов и пропитания. Наемных работников данная категория не имела. Трудились семьями. Сюда стоит отнести собирателей мха, вяльщики варежек, чулок, лаптей, рыболовных сетей и т. д.). Здесь активно использовалась форма семейной кооперации. В производственном процессе участвовали женщины, дети и старики.

Третья условная группа представлена средним производителем. В данном случае требовался капитал для организации места работы, закупки сырья и инструмента, найма рабочих – проще говоря, необходимы были оборотные средства. Практиковалась семейная кооперация или привлекалось небольшое число наемных работников (валяльный промысел и прядение льна). Данная группа производителей могла исполнять полный производственный цикл либо отдельные операции. Как правило, представители данной группы обзаводились несколькими лавками с товаром для сбыта продукции на местных рынках и базарах. Нередко подобные производители нанимались на подряды к крупным капиталистам. К примеру, средний доход за год среднего производителя валенной продукции на конец XIX в. составлял около 184 рублей [Карпов, 1880, с. 608]. После разорения мелкие и средние шли в наем к крупным собственникам.

К крайней, четвертой категории стоит отнести крупных собственников, которые владели несколькими промышленными предприятиями в различных сферах (токарями, мельницами, стирнями и т. д.), активно занимались торговлей, в том числе оптовой, имели интересы в области речных и железнодорожных перевозок товаров. Владели предприятиями по постройке крупных грузовых судов, заготовке дровяного и строевого леса. Оборотные капиталы данных кустарей могли достигать до сотен тысяч рублей и выше. Активно использовали наемный труд.

III. Кустарные промыслы: факторы развития. Традиционно в северных уездах Нижегородской губернии практиковалось несколько стержнеобразующих видов кустарной промышленности: «В Семеновском уезде казенных удельных и владельческих крестьян 27 371, женщин 33 599 душ... Крестьяне сего уезда занимаются... деланием из шерсти сапог, простых шляп, валенок, войлоков, приготовлением деревянной посуды, тканьем рогож и кузнечной работой» [Духовский, 1827, с. 67–68]. Сохранились данные по количеству крестьян, вовлеченных в каждую отрасль: в деревообработку (9 149 кустарей), пере-

работку шерсти (5 340 ремесленников), металлообработку (3 376 человек) [Васильев, 1985, с. 98]. Можно говорить о том, что переработка древесины, шерсти и металла являлась одной из экономических основ севера Нижегородской губернии. Основная часть производимых товаров кустарной промышленности севера Нижегородской губернии были предметы быта для городских низов и крестьян. В основном это одежда и обувь, посуда и кухонная утварь, простая мебель, средства передвижения и т. д. Со временем данные векторы промышленного хозяйства претерпевали изменения, расцветали и гасли, в зависимости от экономической конъюнктуры. Кустарная промышленность не была статичной. На ее изменения воздействовали различные факторы.

Принципиальное значение для заволжского крестьянина-кустаря имел лес. Точнее, **доступность сырья – древесины**. К концу XIX столетия доступность древесного материала сильно упала. Рыночные принципы ведения лесного хозяйства не могли не отразиться на кустарном производстве. Торги по казенным делянкам стали просто недоступны мелким и средним кустарям. Цена леса сильно возросла. Вся вертикаль производственных процессов реагировала на эти процессы: «...12 марта состоялись в Богоявленском волостном правлении торги на продажу казенного леса из бараниховского лесничества в Богоявленской даче для заготовки кустарям ложкарного материала. Назначенные в продажу лесные делянки все раскуплены... и целиком попали в руки богатых скупщиков, от которых бедняки и получают весь материал; ложкарю приходится оплатить сверх высокой цены материал, еще и барыш скупщика. А ложки в цене понизились...» [Нижегородская земская газета № 17, 1904, с. 423]. Лишение крестьян-кустарей доступа к сырью определяло дальнейшее развитие деревообрабатывающего промысла на севере губернии, поскольку «...Доходность семеновских кустарных промыслов держалась на общедоступности и дешевизне первоначального материала...» [Материалы к оценке земель Нижегородской губернии..., 1893, с. 179]. Лес крестьяне вынуждены были покупать. Появилась потребность в небольшом оборотном капитале для приобретения березняка, осины, дров на уголь, смолы и прочее. Изделие оставалось в прежней цене либо «падало» в ней, поскольку цена устанавливалась перекупщиком. Поэтому крестьянам приходилось по-своему реагировать на изменения. Кустари переходили на сорт древесины хуже или с производства посуды и кадок переходили на «резание» ложки. Качество дерева приходилось компенсировать долгой выделкой плохого материала, что удлиняло производственный процесс. Цену изделия компенсировали количеством изготовленного товара. Удорожание сырья крайне негативно сказалось на материальном состоянии мелких и средних производителей [Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии..., 1887, с. 8].

Отразилось на некоторых кустарных промыслах введение **машинного хозяйства**. К примеру, «пострадал» гвоздарный промысел Красной Рамени Семеновского уезда. Отсутствие заработка заставляло бросать крестьян это занятие и обращаться к более выгодным, как правило, отхожим. Кустарь мог зарабатывать на производстве гвоздей 1 рубль 50 копеек в неделю. Металлообработка сильно зависит от угля, а в этой отрасли также обнаруживал себя кризис: «Значительно пало и гвоздарное производство... вследствие вздорожания угля, частью введения машинного гвоздарного производства...» [Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии..., 1882, с. 9]. Ко второй половине XIX века местные мастера полностью перешли на уральское железо в связи с его дешевизной в сравнении с выработкой местного. Также пострадало производство берд в связи с распространением машинного ткачества.

Ключевым фактором, воздействующим на кустарные промыслы, было **доминирование крупного капитала** над мелким и средним производителем-кустарем. Выкуп леса для последующей его перепродажи был не единственным способом влияния на кустаря. Существовали формы прямого финансового давления на мелких производителей и наемных рабочих. Практиковалось следующее: скупщик расплачивается за работу с кустарем-

производителем натуральным товаром, цену на который устанавливает заведомо выше рыночной. К примеру, на ржаную муку скупщик ставит цену в 1 рубль за пуд, в то время как на рынке она стоит 80 копеек; пшеница – 2 рубля 50 копеек, на рынке – 1 рубль 50 копеек; 1 фунт сахара – 20 копеек, на рынке – 16 копеек и т. д. [Нижегородская земская газета № 1, 1904, с. 22]. В то же время цену на товар скупщик сознательно занижал. Подобным образом скупщик оборачивал свой капитал несколько раз в год, что давало ему немислимый процент. Подобные примеры встречаются повсеместно во всех отраслях. В Красной Рамени на производстве цепей, гвоздей и весовых коромысел: «...В нынешнем году цепной работы так же с излишком... заработанных денег с наших хозяев не проси... Денег не платят, а заставляют за работу получать разным хозяйственным припасом, а именно: для работы углем, ... мукой, пшеном, чаем, сахаром, мылом... против базарных цен отпускают все припасы по дорогим ценам...» [Нижегородская земская газета № 28, 1904, с. 738]. Мелкий кустарь-производитель, попадая в кабалу к такому скупщику, не мог выбраться из этого круга, поскольку существовал риск полностью лишиться хоть какого-либо заработка: «...скупщики крашенный везде продают... Вся торговля нашим изделием переходит в более богатые руки, которые могут выдержать товар до настоящего времени и цены... скупщики вступают в стачку... они объявили: "нам товару не надо, потому что война", а нам деть некуда товар, и так уронили цены...» [Нижегородская земская газета № 28, 1904, с. 150]. Таким образом, контроль за промыслом переходит к нескольким скупщикам монополистам, «...эксплуатирующих их [кустарей, добавлено А.С.] труд» [Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии..., 1889, с. 6].

Нередки были **сговоры** крупных собственников о цене на товар: «...покупатели-кулаки понизили плату на 1 руб. 50 коп. за тысячу [ложек] по уговору между собой по случаю железнодорожных в России забастовок...» [Жизнь в губернии. Нижегородская земская газета № 49, 1905, с. 1302]. Кустарю создавались условия, при которых он попадал в безысходное положение и шел работать на «хозяина» на его условиях: «...Рабочий при поступлении к хозяину станет договариваться, чтобы хозяин ему за работу платил деньгами, а не припасами, то хозяин такого смельчака не принимает...» [Нижегородская земская газета № 28, 1904, с. 739–740].

Условия жизни мелкого кустаря заставляли его сознательно «залезать» в долги. В источниках встречаются схемы, при которых крестьянин мог лишиться своего собственного земельного надела: «...повысился % безлошадных крестьян, % безземельных; усиленной потянулось население к отхожим промыслам; разрослась сдача земли в аренду, продажа ее... Кустарь стал мало-помалу нищать. У него открылись долги земству за «ссуды», недоимки за «сборы» – недоимки правительству, долги частным лицам и хозяину... Кустарь решался на самый отчаянный шаг, чтобы спастись от нищеты и босячества – стал закладывать землю хозяину в обеспечении своей кредитоспособности. Этот заклад производится путем особых дутых сделок и расписок. За январь и февраль месяц прошлого года в с. Елховка, кажется, не было дня, чтобы при сельском правлении не было написано 4–6 «расписок-условий» о закладе земли... Гвоздарь просит у хозяина «трешницу»... – Да ты мне уже должен двадцать два рубля! – ворчит на него хозяин. Тогда гвоздарь предлагает ему записать за ним 25 рублей (22 р. старых и плюс 3 р. новых). Вот тут-то и пишется фиктивная расписка такого содержания: «Я, нижеподписавшийся крестьянин Н с. Елховка, отдаю в арендное пользование на пять лет всю свою землю в количестве одной души (3 д.) крестьянину L-ву (то есть хозяину) с условием оплаты мне за аренду по 5 рублей в год. Деньги получены мною сполна... кустарь совсем и не думал отдавать ему в аренду свою землю и денег с него не получал, а свой долг обязался выплатить ему в 5 лет, по 5 рублей в год. Если, положим, гвоздарь не уплатит первых пяти рублей за первый год, то хозяин на основании такой расписки прогонит его с земли и возьмет ее себе в качестве арендованной... И вот эта расписка-то заставляет теперь кустаря работать, во-первых, на хозяина гвозди (чтобы уплатить ему 25 р.) и пахать землю, чтобы не голодовать и не си-

деть в арестантской за недоимки, и чтобы земля не попала в руки ловкого хозяина. Таким образом, гвоздарь закрепощает себя на долгие годы...» [Закрепощение кустаря. Нижегородская земская газета № 3, 1905, с. 66–67].

Одним из факторов, тормозивших развития кустарной промышленности, **были низкие условия труда**. Продолжительность рабочего дня, безопасность рабочего места, общие условия, в которых работал кустарь, были далеки от современных стандартов. В валяльном промысле встречались работники, которые трудились только на себя, но с дальнейшим распространением разделения труда и товарно-денежных отношений все больше распространялся наемный труд. Средний наемный мастер работал в день около 16 часов. В небольших мастерских «хозяин» брал себе самую простую работу, а на самые трудные операции, такие, например, как битье шерсти и стирку, нанимал рабочих: «...труд здешнего крестьянина гораздо тяжелее труда фабричного, и здешний крестьянин живет в постоянном страхе, что завтра или послезавтра, с его болезнью или смертью, окажется в нищете его семья... они [кустары, добавлено А.С.] из года в год живут без денег, запутанные долгами в руках кулаков...» [Смолокуры. Нижегородская земская газета № 9, 1905, с. 221].

Тяжело было положение кустарей, трудившихся в лесах по добыче строевого леса, скипидара, смолы и древесного угля. «...Ветлужский смолокур? Это существо, живущее в полной «кабале» у хозяина, правило которого: ”что хочу, то и делаю“... его рабочий день тянется... чуть ли не 24 часа, т. е. полные сутки!..» [Смолокуры. Нижегородская земская газета № 7, 1905, с. 174–176]. Доходы смолокуров в сравнении с трудозатратами также невелики: «...кустарь-смолокур, который недоедал и не досыпал целых 7 месяцев, остается с жалкими 100–200 руб. в кармане, а чаще всего «в кабале» у первого!..» [Смолокуры. Нижегородская земская газета № 9, 1905, с. 221].

Заключение

На территориях Семеновского и Макарьевского уездов с середины XIX – начала XX столетия активно развиваются товарно-денежные отношения и распространяются капиталистические принципы ведения хозяйства. Крестьяне-кустары включаются в общественное разделение труда. Проявляется экономическая дифференциация в среде кустарей. Имущественное расслоение к концу XIX – началу XX столетия приводит к выделению нескольких категорий кустарей-промысловиков: беднейших слоев, лишенных всех средств производства и работающих как наемные рабочие или в качестве отхожих промысловиков; мелких и средних производителей, работающих на крупного заказчика; зажиточных «хозяев», владеющих большим капиталом, кустарями которых назвать уже сложно.

К наиболее незащищенным категориям местных кустарей можно отнести наемных работников и мелких производителей. Данные категории характеризуются зависимостью от крупного капитала и конъюнктуры рынка; работой в тяжелых условиях труда; высокими рисками, связанными с болезнями, травмами и смертью кормильца; вынужденностью привлечения к работе детей; нахождением в постоянном состоянии задолженности; отсутствием возможности улучшения своего материального состояния.

К существенным факторам, определяющим переходный характер кустарных промыслов, стоит отнести лишение мелких и средних крестьян-кустарей легкого доступа к дешевому сырью для производства; внедрение машинного производства в ряд отраслей кустарной промышленности; финансовую зависимость беднейших, мелких и средних кустарей от крупного капитала; тяжелые условия труда кустаря.

Имея прогрессивное начало, в конце XVIII – начале XIX столетия кустарная промышленность способствовала выживанию крестьян в северных уездах Нижегородской губернии. Более того, являясь весомым подспорьем к хозяйству, позволяла стабилизиро-

вать финансовое состояние местного крестьянства. С развитием товарно-денежных отношений и капиталистических принципов хозяйствования кустарная промышленность становится инструментом закабаления беднейших крестьян, мелких и средних производителей. Кризисные явления в кустарной промышленности способствовали пролетаризации крестьян, укрупнению отдельных отраслей производства и капитала. Можно говорить о развитии кустарных промыслов как о переходном моменте от простого товарного производства к крупному промышленному, как о звене развития капитализма в Российской империи.

Список литературы

1. Васильев Ф.В. 1985. Материальная культура крестьян нижегородского Заволжья во второй половине XIX – начале XX в. (хозяйство, поселения, усадьба). Дис. ... канд. ист. наук. Горький, 98.
2. Духовский М. 1827. Статистическое описание Нижегородской губернии, составленное тамошней гимназии старшим учителем Михаилом Духовским. Казань, Печатано в Университетской типографии, 67–68.
3. Жизнь в губернии. Нижегородская земская газета № 49, 1905 г. 1302.
4. Журнал Министерства Внутренних дел. 1856 г. Часть 16. С.-Пб., 10.
5. Закрепощение кустаря. Нижегородская земская газета № 3, 1905 г. 66–67.
6. Карпов А. Валеный и щепной промыслы в Семеновском и Балахнинском уездах. / Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Выпуск 6. С.-Пб. 1880., 608.
7. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Издание Нижегородского губернского земства. Сост. М.А. Плотников. Нижний Новгород. 1894 г., 3.
8. Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Выпуск XI. Семеновский уезд. Н. Новгород. 1893 г., 177.
9. Нижегородская земская газета № 1, 1904 г., 22.
10. Нижегородская земская газета № 17, 1904 г., 423.
11. Нижегородская земская газета № 28, 1904 г., 738.
12. Нижегородская земская газета № 7, 1904 г., 150.
13. Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1881 год. Н. Новгород, тип. Губернского правления, 1882.
14. Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1888 год. Н. Новгород, тип. Губернского правления, 1889.
15. Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1890 год. Н. Новгород, тип. Губернского правления, 1891.
16. Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1898 год. Н. Новгород, тип. Губернского правления, 1899.
17. Смолокуры. Нижегородская земская газета № 7, 1905 г., 174–176.
18. Смолокуры. Нижегородская земская газета № 9, 1905 г., 221.

Reference

1. Vasil'ev F.V. 1985. Material'naya kul'tura krest'yan nizhegorodskogo Zavolzh'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Material culture of the peasants of the Nizhny Novgorod Trans-Volga region in the second half of the XIX – early XX century] (khozyaystvo, poseleniya, usad'ba). Dis. ... kand. ist. nauk. Gor'kiy, 98.
2. Dukhovskiy M. 1827. Statisticheskoe opisanie Nizhegorodskoy gubernii, sostavlennoe tamoshney gimnazii starshim uchitelem Mikhailom Dukhovskim [Statistical description of the Nizhny Novgorod province, compiled by the local gymnasium senior teacher Mikhail Dukhovskiy]. Kazan', Pechatano v Universitetskoy tipografii, 67–68.
3. Zhizn' v gubernii. Nizhegorodskaya zemskaya gazeta № 49 [Life in the province. Nizhny Novgorod zemskaya gazeta No. 49], 1905 g. 1302.
4. Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh del. 1856 g. Chast' 16 [Journal of the Ministry of Internal Affairs. 1856 part 16]. S.-Pb., 10.

5. Zakreposhchenie kustarya. Nizhegorodskaya zemskaya gazeta № 3 [Enslavement of the artisan. Nizhny Novgorod zemskaya gazeta No. 3] 1905 g., 66–67.
6. Karpov A. Valenyuy i shchepnoy promysly v Semenovskom i Balakhninskom uездakh / Trudy komissii po issledovaniyu kustarnoy promyshlennosti v Rossii. Vypusk 6 [Valenyuy and shchepnoy crafts in Semyonovsky and Balakhninsky district / Proceedings of the Commission for the Study of the handicraft industry in Russia. Issue 6]. S.-Pb. 1880., 608.
7. Kustarnye promysly Nizhegorodskoy gubernii. Izdanie Nizhegorodskogo gubernskogo zemstva [Handicrafts of the Nizhny Novgorod province]. Sost. M.A. Plotnikov. Nizhniy Novgorod. 1894 g., 3.
8. Materialy k otsenke zemel' Nizhegorodskoy gubernii. Ekonomicheskaya chast'. Vypusk XI. Semenovskiy uезд [Materials for the assessment of the lands of the Nizhny Novgorod province. The economic part. Issue XI. Semenovsky district]. N. Novgorod. 1893 g., 177.
9. Nizhegorodskaya zemskaya gazeta № 1 [Nizhny Novgorod Zemskaya gazeta No. 1], 1904 g., 22.
10. Nizhegorodskaya zemskaya gazeta № 17 [Nizhny Novgorod Zemskaya gazeta No. 17], 1904 g., 423.
11. Nizhegorodskaya zemskaya gazeta № 28 [Nizhny Novgorod Zemskaya gazeta No. 28], 1904 g., 738.
12. Nizhegorodskaya zemskaya gazeta № 7 [Nizhny Novgorod Zemskaya gazeta No.7], 1904 g., 150.
13. Prilozhenie ko vsepoddaneyshemu otchetu o sostoyanii Nizhegorodskoy gubernii za 1881 god [Appendix to the most comprehensive report on the state of the Nizhny Novgorod province for 1881]. N. Novgorod, tip. Gubernskogo pravleniya, 1882.
14. Prilozhenie ko vsepoddaneyshemu otchetu o sostoyanii Nizhegorodskoy gubernii za 1888 god [Appendix to the most comprehensive report on the state of the Nizhny Novgorod province for 1888]. N. Novgorod, tip. Gubernskogo pravleniya, 1889.
15. Prilozhenie ko vsepoddaneyshemu otchetu o sostoyanii Nizhegorodskoy gubernii za 1890 god [Appendix to the most comprehensive report on the state of the Nizhny Novgorod province for 1890]. N. Novgorod, tip. Gubernskogo pravleniya, 1891.
16. Prilozhenie ko vsepoddaneyshemu otchetu o sostoyanii Nizhegorodskoy gubernii za 1898 god [Appendix to the most comprehensive report on the state of the Nizhny Novgorod province for 1898]. N. Novgorod, tip. Gubernskogo pravleniya, 1899.
17. Smolokury. Nizhegorodskaya zemskaya gazeta [Smolokury. Nizhny Novgorod Zemskaya gazeta] № 7, 1905 g., 174–176.
18. Smolokury. Nizhegorodskaya zemskaya gazeta [Smolokury. Nizhny Novgorod Zemskaya gazeta] № 9, 1905 g., 221.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аксянов Алексей Сафович, хранитель фондов муниципального автономного учреждения культуры архитектурно-этнографического музея-заповедника «Щелоковский хутор», Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey. S. Aksyanov, the curator of Municipal Autonomous Cultural Institution Open Air Museum of Architecture and Ethnography «Schyolokovsky khutor», Nizhny Novgorod, Russian.

УДК: 656.121.2(47)*19*
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-670-680

Профессиональный облик извозчиков в России в XIX – начале XX в.

Логинова Д.В.

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, Большая Морская, 18
E-mail: dianalog2010@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается история становления и развития легкового и грузового извозного промысла в России в XIX – нач. XX вв. На основании широкого комплекса опубликованных источников изучаются этапы карьерных возможностей легковых извозчиков, их преобразование от «ванек» до «лихачей», представлявшее собой значительное испытание, которое выдерживали не все, а также становление ломового извоза (имевшего в разных краях иные названия), особенности тяжелого в прямом смысле этого слова труда. Также исследуются особенности различных типов повозок, применявшихся легковыми и грузовыми извозчиками. Названия некоторых грузовых повозок стали синонимичными с именем ломовых извозчиков, такие как «ерандачники», «дрогали», «биндюжники». Развитие городского извозного промысла оказало большое влияние на формирование городской культуры, а также способствовало многочисленному упоминанию извозчиков, «легковых» и «ломовых», в литературных произведениях, энциклопедических словарях. Результатом проведенного исследования стала реконструкция карьерного сценария и профессионального облика легковых и грузовых извозчиков России.

Ключевые слова: легковой извоз, гужевой транспорт, ломовой извоз, битюги, «ваньки», «лихачи», «полулихачи», «ломовики», «биндюжники».

Для цитирования: Логинова Д.В. 2021. Профессиональный облик извозчиков в России в XIX – начале XX в. *Via in tempore. История Политология.* 48 (3): 670–680. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-670-680.

Professional appearance of cabbies in Russia in the nineteenth – the beginning of twentieth century

Diana V. Loginova

Saint Petersburg University of Industrial Technologies and Design,
18 Bolshaya Morskaya St., Saint Petersburg, 191186, Russia
E-mail: dianalog2010@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation and development of light and freight production in Russia in XIX – beginning XX century. On the basis of a wide range of published sources, the stages of career development of light coaches, their transformation from vanek to dashing are considered, This was a significant test, which was not met by all, but also by the emergence of scrap handlers (with different names in different parts of the world), a feature of their hard work in the true sense of the word. The specifics of the different types of cart used by passenger cars and freight coaches are also investigated. The names of some freight wagons have become synonymous with the name of the scrap cabs, such as «erandachniki», «drogali», «bindyzhniki». The development of urban manufacturing has had a great impact on the formation of urban culture, as well as numerous references to coaches and light and scrap products in literary works and encyclopaedic dictionaries. The result of the research was the reconstruction of the career scenario and professional appearance of Russian car and freight drivers.

Keywords: passenger cars, horseback vehicles, scrap mills, bitugs, «vanes», «dashes», «half-wheeled cars», «breakers», «bindings».

For citation: Loginova D.V. 2021. Professional appearance of cabbies in Russia in the nineteenth – the beginning of twentieth century. *Via in tempore. History and political science.* 48 (3): 670–680 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-670-680.

Введение

Извозный промысел считался одним из прибыльных в России, им занимались многие, преимущественно крестьяне-отходники, прибывавшие в города в поисках сезонного (постоянного) заработка из близлежащих деревень. Они привносили в среду городских обывателей особый колорит и элементы народной культуры. Многочисленная и весьма разнообразная когорта городских извозчиков представляла собой хорошо организованное «предприятие», вместе с тем они принадлежали к нижнему социальному слою, профессиональный облик которого складывался на протяжении длительного времени. Их можно было узнать по внешнему виду, манере речи, месту их территориального размещения и др.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля дается такое толкование извозчиков: «люди, промышленяющие извозом, возкой товаров, клади и седоков, которые, в свою очередь, делятся на путевых, дорожных, обозных извозчиков (едущих в дальние рейсы – *Прим.* Л.Д.) и городских, промышленяющих возкой по городу. Городские извозчики делятся на ломовых – для клади и на легковых – для ездоков» [Даль, 1881, с. 11].

Объекты и методы исследования

Всесторонняя оценка исторических событий, происходивших на транспорте, в том числе и гужевом, будет возможна только тогда, когда будут изучены различные направления, такие как техническое совершенствование, социально-экономические вопросы развития, изучение профессиональной терминологии, пословиц и поговорок, характерных для возчиков, и т. д. Одним из важных вопросов исследования является выявление социального портрета извозчиков и их возможности подъема по профессиональной лестнице.

В настоящее время происходит разностороннее, в том числе и историческое изучение проблем различных видов транспорта, и в связи с этим стала ощущаться необходимость освещения исторической ретроспективы становления и развития гужевых перевозок как городских, так и межпоселенческих как неотъемлемой части всей транспортной системы.

Актуальность темы исследования определяется, с одной стороны, исключительной значимостью изучения истории гужевого транспорта, с другой стороны – недостаточной разработанностью указанной проблемы в отечественной исторической науке. В связи с этим объектом исследования является городской гужевой транспорт общего и специального пользования в России в XIX – начале XX вв.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: принцип историзма, который предполагает, что каждое событие следует рассматривать лишь в контексте той исторической эпохи, к которой оно относится; принцип объективности, который является обязательным условием научной состоятельности исторической работы, поскольку его основными целями являются получение максимально объективных знаний о прошлом и формирование истинных представлений о рассматриваемых исторических процессах.

При написании работы в методологическом плане применялась следующая совокупность методов: а) общенаучных: анализ – синтез, с помощью которых удалось собрать и качественно проанализировать собранный материал по истории гужевого транспорта; логический, позволивший выстроить линейку рассматриваемых исторических событий; б) специально-исторических: системный, с помощью которого удалось создать единую историческую картину исследования через изучение влияния широкого спектра факторов на

развитие социально-экономических процессов, происходивших на гужевом транспорте в рассматриваемый период.

Становлению городского гужевого транспорта посвящен определенный круг исследований. Так, в новейшей историографии выделяются работы по истории развития экипажного ремесла [Кириллова, 2000, Бредихина, 2008]. Формирование регионального гужевого транспорта рассматривается в таких исследованиях, как статья Е.А. Барановой «Городские извозчики конца XVIII – начала XX вв.: штрихи к портрету социально профессиональной группы», освещающая развитие извозничьего промысла в Тамбовской губернии [Баранова, 2015]; И.А. Найденовой выполнено интересное исследование о развитии гужевого промысла на юге нашей страны, в Ейске [Найденова, 2017]; А.А. Халиным проведено глубокое исследование о развитии системы путей сообщения Нижегородского Поволжья [Халин, 2006] и др. Из электронных публикаций выделяются следующие статьи: Ю.Н. Кружнов «Извозчики», посвященная развитию извозного промысла в Санкт-Петербурге [Кружнов]; Артемьев М. «Гужевая экономика. Как передвигалась Россия до появления железных дорог», в которой представлен обзор перевозок грузов и пассажиров [Артемьев, 2018]. Не уменьшая значимости вышеуказанных работ, отметим, что в круг исторических исследований практически не попадают вопросы профессионального облика и карьерного продвижения извозчиков в XIX – нач. XX вв., а именно данный период был связан с процессами урбанизации, ростом городских территорий и интенсификацией жизненных процессов, повлекших за собой увеличение потребности в различного рода грузопассажирских перевозках. Данная статья призвана дополнить историографию вопроса в указанном ключе.

Источниковая база при изучении истории извозного промысла в России достаточно широка и включает различные виды исторических опубликованных источников. К первой группе следует отнести материалы земских собраний, административные постановления. Ко второй группе источников отнесем материалы периодической печати (статьи, заметки и т. д.) Дополнением к опубликованным источникам являются художественная литература и фольклор.

Результаты и их обсуждение

К середине XIX в. извозный промысел прочно вошел в инфраструктуру городов. Он становился стартовым «предприятием» для многих крестьян-отходников, перебивавшихся в города для постоянного заработка или приехавших на сезонные заработки. Найти свою нишу среди извозчиков было делом далеко непростым, поскольку здесь существовала своя иерархия и «корпоративные» правила, поэтому важной задачей новоявленного извозчика было «встроиться» в существовавший ритм работы, нередко выдержать и победить в конкурентной борьбе с «коллегами» по цеху.

Социальный лифт городского легкового извозчика начинался с «ваньки». Такого типа извозчиков было больше всего в городах. Например, к услугам москвичей были почти 11 тысяч живейных (легковых) извозчиков, из них не более трех тысяч – это москвичи, а остальные – «ваньки» [Голицынский, 1860, с. 72]. В.А. Вонлярлярский точно характеризовал сезонных извозчиков из крестьян, прибывших в города на заработки зимой: «Ваньками называют в столицах таких извозчиков, которые как бы падают на улицы с первым снегом» [Вонлярлярский, с. 11]. Сами «ваньки» слагали песни о себе: «Мужик я простой, вырос на морозе, летом ходил за сохой, зимой ездил на извозе» [Кокорев, 1858, с. 73].

М.Н. Загоскин в книге «Москва и москвичи: записки Богдана Ильича Бельского» о происхождении этого названия убедительно рассуждал так: «Почему все дешевые извозчики, которые появляются в Москве зимой, а исчезают летом, называются ваньками? Неужели потому, что первый крестьянин, который задумал покинуть зимой свою деревню

и приехать в Москву извозничать, назывался Иваном?.. Или не потому ли, что крестьяне вообще любят это имя и что почти всегда из трех мужиков, взятых наудачу, один называется Иваном?» [Загоскин, 1851, с. 253].

«Ваньку» можно было легко узнать по лубочным пошевням (широкие сани, розвальни, чаще всего самодельные), по плохой упряжи – сбруя наполовину из веревок, по лошади, взятой из-под сохи и мало подходящей по экстерьеру к городскому пейзажу. В качестве экипажей «ваньки» использовали также и «калибры» (калиберы), называвшиеся еще «гитарой». Этот своеобразный экипаж действительно напоминал по форме гитару – узкие дрожки на вертикальных рессорах вмещали двух пассажиров, которые для соблюдения равновесия садились лицом к лицу.

Сам извозчик низшей категории был одет весьма скромно – в простой армяк, на голове высокая поярковая шляпа-гречевник (всесезонная вяленая из овечьей шерсти коричневого цвета), без перьев и других украшений [Василич, Шамурина, 1912, с. 7].

«Ванька» выдавался в обществе не только по одежде, всё в нем выдавало человека, уставшего от бесконечной работы: на козлах сидел увальнем, скорчившись в три погибели, усталая ходьба – нога за ногу, беспрестанно понуждая неряного коня [Голицынский, 1860, с. 59].

Приехав в город, «извозчик-ванька» экономил практически на всем. Выбирал постоянные дворы в предместьях столицы, где плата за жилье и пропитание была весьма умеренными, а кроме того, в эту же смету были включены овес и сено для лошади [Голицынский, 1860, с. 69]. Питался он фактически всухомятку – это объяснялось не только экономией или отсутствием достаточных средств, но еще и почти круглосуточной занятостью изнурительным промыслом. Не оплачивая места на бирже (места стоянки извозчиков, указанных руководством города), он занимал любое место, где можно было быстро посадить пассажиров. Обычно местом дислокации «ванек» были оживленные городские места, например, около трактиров, у рынков, на перекрестках, также это могли быть и весьма глухие места, в которых пассажира можно было взять по случаю. В этом имелся определенный положительный момент: желавший как можно быстрее доехать садился именно к «извозчику-ваньке», несмотря на его нереспектабельный вид и захудалую лошадь.

Становление извозчиком обходилось «ваньке» весьма недешево, поскольку знакомство с различными маршрутами столицы проходило только на практике. Таким образом, не один раз попадал он впросак: то седок, не расплатившись, ускользнет проходным двором или городскими рядами, то по незнанию настоящей ближайшей дороги сделает большой крюк, либо наниматель, воспользовавшись этим незнанием и наняв его до ближайшей улицы, заставит его объехать полгорода [Кокорев, 1858, с. 67].

В начале извозничьей карьеры большей частью клиентами «ванек» были кухарки, экономки, приказные – пассажиры всех мастей, взятые по необходимости. Презрение к извозчикам такой категории в благородном обществе доходило до крайностей: «порядочный купец, приехавший в город на «ваньке», может потерять кредит, гвардейский офицер получит выговор от своего полкового командира, если позволит себе приехать на «ваньке», доктору дадут в половину менее за визит, а то и так совсем откажут от дома, если он явится к своему пациенту на «ваньке», жандарм у театрального подъезда теряет всякое уважение к седоку, приехавшему на «ваньке», и немилосердно гонит его прочь; биржевой извозчик смотрит на него с омерзением; лихач непременно замахнет на него с кнутом и закричит: «Ну, ты, погонялка! Что рот-то разинул?» [Голицынский, 1860, с. 26–27]. Тем не менее проезд с «ванькой» отличался завидной дешевизной – цена, объявленная им, редко превышала гривенник, и просил он эту цену, обнажив голову [Вонлярлярский, с. 11]. «На лихом извозчике недалеко уедешь, а на «ваньке» хоть до Питера ступай» (народная поговорка). Именно дешевизна поездки с «ванькой» и привлекала горожан, несмотря на то, что пренебрежение им было велико.

Между тем услугами «ванек» пользовались при слежении за поднадзорными, они служили стационарным постом наблюдения и обслуживания чиновников охраны [Овченко, 2013, с. 42].

Несмотря на довольно суровую, почти круглосуточную работу, «ваньке» удавалось накопить определенную сумму: сотни-полторы, а иногда и две сотни рублей за зимний сезон вез он домой. Из этой суммы платил оброк, подушевую и рекрутскую и всякие другие повинности, кроме того, вез и подарки семье – «жене кумач на сарафан, фату шелковую, девчонкам – кому колечко, кому сережки» [Загоскин, 1851, с. 265–266]. На следующий год, чуть только пойдут морозы, ехал он в город, иногда брал с собой и помощника, чаще старшего сына. Поиск дополнительного заработка вынуждал многих крестьян уезжать в города, поскольку извоз считался весьма прибыльным делом.

Преобразование «ваньки» в *извозчика степенного* или в «*полулихача*» совершалось по прошествии трех-пяти лет. На юге России такой тип извозчиков называли «*голубчик*» или «*резвый*». Он имел уже быструю лошадь, молодую, купленную у барышников рублей за сорок в рассрочку (барышники, в свою очередь, покупали лошадей у сибирских торговцев, продававших их наряду с товаром [Гиляровский, 1926, с. 10]), заказной хомут, сани прошлогоднего фасона, полость которых выстилалась медвежьей шкурой и непременно с «лапками», а для лета – пролетку (лёгкий открытый четырехколесный двухместный экипаж, преимущественно одноконный). Полулихач добивался не только места на бирже, но даже постоянную колоду (ясли) – приспособление для корма лошадей. Сам он выглядел уже весьма степенно: у него бархатная малиновая или голубая шапка, кучерский армяк, ловко перетянутый кушаком.

Клиентами такого типа извозчика становились люди более состоятельные: «франтовски одетые барышни, щеголи [Москва в её прошлом и настоящем, 1912, с. 62]. Бывший «ванька» уже не так подвижен: он соглашался перевезти клиента не менее чем за полтинник (пятьдесят копеек). Чаще всего он сидел большую часть дня где-нибудь в харчевне, сводив там выгодные знакомства. Режим его работы был весьма короток по сравнению с ваньками: ранее одиннадцати никогда не выезжал и позже девяти часов вечера он никогда не оставался на улице. С ним не ездят по делам, с ним катаются» [Иллюстрация..., 1845, с. 180].

«Полулихачи» очень враждебно относились к «ванькам», называли их «голодными воронами» и ругали их за то, что они сбивали цену, хотя многие совершенно недавно испытывали подобные унижения в начале своей карьеры.

Извозчики-аристократы, известные под названием «*лихачи*» (*ухорские*), составляли отдельную группу. Их надменное поведение по отношению к другим категориям извозчиков бросалась в глаза. По их мнению, тот, кто не может выехать на рысаке, иноходце или, по крайней мере, на красивой заводской лошади, не извозчик, а ванька [Иллюстрация..., 1845, с. 181]. Экипаж «лихача» привлекал своим изяществом, но без излишнего щегольства: прекрасная дорогая лошадь, всегда хорошо содержанная, здоровая, покрытая ковром, иногда шитым по канве, с кистями. Имея резвую лошадь, очень часто лихач отличался быстрой, порой неосторожной ездой.

Внешность лихача соответствовала статусу хозяина легкового перевозочного дела: он носил бархатную новую поддевку и шаровары, ситцевую рубаху, бобровую шапку и глянцевого сапоги с напуском. То, что он считал себя хозяином положения, выражалось в его манере стоять на бирже, у колод, где он захватывал лучшие и выгоднейшие места.

Клиентами извозчиков-лихачей были люди состоятельные, которые иногда нанимали их на определенный срок в указанную часть дня и место (около лучших гостиниц, трактиров и т. д.), легкомысленные девицы (проститутки). Именно они составляли главный доход лихача, поскольку платили ему за себя и нередко за второго пассажира. Таким образом, клиентская база лихача была обширная: зная многих, он мог покровительствовать и посредничать, а иногда становился ростовщиком и барышником.

Работая преимущественно по вызову, много времени он тратил не на поездки, а на сбор информации о своих потенциальных клиентах, которую он собирал в беседе с городскими, лавочниками и дворниками, посещая знакомых слуг в отелях и роскошно убранных будуарах. Именно эти связи позволяли ему получать за каждый вызов немалые суммы. Поездка лихача означала, что у него в кармане будет не менее трех, а иногда и десяти рублей серебром за заказ, кроме того, он всегда получал на водку. В конечном итоге лихач сам решал, когда завершать ему занятие извозным промыслом [Иллюстрация..., 1845, с. 184].

Так складывалась карьерная лестница легкового извозчика, которая влияла на его профессиональный «портрет», позволявшая за определенный период времени в условиях тяжелой конкуренции занять собственное место в городской социальной среде.

Профессиональный облик ломового извозчика, занимавшегося перевозкой различного рода грузов, не был столь разнообразным. В ломовые извозчики, а попросту «ломовики», шли обычно сильные и здоровые люди и в большинстве своем неграмотные. Рост и вес человека играли большую роль, поскольку приходилось перевозить грузы самого разного вида и тяжести. Очень точное описание ломовиков дал Г.Л. Вербловский, член Московской судебной палаты: «Громадные... красные глаза. Свирепо кричат... Кулаки, дражные одежды и распухшие веки» [Вербловский, 1864, с. 64]. Работа ломовых извозчиков требовала огромного физического напряжения и усилий, поэтому кадровая текучесть на этом поприще была более выражена, чем в легковом извозе – травмирование, утрата здоровья были постоянными спутниками ломовых извозчиков.

Форменной одежды у ломовых извозчиков не было. Это была обычная крестьянская одежда, к которой добавлялись холщовый фартук, халат из серой дерюги. В.И. Даль упоминает в качестве одежды ломовиков лузан – безрукавный наплечник [Даль, 1882, с. 276]. Представляя себе ломовика, приведем строки из стихотворения Н. Заболоцкого «Обводный канал» [Все стихи Николая Заболоцкого]:

Ломовики, как падишахи,
Коня запутав медью блях,
Идут, закутаны в рубахи,
С нелепой важностью нерях.

Спокойная интонация строк заставляет смотреть на них без всякой насмешки, понимая всю важность и трудность их работы.

Городским обывателям казалось, что ломовики никогда не уходят с улиц: с раннего утра и до позднего вечера был слышен лязг железных ободьев колес повозок, перевозящих грузы, беспрестанный окрик и ругань ломовиков как со своими коллегами по цеху, так и на лошадей. В.Э. Руга в «Очерках городского быта начала XX в.» вспоминал ответ на вопрос, данный извозчиками: «Нам без ругани нельзя, – признавался один из них, – ругань у нас вместо покурить!» [Руга, 2010, с. 124].

Упряжь на лошадях ломовых извозчиков состояла из дуги, хомута и шлеи с медным набором. Телеги ломовиков отличались заметной шириной, подходя как раз по ширине трамвайных путей. Часто выезжая на них, колеса, катясь по рельсам, облегчали перевозку груза, но такие поездки запрещались полицией. Чтобы удобно было грузить «с плеча», повозки отличались большим диаметром задних колес, чем у передних. Кроме того, сзади телег имелись полоки (площадки), установленные достаточно высоко, чтобы груз легче перевалить себе на спину. Под полоком вдоль краев прикреплялось множество крючков для увязки груза веревкой и для ведра, использовавшегося для водопоя лошади. Сыпучие грузы (песок, камни, мусор) перевозили на специальных телегах с опрокидными полуцилиндрическими кузовами, называемыми «колымагами», а длинномерные грузы – на «раздвижках». Ломовой транспорт с грузом двигался только шагом, причем извозчик следовал рядом, держа вожжи в руках [Артемьев, 2018].

Лошади у ломовиков были крупными – тяжеловозы-битюги, которых разводили крестьяне Воронежской и Тамбовской губерний в степях, на берегах реки Битюга, где они произошли от скрещивания местных лошадей с бракованными орловскими жеребцами, чаще всего были желто-белой масти. Битюги были большого роста, имели полугорбатую голову, крепкую мускулистую шею, широкую грудь. Эти лошади соединяли в себе необыкновенную силу для возки тяжестей, скорую рысь и неутомимость. Хороший битюг по ровной дороге мог свободно везти тяжесть в 100 пудов. Вот почему битюги славились и продавались по значительным ценам [Битюгов, 1881, с. 37].

Ломовые извозчики занимались различными видами извоза: вывозом снега, подвозом воды (водовозы), доставкой продуктов в магазины и на рынки, обслуживанием строек – подвоз разнообразных строительных материалов (песка, кирпича, леса, труб, керосина, нефти), мебели, дров и других тяжеловесных предметов. Среди всех видов извозчиков следует отметить *золотарей* – извозчиков, занимавшихся очисткой выгребных ям. В исследовании Е.Д. Юхнёвой «Петербургские доходные дома» указано, что в Петербурге насчитывалось более 32 тысяч выгребных ям, которые вычерпывались несколько раз в год ассенизационными обозами, размещавшимися на Васильевском острове, кроме того, работало и множество частных золотарей, и для подобного промысла не требовалось особых разрешений [Юхнёва, 2007, с. 233]. В. Гиляровский в своем произведении «Москва и москвичи» также описывал золотарей: «В темноте тащится ночной благоуханный обоз – десятка полтора бочек, запряженных каждая парой ободранных, облезлых кляч. Между бочкой и лошадию на телеге устроено веревочное сиденье, на котором дремлет золотарь» [Гиляровский, 1926, с. 189].

Редко можно встретить еще какие-то названия, кроме «ломовика», тем не менее в Одессе ломовые извозчики делились на две группы: извозчик издали и извозчик городской. Извозчик издали – это или *русский троичник* (происходил от наличия трех лошадей), грубый, с криками отстаивающий свое право, не слушая никого, или *немецкий колонист*, делавший все очень быстро: бегом везет свои товары в город, бегом сбывает, не торгуясь долго, но окончив продажу, устраивает в городе беспорядки, которые могут превосходить беспорядки троичника [Андреевский, 1914, с. 59–61].

В той же Одессе и некоторых портовых городах Украины существовала такая разновидность ломовых извозчиков, как *биндюжники* – это извозчики, занимавшиеся грузоперевозками на пароконной повозке, так называемой «площадке». Название произошло от слова «биндюк», означающего большегрузную телегу. В словаре В.И. Даля указывается: «биндюх, биньдюх – рыдван, большая или троичная извозная телега, на которую валят до ста пудов» [Даль, 1863, с. 76]. В Одессе биндюжниками часто были евреи. Они делились на артели по пять телег и преимущественно занимались транспортировкой в гавань пшеницы. Обрато везли уголь, антрацит, бакалейные товары, дрова и др. [Скальковский, 1865, с. 30].

На Украине и на юге России ломовых извозчиков называли также *чумаками* – возившие на волах в Крым и на Дон на продажу хлеб и привозившие оттуда соль и рыбу и прочие товары для перепродажи. Их ярко описывал Н.В. Гоголь в своем произведении «Вечера на хуторе близ Диканьки» [Гоголь, 1903, с. 22, 143–144]. До проведения железных дорог чумачество представляло собой обширный промысел, занимавший много людей и позволивший создать особые нравы, обычаи среди них. Ввиду сопряженных с перевозкой товаров опасностей чумаки в одиночку никогда не пускались в путь – только «ватагами – валками» по предварительному взаимному уговору. Общее число пар волов доходило тогда до 40. С хозяевами шли наймиты, по одному человеку на четыре-пять волов. Повозки были нагружены весьма существенно: обычный вес воза достигал 50 пудов, при перевозке соли клали до 60 и 65 пудов [Брокгауз, Ефрон, 1903, с. 57].

В Батуми ломовых извозчиков называли *дрогарями* или *дрогалями* (от типа повозки) – длинной телеги без кузова, передок и задок которой соединены продольными брусьями [Путеводитель, 1901, с. 39].

В Астрахани и на Дону ломовиков называли *ерандачниками* от слова ерандак – это род пялец на роспуски для простора при укладке товара [Даль, 1882, с. 536].

Ломовики были менее организованы, чем легковые извозчики. Работали большей частью самостоятельно, но иногда и на хозяина. В последнем случае – на определенный срок. Как легковые, так и ломовые извозчики имели своего старосту, которые решали конфликтные ситуации, возникавшие между извозчиками и между клиентами и извозчиками.

Заработки ломовых извозчиков были весьма значительные, но и труд их нелегок. Им платили с пуда клади, а иногда и от повозки в размере 1,5 руб. в зависимости от хрупкости и ценности товара. За 2,5 месяца работник получал от 35 до 70 руб., что являлось весьма значительным заработком [Нижегородское губернское земское собрание, 1886, с. 49].

Заключение

Таким образом, профессиональный облик извозчиков, работавших в России, был весьма разнообразен. Возможность подъема по социальной лестнице, работая извозчиком легковым, была более выраженной, но работа ломового извозчика оплачивалась лучше. Хотя легким не назовешь ни один, ни второй тип извоза, вероятность того, что извозчик прекратит свой промысел в результате утраты здоровья, была велика как раз у ломовиков, бравшихся за перевоз любого груза. В начале XX в. гужевого типа транспорта постепенно начинается вытесняться автомобильным. Ломовой извоз исчезнет с улиц наших городов скорее, чем легковой, что было связано, конечно, с большей грузоподъемностью автомобилей, но это будет не быстрым процессом. Автотранспортные предприятия городов вплоть до середины 1930-х гг. наряду с автопарком содержали еще и лошадей, причем весьма значительное количество. И очень часто лошадь приходила на замену автомобилю, вставшему по причине отсутствия бензина, запчастей и пр. Тем не менее история извозного промысла – это отдельный, достаточно глубокий пласт в истории нашей страны, оказавший значительное влияние на развитие культуры городской среды, требующий дальнейшего изучения как в региональном аспекте, так и в общероссийском масштабе.

Список литературы

1. Андреевский Э.С. 1914. Из архива К. Э. Андреевского. Т. 3. Одесса, 375 с.
2. Артемьев М. 2018. Гужевая экономика. Как передвигалась Россия до появления железных дорог. URL: // <https://www.forbes.ru/biznes/357703-guzhevaya-ekonomika-kak-peredvigalas-rossiya-do-royavleniya-zheleznyh-dorog> (дата обращения 03.05.2021).
3. Баранова Е. А. 2015. Городские извозчики конца XVIII – начала XX в: штрихи к портрету социально профессиональной группы // Социально-экономические явления и процессы. Т. 10. URL: // <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskie-izvozchiki-kontsa-xix-xx-vv-shtrihi-k-portretu-sotsialno-professionalnoy-gruppy> (дата обращения 03.05.2021).
4. Брокгауз Ф.А. 1903. Энциклопедический словарь. Т. 39а. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. 960 с.
5. Все стихи Николая Заболоцкого. Русская поэзия. URL: // <https://rupoem.ru/zabolockij/all.aspx>. (дата обращения 03.05.2021).
6. Битюгов М.Е. 1881. Правила и советы охотникам до лошадей при покупке, продаже, выезде, ковке, корме и исправлении порочных качеств рысистой, верховой, упряжной и ломовой лошади. М., Д.И. Преснов. 195 с.
7. Бредихина И.И. 2008. Придворные экипажи. Царскосельское собрание. СПб, Аврора. 201 с.
8. Василич Г.З. 1912. Москва в её прошлом и настоящем. Вып. 11. М., Товарищество «Образование». 153 с.

9. Вербловский Г.Л. 1896. Вопросы русского гражданского права и процесса. М., т-во тип. А.И. Мамонтова. 438 с.
10. Вонлярлярский В.А. 1854. Все сочинения Василия Александровича Вонлярлярского. Т. 7. СПб, тип. Имп. Акад. наук. 400 с.
11. Гиляровский В.А. 1926. Москва и москвичи: воспоминания. М., Всероссийский союз поэтов. 126 с.
12. Гоголь Н.В. 1903. Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изд. пасечником Рудым Паньком. 2-е изд. СПб, А.С. Суворин. 354 с.
13. Голицынский А.П. 1860. Уличные типы. М., К. Рихау. 60 с.
14. Даль В.И. 1863. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1. А-З. М., Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 627 с.
15. Даль В.И. 1882. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. Т. 4. Санкт-Петербург; М., М.О. Вольф. 576 с.
16. Ейские «Ваньки», «голубчики», «лихачи». URL: // <https://muzeisamsonova.ru/eyskie-vanki-golubchiki-lihachi/>. (дата обращения 03.05.2021).
17. Загоскин М.Н. 1851. Москва и москвичи: записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М.Н. Загоскиным. М [б. и.]. 434 с.
18. Иллюстрация: еженедельное издание всего полезного и изящного. 1845. Т. 4. СПб, [б. и.]. 386 с.
19. Кириллова Л.П. 2000. Старинные экипажи: сокровища Оружейной палаты. М., Красная площадь. 207 с.
20. Кокорев И.Т. 1858. Очерки и рассказы. Ч. 1–3. М., унив. тип. 356 с.
21. Кружнов Ю.Н. Извозчики. URL: // <http://www.ensspb.ru/object/2804025324?lc=ru>. (дата обращения 03.05.2021).
22. Москва в её прошлом и настоящем: роскошно-иллюстрир. изд., посвящ. памяти историка Москвы И.Е. Забелина. 1912. М., [б. и.] 1912. 125 с.
23. Нижегородское губернское земское собрание. 1866–1918. 1866. Нижний Новгород. 167 с.
24. Овченко Ю.Ф. 2012. Безопасность империи. (Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия. 1880–1917 гг.). М., Техинформ. 370 с.
25. Путеводитель и справочная книжка по г. Батуму и окрестностям. 1901. Батум : Н.П. Гурская, Ценз. 80 с.
26. Руга В.Э. 2010. Повседневная жизнь Москвы: очерки городского быта начала XX века. М., ЛитРес. 497 с.
27. Скальковский А.А. 1865. Записки о торговых и промышленных силах Одессы, составленные в 1859 году А. Скальковским. СПб, тип. В. Безобразова и К°. 181 с.
28. Халин А.А. 2006. Развитие системы путей сообщения Нижегородского Поволжья и ее роль в социально-экономическом развитии региона: 1830-е – 1900 г. XIX в. Дисс ... доктора исторических наук. М. 465 с.
29. Юхнева Е.Д. 2007. Петербургские доходные дома. М.– СПб, Центполиграф. 362 с.

Referenses

1. Andreevskij Je.S. 1914. Iz arhiva K.Je. Andreevskogo [From the archive of K.E. Andreevsky]. part. 3. Odessa, 375 p.
2. Artemev M. 2018. Guzhevaja jekonomika. Kak peredvigalas Rossiya do pojavlenija zheleznyh dorog [The Wild Economy. How Russia Traveled Before Railways]. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/357703-guzhevaya-ekonomika-kak-peredvigalas-rossiya-do-poyavleniya-zheleznyh-dorog>. (accessed 03 may 2021) (in Russian).
3. Baranova E. A. 2015. Gorodskie izvozchiki konca XVIII – nachala XX v: shtrihi k portretu socialno professional'noj gruppy [Townsppeople of the end of XVIII – beginning of XX in: Strokes to portrait of a socio-professional group] // Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy. vol. 10. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskie-izvozchiki-kontsa-xix-xx-vv-shtrihi-k-portretu-sotsialno-professionalnoj-gruppy> (accessed 03 may 2021) (in Russian).
4. Brokgauz F.A. 1903. Jenciklopedicheskij slovar [Encyclopedic dictionary]. part. 39a. Sankt-Peterburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron. 960 p.

5. Vse stihi Nikolaja Zabolockogo. Russkaja poezija [All poems by Nikolai Zabolotsky. Russian poetry]. Available at: <https://rupoem.ru/zabolockij/all.aspx> (accessed 03 may 2021) (in Russian).
6. Bitjugov M.E. 1881. Pravila i sovety ohotnikam do loshadej pri pokupke, prodazhe, vyezde, kovke, korme i ispravlenii porochnyh kachestv rysistoj, verhovoj, uprjazhnoj i lomovoj loshadi [Rules and advice for horse hunters when buying, selling, leaving, forging, feeding and correcting the vicious qualities of a trotting, riding, draft and draft horse]. Moscow, D.I. Presnov. 195 p.
7. Bredihina I.I. 2008. Pridvornye jekipazhi. Carskoselskoe sobranie [Court carriages. Tsarskoye Selo collection]. Sankt-Peterburg, Avrora. 201 p.
8. Vasilich G.Z. 1912. Moskva v ejo proshlom i nastojashhem [Moscow in its past and present]. Issue 11. Moscow, Tovarishhestvo «Obrazovanie». 153 p.
9. Verblovskij G.L. 1896. Voprosy russkogo grazhdanskogo prava i processa [Questions of Russian civil law and procedure]. Moscow, t-vo tip. A.I. Mamontova. 438 p.
10. Vonljarljarskij V.A. 1854. Vse sochinenija Vasilija Aleksandroviča Vonljarljarskogo [All works of Vasily Alexandrovich Vonlyarlyarsky]. Part. 7. Sankt-Peterburg: Imperial Academy of Sciences Printing House. 400 p.
11. Giljarovskij V.A. 1926. Mockva i moskvichi: vospominanija [Moscow and Muscovites: memories]. Moscow, Vserossijskij sojuz pojetov. 126 p.
12. Gogol N.V. 1903. Vechera na hutore bliz Dikanki: povesti, izd. pasechnikom Rudym Pankom. 2-e izd. Sankt-Peterburg [Evenings on a farm near Dikanka: novels, ed. beekeeper Rudy Pank]: A.S. Suvorin. 354 p.
13. Golicynskij A.P. 1860. Ulichnye tipy [Street types]. Moscow, K. Rihau. 60 p.
14. Dal V.I. 1863. Tolkovyj slovar zhivogo velikorusskogo jazyka [Explanatory dictionary of the living great russian language]. P. 1. A-Z. Moscow, Izd. obshh-va ljubitelej Rossijskoj slovesnosti, 627 p.
15. Dal V.I. 1882. Tolkovyj slovar zhivogo velikorusskogo jazyka [Explanatory dictionary of the living great russian language]. 2-e izd., ispr. i znach. umnozh. po rukopisi avt. vol. 4. Sankt-Peterburg; Moscow, M.O. Volf. 576 p.
16. Ejskie «vanki», «golubchiki», «lihachi» [Yeisk «vanka», «darlings», «daredevils»]. Available at: URL: // <https://muzeisamsonova.ru/eyskie-vanki-golubchiki-lihachi/>. (accessed 03 may 2021) (in Russian).
17. Zagoskin M.N. 1851. Moskva i moskvichi: zapiski Bogdana Il'icha Bel'skogo, izdavaemye M.N. Zagoskinym [Moscow and Muscovites: Notes of Bogdan Ilyich Belsky, Published by M.N. Zagoskin]. Moscow, 434 p.
18. Illjustracija: ezhenedelnoe izdanie vsego poleznogo i izjashhnogo [Illustration: weekly edition of everything useful and graceful]. 1845. vol. 4. Sankt-Peterburg: [b. i.]. 386 p.
19. Kirillova L.P. 2000. Starinnye jekipazhi: sokrovishha Oruzhejnoj palaty [Vintage Carriages: Armory Treasures]. Moscow, Krasnaja ploshhad. 207 p.
20. Kokorev I.T. 1858. Oчерki i rasskazy [Essays and stories]. p. 1–3. Moscow, univ. tip. 356 p.
21. Kruzhnov Ju.N. Izvozchiki [Cabbies]. Available at: <http://www.encspb.ru/object/2804025324?lc=ru> (accessed 03 may 2021) (in Russian).
22. Moskva v ejo proshlom i nastojashhem: roskoshno-illjustrir. izd., posvjashh. pamjati istorika Moskvyy I.E. Zabelina [Moscow in its Past and Present: Luxuriously Illustrated. ed., dedicated. in memory of the historian of Moscow I.Ye. Zabelin]. 1912. Moscow, 1912. 125 p.
23. Nizhegorodskoe gubernskoe zemskoe sobranie [Nizhny Novgorod Provincial Zemsky Assembly]. 1866–1918. 1866. Nizhnij Novgorod. 167 p.
24. Ovchenko Ju.F. 2012. Bezopasnost imperii (Politicheskij rozysk – sredstvo obespechenija bezopasnosti rossijskogo samodержavija. 1880–1917 gg.) [Empire security (Political search is a means of ensuring the security of the Russian autocracy. 1880–1917)]. Moscow, Tehinform. 370 p.
25. Putevoditel i spravochnaja knizhka po g. Batumu i okrestnostjam [Guide and reference book for Batum and its surroundings]. 1901. Batum : N.P. Gurskaja, Cenz. 80 p.
26. Ruga V.Je. 2010. Povsednevnaia zhizn Moskvyy: oчерki gorodskogo byta nachala XX veka [Everyday life in Moscow: sketches of urban life in the early XX century]. Moscow, LitRes. 497 p.
27. Skalkovskij A.A. 1865. Zapiski o trgovyih i promyshlennyh silah Odessy, sostavlennye v 1859 godu A. Skalkovskim [Notes on the commercial and industrial forces of Odessa, compiled in 1859 by A. Skalkovsky]. Sankt-Peterburg: tip. V. Bezobrazova i K°. 181 p.

28. Halin A.A. 2006. Razvitie sistemy putej soobshhenija Nizhegorodskogo Povolzh'ja i ee rol' v socialno-jekonomicheskom razvitii regiona: 1830-e – 1900 g. XIX v. [Development of the system of communication lines of the Nizhny Novgorod Volga region and its role in the socio-economic development of the region: 1830s – 1900s of the 19th century.] Diss ... doktora istoricheskikh nauk. Moscow, 465 p.

29. Juhneva E.D. 2007. Peterburgskie dohodnye doma [Petersburg apartment buildings]. Moscow – Sankt-Peterburg: Centpoligraf. 362 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Логинова Диана Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук института экономики и социальных технологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Diana V. Loginova, candidate of historical sciences, associate professor, Department of Social Sciences, Institute of Economics and Social Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia

УДК 94(476):387«1900/1915»

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-681-693

Белорусская газета «Наша Нива» об основании университета в западных губерниях в начале XX века

Шимукович С.Ф.

Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы»,
Беларусь, 220007, г. Минск, ул. Московская, 15
E-mail: 28.05.74@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются информационные сообщения в газете «Наша Нива», освещающие деятельность вокруг открытия высшего учебного заведения на белорусских землях в начале XX в. Контент-анализ материалов позволяет выявить количественные и качественные показатели развития полемики о высшей школе в крае за годы издания газеты. Интерес представляет используемая белорусскими деятелями аргументация о наиболее приемлемом формате учреждения образования, выборе места расположения вуза и других аспектах развития высшего образования в крае. Выявлены фазы активности региональных элит в деле открытия вуза в западных губерниях. Отмечается, что отсутствие инфраструктуры высшего образования отрицательно сказалось на социально-экономическом развитии белорусских земель и негативно отразилось на динамике продвижения белорусского национального проекта. Одновременно автор отмечает, что правительство блокировало инициативы по открытию вузов во всех городах империи, так как в целом опасалось расширения протестных настроений в академической среде.

Ключевые слова: белорусские земли, высшая школа, высшее образование, белорусский университет, белорусская интеллигенция, А. Власов, контент-анализ.

Для цитирования: Шимукович С.Ф. 2021. Белорусская газета «Наша Нива» об основании университета в западных губерниях в начале XX века. *Via in tempore. История Политология.* 48 (3): 681–693. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-681-693.

Belarusian newspaper «Nasha Niva» about the foundation of the university in the Western provinces at the beginning of the 20th century

Serguej F. Shymukovich

National Institute for Higher Education,
15 Moskovskaya St., Minsk, 220007, Belarus
E-mail: 28.05.74@mail.ru

Abstract. The article analyzes the information messages in the newspaper «Nasha Niva», covering the activities around the opening of a higher educational institution in the Belarusian lands at the beginning of the 20th century. The content analysis of the materials allows us to identify quantitative and qualitative indicators of the development of the controversy about higher education in the region over the years of the newspaper's publication. The argument used by Belarusian figures about the most acceptable format of an educational institution, the choice of the location of the university and other aspects of the development of higher education in the region is considered. The phases of activity of regional elites in the opening of a university in the western provinces are revealed. It is noted that the lack of higher education infrastructure has negatively affected the socio-economic development of the Belarusian lands and negatively affected the dynamics of the promotion of the Belarusian national project. At the same time, the author notes that the government blocked initiatives to open universities in all cities of the empire, as it was generally afraid of the expansion of protest moods in the academic environment.

Keywords: Belarusian lands, higher school, higher education, Belarusian university, Belarusian intellectuals, A. Vlasov, content analysis.

For citation: Shymukovich S.F. 2021. Belarusian newspaper «Nasha Niva» about the foundation of the university in the Western provinces at the beginning of the 20th century. *Via in tempore. History and political science.* 48 (3): 681–693 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-681-693.

Введение

Бурные темпы социально-экономической модернизации и развитие гражданских институтов в Российской империи в целом и ее западных губерниях в частности достаточно остро обозначили проблему нехватки квалифицированных кадров как для реального сектора экономики, так и для правительственных и общественных институтов. Естественной реакцией общества было требование расширения системы высшего образования, которая на тот момент не обеспечивала социальный заказ. По подсчетам современных российских исследователей, к началу XX в. в России было 9 университетов и около 60 специализированных высших учебных заведений, в том числе 14 частных вузов [Колчинский и др., 2018, с. 44, 63]. При этом в обширнейшем Западном крае высших учебных заведений не было вообще, в то время как на соседних территориях, в том числе в национальных окраинах империи, были представлены самые разнообразные вузы. Так, университеты были в обеих столицах России (Петербурге и Москве), в Харькове, Одессе и Киеве (основан в 1835 г. взамен закрытого Виленского университета) [Шимукович, 2020, с. 128]. Технологические, политехнические, ветеринарные и иные институты действовали в Варшаве, Риге, Харькове, Киеве, Нежине (Черниговская губ.), Ново-Александрии (Люблинская губ.) – их относительная близость к белорусским землям способствовала привлечению учащихся из западных губерний, однако расходы на обучение за пределами края были выше, чем у местных студентов.

В начале XX в. определенную динамику получил белорусский национальный проект. Газета «Наша Нива», которая издавалась на белорусском языке с 1906 г., была единственным рупором белорусских национальных деятелей. На ее страницах публиковались материалы, которые носили для белорусского движения программный характер. Роль «Нашей Нивы» в развитии белорусского национального движения исследовал А.В. Унучек [Унучак, 2008]. Еще один белорусский историк В.А. Пилецкий изучал материалы газеты, в которых с позиций интересов белорусского национального движения озвучивались задачи развития начальной и средней школ по обучению белорусов в начале XX в. [Пілецкі, 2007]. Однако именно инфраструктура высшего образования являлась фактором, способствовавшим эффективности, последовательности и результативности реализации любого национального проекта, что отметил в своем исследовании историк и этнограф П.В. Терешкович. Он сравнил массовость и степень интенсивности украинского и белорусского национального движения и пришел к выводу, что наличие университетов на украинских землях сыграло определяющую роль в большей успешности украинского национального проекта в начале XX в. [Терешкович, 2004, с. 195]. В этой связи актуальным представляется изучение вопроса о видении белорусскими деятелями перспектив развития инфраструктуры высшего образования в Западном крае, о целях высшего образования и задачах национальной интеллигенции как продукта системы высшего образования.

Представители региональных элит с самого начала XX в. предпринимали значительные усилия по организации вуза в Западном крае. Так, на съезде в Вильно представителей сельскохозяйственных обществ в августе 1901 г. рассматривался вопрос о необходимости открытия политехнического института с сельскохозяйственным, лесным, химическим, механическим и строительным отделениями, а на съезде землевладельцев края в Двинске в 1903 г. с обстоятельным докладом о необходимости открытия в крае универси-

тета с сельскохозяйственным отделением выступил П. Стрельцов [Пічэта, с. 218]. При этом он ссылаясь на германский опыт и отмечал, что наиболее эффективно сельскохозяйственные науки развиваются и преподаются именно в университетах, а не в специализированных институтах [Стрельцов, 1903, с. 10–30; Пічэта, 2014, с. 218]. Однако специалисты придерживались иного мнения, так, директор Горыгорецкого земледельческого училища Н.М. Арнольд был сторонником специализированных сельскохозяйственных институтов. Единственное, он не видел перспектив для восстановления сельскохозяйственного вуза в Горках Могилевской губернии в силу «...захолустного положения Горок и отдаленности их от железнодорожных путей, что никоим образом устроено быть не может»¹⁴⁸.

Активное обсуждение вопроса об открытии вуза в крае на страницах региональных газет способствовало появлению такого нового явления, как конкуренция крупнейших городов края за право принять высшее учебное заведение на своей территории. Вопрос о необходимости учреждения вуза в начале столетия периодически поднимался и на заседаниях Витебской, Минской и Виленской городских дум, где создавались специальные комиссии, которые выявляли преимущества соответствующих локаций и занимались изысканием средств. Никто из экспертов не высказывался о национальном характере университета, он скорее рассматривался как инструмент российского влияния в крае. Тем не менее правительство положительного ответа на местные инициативы не давало [Пічэта, 2014, с. 222].

К началу XX в. университеты и иные вузы стали серьезными центрами оппозиции правительству. Академическое сообщество оказалось непосредственно вовлечено в политическую борьбу, что особенно ярко проявилось в ходе революции 1905–1907 гг. Хотя профессура и разделилась в вопросе участия в активной политической деятельности, значительное число авторитетных ученых, особенно с либеральными взглядами, все же отказывали режиму в способности обеспечить устойчивое общественное развитие. В это время расхождение правительства со студентами и вовсе достигло критического уровня [Колчинский и др., 2018, с. 46, 51]. Именно эти обстоятельства и стали причиной того, что многочисленные инициативы по открытию новых университетов, поступавшие в правительство из разных губернских городов империи, оставались без одобрения. Как отмечает А.Е. Иванов, 99 % ходатайств об открытии вузов отвергались [Иванов, 1991, с. 189]. Правительство достаточно осторожно давало согласие только на создание новых политехнических и медицинских институтов, готовивших кадры для критически важных для государства сфер и отраслей [Колчинский и др., 2018, с. 63].

Объект и методы исследования

С ноября 1906 г. в Западном крае (в Вильно) начала издаваться газета «Наша Нива», которая занималась продвижением белорусского национального проекта и своей целью видела содействие формированию белорусской современной нации. Как отмечали издатели в статье-передовице от 7 (20) июля 1911 г., «...вывести наш народ на простую дорогу может та интеллигенция, которая вышла из народа, которую взрастила деревня своими соками, своей кровью и потом. Это – обязанность народной интеллигенции, это – долг, который лежит на ее совести и должен быть возвращен. Только крепко сомкнувшись со своим народом, только работая для развития его культуры, наша сельская интеллигенция вернет этот долг и скинет с себя ответственность за ту темноту, беду, недолю, которая сковала мощными путами белорусскую землю» [Наша Нива, 1911, № 27, с. 338]. По мнению издателей и авторов газеты, содействовать появлению белорусской интеллигенции может только университет, основанный в белорусском регионе и белорусский по сво-

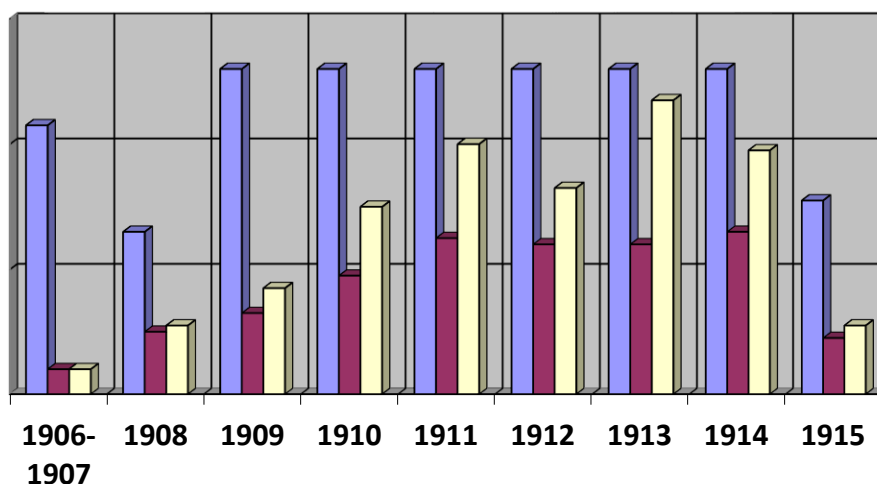
¹⁴⁸ Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). Ф. 2260. Оп. 1. Д. 296. Л. 1 об., 5.

ему духу. Эта мысль последовательно продвигалась в ряде редакционных статей и информационных заметок на протяжении 1908–1915 гг.

Для анализа информационных материалов «Нашей Нивы» был применен метод контент-анализа, который позволил выявить и проследить количественные и качественные изменения в подаче информации об учреждении в крае вуза, объективно и системно описать процесс коммуникации вокруг данной проблемы, крайне важной для всех групп региональных элит, на основе чего были сформулированы определенные выводы. Данная методика показала хорошую эффективность при анализе разнообразных материалов СМИ [Семёнова, Корсунская, 2010, с. 9–27].

Результаты и их обсуждение

В процессе подготовки данной статьи были проанализированы все выпуски газеты «Наша Нива», начиная с первого номера, вышедшего 10 ноября 1906 г.¹⁴⁹, и по № 31 за 7 августа 1915 г., на котором издание газеты прервалось до 1920 г. Были выявлены информационные материалы, освещающие разные стороны высшего образования: функционирование системы в целом в мире и в России в частности, студенческая жизнь во всех ее проявлениях; сообщения, связанные с открытием и деятельностью разных учреждений высшего образования; формы проявления общественной активности российской профессуры (в том числе уроженцев белорусских земель), представлявшие интерес для издателей «Нашей Нивы». В 1906 г. было выпущено всего 7 номеров газеты. В них присутствует только одно информационное сообщение, посвященное забастовке студентов Московского университета [Наша Нива, 1906, № 6, с. 6]. В этой связи логично объединить выпуски 1906 и 1907 гг. в одну хронологическую группу. Сведения о количестве информационных материалов, посвященных высшему образованию, по годам издания газеты приведены на рисунке 1.

- Всего вышло номеров газеты "Наша Нива" за год
- Всего выпусков с информационными сообщениями о высшем образовании
- Всего информационных сообщений о высшем образовании

Рис. 1. Соотношение числа выпусков газеты «Наша Нива» и информационных материалов о высшем образовании [Наша Нива, 1906–1915]

Fig. 1. The ratio of the number of issues of the newspaper «Nasha Niva» and information materials about higher education [Nasha Niva, 1906–1915]

¹⁴⁹ Используется датировка по старому стилю.

Итак, можно отметить, что вплоть до 1911 г. постепенно росло количество сообщений о разных аспектах высшего образования. С 1911 по 1914 г. примерно в каждом втором выпуске газеты присутствовал один либо несколько интересующих нас информационных материалов. Серьезные коррективы в приоритеты информационной политики «Нашей Нивы» внесла Первая мировая война. Проблемы высшего образования отошли на второй план, а если и рассматривались, то в контексте призывной кампании для студентов и новых условий функционирования для вузов. Количество информационных сообщений по проблемам высшего образования в выпусках 1915 г. резко сокращается, а с августа издание газеты и вовсе прерывается.

Информационные сообщения о функционировании учреждений высшего образования и студенческой активности (их было больше всего) размещались в рубрике «Со всех сторон», информация об общественной активности в деле основания вуза в крае приводилась в рубрике «Из Беларуси и Литвы» и в нескольких заглавных статьях. Более обстоятельно были подготовлены аналитические материалы, в которых автор (в основном это был издатель газеты А. Власов) рассматривал преимущества тех либо иных видов вузов, приводил аргументы в пользу открытия университета в Вильно.

Активное обсуждение проблемы, связанной с отсутствием вуза в крае, началось с 1908 г., когда в течение года (в апреле, июне и декабре) «Наша Нива» опубликовала три достаточно пространственные редакторские статьи, в которых освещались мероприятия местной общественности по созданию вуза, приводились аргументы в пользу открытия университета и констатировался отрицательный результат данной активности с указанием причин неудачи. Так, в первой статье, которая вышла в № 9 от 25 апреля, автор отмечал, что 21 апреля в Вильно состоялось собрание представителей белорусских и литовских городов с редакторами виленских газет и иными заинтересованными в открытии вуза лицами. По мнению автора статьи (а это был редактор-издатель А. Власов), необходимо добиваться открытия университета в Вильно, так как этот крупнейший город является сердцем всего края и имеет удобное транспортное сообщение с другими городами. Автор отмечал недостатки политехнического института, который многие предлагали как альтернативу университету: в нем будет учиться меньше студентов, а выпускники, чаще всего невоспитанные на месте в силу неразвитости промышленности, будут уезжать в другие регионы империи. В то же время в крае нужны врачи, учителя, юристы, особенно с учетом перспектив учреждения земств. Университет должен был стать центром региональных исследований: «...работать над языком тех наций, которые у нас живут, изучить хорошо их жизнь, их порядки, да и сам край» [Наша Нива, 1908, № 9, с. 4]. Приводился в статье и экономический аргумент – затраты студентов на обучение были бы значительно ниже, соответственно, возможность получить университетское образование появилась бы и у крестьянских детей. В статье отмечалось, что Государственная Дума как раз рассматривала проект закона о праве поступать в университеты для выпускников учительских институтов, в которых обучались преимущественно дети крестьян [Наша Нива, 1908, № 9, с. 4].

Важность доступности высшего образования для всех социальных групп белорусов подчеркивал П.В. Терешкович: «...доля украинцев среди юристов вдвое превышала аналогичный показатель среди белорусов. <...> численность крестьян с университетским образованием в Украине была в 20 раз больше, чем в Беларуси» [Терешкович, 2004, с. 195]. В этой связи украинский национальный проект имел большую поддержку среди населения.

Вторая статья, опубликованная 6 июня, содержит выдержку из выступления редактора газеты А. Власова в комиссии городской думы Вильно, учрежденной для разработки проекта открытия вуза. Основные аргументы автора, а их в статье восемь, сосредоточены вокруг пользы университета для региональных исследований и белорусского и литовского языкознания. По замечанию автора, совершенно не изучены языки местных народов, осо-

бенно белорусский, который, по мнению филолога-слависта, профессора П.А. Бессонова, самый древний и изначальный, по мнению Е.Ф. Карского – наиболее чистый из славянских [Наша Ніва, 1908, № 12, с. 5]. Мало изучена также история края, особенно «польско-литовские века», в то же время в Виленском центральном архиве древних актов и книг находится огромное количество документов, «написанных белорусским языком», но нет ученых, которые бы их изучали. В самом конце А. Власов отмечает и утилитарную функцию университета – он будет готовить учителей для местных школ и гимназий [Наша Ніва, 1908, № 12, с. 5]. В этой статье, как и в выступлении на заседании комиссии, университет рассматривался в первую очередь как институция, выполняющая региональный социальный заказ и работающая на развитие местных национальных проектов, тогда как во все предшествующие годы вуз в западных губерниях рассматривался исключительно как проводник российского общественного влияния и центр русского просвещения в регионе (именно так говорилось в докладе П.П. Стрельцова) [Пічэта, 2014, с. 220].

Вероятно, что национальный взгляд на университет редактора «Нашей Нивы» и ряда других общественных деятелей, прежде всего литовских, побудили правые российские организации Вильно резко высказаться против идеи учреждения любого высшего учебного заведения в крае. В редакторской статье от 4 декабря, посвященной вопросам русско-польского соперничества в Западном крае, А. Власов с сожалением констатировал, что «...обручительный “Окраинный союз” начал стараться, чтобы университет не открывали, так как поднимется польский “мятеж”. Приехал “окраинный” депутат, известный уже всем Замысловский, и порадовал нас: “Точно скажу вам, что университета в Вильно не будет!” От такой новости противно стало всем, кто хочет добра этому краю, и бросили заниматься делом об университете» [Наша Ніва, 1908, № 12, с. 5].

Стоит отметить, что личность депутата Государственной Думы от Виленской губернии Г.Г. Замысловского представляет значительный интерес в контексте рассмотрения вопросов развития высшего образования в Российской империи в период между российскими революциями. Во-первых, Георгий Георгиевич был сыном Егора Замысловского, известного профессора-историка, уроженца г. Гродно, преподававшего до 1890 г. в Петербургском университете (умер в 1896 г.) [Стогов, 2019, с. 125]. В этой связи он как сын профессора многие проблемы высшей школы мог оценивать не просто как обыватель, а как человек, близкий к системе образования. Его выступления в Государственной Думе по проблемам высшей школы в 1910–1911 гг. насыщены фактурой и изобилуют оценками, крайне неприятными как для функционеров из правительства, так и для тогдашней профессуры. Как отмечает современный российский исследователь Д.И. Стогов, Г.Г. Замысловский «...считался стратегом и «мозгом» фракции правых в Думе и главным посредником между правительством, думскими и внедумскими представителями правых» [Стогов, 2019, с. 126].

В своих ярких выступлениях депутат образно называл высшую школу тех лет «...революционной ретортой, где из человека наивного, не думающего о политике, господ Гессены и Гредескулы будут готовить революционеров, готовить то пушечное мясо, благодаря которому господа кадеты пробираются к власти» [Замысловский, 2013, с. 282]. В этой связи Г.Г. Замысловский поддерживал правительство в его политике удушения протестов в высшей школе: «...те шаги, которые предприняты теперь правительством, показывают, что оно начинает бороться с революционным засильем студенчества и кадетской профессуры, <...> оно должно главное свое воздействие обратить не на студентов, а на профессуру, должно вырвать высшие учебные заведения от этой сплоченной кадетской группы, которая там засела и которая превращает высшую школу в арену, где эта профессура наживается, пропагандирует, ничего не делает, а государство губит и подготавливает не слуг Родине, а пушечное мясо революции» [Замысловский, 2013, с. 314].

В данном контексте становится более понятной резко отрицательная позиция этого человека в отношении учреждения университета в родном для него Западном крае. Она была обусловлена не только тем обстоятельством, что университет может подпасть под влияние местных польских элит, сколько нежеланием усилить революционные настроения на окраинах империи.

Следует сказать, что периоды общественной активности в деле учреждения вуза в западных губерниях имели волнообразную тенденцию: неудача охлаждала инициаторов на год-два до следующей попытки (рис. 2). Так, вслед за неудачей, постигшей региональные элиты в 1908 г., последовал спад в 1909 и 1910 гг., когда информационных материалов о проектах открытия вуза в крае было минимум, а в 1910 г. они и вовсе отсутствовали, зато в этом же году газета широко освещала мероприятия по открытию вузов, альтернативных государственной форме высшего образования, в других городах империи.

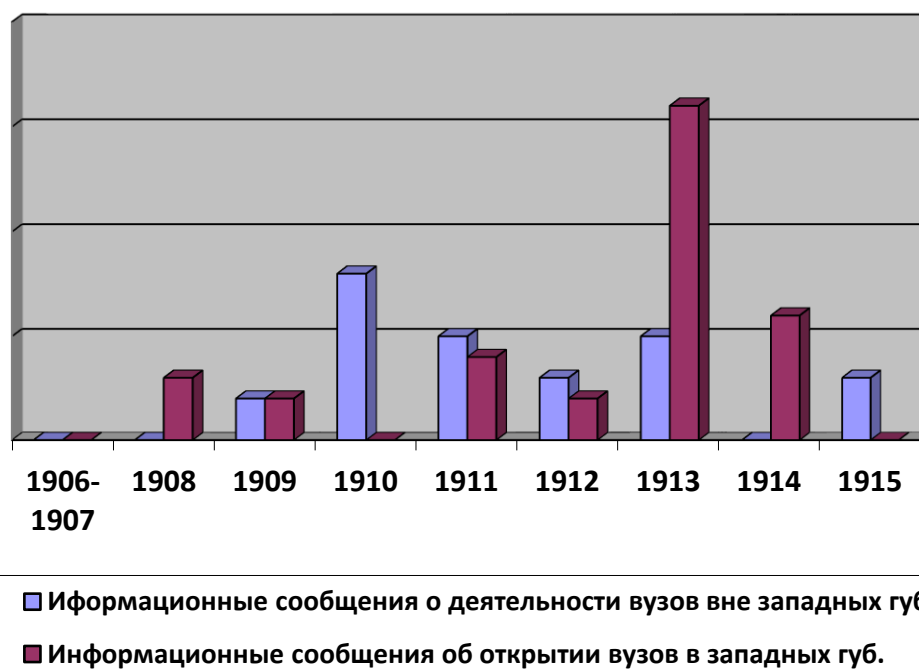

Рис. 2. Количество информационных материалов в газете «Наша Нива» о деятельности вузов в мире и об открытии вузов в западных губерниях [Наша Нива, 1906–1915]

Fig. 2. The number of information materials in the newspaper «Nasha Niva» about the activities of universities in the world and about the opening of a university in the western provinces [Nasha Niva, 1906–1915]

Так, два сообщения в 1909 г. констатировали неудачу предшествовавшей попытке основать вуз в западных губерниях. При этом вновь упоминался депутат Г.Г. Замысловский как основной враг высшего образования в крае, а также описывался успешный проект по основанию университета в Саратове. Он был учрежден постановлением Государственной Думы, которое утвердил Государственный Совет. В статье-передовице, посвященной работе российского парламента, редактор отмечал: «...Мы, белорусы, видимо, еще не скоро дождемся своего университета в Вильно, который очень нужен для жизни нашего края. Теперь делом о Виленском университете никто не занимается. Была комиссия об этом при Виленской городской думе, но ее “отцы” города втихаря закрыли, наверное, разным “истинным” университет не нравится...» [Наша Нива, 1909, № 24, с. 353].

В два «кризисных» года – 1909 и 1910 – газета размещала материалы об альтернативных формах получения высшего образования и о проектах учреждения вузов (успешных и неуспешных) в других городах империи. Так, в 1909 г. вышли две большие статьи о рабо-

те так называемых «народных университетов» за границей (№ 18 и 44). Авторы материалов акцентировали внимание на том, что в них могли получать образование беднейшие слои населения, и, как правило, основание народного университета являлось результатом общественной либо частной инициативы.

Газета уделяла внимание основанию и деятельности как государственных, так и частных вузов в России. В 1910 г. «Наша Нива» писала о праздновании в Саратове по поводу открытия университета (№ 2), о желании Полтавской городской думы открыть сельскохозяйственный институт (№ 2), о крупном пожертвовании в 228 тыс. руб. на Московский народный университет имени А.Л. Шанявского (№ 21), об открытии в Петербурге частных высших курсов имени П.Ф. Лесгафта (№ 29). Подобная информационная политика газеты свидетельствовала о подготовке к следующей фазе активности в крае в деле открытия своего вуза.

9 июня 1911 г. в статье-передовице А. Власов написал о необходимости открыть в Вильно частные высшие курсы сельского хозяйства. Он утверждал, что на это учреждение деньги дадут все землевладельцы, а также земства шести губерний. Помогать курсам должны также общества сельского хозяйства, а городская дума Вильно может выделить землю под фольварок, поскольку все понимают, что «...без хорошей сельскохозяйственной науки теперь ничего не сделаешь. Земледелие такая хитрая вещь, что с каждым годом делается все хитрей, люди все придумывают лучшие и лучшие способы, и нет, чтобы этому научиться» [Наша Нива, 1911, № 23, с. 289]. Расчет автора статьи на проявление частной инициативы основывался на бурном развитии частных учреждений высшего образования в империи.

Так, в 1905 г. в империи было 14 частных вузов, но к началу Первой мировой войны, по подсчетам современных российских исследователей, их количество увеличилось как минимум в четыре раза. Среди них были очень авторитетные учреждения – Психоневрологический институт в Петербурге, Народный университет имени А.Л. Шанявского в Москве, высшие женские курсы во всех городах, где были открыты университеты. К 1915 г. в негосударственном секторе высшего образования обучалось более 50 % студентов, и их число постоянно росло [Колчинский и др., 2018, с. 63, 65].

Более того, к этому времени на белорусских землях тоже был открыт частный вуз. Так, в 1910 г. в Витебске по инициативе членов Витебской губернской ученой архивной комиссии было основано отделение Московского археологического института, где велась подготовка работников архивов и археологов¹⁵⁰. Витебская губернская ученая архивная комиссия представляла собой научное историческое общество, а среди его основателей и членов были видные «западноруссы» либерального толка: А.П. Сапунов, Е.Р. Романов, Е.Ф. Карский¹⁵¹, однако большинство членов общества составляли чиновники губернского аппарата не белорусского происхождения [Шимукович, 2020, с. 130]. Институт в Витебске не участвовал в продвижении белорусского национального проекта в том формате, как его представляли издатель «Нашей Нивы», поэтому на страницах газеты о его основании и деятельности мы не нашли ни одного информационного материала. Инициатива А. Власова не нашла поддержки, частные высшие сельскохозяйственные курсы в Вильно открыты не были.

Как отмечает российский историк А.Е. Иванов, к 1910 г. правительство озабочилось вопросами планирования развития высшего образования в империи, что было вызвано социально-экономическим развитием и возросшей потребностью в квалифицированных кадрах [Иванов, 1991, с. 181]. 16 июня 1911 г. в статье-передовице вновь говорится об открытии университета в Вильно. Как отмечает автор, в газетах пишут, что: «...постановлено открыть университет для обучения на докторов в Ростове-на-Дону, горный институт в Екатеринбурге, высшие школы сельского хозяйства в Воронеже и Самаре, а про университет для нас в Вильно не слышно». По мнению автора статьи, это происхо-

¹⁵⁰ Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). Ф. 2771. Оп. 1. Д. 160. Л. 2–8 об.

¹⁵¹ Там же. Д. 153. Л. 1–3.

дит из-за всяких Замысловских (фамилия депутата уже становится нарицательной), в то же время многие «ученые люди» в России искренне хотят, чтобы скорее открылся университет в Беларуси, они рады, что «...большое белорусское старославянское племя пробуждается от мертвого сна» [Наша Ніва, 1911, № 24, с. 305]. В статье отмечается, что даже председатель Академии наук, великий князь Константин Константинович является сторонником университета в Вильно, и в этом же выпуске в рубрике «Со всех сторон» была размещена информация о том, что совет профессоров Академии наук высказался за открытие университета в Вильно и что в высших кругах столицы имеются сторонники данного предприятия [Наша Ніва, 1911, № 24, с. 335].

Спустя полгода, в декабре, в редакционной статье А. Власов с разочарованием отмечал, что за прошедший 1911 г. постановлено открыть несколько специализированных высших школ в городах России, а об университете в Вильно никакой информации нет. Вина за это лежит, по мнению автора, на «правых», которые подозревают «польскую интригу» [Наша Ніва, 1911, № 49, с. 626]. В этом же году в Минске городская дума совместно с губернским земством, исходя из политических и практических соображений, просила правительство открыть медицинский факультет (был учтен недавний положительный опыт основания университета в Саратове), надеясь позже добиться открытия и остальных факультетов. Прошение города осталось без положительного ответа. «Наша Нива» об этой инициативе тоже не сообщала [Пічэта, 2014, с. 223–224].

В 1912 г. виленское общество и городские власти решили воспользоваться юбилеем династии и просить учредить университет «в память 300-летия Дома Романовых». Городская комиссия по народному образованию впервые озвучила данную инициативу в январе, а в ноябре в газете сообщалось, что город готов выделить на университет 1 млн руб. и 20 десятин земли. Однако на фоне Ростова-на-Дону, городская дума которого выделяла на открытие университета 2 млн руб., эта сумма выглядела недостаточной [Наша Ніва, 1912, № 1, с. 3–4; № 48, с. 3].

Новый период активности в деле открытия вузов на белорусских землях пришелся на 1913 г. В «Нашей Ниве» было опубликовано 16 информационных материалов об открытии вузов в крае, и это больше, чем за все предшествующие годы издания газеты (см. рис. 2). Именно в 1913 г. обострилась конкуренция трех главных городов края – Вильно, Минска и Витебска – за потенциальное право основать университет на своей территории. Одновременно газета сообщала и о других вариантах учреждения вузов, поскольку открытие классического университета оказалось невероятно тяжелым для реализации проектом (см. таблицу).

Обсуждение в газете «Наша Нива» наиболее актуального типа вуза для западных губерний
Discussion in the newspaper «Nasha Niva» of the most relevant type of university for the western provinces

Тип вуза	1906–1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Университет (в Вильно, Минске или Витебске)	-	3	2	-	3	2	10	1	-
Сельскохозяйственный институт	-	1	-	-	1	-	3	3	-
Коммерческий институт (в Минске)	-	-	-	-	-	-	2	-	-
Духовная православная академия (в Вильно)	-	-	-	-	-	-	3	2	-
Политехнический институт	-	1	-	-	-	-	-	-	-

Так, после отказа в открытии медицинского факультета минские предприниматели ходатайствовали об открытии коммерческого института. Проект, по сведениям из газет,

обещали поддержать в Министерстве торговли [Наша Нива, 1913, № 3, с. 3; № 5, с. 3]. Однако коммерческий институт не был поддержан минским губернатором, который считал, что он «совершенно не нужен для лиц русского происхождения, имеющих беспрепятственный доступ во все существующие в империи учебные заведения <...> и будет обслуживать исключительно лиц иудейского происхождения» (цит. по [Яновский, 2011, с. 131]). В этой ситуации Минское губернское земство инициировало открытие сельскохозяйственного института, о чем «Наша Нива» писала в августе и ноябре 1913 г. Газета также отметила, что правительство запланировало в ближайшие годы открыть подобные институты на Кавказе, в Бессарабии, Ташкенте и «...в каком-либо из городов Беларуси» [Наша Нива, 1913, № 31, с. 3; № 47, с. 3; № 48, с. 4]. Согласие Министерства просвещения на сельскохозяйственный институт в Минске было получено весной 1914 г. [Наша Нива, 1914, № 13, с. 4], однако начавшаяся война перечеркнула и эти планы.

В январе 1913 г. Виленская городская дума обратилась к министру внутренних дел с просьбой к императору принять депутацию от Вильно, которая будет просить его открыть университет в память 300-летия царствования Дома Романовых. Но уже в марте виленский губернатор, по информации из газеты, «деликатно отказал» городу, сообщив, что депутацию в столице не ждут. В этой ситуации инициативу попробовал перехватить Витебск, который, по мнению бывшего городского головы, а на тот момент гласного П. Коссова, имел большие шансы на получение университета [Наша Нива, 1913, № 3, с. 2; № 11, с. 3–4].

В выпуске от 12 апреля «Наша Нива» писала, что министр образования Л.А. Кассо, приняв депутацию от Витебска, третью за прошедший год из Западного края, отказал просителям, поскольку «дело об открытии университета не срочное и не скоро придет его черед». Не добившись содействия в правительстве, витебская депутация решила добиваться университета через Государственную Думу, где провела несколько встреч и заседаний, найдя поддержку у некоторых депутатов, хорошо знающих край [Наша Нива, 1913, № 15, с. 4; № 19, с. 4].

Стоит отметить, что проекты по открытию университетов в городах империи активно поддерживали депутаты от партии конституционных демократов, в составе которой было много представителей Академического союза из числа передовой профессуры. На Учредительном съезде партии в Москве 18 октября 1905 г. была принята программа, в которой одним из основных прав граждан признавалась «свобода основания и содержания учебных заведений», а также провозглашалась «свобода частной и общественной инициативы в открытии и организации учебных заведений всех типов», «полная автономия и свобода преподавания в университетах и других высших учебных заведениях» [Колчинский и др., 2018, с. 53–55]. Однако большинство в российском парламенте было у правых партий, которые поддерживали правительство в его крайне осторожной образовательной политике.

И все же вынесение вопроса об университете в Западном крае на парламентскую трибуну заставило правительство более основательно заняться данным вопросом. По информации «Нашей Нивы», в мае 1913 г. Министерство народного просвещения запросило в городской думе Вильно информацию о том, зачем в Вильно нужен университет и какие факультеты предполагается открыть, а в июне предложило открыть по одному факультету в каждом из трех конкурирующих за университет городов. В качестве альтернативы предлагался другой вариант – Минск и Витебск должны отказаться от университета в пользу Вильно, но все города должны участвовать в финансировании вуза. В результате борьба за право открыть университет обострилась, депутации от городов снова направились в столицу [Наша Нива, 1913, № 21, с. 3; № 23, с. 3].

В ситуации, когда правительство уже готово было сдать в вопросе открытия университета в западных губерниях, разрушилось хрупкое единство региональных элит в проецировании своего натиска. Так, в заглавной статье в выпуске от 19 июля 1913 г. автор (скрывался под инициалами П.Х.) отмечал, что некоторые польские круги в крае выступа-

ли против университета, у них возникло опасение, что он станет центром обрусения края. В свою очередь, активизировались православные братства Ковенской и Виленской губерний, которые «...решили вместе с “истинно русскими” людьми просить кого надо, чтоб не позволили открывать университет, а послушали их совета и открыли в Вильно православную духовную академию <...>. Если этого совета послушать, говорят они, то можно было бы убить сразу трех зайцев: притормозить ополячивание, сдержать на всякий случай белорусов и литвинов, которые могли бы использовать университет для своего “сепаратизма” и вместе с этим еще усилить на одну позицию православную веру» [Наша Нива, 1913, № 29, с. 1]. Таким образом, перспективы открытия университета в крае снова становились неопределенными, особенно с учетом зафиксированного в 1912 г. мнения императора о том, что государству достаточно уже открытых университетов [Иванов, 1991, с. 184].

Начало 1914 г. принесло несколько оптимистических новостей в деле открытия вузов в западных губерниях. По информации «Нашей Нивы», в феврале в Государственную Думу был подан проект закона об устройстве в крае университета и сельскохозяйственного института, а в марте газета сообщила, что Синод утвердил устав православной академии в Вильно и Министерство просвещения согласилось открыть сельскохозяйственный институт в Минске [Наша Нива, 1914, № 7, с. 3; № 13, с. 4]. Начавшаяся вскоре Первая мировая война перечеркнула надежды региональных элит, получившие реальные очертания, на формирование в западных губерниях Российской империи полноценной инфраструктуры высшего образования.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что газета «Наша Нива» внимательно следила за инициативами в деле открытия высших школ в крае, а ее издатели и авторы принимали активное участие в реализации некоторых из проектов, подробно освещая свою активность на страницах издания. Отметим, что устойчивое внимание «Нашей Нивы» к высшей школе сформировалось к пятому году (1911) издания газеты, когда в каждом втором ее выпуске в том либо ином виде обозначались проблемы развития высшего образования как в империи в целом, так и в западных губерниях в частности.

Информационные материалы, посвященные необходимости открытия вуза в Западном крае, представляли собой развернутые аналитические статьи, в отличие от коротких информационных сообщений о деятельности вузов за пределами края. Наибольшее число материалов на эту тему было опубликовано в 1913 г., когда перспектива открытия вуза в западных губерниях приобрела реальные очертания, до этого публикационная активность имела прямую зависимость с готовностью правительства в принципе обсуждать данную проблему.

Деятели белорусского национального движения, группировавшиеся вокруг газеты, в частности ее редактор А. Власов, были сторонниками открытия университета в Вильно, что подчеркивали в своих публикациях. Они одобрительно отзывались на страницах «Нашей Нивы» почти о всех региональных инициативах в деле основания вузов, за исключением Духовной православной академии в Вильно. При этом на страницах газеты последовательно проводилась линия на то, что высшее учебное заведение в Западном крае должно быть белорусским по своему духу, содействовать всестороннему развитию региона и национальному возрождению белорусской нации.

Список литературы

1. Замысловский Г.Г. 2013. В борьбе с ненавистниками России. М.: Институт русской цивилизации, 720.
2. Иванов А.Е. 1991. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., Академия наук СССР, 392.

3. Колчинский Э.И. [и др.]. 2018. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны. СПб., Нестор-История, 672.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2260 (Горецкие сельскохозяйственные учебные заведения, гор. Горки Могилевской губ.). Оп. 1. Д. 296.
5. НИАБ. Ф. 2771 (Витебская ученая архивная комиссия). Оп. 1. Д. 153, 160.
6. Наша Ніва. 1912–1915. Электронный ресурс. URL: https://knihi.com/none/Nasa_Niva_zip.html. (дата обращения: 20 мая 2021).
7. Наша Ніва. 1992. Факсімільнае выданне. Вып. 1: 1906–1908 гг. Мінск, Навука і тэхніка, 560.
8. Наша Ніва. 1996. Факсімільнае выданне. Вып. 2: 1909 г. Мінск, Беларуская навука, 768.
9. Наша Ніва. 1998. Факсімільнае выданне. Вып. 3: 1910 г. Мінск, Тэхналогія, 800.
10. Наша Ніва. 2003. Факсімільнае выданне. Вып. 4: 1911 г. Мінск: Тэхналогія, 684.
11. Пілецкі В.А. 2007. Праблемы адукацыйна-выхаваўчага працэсу, школы і школьнай палітыкі на старонках «Нашай нівы» ў 1906–1908 гг. Гісторыя: праблемы выкладання, 2: 19–23.
12. Пічэта У. 2014. Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым. АРСНЕ Пачатак, 9 (130): 202–226.
13. Семёнова А.В., Корсунская М.В. 2010. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. Под ред. В.А. Мансурова. М., Институт социологии РАН, 324.
14. Стогов Д.И. 2019. «Мозг» фракции правых: член государственной думы Г.Г. Замысловский. Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей по итогам международной научной конференции. СПб, Астерион: 124–129.
15. Стрельцов П.П. 1903. О высшем учебном заведении в Северо-Западном крае: очерк. Витебск, Губ. типо-лит., 37.
16. Терешкович П.В. 2004. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, БГУ, 223.
17. Унучак А.У. 2008. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.). Мінск, Беларуская навука, 186.
18. Шимукович С.Ф. 2020. Региональные проекты в сфере образования на белорусских землях в XIX веке. Долгий XIX век в истории Беларуси и Восточной Европы: Исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. Минск, РИВШ, 4: 118–131.
19. Яновский О.А. [и др.]. 2011. Университетоведение. Минск, БГУ, 343. Электронный ресурс. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/38686/1/Yanovski.pdf>. (дата обращения: 29 мая 2021).

References

1. Zamyslovskij G.G. 2013. V bor'be s nenavistnikami Rossii [In the fight against the haters of Russia]. M., Institut russkoj civilizacii, 720 (in Russian).
2. Ivanov A.E. 1991. Vysshaya shkola Rossii v konce XIX – nachale XX veka [Higher School of Russia in the late 19th – early 20th century]. M., Akademiya Nauk SSSR, 392 (in Russian).
3. Kolchinskij Je.I. [i dr.] 2018. Mobilizacija i reorganizacija rossijskoj nauki i obrazovanija v gody Pervoj mirovoj vojny [Mobilization and reorganization of Russian science and education during the First World War]. SPb., Nestor-Istorija, 672 (in Russian).
4. Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi (NIAB) [National Historical Archive of Belarus (NHAB)]. F. 2260 (Goreckie sel'skohozyajstvennye ucebnyje zavedeniya, gor. Gorki Mogilevskoj gub. [Goretsky agricultural educational institutions, gor. Gorki Mogilevskaya Gubernia.]). Op. 1. D. 296.
5. NIAB [NHAB]. F. 2771 (Vitebskaya uchenaya arhivnaya komissiya [Vitebsk Scientific Archival Commission]). Op. 1. D. 153, 160.
6. Nasha Niva. 1912–1915. Electronic resource. Available at: https://knihi.com/none/Nasa_Niva_zip.html. (accessed: 20 maja 2021) (in Belarusian).
7. Nasha Niva. 1992. Facsimile edition. Vol. 1: 1906–1908. Minsk, Navuka i tjechnika, 560 p. (in Belarusian).

8. Nasha Niva. 1996. Facsimile edition. Vol. 2: 1909. Minsk, Belaruskaja navuka, 768 (in Belarusian).
9. Nasha Niva. 1998. Facsimile edition. Vol. 3: 1910. Minsk, Tjehnologija, 800 (in Belarusian).
10. Nasha Niva. 2003. Facsimile edition. Vol. 4: 1911. Minsk, Tjehnologija, 684 (in Belarusian).
11. Pilecki V.A. 2007. Pablemy adukacyjna-vyhavaŭchaga pracesu, shkoly i shkol'naj palityki na staronkah «Nashaj nivy» ŭ 1906–1908 gg. [Problems of the educational process, schools and school policy on the pages of «Nasha Niva» in 1906–1908]. Gistoryya: pablemy vykladannya, 2: 19–23 (in Belarusian).
12. Pichjeta U. 2014. Pytan'ne ab vyshhejšhaj shkole na Belarusi ŭ minulym [The question of higher education in Belarus in the past]. ARCHE Pachatak, 9 (130): 202–226 (in Belarusian).
13. Semyonova A.V., Korsunskaya M.V. 2010. Kontent-analiz SMI: problemy i opyt primeneniya [Media content analysis: problems and application experience]. Pod red. V.A. Mansurova. M., Institut sociologii RAN, 324 (in Russian).
14. Stogov D.I. 2019. «Mozg» frakcii pravyh: chlen gosudarstvennoj dumy G.G. Zamyslovskij [The «brain» of the right faction: member of the State Duma G.G. Zamyslovsky]. Tavricheskie chtenija 2018. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istorija i sovremennost'. Sbornik nauchnyh statej po itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. SPb., «Asterion», 124–129 (in Russian).
15. Strel'cov P.P. 1903. O vysshem uchebnom zavedenii v Severo-Zapadnom krae: ocherk [About a higher educational institution in the North-Western Region: an essay]. Vitebsk, Gub. tipo-lit., 37 (in Russian).
16. Tereshkovich P.V. 2004. Etnicheskaya istoriya Belarusi XIX – nachala XX v.: V kontekste Central'no-Vostochnoj Evropy [Ethnic history of Belarus in the 19th – early 20th centuries: In the context of Central and Eastern Europe]. Minsk, BGU, 223 (in Russian).
17. Unuchak A.U. 2008. «Nasha niva» i belaruskij nacyanal'ny ruh (1906–1915 gg.) [«Nasha Niva» and the Belarusian national movement (1906–1915)]. Minsk, Belaruskaja navuka, 186 (in Belarusian).
18. Shymukovich S.F. 2020. Regional'nye proekty v sfere obrazovaniya na belorusskih zemlyah v XIX veke [Regional projects in the education in the Belarusian lands in the XIX century]. Dolgij XIX vek v istorii Belarusi i Vostochnoj Evropy: Issledovanija po Novoj i Novejshej istorii [The Long XIX century in the History of Belarus and Eastern Europe: Studies on New and Modern History] Sb. nauch. tr. Minsk, RIVSh, 4: 118–131 (in Russian).
19. Janovskij O.A. [i dr.]. 2011. Universitetovedenie [University Studies]. Minsk, BGU, 343. Electronic resource. Available at: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/38686/1/Yanovski.pdf>. (accessed: 29 May 2021) (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шимукевич Сергей Фадеевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы, г. Минск, Беларусь

Serguej F. Shymukovich, Doctorate in History (PhD in History), Professor of the Department of Educational Systems Design at the National Institute of Higher Education, Minsk, Belarus

УДК94(47).083:05+94(477):05
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-694-705

Создание и концептуальные основы журнала «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.)

Трофимов Р.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: troro@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается история создания и концепция московского журнала «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.). Целями периодического издания была пропаганда идей украинского движения в российском обществе, разрушение концепции «Большой русской нации» (мало-, бело- и великороссов), создание нарратива об отдельном «украинском» этносе. Проведен контент-анализ статей журнала, выявлены основные темы «Украинской жизни»: «украинский вопрос» в России и Австро-Венгрии (на территории Галиции), русско-украинские отношения, история Украины и России, проблема признания украинской нации, дискуссии с русскими деятелями, актуальные стратегии для украинского движения. Автор пришел к выводу о сепаратистском характере журнала, который умело обходил достаточно либеральную цензуру Третьеиюньской монархии.

Ключевые слова: журнал «Украинская жизнь», «украинский вопрос» в Российской империи, малороссы, сепаратизм, С.В. Петлюра, М.Г. Грушевский.

Для цитирования: Трофимов Р.В. 2021. Создание и концептуальные основы журнала «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.). *Via in tempore. История. Политология.* 48 (3): 694–705. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-694-705.

Creation and conceptual foundations of the magazine «The Ukrainian life» (1912–1917)

Roman V. Trofimov

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: troro@mail.ru

Abstract. The article examines the history of creation and the concept of the Moscow magazine «The Ukrainian Life» (1912–1917). The goals of the periodical were the propaganda of the ideas of the Ukrainian movement in Russian society, the destruction of the concept of the «Big Russian nation» (Little, White and Great Russians), the creation of a narrative about a separate «Ukrainian» ethnic group. A content analysis of the magazine's articles was carried out, the main topics of the «Ukrainian life» were revealed: the «Ukrainian question» in Russia and Austria-Hungary (on the territory of Galicia), Russian-Ukrainian relations, the history of Ukraine and Russia, the problem of recognizing the Ukrainian nation, discussions with Russian leaders, actual strategies for the Ukrainian movement. The author came to the conclusion about the separatist nature of the magazine, which skillfully bypassed the rather liberal censorship of the June Third Monarchy.

Keywords: magazine «Ukrainian life», «Ukrainian question» in the Russian Empire, Little Russians, separatism, S.V. Petlyura, M.G. Grushevsky.

For citation: Trofimov R.V. 2020. Creation and conceptual foundations of the magazine «The Ukrainian life» (1912–1917). Via in tempore. History and political science. 48 (3): 694–705 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-694-705.

Введение

Во время существования Третьеиюньской монархии в России влияние средств массовой информации на русское общество было велико, и это понимали деятели украинского движения, которые в периодике пропагандировали свои идеи не только на малорусских землях, но и считали важным донести свою позицию на читателя всей России. Возникла идея издавать журнал в столице России – в Санкт-Петербурге, и с 1906 года начал свой выход еженедельник «Украинский вестник». Недолго просуществовавший, он в этом же году был закрыт. Спустя 6 лет с подобной тематикой в Москве стал выходить журнал «Украинская жизнь» как главный орган украинского движения в России. Предложение об издательстве украинского русскоязычного периодического органа в Москве было высказано на заседании «Украинской секции общества славянской культуры» 20 апреля 1911 года. В самой секции состояли такие деятели, как Ф. Корш, А. Крымский и Н. Янчук, поэт и геолог М. Филянский, историк искусства А. Новицкий, юристы Б. Кистяковский, И. Лебединский и С. Хвостов, журналисты С. Петлюра и А. Саликовский [Безкровный, 2019]. Именно они стали постоянными авторами статей в новом журнале. Редакторами журнала «Украинская жизнь» в разное время были Александр Фомич Саликовский (1912, 1915–1917) и Симон Васильевич Петлюра (1912–1915), редактором-издателем – Яков Андроникович Шеремецинский (1912–1917) [Кузьменко, 2020, с. 155]. Редакция и контора «Украинской жизни» содержались на Новинском бульваре, 103, помещение 39.

Как считает современный украинский исследователь Ю. Безкровный, утверждению программы журнала в Москве «...способствовала ее нейтральность и русскоязычный статус журнала» [Безкровный, 2015, с. 87]. На самом деле нейтральность журнала была видимой, и редакторы журнала А. Саликовский и С. Петлюра, описывая журнал как, прежде всего, культурно-просветительский, скрывали его политическую направленность. Разрешение на издательство в Московском комитете по делам печати было получено.

Объекты и методы исследования

Объектами исследования являются основные идеи, концептуальные основы, деятельность журнала «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.). Проанализирована тематика и особенности создания издания. Для комплексного освещения проблемы научной работы, которая лежит в исторической плоскости, закономерным стало решение совместить общенаучные (индукция и дедукция, анализ и синтез, абстрагирование и другие), специальные исторические (генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический и т. п.) и междисциплинарный (контент-анализ) методы.

В соответствии с принципами исторического и логического методов освещены организационные основы, идеологическое направление, тематика журнала «Украинская жизнь».

Результаты и их обсуждение

В Москве же украинские деятели стремились убедить русскую публику в существовании «украинцев». Современник «Украинской жизни», русский националист из ККРН С.Н. Щеголев в своем исследовании описал, что предшествовало возникновению этого журнала. Так, украинские детали «...еще в начале 1911 г. мотивировались агитацией

газеты “Рада”. Русской интеллигенции и русской прессе необходимо, по мнению “Рады”, дать понять, что “хохлы” составляют особый народ, с собственной историей, культурой и языком» [Щеголев, 1912, с. 189].

В первом выпуске было опубликовано описание журнала: «Журнал выходит на русском языке в обычном формате ежемесячников книжками размером 5–6 печатных листов. Задачу “Украинской жизни” составляет служение интересам и нуждам 30-миллионного украинского народа и ознакомление общества с украинским национальным движением» [Украинская..., 1912, с. 1]. Таким образом, подчеркивался проукраинский характер журнала, утверждалось существование отдельного «украинского народа» вопреки официальной государственной политике «большой русской нации» (триединый русский народ, состоящий из велико-, мало- и белорусов).

Итак, в журнале категорически опровергались идеи, согласно которым украинцы (или малороссы) являются субэтносом русских: «“Украинская Жизнь” [...] главной своей целью ставит ознакомление русского общества и русской прессы с национальными интересами малорусского племени [...] редакция ставит своею целью разоблачение и критику тех quasi-научных теорий, которые и в России, и за рубежом под влиянием отнюдь не научных мотивов стремятся упразднить саму украинскую национальность. Не меньше внимания редакции придется уделять защите украинского национального движения о той клевете и инсинуации, которые беспрепятственно и беззастенчиво сеются представителями русского воинствующего национализма» [От редакции, 1912, с. 9]. Своего главного врага журнал видел в русском национализме, который концептуально отвергал существования отдельного украинского народа. Активные дискуссии с русскими националистами-малороссами неоднократно велись на страницах журнала.

Эта активная борьба «малороссов – русских националистов» и «малороссов – украинских националистов» стала ключевой в определении будущего Юга России. Об этой борьбе написал в своей статье А.И. Миллер: «...украинские активисты и малороссы-антиукраинцы из ККРН [Киевского клуба русских националистов – Р.Т.] обращались к одному и тому же местному читателю, то есть к тому политически еще не определившемуся малороссу, хохлу, которого одни хотели сделать украинским националистом, а другие – националистом русским. Прежняя борьба за интерпретацию понятия “малоросс” дополнилась борьбой за умы и сердца реальных людей. Следуя логике этой борьбы, оба лагеря, состоявшие из выходцев из одной среды и часто хорошо знакомых друг с другом, старались представить друг друга в самом черном цвете» [Миллер, 2018]. Таким образом, украинское движение ставило своей целью «объяснить» малороссу, что он «украинец», то есть представитель иной нации.

М.Г. Грушевский отметил, что этот журнал был «...”для наружного употребления“, для русской публики, в нем было принято писать так, как положено выступать перед чужими, не вынося внутренних дел и не очень ставя дело ”во весь рост“ – даром, что русских читателей у нее [«Украинской жизни» – Р.Т.] было очень мало, читали в основном украинцы, и это не нравилось многим (и мне в том числе), что определенные категории обрусевших украинцев поддерживают сей российский журнал для обихода внутреннего, как более им близкий и милый, чем журналы украинские» [Грушевский, 1989, с. 107–108]. Грушевский с горестью отмечает, что «Украинская жизнь» осталась единственным украинским органом, которым он вынужденно пользовался.

Вернемся к характеристике журнала «Украинской жизни», которая выходила на протяжении 5 лет – с января 1912 года по июнь 1917 года. В планах было сделать журнал ежемесячным, однако многие номера по разным причинам объединяли в себе несколько месяцев. В таблице показаны все выпуски журнала.

Таблица 1

Table 1

Все выпуски журнала «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.) [авторская разработка]
All issues of the magazine «Ukrainian Life» (1912–1917)

Год выпуска	Номер выпуска	Месяц выпуска	Количество страниц
1912	№ 1.	Январь	146
	№ 2.	Февраль	120
	№ 3.	Март	126
	№ 4.	Апрель	124
	№ 5.	Май	128
	№ 6.	Июнь	128
	№ 7–8.	Июль-август	154
	№ 9	Сентябрь	124
	№ 10.	Октябрь	128
	№ 11.	Ноябрь	104
	№ 12.	Декабрь	138
	1913	№ 1	Январь
№ 2.		Февраль	118
№ 3.		Март	114
№ 4		Апрель	114
№ 5		Май	114
№ 6		Июнь	114
№ 7–8		Июль-август	154
№ 9.		Сентябрь	122
№ 10.		Октябрь	114
№ 11.		Ноябрь	125
№ 12		Декабрь	129
1914		№ 1	Январь
	№ 2	Февраль	162
	№ 3	Март	137
	№ 4	Апрель	117
	№ 5–6	Май-июнь	126
	№ 7.	Июль	9
	№ 8–10.	Август-сентябрь-октябрь	107
	№ 11–12.	Ноябрь-декабрь	124
1915	№ 1	Январь	103
	№ 2.	Февраль	113
	№ 3–4.	Март-апрель	185
	№ 5–6	Май-июнь	138
	№ 7.	Июль	165
	№ 8–9	Август-сентябрь	161
	№ 10	Октябрь	129
	№ 11–12.	Ноябрь-декабрь	178
1916	№ 1	Январь	106
	№ 2.	Февраль	114
	№ 3	Март	106
	№ 4–5.	Апрель-май	156
	№ 6.	Июнь	90
	№ 7–8.	Июль-август	153
	№ 9.	Сентябрь	94
	№ 10–11.	Октябрь-ноябрь	165
	№ 12.	Декабрь	114
1917	№ 1–2	Январь-февраль	113
	№ 3–6	Март-апрель-май-июнь	200

Таким образом, за более чем 5 лет существования издания всего было выпущено 49 номеров, средний объем выпуска – 128 страниц ($\approx 7,5$ печатных листов). Журнал представлял собою сборник статей деятелей украинского движения и делился на несколько непостоянных рубрик: 1) «На текущие темы»; 2) «Обзор украинской жизни»; 3) «На Украине и вне ее»; 4) «Библиография», 5) «Объявления»; 6) «Украинская пресса», 7) «Из русской печати», 8) «Ответы читателям» и т. д.

Если подробнее рассмотреть тематику статей с 1912 по 1916 гг. выхода журнала, то сама редакция разделила на следующие рубрики [Украинская, 1917, с. 1–44]:

I. От редакции – всего 10 статей, обычно располагавшиеся в начале журнала. Здесь редакция в краткой форме описывала мнение всей редакции по актуальной теме, например, после начала Первой мировой войны журнал единодушно высказался в поддержку России и призвал украинцев сделать аналогичный выбор [Война, 1912, с. 3–7].

II. История, воспоминания, археология. Опубликовано 50 статей. В центре внимания была проблема истории Украины: концептуальные основы изложены, например, в статье М.С. Грушевского «Украина и украинство». Автор находит украинцев в догосударственный период Древней Руси, особо акцентирует внимание на «украинском» характере Киевской и Галицко-Волынской Руси. После украинцы были разделены между Литвой (потом – Польшей) и Московским княжеством (потом – Русским царством и Российской империей) [Грушевский, 1912, с. 11]. Авторы журнала рассматривали «Украинский вопрос» в различные исторические эпохи: времен Алексея Михайловича Романова [Сироманха, 1912], Петра I [Пичета, 1915], Дворцовых переворотов [Пичета, 1916], Декабристского восстания [Василенко, 1912]. В этом же разделе представлены мемуары о деятельности и взглядах украинских деятелей: Т.Г. Шевченко, М.С. Грушевского, П.П. Чубинского, Б.Д. Гринченко, М.П. Драгоманова, М.М. Коцюбинского и других.

III. История литературы и литературная критика представлена 28 статьями. В этом блоке журнала представлены рецензии, впечатления авторов журнала об украинской литературе. Особое внимание уделялось таким писателям, как Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинка, В. Винниченко, М. Коцюбинский.

IV. Юбилейные статьи, заметки, биографии и некрологи. Этот раздел представлен 47 статьями, в которых описывались биографии, отдавалась дань известным украинскофильским деятелям – писателям, культурным деятелям, ученым, активистам: М.П. Драгоманов, И.Я. Франко, Ф.Е. Корш, Т.Г. Шевченко, М.С. Грушевский, К.П. Михальчук, А. Шептицкий, А.А. Русов, И.И. Костомаров, А.Ф. Кистяковский, Н.В. Лисенко, Ю.Ю. Цветковский и т. д.

V. Этнография и филология. Всего 7 статей, касающиеся языкового вопроса и этнографии. Усилия авторов были направлены, прежде всего, на утверждение отдельности «украинского языка», противодействие наименованию «малорусское наречие», активной критике сторонников общерусского языка. Для наглядности взглядов авторов журнала приведем цитату из статьи «На страже научной правды и объективности», где автор клеймит русских филологов из-за их нежелания признавать малорусское наречие украинским языком: «Конечно, для современного украинства эти языковые дебаты являются до известной степени пройденным этапом, теперь они потеряли уже значительную долю своей остроты и актуальности, – украинский язык *via facti*, не дождавшись благословения наших ученых и вопреки им, уже вышел на широкую общественную и культурную арену, порвав навсегда с позорным для него положением “для домашнего обихода”» [Вол, 1914].

Из этого следует, что, во-первых, в российской науке к началу XX века не определились со статусом украинского языка, склоняясь классифицировать его как наречие русского языка, а во-вторых, подобная трактовка проблемы вызывала ожесточение среди украинских деятелей, не терпящих никаких возражений “*via facti*”.

VI. Искусство. 21 статья, которая посвящена украинскому театру, архитектуре, церковному зодчеству, музыке, орнаменту, народным песням, изобразительному искусству.

VII. Право и экономика. 26 статей, касающихся проблем сельского хозяйства, капитализма и законодательства на Украине: землевладение, развитие капитализма, статистические и демографические справки, развитие кооперативного движения, экономические взаимоотношения Украины с «Великороссией» и Польшей, реформирование суда, кодификация права. Обращают внимание характерные формулировки о значении Украины для экономики России, где автор К. Оберучев приводит цитату другого публициста М. Гехтера: «Украина для России не только ”житница“, как пишется во всех хрестоматиях, а и склад мяса, ртути, глины, железной руды, чугуна, стали, каменного угля, свеклы, сахара и пр. [...] Невольно возникает вопрос: что делала бы Россия, если бы каким-нибудь образом она оказалась не над Украиной, а рядом с нею. Такое положение даже представить трудно, а сравнить его можно разве только с положением города, в котором вдруг забастовало бы большинство пекарей, резников, угольщиков, продавцов сахара, вообще всех предметов первой необходимости» [Оберучев, 1912, с. 37].

Таким образом, что касается экономического взаимодействия внутри огромной Российской империи, главный тезис сторонников украинской идеи заключался в том, что «Украина кормит остальную Россию». Это попытка выставить малорусские земли в качестве «сырьевого придатка» и колонии России. Это утверждение повторялось и в будущем, на протяжении XX и XXI века многими украинскими публицистами и политиками: «Украина – бывшая самая большая и самая важная колония московской империи» [Парахонський, 2019. с. 304], – один из ключевых нарративов украинской идеи.

VIII. Публицистика (207 статей), которая делится на следующие рубрики:

1. «Общие вопросы» – текущие проблемы политической жизни, ответы оппонентам по различным вопросам, дальнейшие задачи украинского движения.

2. «Галичина, Буковина и Угорская Русь». Особенно активно публикации по данной тематике начались с началом Первом мировой войны и занятием русскими войсками территории Восточной Галиции. Здесь украинофилы особое внимание уделяли «москвофильству» (т. е. русофильству) русинских деятелей. В журнале «Украинская жизнь» галицкие русские произведения и взгляды называли никак иначе как «...беззастенчивая мистификация, беспочвенная утопия, выдаваемая за подлинную действительность, цепь извращений, умолчаний, ложных ссылок, словом, целая система ухищрений, направленная на „обработку“ русского общественного мнения» [Ядий, 1916, с. 78]. Подобные резкие высказывания могли позволить себе деятели украинского движения против других малороссов из Киевского клуба русских националистов (ККРН).

3. «Русско-украинские отношения». Статьи этого «подраздела» привлекают особенное внимание, ведь в них изложены основные дискуссионные проблемы между русскими деталями: русофилами (выступающими против украинства) и украинофилами. Первый лагерь представлен как малороссами (С. Щеголев, В. Шульгин, А. Савенко, Д. Пихно и др.), так и великороссами (П. Струве, В. Розанов, кн. Е. Трубецкой и др.). Важно также отметить, что и «лагерь» украинофилов состоял как из малороссов (представленные редакцией и основными авторами журнала), так и великороссов по культуре, которые либо полностью поддерживали украинство, либо относились к нему с симпатией (Ф. Корш, М. Горький, А. Луначарский и др.). По нашему мнению, было бы ошибкой считать, что борьба вокруг украинства велась сугубо между мало- и великороссами (украинцами и русскими, говоря современным языком). В обоих лагерях был смешанный, русско-украинский состав, и отношение к украинскому вопросу в больше степени определялось не этнической, а политической принадлежностью: деятели право-монархического толка относились к украинству крайне негативно, в то время как либеральные и левые политики и публицисты в целом одобряли украинские идеи. Этот подраздел представлен 46 статьями и является одной из центральных в «Украинской жизни».

4. «Польско-украинские отношения». В журнале было опубликовано 10 статей на польскую тематику. Интересно, что украинские публицисты, признавая сложные истори-

ческие взаимоотношения между малороссами и поляками, явно солидаризируются: «В силу совершенно понятных причин польское общество относится к украинскому движению в России с симпатией [...] Весьма возможно, что в более или менее отдаленном будущем явится даже настоятельная потребность создать известное соглашение чисто практического характера родственников по духу и идейным стремлениям польских и украинских элементов» [Василевский, 1912, с. 41]. Вполне закономерно, что украинцы в своем стремлении к «федерализации» России искали союзников, в том числе и среди поляков, многие из которых стремились к возрождению независимой Польши.

5. «Холмский вопрос». Этой теме посвящено в журнале 4 статьи, оценивающие политику Российской империи в связи с изъятием из управления Варшавского генерал-губернаторства Холмской губернии, которая была населена преимущественно малороссами.

6. «Белорусский вопрос». В журнале опубликовано 3 статьи белорусского публициста М.А. Богдановича, который писал о «белорусском возрождении»: «белорусский народ не *tabula rasa*, а самостоятельная национальная величина, белорусское же движение – живая культурно-общественная сила» [Богданович, 1915, с. 62]. Закономерно, что украинское движение находило союзников среди сторонников «белорусской идеи» и всячески поддерживало стремление белорусского народа к суверенитету.

Помимо указанных тем в публицистике появлялись статьи на темы: «Украинский вопрос» и Государственная Дума; национальная школа; положение украинской печати; украинские культурно-просветительские, научные и общественные организации; украинцы вне Украины; земство на Украине и т. д.

Используя междисциплинарный подход, можно применить метод контент-анализа. Контент-анализ – это своеобразный метод сбора количественных данных о явлении, которое исследуется, или процессе, который содержится в документах.

Чаще всего различия в определении контент-анализа обусловлены тем, какой тип контент-анализа исследователи предпочитают – количественный или качественный [Пашинян, 201, с. 14].

Количественный контент-анализ основывается на анализе частоты упоминаний, выбранных исследователем содержательных единиц, соотношение частоты их появления в видео/тексте/фото, оценок, с которыми они упоминаются. Количественный контент-анализ применяется при анализе больших массивов информации. При качественном контент-анализе исследователь сосредоточивается не на количестве появления определенных смысловых единиц в тексте, а на факте их присутствия или отсутствия, на анализе их сущности, форме подачи. Как правило, качественный контент-анализ применяется в отношении небольших по объему текстов или отдельных смысловых единиц. В сложных комплексных исследованиях количественный и качественный контент-анализы объединяют, что дает возможность использовать преимущества обоих методов [Дмитриева, 2009, с. 137].

Задачами исследования будет определение наиболее частых тем, затрагиваемых в «Украинской жизни». Проведя количественный контент-анализ заголовков статей, мы выяснили, что семантическое ядро составляют слова «украинский» (количество упоминаний – 319) «Украина» (97 упоминаний), «вопрос» (60 упоминаний), «Галиция» и «Галичина» (53 и 36 упоминаний соответственно), «национальный» (33 упоминания) «русский» и «русская» (32 и 30 упоминаний), общество (25 упоминаний), «украинец» (25 упоминаний), «история» (24 упоминания). Среди наиболее частых авторов журнала – С.А. Ефремов (48 публикаций), С.В. Петлюра, Д.И. Донцов и В.В. Садовский (по 29 публикаций), Л.И. Бурчак (21 публикация), М.С. Грушевский (17 публикаций), С.Ф. Русова (14 публикаций), М.М. Могилянский (13 публикаций), А.Ф. Саликовский (12 публикаций).

Таким образом, контент-анализ позволил нам определить основные наиболее волновавшие темы авторов журнала: украинство, Галиция, русско-украинские отношения, проблемы национального строительства, истории и общества.

Дела у «Украинской жизни» в первый год шли не очень хорошо. Так, в «Дневнике» Е. Чикаленко пишет: «Издатели [«Укр. Жизни» – Р.Т.] пишут, что, несмотря на то, что у них 800 подписчиков, уже не на что издавать журнал, потому что все деньги потрачены на гонорары, на печать, бумагу и т. п. И просят раздобыть денег, чтобы хоть закончить год. Вот горе! Пресса наша на украинском языке прозябает, то из-за притеснений, то через непонятность языка для широкой людности, ну а чего уже должна погибать “Украинская Жизнь”, которая выдается понятным языком и не преследуется администрацией, как пресса на украинском языке?» [Чикаленко, 2011, с. 243]. Уже через год Чикаленко в мемуарах вновь волнуется, что «Украинскую жизнь» закроется из-за дальнейшего падения интереса и падения количества подписчиков [Там же, с. 280]. Основывая журнал, редакция «...рассчитывала на российского читателя, а оказалось, что выписывают ее почти исключительно украинцы» [Там же, с. 308].

Современный украинский исследователь И.Б. Гирич, отмечая важность «Украинской жизни», признает, что все годы своего существования журнал «балансирует на грани банкротства» [Гирич, 2014, с. 13]. Это же отмечает О.О. Полумысная: «Над изданием «Украинской жизни» постоянно висело бремя нехватки средств. Длительное время редакция журнала располагалась в квартире С. Петлюры на улице Большая Дмитровка, 14. И только благодаря поклонникам журнала, их материальной поддержке журнал имел возможность существовать» [Полумысна, 2009, с. 193].

М.Э. Клопова, проведя анализ работы «Украинской жизни», пришла к выводу, что «“Украинской жизни” не удалось занять того места, на которое рассчитывали его создатели: места рупора украинского движения, его представителя в среде прогрессивной общественности» [Клопова, 2015, с. 135]. Главной ошибкой украинских деятелей, по мнению исследовательницы, было то, что они не понимали причин «равнодушия» российской интеллигенции к украинскому вопросу, хотя на самом деле русские деятели охотно интересовались украинством, но их реакция и ответы не устраивали редакцию, как результат – возникали противоречия между общероссийскими и украинскими интересами. Согласимся с М.Э. Клоповой, но с оговоркой, что противоречия были, по нашему мнению, из-за того, что главной целью украинских деятелей был сепаратизм, отделение Малороссии от остальной России, в то время как русских прогрессивных деятелей интересовала судьба единой демократической России.

По мнению современного исследователя В.Э. Савчинского, издания вроде «Украинской жизни» умело обходили цензурные и общественные запреты: «...представители умеренного крыла украинофильского движения в период войны не выносила в практическую плоскость вопросы национально-государственного устройства. Тем более что в период войны постановка данного вопроса даже в дискуссионном формате могла привести к радикальным мерам со стороны силовых структур Российской Империи» [Савчинский, 2020, с. 61]. Согласимся с исследователем, что планам украинофилов суждено уже сбыться после февраля 1917 года.

Согласимся с мнением А.В. Прохоренко, который отметил, что «Адепты украинской самобытности были поставлены в тяжелейшие условия, когда против них работала и историческая наука, и религия, и традиции, а главное – предрассудки самого же украинского народа, враждебно относившегося к идее своей самобытности. Но тем не менее им удалось справиться со своей задачей – создать идеологию украинского национализма, хотя для этого пришлось переписать историю, создать литературу и язык, придумать даже название для своей национальности и заставить народ принять его, что свидетельствует о высоких интеллектуальных способностях теоретиков украинства» [Прохоренко, 2006, с. 115]. Добавим к этому, что становлению украинства во многом помогли сами российские деятели – сначала после Февральской революции либеральные и левые (социал-демократы, эсеры) политики, а вскоре – большевики, которые перекроили границы исторической России, присоединив к новосозданному украинскому государству территории

Северного Причерноморья, Донбасса (в городах которых преобладала великорусская народность и культура), наконец, провели ликвидацию безграмотности на украинском языке, украинизацию, уничтожив легитимность понятия о Малороссии и малороссах, назвав их «шовинистическими» и «великодержавными».

Не зря многие украинские деятели во главе с М.С. Грушевским вернулись в УССР, активно поддерживая политику большевиков касательно украинского вопроса. По нашему мнению, конечно, украинские деятели самоотверженно боролись за свою идею, однако, найдя такого мощного союзника в лице русского либерализма, а потом в лице левых радикалов (большевиков), ненавидевших «великодержавные» идеи, украинство получила полную свободу для деятельности и «дерусификации» малороссов. После нескольких десятилетий советской власти понятие «украинец» стало полноценным этнонимом, обозначением полноценной национальности. Все русские патриоты-малороссы были названы «шовинистами» и врагами советской власти, многие были репрессированы, а уцелевших эмигрантов не публиковали в СССР. Только сейчас, осознавая масштабы террора против малорусского движения, отечественная наука пересматривает свои взгляды на украинское движение как на главного выразителя надежд и желаний малорусского (украинского) народа.

Заключение

Таким образом, «Украинская жизнь» выходила для того, чтобы донести свою позицию по «Украинскому вопросу» русской интеллигенции, активно противостоять своему главному врагу – русским националистам в Малороссии. В свою очередь, вызывает вопросы чрезмерная либеральная, по нашему мнению, национальная политика властей Российской империи, власти которой прекратили всякую борьбу с украинским движением, не видели в ней достаточно серьезной опасности. Более того, Николем II в 1905 году был фактически отменен Эмский указ 1876 года, ограничивавший использование малорусского наречия (в современном понимании – украинского языка). Это усилило позиции украинофилов, ведь признание отдельного языка могло трактоваться как признание со стороны империи отдельной нации [Вульпиус, 2005, с. 191]. За открытую поддержку украинского движения не то что никто не преследовал, проукраинские статьи проходили цензуру и печатались на всю страну. Современный украинский исследователь Д.И. Миронюк, не скрывая своего восторга, пишет, что именно благодаря «Украинской жизни» русские и украинцы смогли убедиться в том, что «...Украина опиралась на достаточно прочные экономические основы, которые давали ей право на самоопределение и строительство суверенного независимого государства» [Миронюк, 2011, с. 14]. Подобная характеристика деятельности издания в который раз убеждает в слабости цензурных ограничений в России, если на территории страны выходит журнал, который поддерживает сепаратистский проект. Не согласимся с современными украинскими исследователями, которые часто пишут об «ужасных преследованиях». Так, Н.С. Тимошик пишет: «...в условиях ужасной реакции, последовательного неприятия официальными властями всего, что связано с идеей украинства, систематический ежемесячный приход журнала в течение ряда лет к все возрастающему числу читателей сегодня воспринимается настоящим подвигом» [Українське..., 1997, с. 15–16].

Скорее, как показывает анализ журнала, отметим, что власть России, несмотря на многочисленные предупреждения русских государственныхников об угрозе украинского сепаратизма, не только разрешала печататься на украинскую тему украинофилам на русском языке (журнал «Украинская жизнь»), но и на украинском. Например, в разгар войны, в 1916 году на малорусском наречии выходил журнал «Промінь» под руководством М.С. Грушевского [Промінь, 1916–1917]. По нашему мнению, современная украинская историография чрезмерно преувеличивает «ужасность» борьбы с украинским движением, особенно странно это выглядит, когда об этом пишут исследователи украинских периодических изданий, издававшихся в Российской империи.

Список источников

1. «Украинская жизнь», журнал (Москва). 1917. Указатель статей и заметок, напечатанных к «Украинской жизни» в 1912–1916 г. Москва: 44.
2. Богданович М. 1915. Белорусское возрождение. (Окончание). Украинская жизнь. 2: 53–62.
3. Василевский (Плохоцкий) Л. 1912. Спорные вопросы в области польско-украинских отношений. Украинская жизнь. 10: 39–51.
4. Василенко Н. 1912. Декабрист об Украине (В.И. Маслов. Литературная деятельность К.Ф. Рылеева. Киев. 1912). Украинская жизнь, 3: 84–91.
5. Война и украинцы. 1912. Украинская жизнь, 2: 3–7.
6. Вол. Я. 1914. На страже научной правды и объективности. Украинская жизнь. 4: 13–19.
7. Грушевский М.С. 1912. Украина и украинство. Украинская жизнь, 1: 11–28.
8. Грушевський М. 1989. Спомини. Київ: Щомісячний літературно-художній та громадсько-політичний журнал Спілки письменників України та Київської письменницької організації., Київ, 8: 102–154.
9. Оберучев К. К 1912. вопросу об экономических отношениях Украины к Великокороссии и Польше. Украинская жизнь. 3: 37–45.
10. От редакции. Наши задачи. 1912. Украинская жизнь, 1: 5–10.
11. Пичета В.И. 1916. Верховный Тайный Совет и малороссийские дела. Украинская жизнь, 6: 32–53.
12. Пичета В.И. 1915. Федор Салтыков, современник Петра I, о политике России по отношению к Малороссии. Украинская жизнь, 8–9: 101–104.
13. Промінь: Тижневик літератури, науки, мистецтва и громадського життя. М., Л. Сологуб, 1916–1917.
14. Сиромеха Д. 1912. Соединение Украины с Москвою. Украинская жизнь, 2: 55–68.
15. Украинская жизнь, 1912. 1: 1.
16. Чикаленко Є. Щоденник (1907–1917). / Є. Чикаленко, Київ: Темпора, 2011, 480.
17. Щеголев С.Н. 1912. Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма, Киев, 588.
18. Ядий Н. 1916. Москвофильская утопия и объективная действительность. Украинская жизнь, 2.: 50–79.

Список литературы

1. Безкровний Ю.О. 2015. Журнал «Украинская жизнь» і цензура (1912–1917). Етнічна історія народів Європи., Вип. 46.: 86–92.
2. Безкровний Ю.О. Українська секція товариства слов'янської культури. Енциклопедія історії України: Україна – Українці. Кн. 2. Сайт Інститута історії України НАН України, URL: http://www.history.org.ua/?termin=ukrajinska_sektsija_tovarystva_slovjanskoji_kultury (дата обращения: 01.09.2021).
3. Вульпиус Р. 2005. Языковая политика в Российской Империи и украинский перевод Библии (1860–1906). Ab imperio, 2/2005., Казань; Нью-Йорк: 191–224.
4. Гирич І.Б. Українська преса початку ХХ століття: нівеляційний російський тиск і здатність до національної опірності. Українофобія як явище та політтехнологія: Збірник статей, Львів, 2014., Вип. 1.: 11–21.
5. Дмитриева Л.М. 2009. Социальная реклама. М., ЮНИТИ-ДАНА, 272.
6. Клопова М.Э. 2015. «Больной вопрос». Анкета журнала «Украинская жизнь» 1912–1917 гг. Славянский альманах. 3–4: 122–137.
7. Кузьменко Т.А. 2020. Из эпистолярного наследия редакторов журнала «Украинская жизнь». Славянский альманах. 1–2: 154–164.
8. Миллер А.И. Неуловимый малоросс: историческая справка. Россия в глобальной политике, 2.2018 [Электронный ресурс]. Сайт журнала Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/neulovimyj-maloross-istoricheskaya-spravka/> (дата обращения: 01.09.2021).

9. Миронюк Д.І. 2011. Симон Петлюра як редактор журналу «Українська життя» (1912–1917 рр.): автореф. дис. канд. наук із соц. комунікацій: 27.00.04. Д. І. Миронюк; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. Київ, 20.
10. Пашинян І.А. 2012. Контент-аналіз як метод дослідження: достоїнства і обмеження. Научна періодика: проблеми і рішення, 3: 13–18.
11. Полумисна О.О. 2009. Організаційна діяльність редакційного складу журналу «Українська життя» (1912–1917 рр.). Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна., 846. Сер.: Філологія, Вип. 56.: 191–196.
12. Прохоренко А.В. 2006. Український питання в ідейній полеміці російської пореволюційної еміграції. Вече. СПб., Вип. 16: 115–176.
13. Савчинський В.Є. 2020. «Український питання» в 1917 р.: пошук компромісів або відсутність альтернатив. Парадигми історії та суспільного розвитку, 17–18: 61–69.
14. Парахонський Б.О., Яворська Г.М. 2019. Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, зміст: монографія. Київ, НІСД, 560.
15. Українське питання. Укр. пер., упоряд., передм. та прим. 1997. М. Тимошик. Київ, Вид-во ім. Олени Теліги, 218.

References

1. Bezкровnij Y. 2015. Zhurnal «Ukrainskaya zhizn'» i cenzura (1912–1917) [The magazine «Ukrainian life» i censorship (1912–1917)]. Etnichna istoriya narodiv Єvropi. Vip. 46: 86–92 (in Ukrainian).
2. Bezкровnij Y.O. 2019. Ukraїns'ka sekciya tovaristva slov'jans'koї kul'turi [Ukrainian section of the fellowship of words' culture]. Enciklopediya istorii Ukraїni: Ukraїna – Ukraїnci. Kn. 2. sajt Instituta istorii Ukrainy NAN Ukrainy, URL: http://www.history.org.ua/?termin=ukrajinska_sektsija_tovarystva_slov'janskoji_kultury (Data obrashcheniya: 01.09.2021) (in Ukrainian).
3. Vul'pius R. 2005. Yazykovaya politika v Rossijskoj Imperii i ukrainskij perevod Biblii (1860–1906) [Language policy in the Russian Empire and the Ukrainian translation of the Bible (1860–1906)]. Ab imperio, 2.2005. Kazan'; N'yu-Jork: 191–224 (in Russian).
4. Girich I.B. 2014. Ukraїns'ka presa pochatku HKH stolittya: nivelyacijnij rosij'skij tisk i zdatsnist' do nacional'noї opirnosti [Ukrainian press of the early twentieth century: leveling Russian pressure and the ability to national resistance]. Ukraїnofobiya yak yavishche ta polittehnologiya: Zbirnik statej, L'viv, Vip. 1: 11–21 (in Ukrainian).
5. Dmitrieva L.M. 2009. Social'naya reklama [Social Advertising]. M, YUNITI-DANA, 272.
6. Klopova M.E. 2015. «Bol'noj vopros». Anketa zhurnala «Ukrainskaya zhizn'» 1912–1917 gg. [«Sick question». Questionnaire of the magazine «Ukrainian life» 1912–1917]. Slavyanskij al'manah. 3–4: 122–137 (in Russian).
7. Kuz'menko T.A. 2020. Iz epistolyarnogo naslediya redaktorov zhurnala «Ukrainskaya zhizn'» [From the epistolary heritage of the editors of the journal «Ukrainian Life»]. Slavyanskij al'manah. 1–2: 154–164 (in Russian).
8. Miller A.I. 2018. Neulovimyj maloross: istoricheskaya spravka [The elusive Little Russian: historical background]. Rossiya v global'noj politike. 2. [Elektronnyj resurs]. sajt zhurnala Rossiya v global'noj politike, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/neulovimyj-maloross-istoricheskaya-spravka/> (Data obrashcheniya: 01.09.2021) (in Russian).
9. Mironyuk D.I. 2011. Simon Petlyura yak redaktor zhurnalu «Ukrainskaya zhizn'» (1912–1917 rr.) [Simon Petliura as the editor of the magazine «Ukrainian life» (1912–1917)]: avtoref. di. kand. nauk iz soc. komunikacij: 27.00.04. D.I. Mironyuk; Kiїv. nac. un-t im. T. Shevchenka. K.: 20 (in Ukrainian).
10. Pashinyan I.A. 2012. Kontent-analiz kak metod issledovaniya: dostoinstva i ogranicheniya [Content analysis as a research method: advantages and limitations]. Nauchnaya periodika: problemy i resheniya. 3: 13–18 (in Russian).
11. Polumisna O.O. 2009. Organizacijna diyal'nist' redaktors'kogo skladu zhurnalu «Ukrainskaya zhizn'» (1912–1917 pp.) [Organizational activity of the editorial staff of the magazine «Ukrainian Life» (1912–1917 pp.)]. Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu im. V.N. Karazina. 846. Ser: Filologiya. Vip. 56: 191–196 (in Ukrainian).

12. Prohorenko A.V. 2006. Ukrainskij vopros v idejnoj polemike rossijskoj porevolucionnoj emigracii [The Ukrainian question in the ideological polemics of the Russian post-revolutionary emigration]. Veche. SPb, Vyr. 16: 115–176 (in Russian).

13. Savchinskij V.E. 2020. «Ukrainskij vopros» v 1917 g: poisk kompromissov ili otsutstvie al'ternativ [«Ukrainian question» in 1917: search for compromises or lack of alternatives]. Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya. 17–18: 61–69 (in Russian).

14. Parahons'kij B.O. 2019. Ontologiya vijni i miru: bezpeka, strategiya, smisl [Ontology of war and peace: security, strategy, meaning]. Kiïv, NISD: 560 (in Ukrainian).

15. Ukraïns'ke pitannya [The Ukrainian question]. 1997. ukr. per. uporyad. peredm. ta prim. M. Timoshik. Kiïv, Vid-vo im. Oleni Teligi: 218 (in Ukrainian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Трофимов Роман Викторович, аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Roman V. Trofimov, post-graduate student of the Department of Russian History and Documentation of the Belgorod state national research University, Belgorod, Russia

УДК 94(47).084.8 «1942/1943»
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-706-713

Обобщённые банки данных (на примере ОБД «Память народа») как исторический источник о деятельности особых отделов НКВД в период Сталинградской битвы

Стрельников М.А.

Волгоградский государственный университет,
Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр., 100
E-mail: sash123450@mail.ru

Аннотация. Обобщённые банки данных – это новый и актуальный ресурс для работы историков. В них содержатся материалы из различных архивов по периоду Великой Отечественной войны. В статье рассмотрены документы, включённые в один из банков данных, – «Память народа». Материалы, которые исследовались, посвящены особым отделам НКВД в период Сталинградской битвы. В статье приводится статистика количества документов, содержащихся на данном портале по указанной теме. Также рассмотрены первоначальные функции, возложенные на особые отделы НКВД, и те, которые позднее реализовывались ими в период Сталинградской битвы. Дана характеристика задач, выполняемых данными органами в рамках охраны законодательства Советского Союза (Уголовного кодекса РСФСР). Выделены задачи, которые не были возложены на особые отделы НКВД, а также дано объяснение подобного расширения функций.

Ключевые слова: Сталинградская битва, НКВД, ОБД «Память народа», особый отдел, ЦА МО.

Для цитирования: Стрельников М.А. 2021. Обобщённые банки данных (на примере ОБД «Память народа») как исторический источник о деятельности особых отделов НКВД в период Сталинградской битвы. *Via in tempore. История Политология.* 48 (3): 706–713. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-706-713.

United open access data bank (by the way of example of united open access data bank «Memory of the People») as a historical source on the activities of the Special Departments of the NKVD during the Battle of Stalingrad

Maksim A. Strelnikov

Volgograd State University,
100 Universitetsky Ave., Volgograd, 400062, Russia
E-mail: sash123450@mail.ru

Abstract. United open access data banks are a new and relevant resource for the work of historians. They contain materials from various archives on the period of the Great Patriotic War. The article discusses the documents included in one of the united open access data bank – «Memory of the People». The materials that were studied are dedicated to the Special Departments of the NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs) during the Battle of Stalingrad. The statistics of the number of documents contained on this portal on this topic was cited. It also considers the initial functions assigned to the Special Departments of the NKVD and those that were later implemented by them during the Battle of Stalingrad. The characteristics of the tasks performed by these bodies within the framework of the protection of the legislation of the Soviet Union (the Criminal Code of the Russian SFSR) are given. Tasks that were not assigned to Special Departments of the NKVD are highlighted, and an explanation is given for such an expansion of functions.

Keywords: Battle of Stalingrad, NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs), united open access data bank «Memory of the People», Special Department, Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

For citation: Strelnikov M.A. 2021. United open access data bank (by the way of example of united open access data bank «Memory of the People») as a historical source on the activities of the Special Departments of the NKVD during the Battle of Stalingrad. *Via in tempore. History and political science.* 48 (3): 706–713 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-706-713.

Введение

Обобщённые банки данных (далее – ОБД) на нынешний момент являются информативными ресурсами, поскольку содержат огромный массив данных. Материалы по боевой деятельности определённых формирований можно найти на сайте ОБД «Память народа» в разделе «Документы частей». Именно данный ОБД был использован для изучения. В нынешнем исследовании рассмотрены документы особых отделов НКВД (далее – ОО НКВД), участвовавших в Сталинградской битве.

ОО НКВД возникли на основе постановления ГКО № 187сс от 17 июля 1941 г. и имели следующие задачи: «решительная борьба с шпионажем и предательством в частях Красной армии и ликвидация дезертирства»¹⁵². Однако стоит отметить, что к лету 1942 г. их функции стали расширяться, о чём свидетельствуют материалы Центрального архива Министерства обороны РФ (далее – ЦА МО). Непосредственно о деятельности ОО НКВД в период Сталинградской битвы нами было выявлено 38 документов.

Объекты и методы изучения

Объектом исследования является процесс изменения деятельности ОО НКВД в период Сталинградской битвы на основе материалов ОБД «Память народа». В исследовании были использованы как общенаучные методы (анализ и синтез, системный подход, функциональный анализ), так и частнонаучные. К последним относятся общеисторические методы, такие как нарративный, историко-генетический, историко-сравнительный, проблемный.

Результаты и их обсуждение

На данный момент имеются определённые проблемы в историографии: большинство работ имеют ознакомительный характер. Работ конкретно по деятельности НКВД в период Сталинградской битвы не так много. Новые исследования появляются часто, но в основном это статьи или тезисы докладов, а не монографии или книги. К тому же в них достаточно редко привлекаются какие-либо источники, когда же они, источники, используются, то немногочисленны.

В источниковой базе также имеются проблемы. Как уже было отмечено, вновь появляющиеся материалы (рассекречиваемые или публикуемые – М. С.) зачастую авторами игнорируются или привлекаются весьма редко. В то же время именно эти источники, например, из электронных баз данных, являются прекрасным информационным ресурсом для новых изысканий.

Кроме прочего, имеются определённые «белые пятна». Например, до сих пор нет хотя бы примерных цифр потерь соединений НКВД при обороне Сталинграда, тем более за всю битву. Традиционно указывается только цифра численности 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД (далее – ВВ НКВД) к моменту её вывода в октябре

¹⁵² Постановление ГКО о преобразовании органов 3 управления в особые отделы. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=111528162> (дата обращения: 06.07.2020).

1942 г. – 200 человек [Войска НКВД..., 2015, с. 162]. Также это касается и деятельности ОО НКВД, например, действовавших в Волжской военной флотилии.

Как уже отмечалось, в деятельности НКВД имеются и «тёмные пятна», которые созданы были в 1980–90-е гг. на волне гласности и демократизации. Вопрос эффективности применения заградительных формирований в период Великой Отечественной войны в целом и Сталинградской битвы в частности в научном сообществе не вызывают споров, в отличие от общественной среды. Вообще совмещение действий НКВД в период т. н. «большого террора» и в период войны является грубейшим нарушением принципа историзма. Даже применение общеизвестных ст. 58¹–58¹⁴ УК РСФСР в период военного положения нельзя сравнивать, а тем более осуждать (конечно, без должной проверки – М. С.), с мирным временем¹⁵³. Это лишний раз говорит об актуальности избранной темы и необходимости её подробного изучения.

В этой связи необходимо более подробное исследование и объективное отражение деятельности ОО НКВД в период Сталинградской битвы для преодоления противоречий в обществе. Поскольку прошлое государственных органов, в т. ч. внутренних дел, имеет большое значение в формировании имиджа их современных правопреемников. На данный момент в различного рода либеральных СМИ (не только российских – М. С.) зачастую можно увидеть сравнение современных силовых структур и их предшественников¹⁵⁴. Обычно это делается для демонизации образа современных органов правопорядка, но также от этого в обществе возникают «тёмные образы» НКВД. И разницы для обывателя между 1937 г. и 1942 г. нет, поэтому и необходимо изучение нынешней темы.

Кроме всего прочего, у названной темы имеется сугубо прикладное назначение: изучение прошлого опыта применения соединений органов внутренних дел в военное время, организация их работы в подобных условиях будут иметь положительное значение на деятельность в современных ситуациях, поскольку использование органов правопорядка в военных действиях на данном этапе имеет важное значение, например, деятельность военной полиции¹⁵⁵ в Сирийской Арабской Республике.

Говоря об историографии, было отмечено, что в ней имеются определённые проблемы. По вопросу применения ОО НКВД в период Великой Отечественной войны в целом и Сталинградской битвы в частности исследования имеют одну особенность. Деятельность ОО НКВД рассматривается неразрывно с вопросом применения заградительных формирований [Годунов, 2015; Журило, 2015; Миненков, 2015] и приказа № 227 НКО [Новожилов, 2012; Марценюк, Ченцов, 2017].

Если обратиться к двум крупным исследователям вопроса деятельности НКВД в период Сталинградской битвы, Н.Н. Старикову и В.С. Христофорову, то ими данная проблема не была разрешена – они также рассматривают деятельность ОО НКВД

¹⁵³ Вообще вопрос о репрессивной политике в СССР периода пер. пол. XX в. является весьма интересным и малоизученным. Во-первых, в рамках мировой практики периода – т. е. в рамках принципа историзма. Во-вторых, в рамках международной («военные тревоги» кон. 1920-х – нач. 1930-х гг., национал-фашистских угроз с Запада и Востока, мировой экономической кризис) и внутренней ситуаций. В-третьих, в рамках специфики советской правовой системы. В этой связи данную тему сложно назвать «закрытой», однако это стоит оставить для дальнейших изысканий.

¹⁵⁴ В лучших традициях НКВД? URL: <https://echo.msk.ru/amp/blog/domozhiroff/1915452-echo/> (дата обращения: 05.05.2021). Заградотряды: первая кровь. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/zagradotryady-pervaya-krov/> (дата обращения: 05.05.2021). Суд над Навальным прошел в лучших традициях НКВД. URL: <https://amp.world.fakty.ua/366051-sud-nad-navalnym-proshel-v-luchshih-tradiciyah-nkvd> (дата обращения: 05.05.2021).

¹⁵⁵ Стоит уточнить, что военная полиция включена в состав Министерства обороны РФ, однако она выполняет функции правопорядка. На наш взгляд этого достаточно для её сравнения с деятельностью формирований НКВД периода Великой Отечественной войны, поскольку некоторые войска НКВД (внутренние и пограничные) включались в состав ВС СССР, согласно Закону СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности».

неразрывно с применением заградительных формирований [Христофоров, 2008, с. 84–92; Он же, 2013, с. 402–410; Стариков, 2015, с. 103–118; Он же, 2016, с. 118–123]. Таким образом, непосредственно тема применения ОО НКВД в период Сталинградской битвы остаётся малоизученной. В этой связи стоит обратиться к ОБД «Память народа» как одной из важных источниковых баз.

Непосредственно борьба с военными преступлениями как главная функциональная задача ОО НКВД [Стариков, 2015, с. 100–101] – шпионаж, дезертирство, измена Родине¹⁵⁶ – представлена следующими материалами: указания № 1022 и № 1023 начальника ОО НКВД 62-й армии от 20 августа 1942 г.¹⁵⁷, рапорт № 133 начальника ОО НКВД 95-й стрелковой дивизии от 30 декабря 1942 г.¹⁵⁸ и выписка из показаний агента гестапо С.¹⁵⁹ В первом документе указано, что в распоряжении ОО НКВД армии имеются сведения о нарушениях приказа НКО № 227 спустя месяц после его издания. Указания фамилий или конкретных воинских формирований нет, но говорится о «ряде командиров, комиссаров и политработников». Из этого можно сделать вывод, что подобного рода нарушения продолжались достаточно часто, причём не только простыми армейскими офицерами, но и теми, кто занимался политической работой. Стоит подчеркнуть, что это не пропагандистский приём, поскольку указание направлялось для ОО НКВД соединений 62-й армии (дивизий и танковых бригад), т. е. являлось делопроизводственной документацией.

В следующем документе рассматривается вопрос о пропаже старшего помощника оперативного отдела штаба 18-го танкового корпуса майора А.З. Пышкина – в указании лишь сообщается о случившемся подчинённым ОО НКВД соединений 62-й армии для поиска офицера и отправке его в ОО НКВД армии. Однако, исходя из приказа ГУК ВС СССР № 047 от 12 января 1948 г.¹⁶⁰, А.З. Пышкина так и не смогли отыскать, поскольку в данном приказе он проходит как пропавший без вести.

Два последних документа относятся к деятельности ОО НКВД 95-й стрелковой дивизии по борьбе с агентами противника – был выявлен агент гестапо. Стоит отметить, что он был выявлен за несколько дней: 22 декабря был последний инструктаж, а 29 декабря уже шёл допрос. Также из контекста понятно, что агентом был бывший военный служащий РККА. Вербовка немецкой стороной и подготовка в разведшколе гестапо заняла около двух месяцев, поскольку уже в ноябре военный служащий был в плену.

Однако постепенно в задачу ОО НКВД стала входить борьба и с иными военными преступлениями, т. е. по ст. 193¹–193³¹ УК РСФСР. Данный процесс не был как-то санкционирован центральными органами НКВД или ГКО, однако это отражено в выявленной документации. В этой связи можно привести следующие свидетельства. Например, проверка состояния секретного делопроизводства, в т. ч. секретные переговоры

¹⁵⁶ Данный процесс предполагает государственную проверку военнопленных, поэтому нами фильтрация не рассматривается в качестве отдельной задачи ОО НКВД [Христофоров, 2008, с. 119–120]. На сайте ОБД «Память народа» по данному вопросу также имеются материалы [Военнопленные немцы, взятые 2–4 декабря...; За последнее время имеют место факты...].

¹⁵⁷ В распоряжении особого отдела НКВД 62 А имеются данные, что ряд командиров, проявившие трусость, допускаются к выполнению служебных обязанностей. Предлагаю... URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=114243269> (дата обращения: 06.07.2020). По имеющимся данным ст. помощник оперативного отделения штаба 28 тк исчез с командного пункта корпуса. Немедленно примите меры к розыску. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=114243268> (дата обращения: 07.05.2021).

¹⁵⁸ Разоблаченный особым отделом НКВД агент гестапо С. показал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=151037532> (дата обращения: 11.10.2020).

¹⁵⁹ Выписка из показаний агента гестапо. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=151037531> (дата обращения: 11.10.2020).

¹⁶⁰ Пышкин Александр Захарович. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_prikaz75009284/ (дата обращения: 04.01.2020).

по средствам связи¹⁶¹. Выявлялись нарушения по типу потери секретных документов или секретных переговоров открытым текстом.

Также кроме военных преступлений ОО НКВД стали заниматься расследованием контрреволюционных преступлений (ст. 58¹–58¹⁴ УК РСФСР). В качестве примера приведём вопрос отношения военнослужащих к введению погон. В докладной записке № 0073 от 16 января 1943 г. зам. начальника ОО НКВД 5-го механизированного корпуса¹⁶² сообщается, что о введении новых знаков различия политработники не проводили беседы с рядовым и средним начсоставом. В связи с этим выявлены были некоторые «нездоровые реагирования» – в основном погоны ассоциировались у бойцов либо с императорской армией, либо с немецкой. Далее в документе отмечено, что именно «антисоветских проявлений» не выявлено. Это и важно – ОО НКВД занимались также выявлением контрреволюционных преступлений.

Данный вопрос о военной цензуре был затронут В.С. Христофоровым, однако не раскрыт полностью, лишь отмечено, что ОО НКВД занимались этим совместно с органами ВЦ [Христофоров, 2008, с. 132–133].

Кроме основной правоохранительной функции ОО НКВД также занимались и иными. Например, выявление проблем в воинских формированиях¹⁶³. В данном случае рассмотрение вопросов состояния военных объектов (переправ, оборонительных сооружений или пунктов управления) и их строительства, результативности боевой работы формирований или контроль за питанием военнослужащих находится в ведении Красной армии. Вопрос же надзора – военной прокуратуры, но не органов НКВД. Также интересно обращение к теме аморального поведения в рядах РККА¹⁶⁴. Данным направлением занимались военно-политические органы РККА, а не ОО НКВД. Как уже отмечалось выше, возложение данных функций на ОО НКВД не прослеживается в делопроизводственной документации. Также и в иных случаях, поэтому нет необходимости вновь повторяться.

К иным функциям также можно отнести: организация разведки¹⁶⁵, участие в приёме формирований к различным действиям (например, перед наступлением)¹⁶⁶,

¹⁶¹ Акт. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=452457298> (дата обращения: 03.01.2021). Акт проверки состояния секретного делопроизводства штаба 20 мсбр от 17 июля 1942 года. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=450448315> (дата обращения: 03.01.2021). Директивы и указания 64 А. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=131308341> (дата обращения: 04.01.2021).

¹⁶² Докладная записка о реагировании личного состава 5 мк на указ ПВС о введении новых знаков различия. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=135552330> (дата обращения: 04.01.2021).

¹⁶³ О состоянии переправы в районе действия 62 А. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455161026> (дата обращения: 02.01.2021). 19. По имеющимся у меня данным, частями нашей штурмовой авиации были нанесены удары по населённому пункту. Прошу выслать справку. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454256471> (дата обращения: 04.01.2021). Специальное сообщение «О недочётах в боевой работе авиационных частей 8 ВА». URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454256482> (дата обращения: 04.01.2021). Специальное сообщение «О недочётах в расположении правления штаба 52 осб». URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=135264765> (дата обращения: 04.01.2021). Специальное сообщение об охране стыка между 78 и 116 УР и неудовлетворительном ходе строительства огневых сооружений. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=135264766> (дата обращения: 04.01.2021). Спецсообщение о недостатках в питании комсостава штаба армии. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=132344506> (дата обращения: 04.01.2021).

¹⁶⁴ 9.2.43 в 12.00 созываете при корпусе совещание начальников ОО НКВД. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110621074> (дата обращения: 06.07.2020). Препровождаю выписку их докладной записки опер. уполномоченного ОО НКВД при 651 отб, одновременно сообщая. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454860716> (дата обращения: 06.07.2020).

¹⁶⁵ Сообщаю данные о войсках противника в Сталинграде и прилегающих районах. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454256524> (дата обращения: 02.01.2021).

¹⁶⁶ Акт. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=132353295> (дата обращения: 03.01.2021).

организация призыва военнообязанных¹⁶⁷, участие в работе комиссий по учёту имущества, уничтоженного в результате военных действий¹⁶⁸. Как видно – всё это не относилось к непосредственным задачам ОО НКВД. Например, сбор разведывательной информации находился в ведении разведывательных отделов армии, а призыв военнообязанных – РВК НКО.

Однако в ОО НКВД следили за проблемами не только в рядах РККА, но и в собственных. Имели место случаи неудовлетворительной работы. К таковым можно отнести развал агентурной сети¹⁶⁹.

В то же время отношение к ОО НКВД в армейской среде было различным, в т. ч. и негативным. Имели место случаи на завершающем этапе Сталинградской битвы игнорирования со стороны старшего офицерского состава (командиры дивизий и начальники штабов – М. С.) органов НКВД¹⁷⁰. Объяснить это можно тем, что работа, которая выполнялась ОО НКВД, выходила за рамки их непосредственных задач. В этой связи вполне объективно будет иметь место пренебрежительное, а иногда и враждебное отношение к «особистам» со стороны командиров РККА.

Остальные материалы – это делопроизводственная документация, которая не имеет важного значения для исследования деятельности НКВД в период Сталинградской битвы¹⁷¹. Единственное, что может быть полезным – это сообщение врид начальника ОО НКВД Донского фронта В.М. Казакевича о передислокации данного формирования¹⁷², поскольку в данном документе содержатся сведения о численности личного состава отряда.

¹⁶⁷ Командующий армии приказал представить ОО НКВД армии именной список. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110621261> (дата обращения: 06.07.2020).

¹⁶⁸ Акт. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=114393522> (дата обращения: 03.01.2021). Акт. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455018059> (дата обращения: 03.01.2021). Специальное сообщение. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454256532> (дата обращения: 02.01.2021).

¹⁶⁹ Приказ начальника особого отдела НКВД 62 А. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=114243237> (дата обращения: 06.07.2020).

¹⁷⁰ Имею сведения, что отдельные командиры дивизий проявляют нездоровые отношения к аппарату особого отдела НКВД. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=50108067> (дата обращения: 06.07.2020).

¹⁷¹ Боевое донесение. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=132351702> (дата обращения: 03.01.2021). Отмечается, что многие начальники и оперуполномоченные ослабили работу с резидентами и агентурой, предлагаю руководствоваться следующим. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=114243229> (дата обращения: 04.01.2021). Постановлением ГКО № 406 уполномоченные ОО в полках и отдельных частях подчинены командирам полков с одновременным подчинением их органам НКВД. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454984038> (дата обращения: 02.01.2021). Приказом НКВД СССР № 001287 установлена ежесуточная отчетность. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=114243238> (дата обращения: 07.07.2020). Прошу для ОО НКВД 8 ВА высылать копии всех приказов, издаваемых по 8 ВА. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454256499> (дата обращения: 06.07.2020). С получением сего предлагаю: все документы ОО фронта возвратить в Секретариат ВС к 10.12.42 г.. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=113436350> (дата обращения: 03.01.2021). Сведения начальника ОО ДонФ. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=133339984> (дата обращения: 03.01.2021). Сводный эскадрон 20 гв. кп 5 гв. кд, в бою под с. Алексеевка танками противника был отсечён от полка. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=153710772> (дата обращения: 04.01.2021). Сегодня прошу выслать ко мне вновь назначенного начальника финчасти. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455436157> (дата обращения: 03.01.2021). Сообщаем, что со стороны особого отдела НКВД ЮЗФ препятствий не встречается в использовании на работе в ЮЗН чертёжниками. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=114790408> (дата обращения: 06.07.2020).

¹⁷² Сообщаю, что для передислоцирования особого отдела НКВД ДонФ необходимо. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=133340008> (дата обращения: 06.07.2020).

Заключение

Из всего этого следует, что ОО НКВД уже ко второму периоду Великой Отечественной войны стали выполнять множество задач, которые не были на них возложены. Можно сказать, что таким образом прежняя работа органов НКВД была перестроена с учётом военного времени, как, например, прокуратуры. Как и ранее органы правопорядка выполняли различные задачи, в т. ч. и те, которые на них не возлагались. Например, надзор находился в ведении прокуратуры, а не НКВД.

Таким образом, можно утверждать, что ОО НКВД заменили собой территориальные органы НКВД в районах действия военного положения с теми же широкими полномочиями: занимались не просто фильтрацией и выявлением шпионов и диверсантов, а расследованием военных и государственных (контрреволюционных) преступлений без исключения, а также надзором и т. д. Вообще впервые была рассмотрена документация ОО НКВД и их деятельность отдельно от вопроса применения заградительных формирований.

Если обратиться к обобщённым банкам данных, то нельзя не отметить, что тема деятельности ОО НКВД была впервые рассмотрена на основе материалов электронной базы данных. Вообще, как уже отмечалось, материалы ОБД массово не привлекаются, поэтому новизна исследования состоит ещё и в этом.

В этой связи стоит более активно привлекать данные из баз для исследований, особенно относительно деятельности НКВД в период Сталинградской битвы. Однако нельзя не отметить, что использование лишь одних ОБД не может полностью охарактеризовать какое-либо явление или процесс, как, например, нынешний. Необходимо кроме данных ресурсов использовать материалы архивов (в ОБД содержатся материалы лишь одного или двух архивов, причём не все – М. С.), в т. ч. ведомственных.

Список литературы

1. Войска НКВД в Великой Отечественной войне : Военно-исторический труд : В 3 т. Т. II. Войска НКВД в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941–1943) / под общ. ред. В.В. Золотова. М., На боевом посту, 2015, 328.
2. Годунов А.С. 2015. Заградотряды Красной армии и войск НКВД в Великой Отечественной войне (историко-правовой аспект служебно-боевого применения). В сб.: 70 лет Победы: история и современность : Материалы межвуз. студен. форума. М.: Международный юридический институт, 2015: 55–61.
3. Журило П.И. 2015. Заградительные отряды: мифы и факты. В сб.: Великая Отечественная война: нравственные аспекты и историческое наследие : материалы Всерос. науч.-теорет. конф. молодых исследователей : В 2-х ч. Ч. 1 (г. Санкт-Петербург, 29 апреля 2015 г.). СПб.: СПбУ МВД РФ: 119–122.
4. Марценюк Ю.А., Ченцов А.С. 2017. Приказ народного комиссара обороны от 28 июля 1942 года № 227. Правда и вымысел. Академический вестник войск национальной гвардии РФ, 2 (35): 23–28.
5. Миненков Д.Д. 2015. Заградительные отряды НКВД и НКО во время Великой Отечественной войны. Опровержение фальсификаций советской военной истории. Академический вестник ВВ МВД России, 3 (28): 42–46.
6. Новожилов В.Ю. 2012. Приказ № 227-1942 г. «Ни шагу назад»: правда и вымысел. Академический вестник ВВ МВД России, 4 (17): 17–22.
7. Стариков Н.Н. 2015. Войска НКВД в Сталинградской битве. М., Алисторус, 2015, 400.
8. Стариков Н.Н. 2016. Войска НКВД на фронте и в тылу. М., Эксмо, 2016, 320.
9. Христофоров В.С. 2008. Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М., Московские учебники и Картолитография, 2008, 240.
10. Христофоров В.С. 2013. История страны в документах архивов ФСБ : Сб. ст. и материалов. М., Главархив Москвы, 2013, 960.

References

1. Voyska NKVD v Velikoy Otechestvennoy voyne : Voенno-istoricheskiy trud : V 3 t. T. II. Voyska NKVD v pervyy i vtoroy periody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1943) [Troops of the NKVD in the Great Patriotic War: Military-historical work: In 3 volumes. Vol. II. NKVD troops in the first and second periods of the Great Patriotic War (1941–1943)] / pod obshch. red. V.V. Zolotova. Moscow, Na boevom postu, 2015, 328.
2. Godunov A.S. 2015. Zagradostryady Krasnoy armii i voysk NKVD v Velikoy Otechestvennoy voyne (istoriko-pravovoy aspekt sluzhebno-boevogo primeneniya) [Barrage detachments of the Red Army and NKVD troops in the Great Patriotic War (historical and legal aspect of service and combat use)]. In: 70 let Pobedy: istoriya i sovremennost' : Materialy mezhdvuz. studen. foruma. Moscow, Mezhdunarodnyy yuridicheskiy institut, 2015: 55–61 (in Russian).
3. Zhurilo P.I. 2015. Zagradostryady: mify i fakty [Defensive detachments: myths and facts]. In: Velikaya Otechestvennaya voyna: nraustvennye aspekty i istoricheskoe nasledie : materialy Vseros. nauch.-teoret. konf. molodykh issledovateley : V 2 ch. Ch. 1 (Saint-Petersburg, 29 April, 2015). Saint-Petersburg, St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry: 119–122 (in Russian).
4. Martsenyuk Yu. A., Chentsov A.S. 2017. Prikaz narodnogo komissara oborony ot 28 iyulya 1942 goda No. 227. Pravda i vymysel [Order of the People's Commissar of Defense of July 28, 1942 No. 227. Truth and Fiction]. Akademicheskii vestnik voysk natsional'noy gvardii RF, 2 (35): 23–28 (in Russian).
5. Minenkov D.D. 2015. Zagradostryady NKVD i NKO vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny. Oproverzhenie fal'sifikatsiy sovetskoy voennoy istorii [Defensive detachments of the NKVD and NKO during the Great Patriotic War. Refutation of falsifications of Soviet military history]. Akademicheskii vestnik VV MVD Rossii, 3 (28): 42–46 (in Russian).
6. Novozhilov V. Yu. 2012. Prikaz No. 227-1942 g. «Ni shagu nazad»: pravda i vymysel [Order No. 227-1942 «Not a step back»: truth and fiction]. Akademicheskii vestnik VV MVD Rossii, 4 (17): 17–22 (in Russian).
7. Starikov N.N. 2015. Voyska NKVD v Stalingradskoy bitve [Troops of the NKVD in the Battle of Stalingrad]. Moscow, Alistorus, 2015, 400 (in Russian).
8. Starikov N.N. 2016. Voyska NKVD na fronte i v tylu [Troops of the NKVD at the front and in the rear]. Moscow, Eksmo, 2016, 320 (in Russian).
9. Khristoforov V.S. 2008. Stalingrad. Organy NKVD nakanune i v dni srazheniya [Stalingrad. Bodies of the NKVD on the eve and in the days of the battle]. Moscow, Moskovskie uchebniki i Kartolitografiya, 2008, 240 (in Russian).
10. Khristoforov V.S. 2013. Istoriya strany v dokumentakh arkhivov FSB: Sb. st. i materialov [History of the country in the documents of the FSB archives: Sat. Art. and materials]. Moscow, Glavarkhiv Moskvy, 2013, 960 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельников Максим Александрович, магистрант 2 курса кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim A. Strelnikov, undergraduate student 2nd year Department of Russian and World History, Archeology of Volgograd State University, Volgograd, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 321

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-714-723

Императив промышленного развития Российской Федерации: фактор индустриальных парков в государственной политике реиндустриализации и новой индустриализации в областях ЦФО

Кошкин А.П.¹, Нечаев Д.Н.²

¹⁾ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Россия, 117997, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36;

²⁾ Воронежский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,
Россия, 394036, г. Воронеж, ул. Карла Маркса, д. 67а
E-mail: Koshkin.AP@rea.ru; nechaevpolitia@rambler.ru

Аннотация. В статье выявлена взаимосвязь между необходимостью ускоренного промышленного развития Российской Федерации и обеспечением национальной безопасности страны. При этом драйвером государственной промышленной политики рассмотрены институты развития, включая индустриальные (промышленные) парки, способствующие реиндустриализации и новой индустриализации российских территорий. На примере макрорегиона ЦФО авторами предложены авторские типологии субъектов Российской Федерации по степени промышленного развития и функционирующих индустриальных (промышленных) парков в территориях. Было установлено, что наличие индустриальных (промышленных) парков, являющихся инструментами реализации стратегических целей промышленной политики в 17 областях ЦФО, воздействует на ряд важных тенденций. Во-первых, на приостановку процесса деиндустриализации в депрессивных субъектах Российской Федерации. Во-вторых, на устойчивую и последовательную реиндустриализацию регионов-середняков, проявляющуюся в появлении новых производств и в модернизации старых. В-третьих, на создание ряда инновационных производств в рамках пятого и шестого технологических укладов в регионах-лидерах ЦФО, свидетельствующих о реализации стратегии новой индустриализации.

Ключевые слова: отрасль промышленности, регионы Российской Федерации, деиндустриализация, государственная политика, институты развития, индустриальные (промышленные) парки, реиндустриализация, новая индустриализация.

Для цитирования: Кошкин А.П., Нечаев Д.Н. 2021. Императив промышленного развития РФ: фактор промышленных парков в государственной политике реиндустриализации и новой индустриализации в областях ЦФО. *Via in tempore. История. Политология.* 48 (3): 714–723. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-714-723.

The imperative of industrial development of the Russian Federation: the factor of industrial parks in the state policy of reindustrialization and new industrialization in the regions of the Central Federal District

Andrey P. Koshkin ¹, Dmitry N. Nechaev ²

¹ Plehanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia;
Voronezh branch Plehanov Russian University of Economics,

² 67a Karl Marx St., Voronezh, 394036, Russia
E-mail: Koshkin.AP@rea.ru; nechaevpolitia@rambler.ru

Abstract. The article reveals the relationship between the need for accelerated industrial development of the Russian Federation and ensuring the national security of the country. At the same time, the driver of the state industrial policy is considered development institutions, including industrial (industrial) parks that contribute to the re-industrialization and new industrialization of Russian territories. Using the example of the macroregion of the Central Federal District, the authors proposed the author's typologies of the subjects of the Russian Federation according to the degree of industrial development and functioning industrial (industrial) parks in the territories. It was found that the presence of industrial parks, which are tools for implementing the strategic goals of industrial policy in 17 regions of the Central Federal District, affects a number of important trends. First, to suspend the process of deindustrialization in the depressed subjects of the Russian Federation. Secondly, the steady and consistent reindustrialization of the middle-class regions, manifested in the emergence of new industries and the modernization of old ones. Thirdly, to create a number of innovative industries within the framework of the fifth and sixth technological structures in the leading regions of the Central Federal District, indicating the implementation of the strategy of new industrialization.

Keywords: industry, regions of the Russian Federation, deindustrialization, state policy, development institutions, industrial (industrial) parks, re-industrialization, new industrialization.

For citation: Koshkin A.P., Nechaev D.N. 2021. The imperative of industrial development of the Russian Federation: the factor of industrial parks in the state policy of reindustrialization and new industrialization in the regions of the Central Federal District. *Via in tempore. History. Political Science.* 48 (3): 714–723 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-714-723.

Введение

В современных условиях острой конкуренции между государствами за международные рынки сбыта и экспорт, недостатка многих видов отечественной промышленной продукции внутри страны, возрастает роль самодостаточной и эффективной государственной индустриальной (промышленной) политики Российской Федерации. Актуальность ее разработки и реализации объясняется тремя причинами. Первая причина – провалы рынка и государства в ходе экономических реформ в России 1990-х годов, переоценка позитивных процессов глобализации для отраслей российской экономики (включая промышленность) в «нулевых» годах привели к масштабной деиндустриализации экономики Российской Федерации. Вторая причина – политика экономических санкций стран Запада в отношении Российской Федерации, перекрывавших поставку в страну новых индустриальных технологий, новейших станков и оборудования, в том числе двойного назначения, многих компонентов и комплектующих для производств продукции в разных отраслях и сферах. Наличие данной проблемы ориентировало органы власти и управления страны на импортозамещение в рамках государственной промышленной политики. Третья причина – выход России в число развитых и передовых госу-

дарств, рост благосостояния граждан страны были невозможны без модернизации и фактического формирования новой промышленной отрасли, где создаются новые технологии и высокая добавленная стоимость.

Таким образом, в политической повестке дня правительства Российской Федерации, органов государственного управления регионами был поставлен вопрос рендустриализации и новой индустриализации территорий, приближавших паттерн российского экономического развития от экономической отсталости к паттерну развития индустриальных стран Европы [Гершенкрон, 2015]. Значительную роль в данных процессах играют институты развития, в том числе особые экономические зоны (ОЭЗ) промышленно-производственного и технико-внедренческого типов, территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭРы), Фонды развития промышленности (ФРП), промышленные кластеры, индустриальные (промышленные) парки.

Промышленная политика и индустриальные парки в ракурсе теоретико-методологических концептов

Современную промышленную политику постсоветской России, аналогичную политику в субъектах Российской Федерации, императив промышленного развития крайне сложно представить без анализа типологии позиционных и знаковых проблем (дефиниция, введенная в политическую науку Ангусом Кэмпбэллом). Ведь в рамках политического процесса можно предполагать, что по мере возникновения новых проблем экспертное и научное сообщество, политические структуры неизбежно будут приходить к новым оценкам альтернатив политики [Campbell, 1960, p. 215].

Первый тип – позиционные проблемы, к примеру, деиндустриализации страны и ее территорий, по отношению к которым оформляются разногласия между различными политическими акторами в оценке целей функционирования правительства. Альтернативами в данном случае являются либо безучастность государства по отношению к промышленному комплексу (промышленное развитие – это миссия бизнес-структур), либо государственный дирижизм к отрасли, государственная поддержка промышленных предприятий, использование технологий протекционизма. Более того, по нашему мнению, государственная политика правительств постсоветской России по отношению к отрасли характеризовалась маятникообразным состоянием: от выхода государства из управления промышленным комплексом в 1990-е годы к постепенно усиливающемуся государственному присутствию в отрасли в период 2000-х годов.

Стоит также отметить, что категория отрасль, согласно научному подходу специалиста по отраслевым рынкам О. Шая, представляет собой общественно-оптимальный набор брендов [Шай, 2014, с. 20], соответствующий предпочтениям потребителей, партнеров и заказчиков. Важно также подчеркнуть, что маятник промышленной политики в 1990-е годы «качнулся» вправо в плане разгосударствления и достиг высшей точки, породив позиционную проблему деиндустриализации, катастрофического снижения общественно-оптимального набора брендов. Как отмечают отечественные специалисты Я.Р. Хайрулина, А.В. Душин, Г.А. Ляпцев, деиндустриализация коррелируется с рядом негативных последствий, влияющих на состояние национальной безопасности: стойкая импортозависимость, массовая физическая «смерть» промышленных производств, снижение спроса на квалифицированную рабочую силу, зависимость от ресурсной ренты [Хайрулина, Душин, Ляпцев, 2016, с. 80].

При этом качнувшаяся влево в 2000-е годы стрелка маятника промышленной политики находится на начало 2020-х годов, по нашему мнению, в середине циферблата управленческих часов. Актуальная тематика деиндустриализации как позиционной проблемы, включая ситуацию в ряде региональных территорий, не снята с обсуждения. Со-

гласно данным Росстата на начало 2019 года (новых данных статистическим ведомством не представлено), доля промышленности в общей структуре экономики невысока, хотя и имеет тенденцию к возвращению на уровень ее доли в РСФСР 1990 года. Кроме того, экономико-политическим трендом в постсоветской России по-прежнему остается процентное снижение работающих в отрасли промышленности (см. таблицу).

Роль промышленной отрасли в экономике РСФСР и Российской Федерации [Российский статистический ежегодник: Ст-сб., 2000, Российский статистический ежегодник: Ст-сб., 2010.

Промышленное производство в России: Стат. Сб. 2019]

The role of the industrial sector in the economy of the RSFSR and the Russian Federation

№ п/п	1990–2018-е годы	Процентное соотношение доли промышленности в экономике РСФСР и РФ, в %	Процент работающих, занятых в промышленности в общем количестве занятых в экономике РСФСР и РФ, в %
1.	1990	38,7	30,3
2.	1995	29	25,9
3.	2000	31,7	22,6
4.	2005	32,7	21,7
5.	2010	28,2	19,7
6.	2013	29	19,3
7.	2017	27,7	13,7
8.	2018	29,8	13,6

Второй тип – знаковые проблемы, оформившиеся в виде подсистемы общенациональных символов и координат, в основе которых лежит признание всеми социальными слоями и группами населения их принципиальной значимости для устойчивого и поступательного развития страны. Промышленная отсталость, по нашему мнению, относится к знаковым проблемам, которая ориентирует государство и бизнес на императив промышленного развития, на принцип патриотизма, интегрирующих воедино социальные страты общества и национальное государство воедино и предохраняющий политику от распада.

Знаковая проблема промышленной отсталости была и остается актуальной как для постсоветской России в целом, так и для большинства ее территорий в частности. Ведь к промышленной отсталости, влияющей на суверенитет страны, национальное самосознание оказывали свое воздействие не только деиндустриализация, но и деинституционализация, что в последнем случае, по мнению автора, представляет собой процесс таргетирования институтов развития и поддержки отраслей и сфер жизнедеятельности общества. В данном разрезе одним из рецептов решения проблемы промышленной отсталости является создание новых и инновационных производств на базе индустриальных (промышленных) парков. Ведь этот институт развития, по оценке отечественного исследователя А.А. Праченко, является специально учрежденной территорией для размещения новых производств, в том числе и инновационных предприятий [Праченко, 2019, с. 63].

В период 2000-х годов решение позиционной проблемы деиндустриализации и знаковой проблемы промышленной отсталости предстало перед государством в лице органов власти и управления и обществом в виде категорического (морального) императива. Ведь императив, по оценке И. Канта, ориентирует всех субъектов политики и отдельных индивидов на категорическое суждение по острым вопросам. Кроме того, императив предполагает наличие цели, некий долг (добродетель) [Кант, 2021, с. 11]. Применительно к необходимым изменениям в отраслях экономики и социальной сферы, логично иметь в виду и четыре интеллектуальных императива, сформулированных политологом Б.Дж. Нельсоном [Нельсон, 1999, с. 544, 552, 555, 559] и используемых в практиках государственного управления.

Эти императивы как для отрасли промышленности, так и для других сфер оформляются следующим образом. Во-первых, холизм (прочная увязка теорий управленческих процессов с системой интеракционизма государства и общества). Во-вторых, прогнозирование последствий, принимаемых или не принимаемых решений, связанных с отраслью. В-третьих, полезность применения комплексных научных знаний в реализации государственной политики. В-четвертых, значимость демократических процедур при выработке и реализации принятых политических решений. Таким образом, после неудачных экономических реформ 1990-х годов категорический императив промышленного развития Российской Федерации был предметом консенсуса (ценностного, процедурного, на уровне реализации политики) органов власти и управления, с одной стороны, и российского общества, с другой стороны.

Императив промышленного развития предполагал внесение проблематики реиндустриализации и новой индустриализации как реакции на позиционные и знаковые проблемы в повестку дня Правительства Российской Федерации, администраций (правительств) российских регионов в 2010-е годы. По мнению авторов, данная проблематика стала занимать важное (первостепенное) место в повестках дня федеральных и региональных органов власти в 2010-е годы, в особенности после принятия в 2014 году профильного федерального закона о промышленной политике. При этом важно отметить, что сам политологический концепт «повестка дня», согласно классику американской политологии Дж.В. Кингдона, содержит в себе согласованный между основными акторами набор предложений, каждое из которых коррелируется с другими, формируя тем самым комплекс законодательных и нормативных актов [Kingdon, 2011, p. 3].

Кроме того, значимым процедурным элементом повестки дня, если опираться на работы Дж.В. Кингдона, является перенесение иерархии проблем на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации для принятия новых документов в качестве федеральных законов. Эти законодательные и нормативные акты (к примеру, федеральный профильный закон от 2014 года, постановление Правительства Российской Федерации об индустриальных парках 2015 года) стали основой промышленной политики страны. Промышленной политики, которую стоит рассматривать как действия (акции) и взаимодействия (интеракции) государства и негосударственных акторов в создании и модернизации предприятий, производящих промышленные товары и услуги, их продвижении на внутренние и внешние рынки, в формировании и функционировании институтов промышленного развития, в становлении промышленной культуры.

И в этом отношении промышленная политика Российской Федерации не отличается от аналогичной политики развитых стран Запада, которые в этой политике видели стремление наций наделять особыми смыслами институт государства и институты развития. Они (эти нации) видели в них инструменты реализации модернистского проекта индустриального прогресса [Доббин, 2013, с. 62]. Но есть и отличия в промышленной политике современной России и в странах Запада, среди которых в повестке дня Российской Федерации стоит и решение проблем реинституционализации как модели активной государственной промышленной политики [Белокрылова, 2017, с. 76]. Поскольку в данном случае речь идет не только об институтах развития, в том числе и о промышленных парках, но и о госпрограммах и нацпроектах, всей системы государственной поддержки отечественной промышленности.

Типология регионов РФ по уровню промышленного развития: роль индустриальных (промышленных) парков

Одна из особенностей современного промышленного развития России состоит в том, что позиционные проблемы (деиндустриализация, деинституционализация) и знаковые проблемы (промышленная разруха, промышленная отсталость), оформившиеся в кон-

це 1990-х – начале 2000-х годов, стали актуальными в контексте преодоления этих вызовов для администраций (правительств) ряда субъектов РФ. Кроме того, анализ авторами статьи государственных управленческих практик региональных территорий (территориально-политических систем [Туровский, 2007, с. 23]) позволяет предполагать, что во второй половине «нулевых» годов в повестку дня органов власти и управления трех областей ЦФО (Калужской, Белгородской и Липецкой областей) была уже поставлена проблематика новой индустриализации территорий. К примеру, индустриальный парк «Северный» в Белгородском районе был учрежден региональными органами государственного управления уже в 2009 году.

В этой связи в рамках авторской типологизации территорий ЦФО (кроме г. Москвы) по уровню промышленного развития логично внести в первую группу субъектов РФ, для которых характерен устойчивый и последовательный прогресс в промышленном комплексе посредством новой индустриализации. В этой связи новая индустриализация этих трех регионов стала эффективной стратегией развития территорий, если рассматривать ее в ракурсе теорий Дж. Малгана как системное использование государственными институтами существующих в их арсенале ресурсов и легитимных полномочий для достижения ключевых целей общества [Малган, 2011, с. 37].

В качестве обоснования данного утверждения стоит привести три причины. Первая причина – в период 1990-х, в начале 2000-х годов органам власти и бизнес-сообществу этих территорий удалось сохранить большинство промышленных производств для последующей технологической модернизации. Вторая причина – системы управления данными субъектами Российской Федерации использовали время благоприятного экономического роста и социально-политической стабильности («путинская стабильность») «нулевых» годов для «выращивания» новых институтов развития, которые, в свою очередь, усиливали промышленный потенциал территорий на основе идеи прогресса, с его помощью, как подчеркивая в таких случаях Р. Нисбет, улучшая состояние территории и социума [Нисбет, 2007, с. 35]. Третья причина – органы власти и управления данных субъектов Российской Федерации таргетировали попытки эгоистических групп интересов в их желании рейдерских захватов промышленных предприятий в крупных городах с последующим их разрушением (цель захватов – земли под предприятиями).

Таким образом, с 2005 по 2020 гг. равномерно по всей территории Белгородской области были созданы 6 индустриальных (промышленных) парков, ставших новыми точками промышленного роста региональной экономики. Это парки: «Северный», «Южный» и «Фабрика» (Белгородский район), «Волоконовский» (п. Волоконовка), «Котел» (г. Старый Оскол), «Комбинат» (п. Бирюч, Красногвардейский район)¹⁷³. При этом, как отмечают специалисты по проблематике политической регионалистики, рост индекса промышленного производства в данном регионе стал более значительным в связи с массовым запуском в 2015 году индустриальных (промышленных) парков [Когтева, 2020, с. 53]. Массовым явлением в создании индустриальных парков является и Калужская область, в которой учреждено 12 индустриальных парков. На начало 2021 года эти институты развития реализуют свыше 100 инвестиционных проектов, в том числе инновационных. И именно на базе индустриальных парков в Калужской области были осуществлены на практике проекты мировых автомобильных концернов («Фольксваген», «Вольво», «Пежо-Ситроен-Мицубиси» и др.)

Вторую группу регионов в ЦФО авторы рассматривают как территории активной реиндустриализации (Тульская, Московская, Ярославская, Тамбовская, Курская, Рязанская области). Ключевыми аргументами авторов включения данных субъектов РФ в эту группу являются следующие тезисы:

¹⁷³ Данные по Белгородской области, как и по другим регионам ЦФО, получены авторами на основании письменных запросов в администрации (правительства) субъектов РФ.

1. Процесс деиндустриализации территорий не носил масштабного характера, а проходил в стадии средней интенсивности.

2. После принятия профильного федерального закона и постановления правительства об индустриальных (промышленных) парках региональные власти и бизнес стали проводить выверенную промышленную политику. Она вбирала в себя два основных направления: модернизации «старых» промышленных предприятий и создание новых промышленных производств на базе индустриальных парков (ИП), особых экономических зон (ОЭЗ), территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭРов).

Примером управленческого процесса тиражирования и масштабирования института индустриальных парков в территории, за которым следует появление новых промпроизводств, является Московская область (более 60 ИП на начало 2021 года). Данный процесс решает две задачи. С одной стороны, с помощью участников (резидентов) индустриальных парков идет воссоздание аналогичных или похожих производств, функционировавших на территории региона в советское время. С другой стороны, появляются новые предприятия, ориентированные на спрос промышленной продукции на внутреннем и внешнем рынках. К примеру, индустриальный парк «Есипово» (производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов). Процесс создания индустриальных (промышленных) парков низкой интенсивности идет в Тамбовской области. По состоянию на начало 2021 года в данном регионе ЦФО создано 2 индустриальных парка: ИП «Котовск» и ИП «Уваров», которые входят в федеральный реестр этих институтов развития министерства промышленности и торговли РФ.

Третья группа регионов ЦФО представляют собой территории, в которых органы власти и бизнес с помощью индустриальных (промышленных) парков проводят фактическую реанимацию промышленного комплекса. Разумеется, после масштабной деиндустриализации (включая переход от промпроизводства к производству услуг, в процессе которого в итоговом продукте снижается доля промышленного производства [Безлепкина, 2015]) и деинституционализации. По оценкам отечественных исследователей Д.Н. Нечаева и Е.С. Селивановой, на начало 2018 года из 17 областей Центральной России 8 входило в «ржавый пояс ЦФО» [Нечаев, Селиванова, 2018]. Это Воронежская, Орловская, Брянская, Смоленская, Тверская, Костромская, Ивановская, Владимирская области.

Для данных территорий характерны два политико-управленческих тренда, в рамках которых политические акторы должны делать акцент на сам процесс преобразований и институты преобразований [Купряшин, 2012, с. 99]:

1. Тренд для регионов на пути выхода из «ржавого пояса» и постепенного возвращения территориям индустриального статуса. Это Воронежская область (5 индустриальных парков, из которых 2 частных парка), Брянская область (1 парк – Брянский областной промышленный парк), Орловская область (два индустриальных парка: «Орел», «Зеленая роща»).

2. Тренд для регионов, которые, по оценкам авторов, не могут выйти из «ржавого пояса» в среднесрочной перспективе. Кроме того, они не могут встать на путь реиндустриализации без масштабных федеральных инвестиционных вливаний и проектов. Это Смоленская область (в стадии создания два индустриальных парка: «Феникс» и «Сафраново»), Тверская область (4 индустриальных парка), Костромская область (2 парка, еще один в процессе создания), Ивановская область (4 индустриальных парка), Владимирская область (6 индустриальных парков).

Заключение

В период 2000-х годов постсоветская Россия столкнулась с масштабными вызовами и угрозами, влиявшими на суверенитет и национальную безопасность страны. Во многом это было связано с провалами государства и рынка в ходе проведения экономических и

социально-политических реформ. Наличие позиционных проблем в промышленном комплексе в разрезе деиндустриализации и деинституционализации, знаковых проблем, приведших ключевую отрасль жизнедеятельности социума к промышленной разрухе и промышленной отсталости от развитых стран Запада и Юго-Восточной Азии, могло привести к социальным потрясениям и потере независимости. В этих условиях категорическим императивом для национальных государственных и негосударственных акторов стало промышленное развитие, а в политическую повестку дня Правительства Российской Федерации, органов государственного управления субъектов Российской Федерации были поставлены вопросы о реиндустриализации и новой индустриализации.

При этом как на федеральном, так и на региональном уровнях проходили становление различные типы промышленной политики, в рамках которых политические акторы реализовывали с помощью инструментов модернистский проект промышленного развития. Сама же общенациональная промышленная политика, имеющая субнациональные вариации, представляла собой систему взаимодействия (интеракций). Основными целями такой политики были: 1) строительство новых и модернизация старых промпредприятий; 2) «выращивание» институтов промышленного развития, институционализация особой промышленной культуры. Новыми институтами в данном случае являлись индустриальные (промышленные) парки, госпрограммы, ФЦП и нацпроекты, нормы и правила, ориентирующие участников процесса на созидание.

Императив промышленного развития в российских регионах имел свои особенности. К примеру, в областях ЦФО, в которых активным и достаточно массовым явлением стали индустриальные (промышленные) парки, сформировались три группы субъектов Российской Федерации. Первая группа (Белгородская, Калужская, Липецкая области), сохранившая индустриальный статус своих регионов, приступила к реализации политики новой индустриализации. И именно эта политика обеспечила в течение 2010-х годов высокий индекс промышленного производства и значительный объем привлеченных инвестиций в отрасль промышленности. Вторая группа (Тульская, Московская, Ярославская, Тамбовская, Курская, Рязанская области) посредством учреждения и развития индустриальных (промышленных) парков реализует активную политику реиндустриализации. Третья группа (Воронежская, Орловская, Брянская, Смоленская, Тверская, Костромская, Ивановская, Владимирская области), наиболее пострадавшая от процессов деиндустриализации с потерей индустриального статуса, находится на пути выхода из «ржавого пояса» ЦФО, либо рассчитывает на системные ресурсы федерального центра в преодолении промышленного отставания.

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова».

Список литературы

1. Безлепкина Н.В. 2015. Процессы индустриализации, деиндустриализации и реиндустриализации в эволюции российской экономики. Вестник Самарского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 9/2 (131): 137–149.
2. Белокрылова О.С. 2017. Промышленная реинституционализация как предпосылка реиндустриализации экономики России. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 3: 74–80.
3. Гершенкрон А.П. 2015. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 536 с.
4. Доббин Ф. 2013. Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли. М., Изд. Дом Высшей школы экономики, 368 с.

5. Кант И. 2021. Основы этики. Категорический императив. В кн.: Кант И., Гегель Г. Категорический императив и всеобщая мировая история. М., Родина: 5–128.
6. Когтева А.Н. 2020. Перспективность развития индустриальных парков в Белгородской области. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 1 (43): 52–58.
7. Купряшин Г.Л. 2012. Модернизация государственного управления: институты и интересы. М., Издательство Московского университета, 312 с.
8. Малган Дж. 2011. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага; пер. с англ. Ю. Каптуревского под науч. ред. Я. Охонько. М., Изд. Института Гайдара, 472 с.
9. Нельсон Б.Дж. 1999. Социальная политика и управление: общие проблемы. В кн.: *Политическая наука: новые направления*: под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингманна. М., Вече: С. 527–569.
10. Нисбет Р. 207. Прогресс: история идеи; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Г. Сапова. М., ИРИСЭН, 557 с.
11. Нечаев Д.Н, Селиванова Е.С. 2018. К «новой» индустриализации: политические условия реализации региональной государственной промышленной политики в РФ (на примере областей ЦФО). Воронеж, Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. 206 с.
12. Праченко А.А. 2019. Государственные индустриальные парки – роль в инновационном развитии регионов. *Регион: системы, экономика, управление*. 3 (46): 62–72.
13. Российский статистический ежегодник: Ст-сб. 2000. М., Госкомстат России, 642 с.
14. Российский статистический ежегодник. Ст-сб. 2010. М., Росстат России, 813 с.
15. Промышленное производство в России. Ст-сб. 2019. М., Росстат, 286 с.
16. Туровский Р.Ф. 2007. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., Изд. дом ГУ ВШЭ, 399 с.
17. Хайрулина Я.Р., Душин А.В., Ляпцев Г.А. 2016. Деиндустриализация российской экономики: проблемы и возможности. *Известия Уральского государственного горного университета*. 4 (44): 80–83.
18. Шай Оз. 2014. Организация отраслевых рынков. Теория и ее применение. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 503 с.
19. Campbell A. 1960. *The American Voter*. The University of Chicago Press. Chicago: London, 574 p.
20. Kingdon John W. 2011. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Pearson plc. London, 274 p.

References

1. Bezlepkina N.V. 2015. *Processy industrializacii, deindustrializacii i reindustrializacii v evolyucii rossijskoj ekonomiki* [The processes of industrialization, deindustrialization and reindustrialization in the evolution of the Russian economy]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomika i upravlenie»*. 9/2 (131): 137–149.
2. Belokrylova O.S. 2017. *Promyshlennaya reinstitucionalizaciya kak predposylka reindustrializacii ekonomiki Rossii* [Industrial reinstitutionalization as a prerequisite for the reindustrialization of the Russian economy]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*. 3: 74–80.
3. Gershenkron A.P. 2015. *Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspektive* [Economic backwardness in the historical perspective]. М., Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 536 s.
4. Dobbin F. 2013. *Formirovanie promyshlennoj politiki: Soedinennye Shtaty, Velikobritaniya i Franciya v period stanovleniya zheleznodorozhnoj otrasli* [Formation of industrial policy: The United States, Great Britain and France during the formation of the railway industry]. М., Izd. Dom Vyshej shkoly ekonomiki, 368 s.
5. Kant I. 2021. *Osnovy etiki. Kategoricheskij imperative* [Fundamentals of ethics. The categorical imperative]. В кн.: Кант И., Ге-гель Г. Категорический императив и всеобщая мировая история. М., Publ. Rodina: 5–128.
6. Kogteva A.N. 2020. *Perspektivnost' razvitiya industrial'nyh parkov v Belgorodskoj oblasti. Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Prospects for the development

of industrial parks in the Belgorod region. Innovative economy: prospects for development and improvement]. 1 (43): 52–58.

7. Kupryashin G.L. 2012. Modernizatsiya gosudarstvennogo upravleniya: instituty i interesy [Modernization of public Administration: Institutes and interests]. M., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 312 s.

8. Malgan Dzh. 2011. Iskusstvo gosudarstvennoj strategii: Mobilizatsiya vlasti i znaniya vo imya vseobshchego blaga [The mobilization of power and knowledge in the name of the common good]; per. s angl. Yu. Kapturevskogo pod nauch. red. Ya. Ohon'ko. M., Publ. Instituta Gajdara, 472 s.

9. Nel'son B.Dzh. 1999. Social'naya politika i upravlenie: obshchie problemy [Social policy and management: common problems]. V kn.: Politicheskaya nauka: novye napravleniya: pod red. R. Gudina i H.-D. Klingmanna. M., Publ. Veche: S. 527–569.

10. Nisbet R. 207. Progress: istoriya idei; per. s angl [Progress: the history of the idea]. pod red. Yu. Kuznecova i G. Sapova. M., Publ. IRISEN, 557 s.

11. Nechaev D.N, Selivanova E.S. 2018. K «novoj» industrializatsii: politicheskie usloviya realizatsii regional'noj gosudarstvennoj promyshlennoj politiki v RF (na primere oblastej CFO) [Towards a «new» industrialization: political conditions for the implementation of regional state industrial policy in the Russian Federation (on the example of the Central Federal District regions)]. Voronezh, Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaya kniga», 2018. 206 s.

12. Prachenko A.A. 2019. Gosudarstvennye industrial'nye parki – rol' v innovacionnom razvitii regionov [State industrial parks – the role in the innovative development of regions]. Region: sistemy, ekonomika, upravlenie. 3 (46): 62–72.

13. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik: St-sb. [Russian Statistical Yearbook: St-S.]. 2000. M., Goskomstat Rossii, 642 s.

14. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik: St-sb. [Russian Statistical Yearbook: St-S.]. 2010. M.: Rosstat Rossii, 813 s.

15. Promyshlennoe proizvodstvo v Rossii. St-sb. [Industrial production in Russia. St-Sat.]. 2019. M.: Rosstat, 286 s.

16. Turovskij R.F. 2007. Centr i regiony: problemy politicheskikh otnoshenij [The Center and the regions: problems of political relations]. M., Izd. Dom GU VSHE, 399 s.

17. Hajrulina Ya.R., Dushin A.V., Lyapcev G.A. 2016. Deindustrializatsiya rossijskoj ekonomiki: problemy i vozmozhnosti [Deindustrialization of the Russian economy: problems and opportunities]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta. 4 (44): 80–83.

18. Shaj Oz. 2014. Organizatsiya otraslevykh rynkov. Teoriya i ee primenenie [Organization of industry markets. Theory and its application]. M., Izd. Dom Vysshej shkoly ekonomiki, 503 s.

19. Campbell A. 1960. The American Voter. The University of Chicago Press. Chicago: London, 574 p.

20. Kingdon John W. 2011. Agendas, Alternatives, and Public Policies. Pearson plc. London, 274 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кошкин Андрей Петрович, заведующий кафедрой политологии и социологии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Andrey P. Koshkin, Head of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Нечаев Дмитрий Николаевич, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Воронеж, Россия

Dmitry N. Nechaev, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Voronezh Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Voronezh, Russia

УДК 321.021+308+338.485:
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-724-736

Политическая субъектность туристических блогеров и онлайн-сообществ

Чугунова А.А.

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина),
Россия, 197376, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5
E-mail: aachugunova@etu.ru

Аннотация. В статье предлагается интерпретация деятельности туристических онлайн-сообществ как политических субъектов и инструмента «мягкой силы». Обсуждаются результаты эмпирического исследования, полученные при проведении интервью с влиятельными блогерами, пользователями популярных туристических интернет-сайтов, а также контент-анализ комментариев, размещенных на Форуме Винского. Делается заключение о том, что, хотя преждевременно говорить об осознании агентами туристической деятельности в онлайн-пространстве степени своего политического влияния и своего места в развитии международного сотрудничества, вместе с тем, действуя аналогично новым медиа, блогеры предстают как лидеры общественного мнения, и деятельность туристических сообществ в интернете можно интерпретировать как форму публичной дипломатии.

Ключевые слова: политическая субъектность, блогеры, инфлюэнсеры, «мягкая сила», онлайн-пространство, политическая коммуникация, политическое влияние, сетевая коммуникация, туристические сообщества.

Для цитирования: Чугунова А.А. 2021. Политическая субъектность туристических блогеров и онлайн-сообществ. *Via in tempore. История. Политология.* 48 (3): 724–736. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-724-736.

The political subjectivity of travel bloggers and online communities

Anna A. Chugunova

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»,
5 Professor Popov St., Saint Petersburg, 197376, Russia
E-mail: aachugunova@etu.ru

Abstract. The article offers an interpretation of the activities of online travel communities as political subjectivities and a soft power tool. The results of empirical research obtained through interviews with influential bloggers, users of popular travel websites and a content analysis of comments posted in the Vinsky Forum are discussed. The conclusion is drawn that, although it is premature to talk about the awareness of online travel agents of their political influence and their place in the development of international cooperation, nevertheless, acting similarly to new media, bloggers appear as opinion leaders, and the activities of online travel communities can be interpreted as a form of public diplomacy. The purpose of this paper is to investigate the activities of online travel communities as subjects of political influence in the digital environment. The research hypothesis is that specialized forums and social networks for travelers acquire the status of political players in the digital environment, influencing the formation of the image of countries and regions, the decision-making of participants in online travel communities. With online tourist activity is associated the search for new incentives for the development of world economies in a crisis situation: the activities of participants in the tourism business in the most

stringent periods of social constraints was fully transferred to the online environment, demonstrating non-standard methods of solving management problems in a critical period.

Keywords: political subjectivity, bloggers, Influencers, soft power, online space, political communication, political influence, online communication, tourism communities.

For citation: Chugunova A.A. 2021. The political subjectivity of travel bloggers and online communities. *Via in tempore. History. Political Science.* 48 (3): 724–736 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-724-736.

Введение

Современные путешественники, как правило, активно включаются в коммуникационные процессы на всех стадиях подготовки и реализации своего путешествия. Для этих людей путешествия – не просто отдых, но важная составляющая образа жизни, реализация социальной и жизненной активности. При этом само посещение новых мест включено в более развернутый сценарий путешествия, поскольку эта категория путешественников настроена на то, чтобы оставлять «цифровой след» своего путешествия, а именно вести во время поездки онлайн-репортажи и дневники, составлять подробные отчеты и отзывы о своих передвижениях, делиться опытом и полученной информацией со всеми заинтересованными лицами. Реализуя свою туристическую активность, самостоятельные путешественники наряду с эмоциональной вовлеченностью демонстрируют высокий уровень социальной ответственности и критической самооценки. По существу названные поведенческие характеристики свойственны лидерам мнения. Можно утверждать, что развитие индивидуального, авторского и самостоятельного туризма маркирует становление новых субъектов политического влияния [Чугунова, 2019].

Цель данной работы – проблематизировать деятельность туристических интернет-сообществ как субъектов политического влияния в цифровой среде. Исследовательская гипотеза состоит в том, что специализированные форумы и социальные сети для путешественников приобретают статус политических игроков в цифровой среде, влияющие на формирование имиджа стран и регионов, на принятие решений участниками туристических интернет-сообществ. Динамика названных процессов получила мощный импульс в переживаемый человечеством период пандемии COVID-19. Туризм по общей оценке признается наиболее пострадавшей от случившейся эпидемии отраслью. Вместе с тем именно с туризмом, а точнее, с туристической онлайн-активностью связан поиск новых стимулов развития мировых экономик в кризисной ситуации: деятельность участников туристического бизнеса в наиболее строгие периоды социальных ограничений была полностью перенесена в онлайн-среду, демонстрируя нестандартные методы решения управленческих задач в критический период.

Объекты и методы исследования

Концептуальными ресурсами настоящего исследования выступают понятия политической субъектности, «мягкой силы» и «цифровой власти».

Исследователи проблемы политической субъектности подчеркивают, что, наряду с широко используемыми в современном политическом знании понятиями «политического актора» и «политического агента», сохраняется потребность в концепте «политическая субъектность» с целью раскрытия механизмов, посредством которых человек приобретает качество «политического субъекта» [Шеляпин, 2008; Гнидина, 2010; Першуткин, 2014; Гомеров, 2015], переходит из «потенциального субъектного состояния в актуальное субъектное состояние и/или из одного, менее актуального субъектного состояния, в другое, более актуальное субъектное состояние» [Гомеров, 2015, с. 57]. Выделяя ключевые усло-

вия становления политической субъектности индивида или группы, Гомеров И.Н., например, называет следующие: участие в реальных процессах политической жизни; осознание собственных политических интересов, прав и обязанностей; политическая самоидентификация; определенный уровень институционально-политической самоорганизации; инициирование политической активности [Гомеров, 2015, с. 59]. Можно вспомнить и высказывание Макса Вебера: «Можно заниматься ”политикой“ – то есть стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них – как в качестве политика ”по случаю“, так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же, как и при экономическом ремесле» [Вебер, 2017, с. 261]. Динамический аспект, входящий в методологическую рамку концептуализации политической субъектности, представляет научную ценность для анализа поставленных в нашей статье вопросов.

Здесь важно отметить, что термин «политика» мы используем в более широком значении, чем отношения с государственной властью, бюрократическим аппаратом и государственными институтами по поводу власти, ее завоевания, удержания и использования в интересах отдельных индивидов, групп или общества в целом. Тогда как существует еще общественная власть, которая базируется на общественных организациях, общественном мнении, СМИ. И именно наличие этой формы власти изменило характер властных отношений. Наряду с моделями «господство – подчинение» появились отношения типа «руководство – принятие». Важно изменение отношения к политике как к сфере этики ответственности. Но это возможно в первую очередь в рамках развитого Гражданского общества и правового государства, где развивается процесс институализации политической этики и повышается политическая культура населения.

Автор концепции «мягкой силы» Джозеф Най [Най, 2006] в 1971 г. в статье «Транснациональные отношения и мировая политика», написанной вместе с Робертом Кеохэйном, подчеркивал, что государства не являются единственными участниками международных отношений [Nye, Keohane, 1971]. Развивающиеся коммуникационные технологии изменяют поляриности силы, стимулируя применение ненасильственных методов для достижения политических целей. «Мягкая сила – это способность оказывать влияние на других через поиск союзников, разработку повестки дня, убеждение, создание притяжения в целях достижения предпочтительного результата» [Nye, 1990, р. 20–21]. Иначе говоря, основными инструментами «мягкой силы» предлагается рассматривать привлекательность и убеждение [Soft power: теория, ресурсы, дискурс, 2015; Лебедева, 2017]. Сферами социальной деятельности, способными оказывать аттрактивное воздействие, признаются брендинг государств, образование, спорт, художественная культура, язык, национальная кухня, а также интересующий нас туризм [Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ, 2020].

Представление о туризме как инструменте «мягкой силы» завоевывает все большее признание. В «Энциклопедию туризма», выпущенную издательским домом Springer International Publishing в Швейцарии, включен самостоятельный раздел, названный «Soft power, tourism» [Encyclopedia of Tourism, 2015]. Авторы энциклопедической статьи утверждают, что международное влияние страны прямо коррелирует с ее туристической привлекательностью, готовностью вкладывать в нее инвестиции, экспортом продукции, привлечением способных кадров. «Можно выделить, по крайней мере, четыре взаимосвязанных аспекта, позволяющие признать туризм мягкой силой. Во-первых, туристы стремятся как можно больше узнать о выбранной дестинации, что не может не сопровождаться эмоциональной включенностью и стремлением к более тесному общению с населением посещаемого места. Во-вторых, туризм стимулирует работу над формированием привлекательного имиджа страны. Брендинг места назначения тем самым предстает как ресурс «мягкой силы». В-третьих, мега-события, такие как Олимпийские игры, Всемирные выставки, привлекая туристов, реализуют геополитическое влияние организующей эти со-

бытия страны. В-четвертых, туристы становятся активными информаторами, рассказывая о странах, из которых они возвращаются» [Encyclopedia of Tourism, 2015]. Результаты проведенной нами эмпирической проверки первого и четвертого аспектов, отмеченных в энциклопедии, предложены в настоящей статье.

Методологическую ценность для нашего исследования представляют также активно разрабатываемые в последнее время идеи цифровой власти и «коммуникативного капитализма», согласно которым коммуникативные технологии в Интернет конституируют новых властных субъектов, конкурирующих с традиционными политическими игроками. Поставщики цифровой продукции разного информационного уровня становятся бенефициарами, влиятельными лицами и потому политическими игроками. Потенциально глобальные цифровые игроки любого уровня могут влиять не только на микро-, но и на макропроцессы, становясь модераторами социальных изменений [Кастельс, 2020; Gavra, Dekalov, 2019; Gavra, Dekalov, Naumenko, 2020].

Результаты и их обсуждение

Проведенное нами эмпирическое исследование включало:

- опрос пользователей петербургского клуба путешественников «ПИК» и общероссийского онлайн-ресурса «Туристер»;
- интервью с Инстаблогерами, специализирующимися на петербургской тематике;
- контент-анализ Форума Винского – интернет-форума самостоятельных путешественников.

Опрос пользователей туристических интернет-сообществ

Опрос пользователей петербургского клуба путешественников «ПИК» и общероссийского онлайн-ресурса «Туристер» проводился в ноябре-декабре 2020 г. Выборка определяется как случайная, что соответствует характеру онлайн-исследований. Группа сообщества «Пик» ВКонтакте насчитывает 80 тыс. подписчиков, являясь одним из самых популярных туристических онлайн-ресурсов в данной социальной сети. Наше обращение с просьбой принять участие в опросе получило 7,5 тыс. просмотров и 2 репоста¹⁷⁴. Ответили на анкету 38 человек. Наш опрос в социальной сети для туристов «Туристере» проводился в теме на форуме, которую указали администраторы. Всего в ноябре 2020 г. статистика просмотров сайта составила 6 300, зафиксировано 965 показов темы с опросом, 41 комментарий, на вопросы анкеты ответили 67 пользователей. Таким образом, общее количество ответов составило 105, а количество просмотров без реакции для нас также являлись результатом (показатель незаинтересованности данной темой, нежелание участвовать в исследовании). Однако полученные ответы позволяют говорить о репрезентативности результатов, так как, во-первых, участвовали именно самостоятельные путешественники, что наиболее интересно с точки зрения указанных в методологии концепций. А с другой, заложенные в анкеты открытые вопросы позволяют получить развернутые комментарии, оценки, увидеть трактовки.

Туристическое сообщество «Пик» существует с 2007 г., базируется в Санкт-Петербурге, в 2020 г. насчитывало 155 инструкторов и 80 работников смежных областей. До периода пандемии туристический клуб выступал организатором походов в различные регионы России и за рубеж, обслуживая более 7 тысяч человек в год. Миссионерской особенностью сообщества выступает экологический туризм, включая уборку мусора в местах отдыха, а также развитие проекта «Экокодекс».

¹⁷⁴ Пост с просьбой принять участие в опросе. – URL: https://vk.com/wall-7107168_83410 (дата обращения: 20.07.2021).

Содержание анкеты включало следующие тематические блоки: типы поездок, мотивация туристических поездок, наличие взаимодействия и готовность к установлению контактов, информирование о России в ходе поездки, отношение к России в дестинации, социальная активность в туристических онлайн-сообществах.

Мы исходили из исследовательского допущения о том, что среди подписчиков сообщества «Пик» преобладают активные самостоятельные путешественники, часто выезжающие за рубеж, с выраженной ответственностью за свою туристическую активность и создаваемый образ своей страны. Результаты опроса подтвердили наши ожидания лишь частично.

Среди респондентов действительно доминировали самостоятельные путешественники: при организации своих путешествий 92,1 % не пользуются услугами туристических фирм или делают это редко. Однако ожидание, что на решение о поездке влияет информация, полученная от блогеров или на сайтах онлайн-сообществ, не подтвердилось: доминирующими мотиваторами поездок оказались выгодные предложения от транспортных компаний или мест размещения, фотографии и реклама, размещенные в разнообразных СМИ. 84,1 % туристов активно знакомятся с местными жителями во время путешествий, однако лишь половина (44,6 %) затем поддерживают знакомство перепиской. 78,8 % охотно рассказывают о своей стране или отвечают на вопросы, если к стране проявляют интерес. Часть путешественников обязательно запасаются в дорогу сувенирами. Однако на вопрос «Разделяете ли вы мнение, что турист за границей должен создавать привлекательный образ своей страны?» 16 % ответили, что вовсе не задумываются об этом. Еще меньше опрошенных – 10,5 % – ассоциируют туризм с «народной дипломатией» и целенаправленным созданием имиджа страны. 18 % предпочли не смешивать туризм и политику. Впрочем, более половины согласились с тем, что любой турист, независимо от своего желания, своим поведением формирует представление о своей стране.

Отвечая на вопросы об отношении к ним жителей дестинации, лишь 4 % отметили негативное поведение, доминирующим они считают благожелательный настрой, заложенный в саму модель отношений «клиент – продавец».

На вопрос «Оставляете ли Вы отзыв или отчет о поездке в сети?» 75 % ответили, что делают это постоянно или время от времени, в том числе 50 % делают это в социальных сетях, 25 % – в онлайн-сообществах или на сайтах бронирования. Каждый четвертый указал, что рассказывает о поездке только друзьям или родственникам или вообще избегает разговоров о поездках.

Отметим, что, будучи активными самостоятельными путешественниками, респонденты группы сообщества «Пик» ВКонтакте не связывают свою активность с принадлежностью к онлайн-сообществу и не очень высоко оценивают его влияние на свою деятельность.

Сайт Туристер.ру – один из крупнейших в русскоязычном интернет-пространстве, объединяющий опытных путешественников. На конец ноября 2020 г. он насчитывал почти 348 тыс. зарегистрированных пользователей. Это хорошо организованная информационная площадка самостоятельных путешественников, включающая разделы со списком посещенных стран и городов с отображением на интерактивной карте, возможностью оставлять личные сообщения и комментарии, советы путешественникам, отзывы и мнения о городах, странах и достопримечательностях, фотоальбомы. Организаторы проекта приветствуют любую деятельность, связанную с обменом туристическим опытом. «Туристер» позиционирует себя (и, согласно опросу, фактически является) классическим онлайн-сообществом, объединяющим людей, для которых важнейшей ценностью являются туризм и путешествия. Как и в случае с сообществом «Пик», основные пользователи сайта – это самостоятельные путешественники: 91,1 % либо не обращаются к туристическим фирмам при подготовке своей поездки, либо делают это крайне редко. Участники сообщества оказались лояльной аудиторией своего портала. 23,9 % указали материалы сообще-

ства «Туристер» как вдохновляющий фактор при планировании новых поездок. «Туристер» получил и наивысшую отметку в оценке своей деятельности среди других онлайн-сообществ, причем со значительным отрывом, например, от Форума Винского. Большинство участников опроса предпочитают оставлять отзывы или отчеты именно на данном портале. В ответах на открытые вопросы респонденты подчеркивали такие преимущества сайта, как «богатый материал для ознакомления», обмен опытом, советы, эксклюзивная информация и др.

Отвечая на вопрос *«Появляются ли в результате поездки у Вас знакомые в других странах/регионах?»*, участники «Туристера» демонстрировали активность в общении и установлении новых контактов. В то же время статистика ответов на вопрос: *«Оказываясь в другой стране, Вы рассказываете о России своим новым знакомым?»* оказалась почти на 10 % ниже, чем в группе «Пик». 15 % согласились с утверждением *«Путешествуя по другой стране, я не задумываюсь, что я – представитель своей страны или своего региона за границей»*, за исключением представителей Белоруссии и Израиля, подчеркнувшими, что они всячески стараются нести ценности своих стран.

Сходными с «Пиком» оказались и ответы на вопрос *«Разделяете ли вы мнение, что турист за границей должен создавать привлекательный образ своей страны?»*: половина респондентов считает, что «турист неизбежно создает представление о своей стране уже своим поведением, не затрачивая специальных усилий». Процент тех, кто указал, что «туризм должен быть вне политики», оказался выше, чем среди пользователей «Пика»: 25 % против 18 %.

В ответах на вопрос *«Опираясь на собственный опыт путешествий, как Вы оцениваете отношение к российским туристам в принимающей стране?»* большинство респондентов подтвердили, что отношение зависит от поведения туриста, а также определяется «экономическим фактором» (турист = заказчик услуг).

Заметное различие в поведении пользователей рассматриваемых ресурсов обнаруживается после путешествия: среди тех, кто не считает нужным оставлять отзыв, пользователей «Туристера» – 3 %, тогда как «Пика» – 21 %, и 45 % против 21 % среди тех, кто оставляет отзыв обязательно. Одним из объяснений этого различия может быть то, что сама площадка онлайн-сообщества располагает к подробным отчетам о поездке (мотивируют другие участники благодаря наличию функции обратной связи), тогда как в группе «Пик» такой функции нет.

Информационную ценность для нас имели ответы на вопросы о привлекательности туристических интернет-сообществ, поскольку содержали данные о формах коммуникативной активности их пользователей. Иерархически преимущества онлайн-сообществ распределились следующим образом: наиболее значимым оказался фактор «клуба по интересам», возможность получить совет, поделиться опытом, пообщаться, вдохновиться; меньшее число респондентов отметили информативную ценность площадок. Среди отдельных высказываний отметим следующие: *«Сейчас преимуществ уже нет. Эти сообщества теряют свое значение»*, *«У всех свои плюсы и минусы»*. Мнение иностранного участника сообщества: *«Online community allows you to find people of similar interests and background. It helps to shape your travel ideas and form expectations based on reviews by people close to you in terms of culture, income and social status»*.

Интервью с блогерами

При формировании выборки блогеров для проведения интервью мы руководствовались следующими условиями:

1) их деятельность на площадке Instagram как наиболее активной по числу авторов в России ¹⁷⁵;

2) специализация на петербургской тематике;

3) число подписчиков не менее 5 тыс. человек с высокой вовлеченностью читателей (более 500 лайков в среднем под каждым из постов, активное комментирование, а также наличие ответов от автора страницы).

Из 13 отобранных нами респондентов, соответствующих описанным условиям, интервью согласились дать 4 человека. Каждый из них – создатель страницы в Инстаграме с количеством подписчиков от 6,8 до 40,9 тыс. Трое из четверых имели опыт работы профессиональными гидами или экскурсоводами-любителями, проводящими авторские экскурсии. Все четверо с высшим образованием: политолог, культуролог, специалист по связям с общественностью, педагог. Время создания блогов – между 2014 и 2019 гг., основная читательская аудитория одного из респондентов – жители Санкт-Петербурга, подписчики остальных – гости города или те, кто хотел бы посетить Петербург. Все четверо ведут свой блог самостоятельно, для двоих в настоящее время ведение блога является составной частью основной работы, для двух других – второй работой или хобби. Определяя миссию своих страниц, наши респонденты сформулировали ее как желание показать Петербург в деталях, раскрыть неизвестные стороны городской жизни, открыть петербуржцам и гостям города новые интересные места. Хотя все выбранные блоги были тематически связаны с Петербургом, их целевые аудитории различались. Так, блог, ориентированный на петербуржцев, формирует атмосферу принадлежности к местному сообществу, что, впрочем, может оказывать влияние на иностранную и иногороднюю аудитории.

В содержании интервью получили отражение как различие числа подписчиков (от 7 до 41 тыс.), так и опыт ведения страницы (от 2 до 6 лет). Очевидно, что число подписчиков от 15 тыс. человек и более требует от автора блога дополнительных методов раскрутки, денежных вложений в рекламу и др. Иначе говоря, по трудозатратам он превращается в профессиональную деятельность, требующую мотивации, эмоциональной поддержки, своевременного отдыха во избежание выгорания. Совмещать его с другой работой становится затруднительным.

Проверяя гипотезу о политическом влиянии блогеров, мы получили подтверждение, что они действительно оказывают серьезное влияние на принятие решений их подписчиками, потенциальными туристами из других стран, на создаваемый образ страны и/или города. Многие приводили примеры того, как после публикации их материалов у людей появлялось желание посетить Петербург или даже переехать в него жить. Все наши эксперты поддерживают хороший контакт со своей аудиторией, лично реагируют на комментарии, вопросы и сообщения. Отметим также, что если два респондента придерживаются так называемой симметричной модели коммуникации, то есть стремятся реагировать на предложения своих читателей, проводят опросы и вводят новые темы и рубрики, то два других так еще не делают или уже не делают. Для троих влияние на аудиторию не исчерпывается только блогом, их основная работа с подписчиками происходит на экскурсиях, тем самым блог оказывается дополнительным инструментом профессиональной коммуникации.

Раздел интервью, проверяющий гипотезу о формировании блогерами общественного мнения своей аудиторией, стал показательным. Два респондента из четырех усомнились в степени своего политического влияния. Лишь одна из четверых (по образованию специалист по связям с общественностью) признала свой статус инфлюенсера. Еще одна респондентка (политолог по образованию) знала содержание понятия «мягкая сила» и возможность его применения к своей деятельности. Остальные предпочитали не рассмат-

¹⁷⁵ Согласно данным исследования «Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2020». – URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020> (дата обращения: 21.07.2021).

ривать свою деятельность как политическую. При этом всех наших интервьюируемых можно охарактеризовать как социально-ответственных представителей интернет-сообщества: они осознают свои миссии, не стремятся к саморекламе, не провоцируют конфликты, не формируют негативный образ Санкт-Петербурга, если и показывают неприглядные стороны города, то сопровождая поиском причин. Все наши респонденты отмечали важность дополнения онлайн-деятельности офлайн-активностями – коллаборациями, встречами с подписчиками, участием в блог-турах, в создании туристических маршрутов. Одна из информанток отметила, что именно представители блогерского сообщества вышли с предложением к городскому комитету по туризму о включении блогеров в проводимые городской администрацией мероприятия и презентации¹⁷⁶.

Проверяя оценку нашими информантами деятельности туристических онлайн-сообществ, мы обнаружили то, что можно назвать «информационной немотой», то есть отсутствие желания обсуждать этот вопрос. Отчасти это может свидетельствовать о падении интереса и доверия к таким массовым площадкам, как Форум Винского, TripAdvisor (один из респондентов заметил: «На трипэдвайзоре, к сожалению, стало много заказных отзывов, в особенности негативных»), смещении фокуса к социальным сетям. Приведем еще отрывок из интервью: «Многие люди переходят в соцсети – в тот же инстаграм, в телеграм. Человек хочет получить личную рекомендацию... Хорошо развиваться и там, и там. Например, когда началась пандемия, петербургские гиды первыми в России стали проводить онлайн-экскурсии, реклама шла сначала на страничках, только потом подтянулись онлайн-площадки». Замеченный нами феномен можно объяснить ценностью для блогеров личного бренда и репутации инфлюенсеров в том же инстаграме. Они приложили немало усилий, чтобы собрать лояльных подписчиков, завоевать их доверие, используют авторский контент, борются с плагиатом, и потому не могут поставить под угрозу свою репутацию из-за недостоверной рекламы, непроверенной информации или вмешательства сторонних специалистов в их деятельность. Общаясь со своей аудиторией, они не позволяют себе некорректное поведение, в то время как на массовых площадках и форумах можно встретить оскорбительные комментарии, скрытые за безликими никами и аватарками.

Из интервью: «Я считаю, что онлайн-сообщества во многом формируют привычки, поведение туристов. Не могу говорить о старшем поколении, но мы (я и мои сверстники), когда планируем путешествие, обязательно ищем информацию в социальных сетях, в т. ч. по геометкам той локации, куда едем. И благодаря рекомендациям в инстаграме и другим рекомендациям мы выбираем места, что хотим посетить. Если они вызывают доверие, то, конечно, к ним прислушиваются. Такие сообщества актуальны и полезны».

Все респонденты, будучи организаторами экскурсий, отмечали рост индивидуального, интеллектуального, авторского туризма. Путешественники едут подготовленными, начитанными, с четкими представлениями, что хотели бы увидеть, многие готовят основную программу путешествий самостоятельно. К специалистам такие путешественники обращаются, желая познакомиться с малоизвестными сторонами жизни города, его эмоциональной атмосферой, труднодоступной гостям и приезжим.

На вопрос «Вдохновляют ли Вас ваши подписчики на создание новых постов о Петербурге?» все респонденты единодушно согласились. Приведем несколько высказываний из интервью:

«Обратная связь – это очень важно! Люди мотивируют творить! Так как за три года уже можно было исписать все, поэтому я время от времени устраиваю опрос, о чем еще рассказать, что хотят почитать?»

¹⁷⁶ Популярные travel-блогеры, фотографы и журналисты смогут увидеть Петербург с новой стороны. – 24/11/2020. – URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_tourism/news/201735/ (дата обращения: 21.07.2021).

«Конечно! Я внимательно анализирую и сама всем отвечаю, как уже говорила, провожу опросы. Сильно питают такие истории, когда люди поменяли свое мнение о городе, расстались со стереотипами, благодарности и признания».

«Обратная связь очень важна. Мы, по сути, работаем для зрителей, для лайков (как показатель одобрения), приятны добрые слова благодарности за то, что сохраняем Петербург. Это подпитывает».

«Когда я писала только про Питер, подписчики очень вдохновляли. Я тогда была влюблена в Петербург, считала лучшим городом на земле. Постепенно, когда я увидела другие страны и города, мое мнение стало не таким однозначным. Я хочу писать только о том, что волнует меня, не хочется больше писать о том, что неинтересно, поэтому уже не так зависима от мнения подписчиков».

Контент-анализ Форума Винского

Форум Винского – один из первых российских ресурсов для самостоятельных путешественников. Уже более 10 лет на нем выкладывают отчеты о путешествиях, делятся советами, пишут отзывы или просто просматривают информацию 80–90 тысяч пользователей в месяц (данные до пандемии 2019 г.). Их привлекает возможность общения в огромном сообществе путешественников, поиск эксклюзивной информации и стремление поделиться опытом или перенять его. Нами был проведен контент-анализ материалов данной площадки в ветке форума, посвященной обсуждению вопросов, связанных с посещением Санкт-Петербурга¹⁷⁷.

Как видно на рисунке, начиная с 2019 г. посещаемость форума снижается, когда был зафиксирован пик на отметке более чем 100 тыс. читателей в день. К марту-апрелю 2020 г. форум почти опустел.

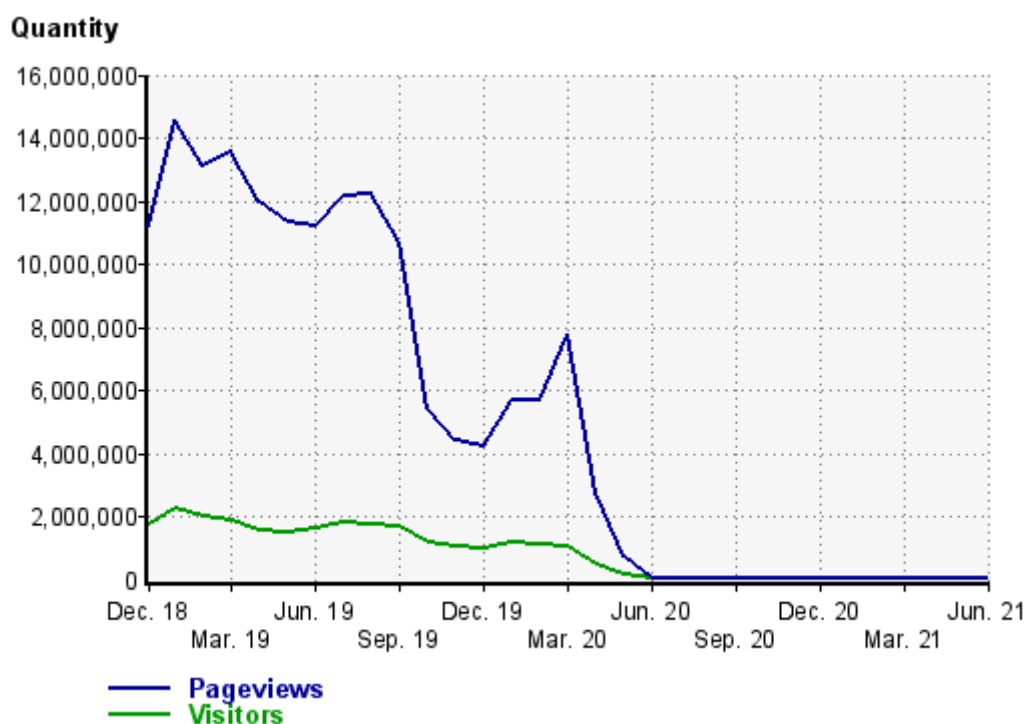

График количества посетителей форума и просмотров страниц в 2019–2021 гг.
The number of forum visitors and page views in 2019–2021

¹⁷⁷ Ветка обсуждений по Петербургу. – URL: <https://forum.awd.ru/viewforum.php?f=1597> (дата обращения: 21.07.2021).

Всего было проанализировано 41 сообщение за 2020–2021 гг. Из 26 тем, посвященных Санкт-Петербургу, в 2020 г. было проведено обсуждение по 4 темам.

Были выделены следующие категории контент-анализа:

- характеристики форума: мотивы публикации постов/комментариев, оценка персоны С. Винского, оценка форума, упоминание/сравнение с другими сетевыми площадками;
- имидж Петербурга: позитивные и негативные упоминания.

К результатам контент-анализа, представляющим ценность для проверки нашей исследовательской гипотезы, можно отнести следующие.

1. Низкая активность в обсуждении петербургской тематики. Возможно, это объясняется тем, что для русскоязычных туристов информацию о Санкт-Петербурге не сложно найти в сети и потому нет необходимости делать запрос или советоваться на Форуме. Другой причиной может быть то, что Форум изначально создавался для обсуждения путешествий в другие, в особенности экзотические страны.

2. Не подтвердилась оценка комментариев на Форуме как недружелюбных к посетителям. Незначительные в общем числе негативные комментарии можно объяснить консервативностью среды пользователей Форума, не принимающей новичков. На вопросы, заданные бывальными участниками Форума, негативная реакция отсутствует. Сам функционал площадки выстраивает определенную иерархию: в информации о каждом пользователе указывается дата регистрации на площадке, количество сообщений, благодарностей, количество стран (от этой цифры присваивается ранг – «новичок», «старожил», «почетный путешественник» и др.), социально-демографические характеристики (пол, возраст, город проживания).

3) Используемый в разных тематических ветках Форума коммуникационный стиль сходен: в своем большинстве ответы на вопросы пользователей излагаются коротко, по существу, иногда на грани вежливости и раздражения. Могут вспыхивать небольшие споры или даже ссоры. Стиль общения задает создатель и главный руководитель Форума – Сергей Винский. Приведем ссылки на два его недавних объявления, выставленных для всех участников. Фейковые и нарисованные ПЦР-тесты – официальная позиция Винского» 11.01.21¹⁷⁸ или «Как сейчас попасть в Европу. Тезисно и кратко» 01.03.2021¹⁷⁹. Эмоциональная подача информации выполнена хлестко и авторитарно.

Заключение

Таким образом, эмпирическая проверка гипотезы, что туристические онлайн-сообщества и блогеры создают новое политическое интернет-пространство, создает основание для интерпретации их деятельности с использованием понятия «мягкой силы». Активность индивидуальных путешественников и блогеров раскрывает их как агентов политического влияния. Функционально блогеры действуют аналогично новым медиа: регулярно и методично готовят авторский контент для конкретных рубрик, вырабатывают особый стиль подачи материалов (текстовых и визуальных), строго следуя выбранной тематике, фильтруют «неформатные» сообщения, в особенности рекламного характера, уделяют особое внимание оформлению страницы, активно следят за реакцией и предложениями читателей, откликаются на события и новую информацию. Их статус влиятельных акторов подтверждается не только постоянным увеличением числа

¹⁷⁸ Пример объявления руководителя Форума. – URL: [https://vk.com/away.php?to=http %3A %2F %2Fforum.awd.ru %2Fviewtopic.php %3Ff %3D613 %26t %3D397208](https://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Fforum.awd.ru%2Fviewtopic.php%3Ff%3D613%26t%3D397208) (дата обращения: 21.07.2021).

¹⁷⁹ Пример объявления руководителя Форума. – URL: <https://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=613&t=398497> (дата обращения: 21.07.2021).

подписчиков, но и приглашениями в блогерские туры, на презентации и мероприятия, организованные городскими туристическими службами, вниманием со стороны других блогеров и представителей СМИ. И хотя в своих интервью наши респонденты не всегда признают свою влиятельность, можно утверждать, что они действуют как лидеры общественного мнения. Анализ проведенного опроса пользователей туристических сайтов раскрывает принципы взаимодействия между сетевыми акторами: они не представляют собой сплоченного сообщества, динамика передвижения пользователей из одной сети в другую очень высока. Вместе с тем именно инфлюенсеры выступают точками «стягивания» пользователей. И хотя пока преждевременно говорить о политической самоидентификации цифровых акторов, осознании ими степени своего политического влияния и понимании своего места в развитии международного сотрудничества, деятельность туристических сообществ в интернет, на наш взгляд, можно интерпретировать как форму народной, или публичной, дипломатии.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, кандидату философских наук, доценту Казариновой Н.В., руководителю ООО «Турклуб ПИК» Афанасьеву В.В.

Список литературы

1. Вебер М. 2017. Власть и политика. М., Рипол Классик, 432 с.
2. Гнидина Ю.А. 2010. Субъектность личности как условие развития государства и гражданского общества. Балашиха, Ин-т социально-экономического прогнозирования и моделирования, Де-По, 192 с.
3. Гомеров И.Н. 2011. Политическая субъектность в структуре политических отношений: теория и российские реалии. Новосибирск, Новосиб. гос. ун-т, 885 с.
4. Гомеров И.Н. 2015. Субъект как смысловое ядро политической субъектности. Развитие территорий, 3: 51–62.
5. Кастельс М. 2020. Власть коммуникации. Пер. с англ. Под науч. ред. А.И. Черных. М., Изд. дом ВШЭ, 564 с.
6. Лебедева М.М. 2017. «Мягкая сила»: понятие и подходы. Вестник МГИМО-Университета. 3 (54): С. 212–223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.
7. Най Джозеф С. 2006. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике; перевод В.И. Супруна. Новосибирск, М., Фонд Социо-прогностических исследований «Тренды», 221 с.
8. Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: коллектив. монография. 2020. 4-е изд. Под ред. Е.Г. Борисовой. М., ФЛИНТА, 184 с.
9. Soft power: теория, ресурсы, дискурс. 2015. Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, Издательский Дом «Дискурс-Пи», 376 с.
10. Першуткин С.Н. 2014. Субъект и субъектность в контексте политических коммуникаций. Коммуникология: теория и методология, 3: 79–93.
11. Чугунова А.А. 2019. Турист как СМИ: новый вызов профессиональным коммуникаторам в цифровую эпоху. Сборник XVI Всероссийской научной конференции «ИНФОРМАЦИЯ – КОММУНИКАЦИЯ – ОБЩЕСТВО». СПб: ЛЭТИ, 383–389.
12. Шеляпин Ф.И. 2008. Политическая субъектность в современном политическом развитии: теоретико-концептуальный характер : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. М., 30 с.
13. Gavra D., Dekalov V., Naumenko K. 2020. Digital Subjects as New Power Actors: A Critical View on Political, Media-, and Digital Spaces Intersection. In: Kotenko I., Badica C., Desnitsky V., El Baz D., Ivanovic M. (eds) Intelligent Distributed Computing XIII. IDC 2019. Studies in Computational Intelligence, vol 868. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-32258-8_28.
14. Gavra D., Dekalov V. 2019. Networked Society and its New Power Actors: Critical Analysis of Hardware, Software, and Communicative Level of Digital Space. IEEE Communication

Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS. Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc.: 70–75.

15. Jafari J., Xiao H. (eds.). 2015. Encyclopedia of Tourism. Springer International Publishing Switzerland. DOI 10.1007/978-3-319-01669-6_184-1.

16. Nye Joseph S., Keohane Robert O. 1971. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. International Organization, vol. 25, no. 3, JSTOR: 329–349.

17. Nye Joseph S. 1990. Bound To Lead: The Changing Nature Of American Power. Basic Books, 307 p.

References

1. Veber M. 2017. Vlast i politika [Power and Politics]. M., Ripol Klassic, 432 p.

2. Gnidina J.A. 2010. Subektnost lichnosti kak uslovie razvitiya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva [Personality subjectivity as a condition for the development of the state and civil society]. Balashikha, Institut Socialnoekonomicheskogo prognozirovaniya i modelirovaniya De-Po, 192 p.

3. Gomerov I.N. 2011. Politicheskaja subektnost v strukture politicheskikh otnoshenij teorija i rossijskie realii novosibirsk [Political subjectness in the structure of political relations: theory and Russian realities]. Novosibirsk, Novosibirsk State University, 885 p.

4. Gomerov I.N. 2015. Subekt kak smyslovoe jadro politicheskoy subektnosti [Subject as the sustained kingdom of political subjectivity]. Razvitie territorij, 3. P. 51–62.

5. Castells M. 2009. Vlast' kommunikacii [Communication power]. New York, Oxford University Press, 571 p.

6. Lebedeva M.M. 2017. «Myagkaya sila»: ponyatie i podhody [«Soft power»: concept and approaches]. MGIMO Review of International Relations. 3 (54): P. 212–223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.

7. Nai Dzhozef S. 2006. Gibkaya vlast': kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike [Bound To Lead: The Changing Nature Of American Power]; perevod V.I. Supruna. Novosibirsk, M., Fond Sotsio-prognosticheskikh issledovanii «Trendy». 221 p.

8. Soft Power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdisciplinarnyj analiz [Soft Power, Soft Strength, Soft Authority. Interdisciplinary analysis]. 4th ed. 2020. Ed. by E.G. Borisova. Moscow: FLINTA, 184 p.

9. Soft power: teoriya, resursy, diskurs [Soft power: theory, resources, discourse]. 2015. Ed. by O.F. Rusakova. Yekaterinburg: Publishing House «Discourse-PI», 376 p.

10. Pershutkin S.N. 2014. Subekt i subektnost v kontekste politicheskikh kommunikacij [Subject and Subjectivity in the Context of Political Communications]. Kommunikologija teorija i metodologija, 3. P. 79–93.

11. Chugunova A.A. 2019. Turist kak SMI: novyj vyzov professionalnym kommunikatoram v cifrovuju jepohu [Travellers as a new media: a new challenge to professional communicators in a digital epoch]. Conference proceedings Information-Communication-Society. Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»: 383–389.

12. Shelyapin F.I. 2008. Politicheskaja subektnost v sovremennom politicheskom razvitiit teoretikokonceptualnyj harakter [Political subjectivity in modern political development: theoretical and conceptual character]: autoref. dissertation. Candidate of political sciences: 23.00.01. Moscow. P. 30.

13. Gavra D., Dekalov V., Naumenko K. 2020. Digital Subjects as New Power Actors: A Critical View on Political, Media-, and Digital Spaces Intersection. In: Kotenko I., Badica C., Desnitsky V., El Baz D., Ivanovic M. (eds) Intelligent Distributed Computing XIII. IDC 2019. Studies in Computational Intelligence, vol 868. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-32258-8_28.

14. Gavra D., Dekalov V. 2019. Networked Society and its New Power Actors: Critical Analysis of Hardware, Software, and Communicative Level of Digital Space. IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS. Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc.: 70–75.

15. Jafari J., Xiao H. (eds.). 2015. Encyclopedia of Tourism. Springer International Publishing Switzerland. DOI 10.1007/978-3-319-01669-6_184-1.

16. Nye Joseph S., Keohane Robert O. 1971. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. International Organization, vol. 25, no. 3, JSTOR: 329–349.

17. Nye Joseph S. 1990. Bound To Lead: The Changing Nature Of American Power. Basic Books, 307 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чугунова Анна Алексеевна, аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Chugunova, postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI», St. Petersburg, Russia